

B.400/92
63.3(2)
B748

**Вопросы отечественной
и зарубежной истории,
политологии, теологии,
образования**

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

Вопросы отечественной
и зарубежной истории, политологии,
теологии, образования

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

B. 400192

Ярославль
2011

**БИБЛИОТЕКА
ЯРОСЛАВСКОГО
ПЕДУНИВЕРСИТЕТА**

ББК 63.(2) Я434+63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
В 748

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

В 748 Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. – 352 с.

ISBN 978-5-87555-675-3

В данном сборнике опубликованы тексты докладов ежегодной научной конференции «Чтения Ушинского» за 2011 год, сгруппированные по кафедрально-тематическому принципу. Они отражают результаты преимущественно инициативных научных исследований преподавателей кафедр всеобщей истории, отечественной истории, политологии и социологии, теории и методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, теологии, иностранных языков и методики преподавания.

УДК 930, 930: 372.8, 93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
ББК 63.(2) Я434+63.3(0) Я 434

Редколлегия: М. В. Новиков, профессор, доктор ист. наук (отв. ред.),
Г. Н. Кочешков, профессор, доктор ист. наук,
А. Б. Соколов, профессор, доктор ист. наук,
А. С. Ходнев, профессор, доктор ист. наук,
Е. Е. Лях, доцент, кандидат ист. наук (отв. ред.),
А. М. Ермаков, доцент, кандидат ист. наук

ISBN 978-5-87555-675-3

© ГОУ ВПО «Ярославский государствен-
ный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», 2011
© Авторы материалов, 2011

Е. Е. Лях**Религия дописьменного человечества:
проблема интерпретации**

Проблема реконструкции, а следовательно, интерпретации религиозных взглядов дописьменного человечества не имеет до сих пор однозначного решения. Дело не только в отсутствии письменных текстов (они появляются только в III тыс. до н.э.), в малом количестве вещественных источников, но и в принципиально различном осмыслении находок. «Ученый обычно сталкивается либо с отсутствием неопровержимых документов, либо с семантической закрытостью тех из них, чья подлинность не вызывает сомнения», - пишет известный религиовед М. Элиаде [7, с. 25].

Традиционной для большинства исследований, изучающих духовную жизнь дописьменного человечества, является утверждение о том, что человек обожествлял или одухотворял окружающую его природу, поэтому первыми формами религиозных верований были анимизм, тотемизм, фетишизм и магия. Теоретической основой такой интерпретации было представление о том, что религию дописьменного человечества можно реконструировать по аналогии с современными «примитивными», внеписьменными народами. Одним из первых эту точку зрения высказал в 1871 г. английский исследователь Джон Леббок в статье «Общественное и религиозное состояние низших рас». Он писал: «Изучая современных дикарей, мы можем получить правильное представление о человеке в древнейшую эпоху» [3].

Исходя из мнения о том, что бытие определяет сознание, предполагалось, что так как материальные условия жизни внеписьменных и дописьменных народов схожи (отсутствие письменности, государства, примитивные орудия труда и т.д.), то во многом похож и духовный мир, религиозные верования этих народов. Подобную точку зрения можно найти в последней работе «История веры и религиозных идей» одного из известнейших современных религиоведов М. Элиаде: «При всех различиях между современными арктическими охотниками и охотниками палеолита у них, в сущности, одна и та же хозяйственная деятельность, и вполне возможно, одна и та же религиозная идеология, специфически характерная для охотничьих цивилизаций. Следовательно,

сравнение доисторических материалов с этнологическими фактами оправдано», – делает он вывод [7, с. 26]. Поэтому религиозные представления современных внеписьменных народов, охарактеризованные как анимизм, тотемизм, фетишизм, были экстраполированы на религию дописьменного человечества.

Однако с такой экстраполяцией были согласны не все исследователи. Виднейшие датские и немецкие антропологи середины XX в. Иоанн Марингер, Георг Крафт, Карл Нарр подчеркивали важнейшее отличие древнейшего дописьменного человека от внеписьменного. «Древнейший человек из-за его творческих разработок, которые были поистине совершенно новаторскими, существенно опережает интеллектуально современного нам дикаря» [3].

«Совершенно разный тип сознания должен быть у человека, который изобрел все, пусть медленно, на протяжении сотен тысяч лет, и человека, который отказывается от изобретений и продолжает жить в мире, из которого остальное человечество ушло десятки тысяч лет назад. Древнейший человек с его творчеством и интеллектом поистине не только культурно и религиозно отличается от примитивных народов, но и опережает их», – подчеркивает другой современный религиовед, профессор А.Б. Зубов [3]. Сторонники данной точки зрения считают, что такими понятиями, как анимизм, тотемизм, фетишизм, можно охарактеризовать религию примитивных народов, но неизвестно, существовали ли эти феномены у дописьменного человека. Таким образом ставится под сомнение сам принцип реконструкции религии дописьменных народов.

Как же предлагают представители этого второго направления интерпретировать религию дописьменного человека? Свои выводы они основывают на нескольких важных положениях.

1. Грубость и примитивность первых орудий труда дописьменного человека «вовсе не свидетельствуют о грубости и примитивности его разума» [3]. Крайне медленные темпы, какими развивались технологии, не подразумевают такую же замедленность в развитии интеллекта. «Известно, что стремительный взлет техники в последние два столетия не отразился принципиальным образом на интеллекте западного человека», – отмечает М. Элиаде [7, с. 12].

2. Палеоантропы являются полноценными людьми (т.е. развитое сознание, интеллект, воображение) со своим набором верований, поскольку опыт «священного» входит в саму структуру сознания.

3. Интерпретация их религиозных представлений должна проводиться исходя из их собственных памятников. Допустимо проведение аналогий с более поздними народами, причем не толь-

ко с внеписьменными, но в первую очередь с представителями цивилизаций древнего мира.

Кроме общих принципов реконструкции религиозных взглядов дописьменного человека, проблема интерпретации касается и конкретных понятий, в которых выражается эта религия, – анимизма, тотемизма, фетишизма. С точки зрения ряда исследователей, эти понятия требуют серьезных уточнений.

Анимизм происходит от латинского *anima* – душа. Традиционное определение этого понятия можно найти в большинстве исследований по истории религиозных верований дописьменного человека. Анимизм – это «вера в сверхъестественные существа, заключенные в какое-либо тело (души) или действующие самостоятельно (духи)» [4, с. 111; 2, с. 120]. Наибольшее внимание этому понятию уделил английский исследователь Э. Тайлор. Он определял анимизм как «глубоко присущее человеку учение о духовных существах» [6, с. 211]. Э. Тайлор считал анимизм «первоначальным минимумом религий», из которого впоследствии родились политеизм и монотеизм.

Первым среди этнологов и религиоведов точку зрения Э. Тайлора опровергли исследователи Э. Лэнг и В. Шмидт. В своих работах, основанных на огромном этнографическом материале, собранном самими авторами, они показали, что первоначальной верой человека был монотеизм. Э. Лэнг подчеркивал, что монотеизм не является результатом поздних заимствований, т.к. не имеет широкого распространения. Напротив, это тайное учение, которое скрывают от женщин, детей и непосвященных белых людей. В то же время исследователи не обнаружили народов, находящихся на уровне анимизма и тотемизма. Поэтому они делают вывод о том, что анимизм, тотемизм, фетишизм – это поздние, вторичные явления деградации, когда происходило забвение Бога – Творца [3]. Выводы Э. Лэнга и В. Шмидта были в дальнейшем подтверждены такими исследователями, как Э.Э. Эванс-Притчад и Р.С. Рэттрэм. Сейчас многие современные исследователи считают анимизм чисто научной гипотезой, не отражающей действительный религиозный мир как дописьменных, так и современных внеписьменных народов.

Другой формой религиозных верований дописьменного человечества традиционно считается фетишизм. Термин происходит от португальского *facticus* – магический, искусный [3]. Отечественный исследователь С.А. Токарев определяет фетишизм как «религиозное почитание неодушевленных материальных предметов, которым приписываются сверхъестественные свойства» [5, с. 34]. «Верой в сверхъестественные свойства неодушевленных

предметов» называют фетишизм авторы «Истории первобытного общества» А. Першиц, А. Монгайт, В. Алексеев [4, с. 111]. Термином фетишизм португальские мореплаватели XVI–XVII вв. именовали многочисленные предметы, использовавшиеся африканцами в их религиозной жизни. «Будучи христианами, португальцы видели в африканцах примитивных идолопоклонников, боготворящих изделия своих рук», - пишет А.Б. Зубов [3]. О. Конт видел в фетишизме первоначальную форму любой религии. Но уже в конце XIX в. этнологи, непосредственно жившие среди примитивных племен, пришли к выводам, что «дикари» «поклоняются не материальным предмету, а находящейся в этих предметах духовной силе, причем за каждым фетишем стоит определенный дух, поселенный в предмет колдуном или вселившийся сам» [3]. Таким образом, в определении понятия «фетишизм» происходит принципиальное смещение акцентов с почитания материального предмета самого по себе на поклонение духу, пребывающему в нем. Фетишизм является следствием анимизма и так же, как и анимизм, не может характеризовать первоначальный этап религиозного развития, а «отражает духовное состояние сообщества, забывшего Бога-Творца и живущего в мире духов» [3].

Еще одной формой религии дописьменных и внеписьменных народов традиционно считается тотемизм – «вера в существование тесной связи между родовой группой и определенным видом животных, растений, предметов» [4, с. 111]. С.А. Токарев полагает, что одной из основ тотемизма стало «перенесение кровнородственных отношений между людьми на внешний мир» [5, с. 37]. Животные, растения стали восприниматься как предки той или иной группы людей. Тотемы считаются создателями обрядов, различных запретов, которые продолжают соблюдать люди. Э. Тайлор рассматривал тотемизм как одну из ранних форм анимизма, Г. Спенсер полагал, что тотемизм – это способ религиозного освящения социальной действительности. В качестве тотема выступают экономически важные для жизни людей животные или растения, являющиеся главным объектом питания племени.

В начале XX в. американский исследователь А. Гольденвейзер в статье «Тотемизм: аналитическое исследование» подверг критике эти мнения, показав, что почитание тотема не связано ни с границами клана, ни с употребляемой пищей. Альтернативное понимание сущности тотема и тотемизма предложили в 1960–1970-х гг. такие исследователи, как Е.А. Вормс, Р.М. Брендтом, А.Л. Элкин, К.П. Моунтфордт. На основании изучения аборигенов Австралии они пришли к следующим выводам.

Многочисленные могущественные существа, которых австралийцы именуют тотемами, вышли из вечности, когда началось время и бытие. До этого момента земля была пуста, не было ни солнца, ни звезд, ни воды. Существа были как мужского, так и женского пола, имели различный облик – некоторые напоминали определенные породы животных, другие были подобны людям. Они сформировали леса, реки, светила, животных своих пород, растений, вырастили людей, которые до их появления лежали нерасчлененной массой зародышей. Они совершили различные поступки, как героические, так и безнравственные. Они страдали, болели, но не умирали. Но тотемы не создали мир и человека, люди не являются их потомками. Предки только обустроили мир и привели человека в его современное состояние.

Потом «предки» ушли в инобытие, некоторые из них превратились в скалы, ручьи. Места их входа в мир или ухода из него почитаются как священные. В этих местах свершаются ритуалы, связанные чаще всего не с земной жизнью, а с инобытием. Уход тотемов из этого мира совпал с вхождением в мир смерти, она появилась из-за неправильных действий или людей, или предков. Каждый человек получает от «предков» - тотемов свою вторую душу, которая после смерти возвращается к тотему, давшему ее. Аборигены Австралии знают, что за «предками» - тотемами стоит некая безымянная Сила, способная наказать их за неблагоприятные дела [3].

Таким образом, согласно альтернативной трактовке, тотемы это не просто животные, являющиеся главным объектом экономического интереса племени. По мнению самих представителей «примитивных» народов, это сверхъестественные существа, сформировавшие мир. Они сыграли важную роль в жизни людей, но тотемы не являются непосредственно создателями природы, и от них не произошли люди.

Достаточно категорично о традиционном понимании ранних форм религии высказались крупнейший исследователь неписьменных народов Э.Э. Эванс-Пригчат. «Широкая публика возможно и не ведаёт, что большая часть написанного в прошлом, часто с горячей убежденностью, и то, что до сих пор учат в наших школах и университетах об анимизме, тотемизме, магии и тому подобному, в действительности неверно или, по крайней мере, сомнительно». Его коллега Э. Парриндер добавлял, что, как правило, теоретики «примитивных верований» никогда не выезжали из Европы и нередко, подобно сэру Джеймсу Фрезеру, испытывали отвращение от одной мысли о возможности встречи лицом к лицу с объектом своих исследований. «Большинство ученых девятнадца-

того века, заложивших основы антропологии, были исключительно кабинетными мыслителями. Если бы они провели хоть несколько недель среди людей, о которых писали, их методики и выводы претерпели бы немалые изменения» [3].

Возникает закономерный вопрос – почему исследователи предлагают столь различные трактовки не только религиозных представлений дописьменного человека, но и религии современных примитивных народов? Причина различных объяснений не только в семантической закрытости памятников религиозной жизни, не только в тенденциозном подходе при интерпретации фактов (желание найти безрелигиозный период в истории человека, показать временный характер религии как одного из этапов развития человечества и др.), но и «неразговорчивость» самих «дикарей», скрывающих все, что относится к сфере священного [3].

В этой ситуации «иные ученые предпочитают вообще не рассуждать о духовной жизни эпохи палеолита... Такая радикальная методологическая позиция чревата своими опасностями. Объявление белым пятном громадной области в истории человеческого разума может привести к выводу, что на протяжении всех этих тысячелетий деятельность разума ограничивалась сохранением и передачей технологии. Такое мнение не просто ошибочно – оно фатально для познания человека. Homo faber был в то же самое время homo ludens, sapiens и religiosus» [7, с. 17-18].

Библиографический список

1. Алексеев, В.П., Першиц, А.И. История первобытного общества [Текст] / Владимир Алексеев, Абрам Першиц - М.: Высшая школа, 1990. - 238 с.

2. Горемыкина, В.И. История первобытного общества [Текст] / Вера Горемыкина. — Минск.: Высшая школа, 1973. - 124 с.

3. Зубов, А.Б. История религий [Электронный ресурс] / А. Зубов - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Zubov/Index.php. Время обращения 31. 01 2011.

4. Першиц, А.И., Монгайт, А.Л., Алексеев, В.П. История первобытного общества [Текст].- М.: Высшая школа, 1982. – 251 с.

5. Токарев, С.А. Ранние формы религии [Текст] / Сергей Александрович Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.

6. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура [Текст] / Эдуард Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

7. Элиаде, М. История веры и религиозных идей. [Текст]: от каменного века до элевсинских мистерий / Мирча Элиаде. – М.: Академический проект, 2009. – 622 с.

Н. А. Поликарпова

Представления о смерти в эпоху ранней Римской империи: женский опыт

Гендер, как современный исторический концепт, определяет социокультурные различия «мужского» и «женского», создающиеся в сознании индивидов в процессе человеческого взаимодействия [11, с. 17], позволяет обнаружить особенности выстраивания стереотипов, формирования ценностей, норм, моделей поведения, способов самоидентификации и вариантов репрезентации лиц определенного пола в пределах конкретного пространственно-временного континуума.

В истории Древнеримского общества, являвшегося объединением с мужским доминированием, бинарная конструкция «мужчина-женщина» никогда не находилась в состоянии равновесия. Размежевание полов проявлялось в сегрегации пространства и сфер деятельности, оно обуславливало «инаковость» черт характера, внутренних качеств личности и приводило в конечном итоге к складыванию представлений об амбивалентных категориях «мужественности» и «женственности».

В этой связи восприятие картины мира, куда, безусловно, включены представления о смерти, глазами мужской части общества должно было отличаться от женского. Нами будет предпринята попытка определить, какое влияние оказывала категория гендера на отношение к смерти гораздо менее изученной части римского социума эпохи принципата – женской.

Влияние гендерных характеристик ощущалось уже с момента появления младенца на свет, поскольку столь глубокое разделение социального мира на мужчин и женщин неизбежно приводило (с минуты, когда пол ребенка был опознан) к активизации процесса «создания гендера» [6, с. 189]. Он мог осуществляться посредством широко распространенного права домовладыки распоряжаться жизнью и смертью своих новорожденных детей. При этом решение умертвить младенца далеко не всегда зависело от состояния его здоровья: от ребенка, чаще всего девочки, отказывались (что было равносильно смерти) из чисто экономических соображений, поскольку будущая женщина не охраняла границ государства, не представляла ценности как рабочая сила в хозяйстве [2, с. 179].

Представление об изначальном неравенстве полов закрепило подчиненное положение женщины, позволяя конструировать слабо инвертируемые гендерные роли, ограничивая правовые и функциональные возможности римлянки. По свидетельствам Светония, жизнь женщины, даже знатной и приближенной к власти, вряд ли могла считаться устойчивой и стабильной. Так, свою первую жену – Октавию – Нерон несколько раз пытался удавить, вторую же – Поппею – «убил, ударив ногой, больную и беременную» [12, VI, 35].

Во времена правления императора Тиберия (14–37 гг. н.э.), когда, как свидетельствует Светоний, «ни дня не проходило без казни», жертвами нередко были женщины и дети, а девственниц перед казнью растлевал палач [12, III, 61].

Как видно, женщины, не являвшиеся полноправными гражданами Империи, часто становились жертвами насилия и надругательства, и даже закон не защищал их от подобных опасностей. Более того, изнасилованная дочь, превращавшаяся в несмыслимый позор для семьи, не только не могла найти психологической поддержки от родных – желание избавиться от кривотолков и пересудов стоило дороже жизни «падшей» женщины, поэтому отец мог лишить свою дочь жизни. Расправу родителя над дочерью, что «без жалоб стерпела насилье» [8, IV, 233], описывает Овидий [8, IV, 237–244]. Однако самосуд, берущий начало в обычном праве, был во времена Империи строго регламентирован: смерть применялась лишь к лицам, застигнутым на месте преступления [5, с. 53].

Лишение невинности, даже не носящее признаков насильственности, имело особенно тяжелые последствия для жриц-весталок, которые «благодаря своему культовому статусу и его социальным соответствиям являлись воплощением всех половых и возрастных категорий римлян: дев, женщин, детей и даже мужчин» [14, с. 53], то есть, своего рода эталоном общества. Поэтому они обязаны были поддерживать сконструированный образ, оправдывать общественные ожидания путем соблюдения разного рода ограничений и правил, нарушение которых каралось погребением заживо. Особенно кощунственным в этой связи выглядит поступок Нерона, изнасиловавшего весталку Рубрию [12, VI, 28].

Таким образом, наказание жертвы изнасилования смертью отвергало любую надежду женщины на защиту и понимание и в еще большей степени убеждало римлянку в своей бесправности, вторичности.

Контроль над женской сексуальностью как один из вариантов поддержания гендерной асимметрии [10, с. 15] также накладывал свои отпечатки на представления о смерти. В древнеримском обществе существовало мнение о том, что похоть является следствием истерии – недуга, вызываемого не расстройством психики, а болезнью матки. Ввиду ошибочного мнения о месте локализации болезни, ее первопричине и последствиях, неверными были и методы лечения, которые провоцировали благопристойных женщин предпочесть смерть позору [7, XI, 71].

Поскольку, как считали сатирики, порядочных женщин в эпоху принципата было немного, то данный факт считался, так же как и распространение проституции, прямым признаком падения нравов. Существование особого рода проституток – кладбищенских, бродивших среди расположенных вдоль дорог могил в поисках клиентов, свидетельствует об изменении восприятия смерти. Новое восприятие больше не элиминировало предметы вещного мира, касавшихся кончины, и располагавшиеся ранее далеко за пределами городской черты, вне поля зрения людей.

Стремление римлянок компенсировать приписываемую им обществом социальную «ущербность» приводило к смещению гендерной идентичности, выразившейся в проявлении женщиной «мужских» качеств, к примеру, жестокости, демонстрации своей власти и влияния через притеснение и уничтожение тех, кто стоял ниже их в социальной иерархии – зависимых лиц, рабов, рабынь [7, VI, 217–222].

При этом с течением времени жестокость знатных римлянок по отношению к своим прислужницам достигла таких колоссальных размеров, что один из консулов выпустил особое постановление, согласно которому в случае смерти рабыни от руки хозяйки последняя подвергалась ссылке сроком от пяти до семи лет [1].

Известно, что римлянки были не только жестоки, но и мстительны. Если, по данным древнейшего римского законодательства, кровная месть являлась одним из столпов, на которых основывался маскулинный универсум римской цивилизации, то литературное творчество фиксирует и женский опыт в данной сфере [8, VI, 641–647].

Более того, в эпоху принципата, когда кровная месть уже была рудиментирована, ее проявления стали восприниматься как «наслаждение души незначительной, слабой и низкой», то есть не мужской, поэтому, по мнению сатириков, «никто не бывает так отмищению рад, как женщины» [15, XIII, 189–192].

Нежелание мириться с существующим положением вещей и жесткой регламентацией жизни проявлялось также в попытках римлянок узурпировать законодательно закрепленное за мужчиной право наказывать смертью членов своей семьи. По свидетельствам римских авторов, ради избавления от тяготивших рамок семьи и быта многие женщины, даже ценой собственной жизни, были готовы в «вино подмешать для мужа отраву из жабы» [15, I, 68–72] или ядом детей отравить за обедом [15, VI, 639–642].

Однако наряду с римлянками, презревшими, по мнению сатириков, все моральные устои, существовала и другая категория женщин, которая жила в соответствии со старыми республиканскими нормами и традициями. Такие римлянки отличались меньшей степенью самостоятельности, демонстрируя «истинно женские» качества – зависимость от мужчины, несамостоятельность действий и суждений. Но и такая модель поведения не ограждала женщин от преждевременной смерти. В случае гибели супруга женщина не могла пойти вразрез с внутренними принципами и, как правило, сохраняла свою преданность мужу до конца, лишая себя жизни [8, XI, 695–707, 15, I, 42]. По свидетельствам Тацита, «в страшное время проскрипций и императорского произвола некоторые женщины оставались непоколебимо верны своим мужьям, шли за ними в ссылку и на смерть и умели умирать, соединяя героическое мужество с самозабвенной нежностью любящего женского сердца. При императоре Тиберии Секстия жена Мамерка Скавра, которому грозил смертный приговор, уговорила его покончить с собой и умерла вместе с ним; Паксея, жена Помпония Лабеоны, перерезавшего себе вены, последовала его примеру. Когда Сенеке был прислан смертный приговор, его молодая жена Павлина потребовала вскрыть вены и ей, и осталась жива только потому, что Нерон приказал перевязать ей раны и остановить кровь» [13, с. 192–193].

При всех статусных, социальных, психологических различиях представительниц имперского общества основным назначением женщины в Древнем Риме оставалось продолжение рода. Но процесс деторождения таил опасность для жизни и здоровья римлянки, так как использовавшиеся методы врачевания не позволяли надеяться на стабильные положительные результаты без нанесения вреда женскому организму [15, II, 137–142]. Согласно исследованиям, «от пяти до десяти процентов беременностей заканчивалось смертью матери либо во время родов, либо после» [4, с. 312]. Смертность была частым явлением среди древнеримских женщин еще и по причине неудачных аборт [9, I, 617–624; 15, I, 34], и в результате попыток предотвратить беременность. Известно, что в

некоторых случаях в качестве средства контрацепции использовали ядовитое растение чемерицу, хотя всем были известны побочные эффекты, нередко приводившие к летальному исходу [4, с. 322-323], то есть женская фертильность способствовала формированию особого представления римлянок о смерти, повышала уровень тревожности за свою жизнь.

Однако влияние гендерных различий на представления женщин о смерти не было безгранично: оно нивелировалось перед лицом глобальных опасностей, природных катаклизмов и несчастных случаев. Теснота городских улиц, скученность построек, особенно в пределах центра, множили число непреднамеренных убийств [3, IX, II, 8; XVIII, 31], способствовали распространению пожаров [12, II, 28], эпидемий чумы [8, VII, 606–613], от которых в одинаковой степени страдали и мужчины, и женщины. Тем не менее, число ситуаций, где роль гендерных характеристик не являлась преобладающей, было невелико.

Таким образом, значение гендера в жестко регламентированных условиях жизни древнеримского общества было чрезвычайно высоко. Умело формируемые андроцентрическим обществом представления о женщине как о бесправном, зависимом существе, ограниченном в самореализации рамками семьи и быта, были довольно устойчивы, а значит, римлянки были менее защищены от физического воздействия разного рода со стороны мужской части социума. Кроме того, физиологические особенности женщины, ее «запрограммированность» обществом на исполнение функции деторождения, установленная цикличность жизни – накладывали свои отпечатки на восприятие смерти жительницами Древнего Рима.

Библиографический список

1. Бертрам, Д.Г. История розги. - М., 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/bertr/01.php. Дата обращения 02. 03. 2011.
2. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима [Текст] / — М., 1988. - 314 с.
3. Дигесты Юстиниана/ Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана [Текст] / - М., 1997. - 137 с.
4. История женщин на Западе: в 5 т. Т. I: От древних богинь до христианских святых [Текст] / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. П. Шмитт Пантель. — СПб., 2005. - 215 с.

5. Культура Древнего Рима: в 2 т. Т.2. [Текст] / под ред. Е.С. Голубцовой. - М., 1985. - 415 с.
6. Лорбер, Дж., Фаррелл, С. Принципы гендерного конструирования [Текст] // Хрестоматия феминистских текстов. - СПб., 2000. - С.187-193.
7. Марциал Валерий Марк. Эпиграммы [Текст] / пер. Ф. А. Петровского. - М., 1968. - 194 с.
8. Овидий. Метаморфозы [Текст] / Овидий. - М., 1977. - 164 с.
9. Овидий. Фасты /Собрание сочинений в 2 т. Т.2: Метаморфозы. Фасты. [Текст] / - СПб., 1994. - 295 с.
10. Репина, Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы// Адам и Ева. Альманах гендерной истории [Текст]/ под ред. Л.П. Репиной. - М., 2003. - 174 с.
11. Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия [Текст]. - М., 2002. - 295 с.
12. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. [Текст] / - М., 1990. - 163 с.
13. Сергеевко, М.Е. Жизнь Древнего Рима: очерки быта [Текст] / - М., 1964. - 174 с.
14. Смирнова, О.П. Культ Весты в римском обществе: зеркало и модель [Текст] // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. - М., 2003. - № 6. - С.32-54.
15. Ювенал. Сатиры [Текст]/ пер. Недовича и Петровского. - М., 1937. - 294 с.

УДК 94 (37)

А. А. Бутин

**Сакральное время и сакральное пространство
в коллективном сознании римлян эпохи ранней империи
(по произведениям Корнелия Тацита)**

Изучая картину мира древних римлян, следует развести понятия «мифологического» и «сакрального» времени и пространства. Мифологическое – это время и пространство мифа, прошлые, доисторические времена, а сакральное – это время и пространство священнодействий. Последнее в основном относится к настоящему, хотя корни сакральных традиций уходят в прошлое. При этом сакральное время становится попыткой восстановления мифологического времени, придавая религии древних римлян ореол консервативности. Сакральное время, принимая качества мифологическо-

го, осмысливается как циклический вид времени, обладающий способностью осуществлять прорыв во время мифологическое ради установления контакта с ним. Это происходило во время праздников, в частности, при праздновании сатурналий, на которые ссылается Тацит [4, XIII, 15]. Участники сатурналий пренебрегали словесными различиями, рабам и их хозяевам, например, было позволено даже меняться социальными ролями [3, с. 203].

Упоминаний о мифологическом времени у Тацита крайне мало, зато его обращение к другому виду времени – сакральному – встречается гораздо чаще, причем восприятие Тацитом сакрального и профанного (обыденного) времени различно, хотя обнаружение сакрального происходит благодаря тому, что оно противопоставлено профанному. Между сакральным и профанным временем существует, как пишет М. Элиаде, отношение последовательной смены друг друга: «С помощью ритуалов религиозный человек может без всякой опасности переходить от обычного течения времени к времени священному» [6, с. 283]. Кроме того, человек с религиозным сознанием испытывает потребность в периодическом погружении в «священное» время. Готовность подчинять свою жизнь божественной воле, необходимость сверять свои поступки с идеалами религиозной нравственности приводили к тому, что практические и рациональные римляне нуждались в «священном», а религиозность, входившая в их систему ценностей, превратилась в остов римской государственности, залог процветания древнеримской цивилизации. «Все римляне верили, что религия отцов, религия старинных богов Рима – опора счастья, залог превосходства Рима над другими народами» [1, с. 401]. Это тем более стало актуально при установлении режима империи, когда римляне «столкнулись с необходимостью обосновать глубокую древность и чистоту истоков своей религии, превосходство римских богов и законов» [2, с. 508].

Сакральное время является компонентом как мирного, так и военного времени. Священнодействия – неотъемлемый компонент жизни солдат на войне. Марк Антоний, к примеру, перед боем, «повернувшись к боевым значкам с изображениями богов, моллил вдохнуть бешенство и дух раздора, овладевшие его армией, в сердца неприятелей» [5, III, 10]. Молитва, таким образом, выступает здесь как трансцендентный способ защиты от вредоносных внешних сил; она наполняет божественным присутствием пространство, занятое римскими войсками, театр военных действий.

Священный контекст присутствует и во время государственного регулирования. Так, церемонию восстановления после пожара Капитолийского храма во время гражданской войны 69 г.

вели не только жрецы, но и политики (например, Тит Плавтий Сильван Элиан – один из известных государственных деятелей, который, находясь на государственной службе в 70 г. н.э., выполнял еще и обязанности понтифика). Кроме того, сам император являлся верховным понтификом (главой всех жреческих коллегий в Риме). В храме Юпитера, олицетворявшего государственную и военную мощь Рима, исстари совершались торжественные жертвоприношения в день вступления магистратов в должность. Неразрывность сакрального и государственного в сознании римлян подтверждает и факт того, что сам Тацит был членом жреческой коллегии пятнадцати мужей, которая в случае тяжелых знамений обращалась к оракулу «Сивиллиных книг» ради умилоствления богов.

В высшей степени сакральным было время основания, закладки или восстановления священного объекта (как в случае с Капитолийским храмом). В рассказе Тацита о восстановлении Капитолийского храма все описывается до мельчайших подробностей. Огромную роль здесь играют гаруспики, осуществлявшие непосредственный диалог с богами, “колдуя” над телами принесенных в жертву животных. Именно от них римляне якобы узнают, что боги не хотят изменений в форме храма, и его начинают возводить на прежнем фундаменте. Затем следует тщательно разработанная церемония священнодействий, в состав которых входят молитвы и жертвоприношения [5, IV, 53]. Претор Гельвидий Прииск во время закладки нового Капитолийского храма обращается к богам-покровителям империи, обитателям этого храма – Юпитеру, Юноне и Минерве – «моля даровать делу успех и божественной своей десницей вознести на вершину славы предназначенное для них обиталище» [5, IV, 53]. Сакральное время, таким образом, воспринималось со священным благоговением, в нем были важны все мелочи и детали.

Но все же, несмотря на свою значимость, статус сакрального времени сравнительно с Древним Востоком в Риме был ниже. Тацит часто повествует о «чудесах» и «знамениях», но около половины таких рассказов сопровождается скептическими замечаниями историка. В других случаях Тацит либо вовсе не выражает своего отношения к достоверности сообщения, либо высказывается очень осторожно и неопределенно. Он подробно говорит о «знамениях» лишь по отношению к императорам династии Флавиев, которым Тацит был обязан началом своей карьерой сенатора.

В Риме периода принципата появляются претензии на управление сакральным временем. Например, сенат постановил проводить ежегодные гадания о благе государства [4, XII, 23]. Это,

конечно, было обусловлено желанием предвидеть и скорректировать будущее своего государства – самого что ни на есть сакрального института для жителя Рима.

Сакральное пространство в римском коллективном сознании изучаемого периода концептуализировалось в образе и пространстве храма. Данное пространство четко отграничивалось от всего остального мира, что видно на примере процедуры восстановления Капитолийского храма, место возведения которого было маркировано «священными» лентами. Храм был не просто обителью бога (или богов) – он был одним из главнейших символов римского государства: сюда сдавали на хранение важные документы и деньги. Так поступал даже сам Август [4, I, 8]. Таким образом, божественная энергия храмового пространства делала его настолько защищенным от вмешательства сил зла, что позволяла использовать как безопасное хранилище государственных реликвий и ценностей.

В названиях фигурирующих у Тацита сакральных объектов обращает на себя внимание одна деталь: многие из них посвящены не просто абстрактным понятиям (как, например, храм Фортуны), но и общественным ценностям римского сознания (Атриум Свободы [5, I, 31]), храм Согласия [5, III, 68]). Это наводит на мысль о том, что римляне желали обеспечить укрепление данных аксиологических устоев в своей жизни путем подведения их под защиту сакральным пространством. Факт того, что в храме Согласия иногда заседал сенат [5, III, 68], подтверждает этот вывод. Кроме того, охранительная, оберегающая функция римского сакрального пространства следует из признания за некоторыми храмами статуса убежищ [4, III, 60].

Сакральное пространство могло постоянно расширяться. В «Анналах» Тацит упоминает об установлении священной арки по случаю возвращения значков, потерянных при гибели полководца Аррия Вара, затем повествует об открытии храма Фортуны, святилища рода Юлиев и статуи Августа, причем это делается историком вообще безо всякого указания на цели установления данных сакральных объектов. Видимо, расширение сакрального пространства было имплицитной характеристикой римского коллективного сознания. Причем большинство сакральных объектов находились на территории Рима, что, видимо, должно было укрепить его силу и мощь. Поводом к расширению сакрального пространства могла послужить любая случайность, возведенная в ранг знамения: так, статуя весталки Клавдии Кванты, установленная в храме Матери Богов, дважды «избегла пожара», поэтому в Риме решили, что «Клавдии священны, к ним благоволят божества» [4, IV, 64]. Сле-

B. 400192

довательно, место их возведения, осененное божественным присутствием, было включено в разряд священного пространства.

Сакральным центром, главным местом религиозной жизни Рима был Капитолийский холм. На одной его вершине находилась главная святыня Древнего Рима – храм Юпитеру Величайшему и Наилучшему, на другой – крепость, что и делало его не только сакральным центром, но и важным стратегическим объектом [5, I, 39]. На этом факте мы можем пронаблюдать специфическое для римского сознания семантическое наполнение категории «центр». Капитолийский холм не делает сакральным что-то, он священен сам по себе. Два главных его объекта – храм Юпитеру и крепость – являются, таким образом, двумя атрибутами римского центра мира, причем оба – с милитаристской окраской. Отсюда следует, что данное пространство рассматривалось как залог успеха римской военной машины и мощи империи. Подтверждение этого вывода находится в рассказе Тацита о разрушении Капитолийского храма: «Пожар Капитолия испугал осажденных больше, чем осаждающих... солдаты трепетали от страха; беспомощный, как бы ввалившийся в оцепенение вождь [Флавий Сабин. – А.Б.] не мог ни говорить, ни слушать, ни командовать сам, ни следовать советам других» [5, III, 73].

Повествование Тацита о восстановлении Капитолийского храма дает возможность проследить некоторые другие детали осмысления римлянами категории «центр». «Центр», как и любое сакральное пространство, замкнут в себе и отграничен от всего остального мира (вспомним «священные» ленты при его реконструкции). Участие в церемонии солдат со «счастливыми» именами («счастливыми» считались имена Victor – «Победитель», Valerius – «Здоровый» и так далее) означало восприятие «центра» как залога военной удачи. Претор молит капитолийскую триаду «вознести на вершину славы предназначенное для них обиталище» [5, IV, 53], то есть боги должны были восславить Капитолийский холм, а, следовательно, и империю. Из этого также следует, что «центр» мира – это обиталище богов. Охранительная функция «центра» проявляется в понимании его как трансцендентного «условия» воспроизводства римского народа, поэтому в церемонии обновления Капитолийского храма участвовали дети, у которых обязательно были живы оба родителя. Обращает на себя внимание и тот факт, что участники церемонии бросали в основание храма слитки золота и серебра, следовательно, энергетика «центра» должна была гарантировать материальное благополучие римлян.

Итак, сакральное пространство в древнеримском коллективном сознании обладало охранительными функциями: оно за-

щищало от преследования, оберегало собственность, подкрепляло могуществом иррациональных сил общественные и государственные ценности. Непреодолимая жажда к расширению сакральных фрагментов пространства была, по-видимому, порождена стремлением не просто обезопасить себя от опасностей «чужого мира», но и переманить на свою сторону трансцендентные силы для борьбы с ним. Сакральное время (и его образы: время постройки сакрального объекта, время молитвы) – важнейший компонент жизни любого римлянина и римского государства в целом – выступало в рассматриваемый период одним из чисто утилитарных способов укрепления мощи империи и даже достижения личной выгоды. Кроме того, сакральное время выполняло функцию своего рода «машины времени»: с помощью праздников устанавливался контакт с мифическим временем, которое воспроизводилось в сакральном. Сакральный контекст оберегал римскую государственность и поддерживал идеологию доминирования римлян в сотворенном ими мире.

Библиографический список

1. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества [Текст] / И.Г. Гердер. – М., 1977. – 704 с.
2. Зиновьев, А.В. Древние числа [Текст] / А.В. Зиновьев, А.А. Зиновьев. – Владимир, 2006. – 576 с.
3. Роббер, Ж.-Н. Рим [Текст] / Ж.-Н. Роббер. – М., 2006. – 383 с.
4. Тацит, Публий Корнелий. Анналы // Публий Корнелий Тацит. Анналы. История / пер. с латинского А.С. Боровича, ред. перевода Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко. – М., 2005. – 829 с.
5. Тацит, Публий Корнелий. История // Публий Корнелий Тацит. Анналы. История / пер. Г. С. Кнабе, ред. перевода М. Е. Грабарь-Пассек. – М., 2005. – 829 с.
6. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] // Элиаде М. Избранные труды. – М., 2000. – 312 с.

УДК 94 (4)

Ю. Е. Барлова

Человеческое сочувствие в условиях свободного рынка? Адам Смит о бедности и социальной помощи

В историографии есть проблемы не просто «недоисследованные», но и, можно сказать, не сформулированные. Среди них -

воззрения знаменитого шотландского ученого Адама Смита (1723–1790) на проблемы бедности, нищеты и социальной помощи.

Родоначальник «классической» политической экономии и автор «Исследования о природе и причинах богатства наций» не обошел своим вниманием философский и экономический антипод богатства — *бедность*, тем более что в современной ему Британии эта проблема широко и остро обсуждалась философами, политиками и моралистами, ложилась в основу памфлетов, трактатов, произведений искусства. Значительная часть главного экономического труда Смита посвящена бедности как экономической категории. Более ранняя и менее известная работа мыслителя в области этики — «Теория нравственных чувств» — освещает вопросы психологии различий между бедными и богатыми людьми, «правильное» поведение бедствующего человека и «правильное» отношение к нему окружающих [2, с. 351].

Таким образом, имеет смысл реконструировать и интерпретировать концепцию Адама Смита по вопросам бедности, нищеты и социальной помощи при *совокупном рассмотрении экономического и этического компонентов его учения.*

Обсуждение бедности в Британии XVIII в. поставило на повестку дня следующие вопросы:

1. Какова природа бедности, что отличает богатого от бедного?
2. Какими должны быть отношения между богатыми и бедными?
3. Каков моральный облик бедняка, виноват ли он в своей бедности?
4. Каково реальное положение бедных в Британии?
5. Надо ли бороться с бедностью; если да, каков должен быть характер социальной помощи?

Размышляя над первым вопросом — *какова природа бедности и богатства и что отличает богатого человека от бедного,* — Адам Смит признавал, что богатство и бедность — явления сложные, имеющие несколько ипостасей — экономическую, политическую, морально-психологическую. Экономическое измерение бедности — это ее зависимость от такой категории, как *деньги*: «мы всегда убеждаемся, что самое главное — это добыть деньги... — О богатом человеке мы говорим, что он стоит много тысяч, а про бедняка — что цена ему грош». Однако эта зависимость, по мнению Смита, была создана *искусственно*, так как «в обществах, где золото и деньги не имеют такой ценности, как в Европе, люди попросту не задумываются о проблемах богатства или бедности». Кроме того, он отмечал, что «в некоторых государствах сочтут необходимо-

стью то, что в других посчитают за роскошь – например, льняные сорочки или кожаную обувь» [1. с. 38]. Смит, таким образом, впервые признал *относительный характер* бедности, то есть связал бедность с *принятыми* в определенное время или в определенном обществе нормами и стандартами. Заметим, что большинство его современников рассматривали бедность только лишь как отсутствие элементарных средств к существованию, то есть в своем *абсолютном* значении.

С морально-этической, психологической и политической точки зрения Адам Смит сопоставлял бедность и богатство в дискурсе *власти и господства*. В это смысле бедность – это *беспомощность, подчинение и забвение*. «Бедного, – писал Смит, – никто не замечает; среди многочисленной толпы он находится в такой же безвестности, как если бы оставался в своей лачуге... Тщеславного любимца счастья приводит почти что в изумление дерзость бедняка, показывающегося ему на глаза; он боится, что *отвратительный вид бедности нарушит его счастье*» [2, с. 39].

Восхищение богатством и отвращение к бедности, считал Смит, привело современное ему общество к ассоциации богатства с *добродетелью*, даже если его носитель не столь добродетелен, а бедности – с *пороком*, даже если бедняк не порочен. В итоге «почитание знатности и богатства *подменяет* уважение к благоразумию и добродетели, а презрение к бедности и ничтожеству часто более видимо, чем отвращение к сопутствующим им пороку и невежеству» [2, с. 53].

Смит, таким образом, указал на *искусственно сконструированную связь между бедностью и социальным стыдом*. «Бедный человек, – констатировал он, – *стыдится* своей бедности. Он чувствует, что люди не будут испытывать какого-либо дружеского сочувствия к нищете и упадку, от которых он страдает». [2, с. 53] Мыслитель как бы «вскрывает» тот дискурс порочности бедняка и постыдности бедности, в котором рассуждало большинство его современников, и, в целом, осуждает подобное восприятие бедности как «искажение нравственных чувств» [2, с. 53].

Каков должен быть характер отношений между богатыми и бедными людьми? Смит отдавал себе отчет в известной доле «несправедливости», в силу которой мир принадлежит богатым и которая делает интересы бедных и богатых противоположными. «Где есть большая собственность, там есть и большое неравенство, – писал он. – Богатство немногих предопределяет нищету многих». Эта мысль была позднее заимствована Карлом Марксом. Однако, в отличие от Маркса, Смит не считал противоположность интересов богатых и бедных фактором, обуславливающим *неизбежность*

борьбы между ними. Чтобы избежать социальных потрясений, полагал он, надо подавлять негативные страсти и воспитывать как в богатых, так и в бедных уважение и симпатию к «иным». Симпатию Смит определял как постоянное «балансирование» между самопознанием и познанием других, между самолюбием и милосердием. Таким образом, люди, несмотря на социальные различия, должны симпатизировать друг другу «естественным образом», «должны заботиться о других и быть склонными помочь им в их нуждах» [2, с. 29].

Каково реальное положение бедняков в Британии? Смит утверждал, что за XVII столетие положение английских бедняков улучшилось, так как «обычные жалобы на то, что роскошь распространяется даже среди низших слоев народа и что рабочие не довольствуются теперь той пищей, одеждой и жилищем, какими довольствовались в прежние времена, - продолжал он, - могут убедить нас, что возросла не только денежная цена труда, но и его реальное вознаграждение» [1, с. 68]. Однако в капиталистическом обществе, по его мнению, основные беды бедняка проистекают оттого, что он не может должным образом реализовать свой трудовой потенциал и распорядиться «самым священным и неприкосновенным правом собственности – правом на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще» [2, с. 38]. Причиной этого Смит называл законы, ограничивающие свободу трудовой деятельности, - в частности, английские «законы об оседлости», являвшиеся частью законодательства о бедных.

Надо ли, и как, улучшать положение людей, оказавшихся в бедности? Ответ Адама Смита на этот вопрос положительный. «Ни одно общество не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна, - писал он - ... и справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища... сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилище» [2, с. 73]. Человек, рассуждал он в духе пуританизма, должен самостоятельно выбираться из бедности, а в случае неудачи подчиниться судьбе. Однако, поскольку причины бедности кроются не в моральных пороках бедняков или их избыточном размножении, а в препятствиях, мешающих бедняку выгодно продать свой труд, то следует предпринимать и сторонние усилия по борьбе с бедностью.

Во-первых, нужно отменить законы, ограничивающие право бедного на трудовую миграцию («Законы об оседлости»). Во-вторых, помочь преодолеть бедность в обществе может новый экономический курс *laissez faire*, свобода рынка и торговли. Не сразу,

но постепенно новый экономический курс должен гармонизировать экономическую систему и, соответственно, улучшить состояние нуждающихся слоев. В-третьих, необходима реформа налогов и пошлин - повышение налогов на роскошь, понижение налогов на предметы первой необходимости, прогрессивное налогообложение. «Отнюдь не является несправедливым то, что богатые участвовали бы в государственных расходах не только пропорционально своему доходу, но и несколько большей долей», - заключал Смит в «Богатстве наций». Наконец, философ выступал за обязательное образование для низших классов. В отличие от большинства современников, с недоверием относившихся к «излишнему» образованию низших слоев и предлагавших ограничить обучение бедняков навыками чтения религиозных текстов, автор «Богатства наций» настаивал на том, чтобы давать беднякам навыки чтения, счета, письма, а также основы геометрии и физики. Мыслитель считал более качественное образование низших слоев одним из инструментов борьбы с бедностью, а недостаток образования - фактором, мешающим тому, чтобы вызывать *симпатию* у других членов общества. На тех, у кого нет образования, писал Смит в «Теории нравственных чувств», люди смотрят с презрением и «отказывают им в счастье» [3, с. 100].

Построения Адама Смита о бедности содержат ряд «нети-пичных» для дискурса XVIII в. идей, а именно: признание относительного характера бедности, отказ ассоциировать бедность с пороком и видеть причины нищеты в избыточном размножении бедных, сочетание экономических и этических ключей к решению проблем бедности - таких, как свобода трудовой миграции, прогрессивное налогообложение, обязательное образование, воспитание социальной симпатии.

Ключевое противоречие в концепции Смита кроется, между тем, в противоречии между двумя «китами», на которых эта концепция была построена, - идеей *симпатии* и *сочувствия* как морально-этического ключа к решению социальных проблем, и *доктриной laissez faire (невмешательства)* как экономического ключа. Сочувствие предполагает некое, пусть эмоциональное, усилие, которое во многих случаях порождает усилие физическое, то есть некое действие по оказанию поддержки и помощи - и, возможно, некое долженствование. Невмешательство, напротив, предполагает отсутствие усилий, моральную отстраненность, упование на «естественные законы» и саморегулирование ситуации. Возможно ли человеческое сочувствие в условиях свободного рынка? - на этот вопрос великий мыслитель XVIII в. так и не ответил современникам и потомкам.

Такая «двойственность», впрочем, может быть отчасти объяснена тем обстоятельством, что Адам Смит в своих построениях пытался «избежать крайностей» - как «негативного» дискурса восприятия бедных, характерного для Англии XVIII в., так и эгалитаристских или утопических проектов достижения «всеобщей гармонии» и равенства бедных и богатых. Противоречивая, но в то же время уникальная и во многом новаторская концепция сделала его авторитетом среди всех участников дискуссий о бедности, развернувшихся в Британии в конце XVIII - первой половине XIX столетия.

Библиографический список

1. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - С. 420.
2. Смит, А. Теория нравственных чувств [Текст] / А. Смит. - М.: Республика. 1997. - 352 с.
3. Weinstein, J. R. Sympathy, Difference, and the Work of Adam Smith [Text] / Weinstein J. R. // Economics and Philosophy. 2006. № 22. P. 96 – 117.

УДК 94 (510)

Я. Г. Иванова

Посольство Джорджа Макартни в Китай в 1792-1794-х гг.

Джордж Макартни (1737-1806) - британский государственный деятель, колониальный администратор и дипломат; представитель столбового шотландского дворянства. В 1764 г. Макартни был направлен ко двору Екатерины II для реализации панинского плана создания «северного аккорда». В 1769-1772 гг. он становится членом Парламента и заведующим ирландскими делами. В 1775 г. сэр Джордж был направлен губернаторствовать на Карибы, в 1780-1786 гг. - губернатор Мадраса в Британской Индии. В сентябре 1792 г. граф Макартни был назначен чрезвычайным и полномочным послом Британской империи при китайском императоре. Секретарь английского посольства в Китае сэр Джордж Стонтон впоследствии опубликовал воспоминания участников этого путешествия: лорда Макартни, капитана корабля Эразма Говера и др.[3]. Работа Стонтонна «Путешествие во внутренность Китая и в Татарию, учиненное в 1792 и 1794 гг. Лордом Макартни» [3] была

привлечена в качестве основного источника для анализа в данной статье.

Обращая внимание на степень изученности рассматриваемого вопроса, стоит отметить, что о посольстве Джорджа Макартни в Китай в зарубежной историографии написано значительное количество работ. Мы можем отметить работы американских ученых Э.Х. Притчара [7, 8] и Д. Л. Хевия [5], английских исследователей Д. Кранмер-Бинга [6] и Х. Робинс [4]. Напротив, в отечественной историографии данной проблеме уделялось недостаточное внимание. Заметим, что интересующий нас вопрос рассматривается в работах общего характера, посвященных истории Китая и истории Англии.

В 1792 г. лорд Макартни - «из людей самых отличнейших в Британии», «искусный и опытный мореходец» [3, т. 1. с. 43], по оценкам Георга III, был поставлен во главе британского посольства ко двору китайского императора Цяньлуна (1736-1796) – представителя маньчжурской династии. В это время в результате осуществления завоевательной политики, войн, которые Китай почти беспрерывно вел на протяжении XVIII в., пределы китайской державы значительно расширились за счет земель до этого независимых государств. Некоторые из пограничных стран были включены в сферу политического влияния Китая, что сопровождалось признанием его сюзеренитета. Это имело своим итогом формирование в Восточной и Центральной Азии нового геополитического пространства, находившегося под контролем цинской державы, а также закрепление в сознании маньчжурских правителей традиционных представлений о Китае как центре Вселенной (все прочие государства рассматривались как варварские, обреченные на признание гегемонии китайской империи). Это оказало решающее влияние на действия китайской дипломатии в новую эпоху, открытую началом активных контактов между Западом и традиционным Китаем. К концу XVIII в. начали проявляться и признаки кризиса, переживаемого цинской державой: разложение государственного аппарата, распространение коррупции, охватившей значительные слои чиновничества [1, с. 247-275].

В Англии о Китае в конце XVIII в. было немного известно. Торговля с иностранными государствами шла главным образом только через один порт - Кантон. Иностранные торговцы подвергались унижительным оскорблениям, терпели притеснения с китайской стороны и вынуждены были продавать свои товары по заниженным ценам [2, с. 434]. Однако англичане смирились с этим ради шелка, фарфора, и более того, из-за чая. К середине XVIII в.

привычка пить чай охватила всю Британию и стала, по словам лорда Макартни, «жизненной необходимостью» [3, т. 2, с. 132].

Английское посольство преследовало следующие цели:

- «смягчение» ограничений на торговлю между Великобританией и Китаем;
- приобретение Великобританией небольшого неукрепленного острова в качестве места жительства британских торговцев, хранения товаров и снабжения оборудованием судов;
- учреждение постоянного британского посольства в Пекине;
- «получить важные сведения о Китайском архипелаге» [3, т. 1, с. 31].

В 1793 г. лорд Джордж Макартни прибыл с флотом британских кораблей на побережье Северного Китая. В обращении к экипажу корабля посол проявил себя как опытный и гибкий государственный деятель. По его мнению, необходимо было приобрести уважение китайцев, поэтому, находясь в чужой стране, следует «играть по их правилам». В этой связи можно привести его слова: необходимо «вселить в китайцев новое, но правильное и выгоднейшее понятие об англичанах... показать, что иностранная нация способна примером и дисциплиною соблюсти воздержанность, порядок и почтительность... люди из свиты его подадут пример подчиненности и будут предвзяты оную своим послушанием... Посол наказал... не выносить на продажу и не покупать ни под каким предлогом никакого товара, не получивши сперва на то позволения» [3, т. 2, с. 91].

Главными трудностями, с которыми столкнулись англичане в самом начале своего посольства, было незнание китайского языка, отсутствие переводчиков и действия китайских властей. Секретарь посольства Стонтон сообщает, что «один кантонский уроженец был казнен за то, что написал для англичан просьбу на китайском языке» [3, т. 2, с. 272].

Тут важно заметить, что в течение первых пятидесяти лет операций Ост-Индской компании в Китае у нее не было ни одного западного сотрудника, владеющего китайским языком.

В связи с этим отметим достаточно любопытный факт. Стонтон в своей книге утверждает, что лорд Макартни, возможно, не знал, что транспаранты на китайском корабле, доставляющем его в Пекин, гласили: «Английский посол, везущий дань Императору Китая», «то он и не почел за нужное жаловаться на то формально, потому что, впрочем, если бы отказались сделать ему удовлетворение (что и в самом деле непременно случилось), то он был бы принужден остановиться на дороге и кончить посольство»

свое неприятным и внезапным образом» [3, т. 2. с. 261]. Имеет место и другая точка зрения: что лорд знал, но дипломатично предпочел «не заметить» этого, рассчитывая, что английские товары говорят сами за себя.

Лорд Макартни привез с собой лучшее, что производила тогда Великобритания. Подарки, в самом деле, были примерами индустриального гения, созданные, чтобы быть символами превосходства британской цивилизации и величия Георга III. Китайские власти торжественно встретили британскую миссию. Но они подчеркивали, что рассматривают ее наравне с дипломатическими миссиями государств, которых правители Китая считали своими вассалами. Через некоторое время после прибытия миссии в Пекин Макартни было заявлено, что послы вассальных стран могут находиться в столице лишь временно.

Переговоры между Макартни и мандаринами, представлявшими императора, превратились в затяжной «танец». На банкетах, следовавших один за другим, Макартни настаивал на своем желании встретиться с императором, чтобы преподнести ему дары и потребовать расширить доступ на рынки Китая. Мандарины хвалили подарки и объясняли, что на то, чтобы организовать встречу с императором, потребуется некоторое время. Главное же состоит в том, что обе стороны демонстрировали совершенно различное восприятие происходящего на тех банкетах. Макартни и его спутники поздравляли себя с тем, что завоевали доверие чиновников, и уже готовились к поездке в Пекин. Мандарины же отсылали отчеты ко Двору, рассказывая, как именно им удалось польстить самолюбию варваров и поставить дополнительные препоны на их пути. Они предсказывали, что иностранцы скоро устанут от всего этого и уплывут восвояси.

Макартни настаивал на неформальном визите вежливости к императору и, в конце концов, добился своего. Здесь посол оказался в крайне затруднительной ситуации. Отметим, что в глазах бесчисленного множества подданных китайского императора остальная часть мира никакой не имеет цены. Поэтому они очень редко различают то, чем обязаны ему другие нации, или частные иностранцы, с тем беспредельным уважением, которое оказывают его поданные [3, т. 3. с. 52].

Все приходящие к императору должны были совершить обряд Ко-теу (обожание): униженно пасть на колени и 3 раза коснуться лбом пола. Всего эту процедуру следовало повторить в общей сложности 9 раз. Отметим, что голландцы после посольства в предыдущем столетии жаловались, «что с ними обошлись с нерадением и что они были отправлены, не получив никакой

выгоды» [3, т. 2. с. 265]. А русское посольство вообще отказалось отдавать поклон.

Разумеется, лорд Макартни настаивал: «Необходимо, чтобы церемониал был взаимный или чтобы комплимент, делаемый именем сильного независимого государя, отличался бы от почестей, воздаваемых князьями-данниками»; и «он, будучи обязан своему государю всеми узами долга и верности, в присутствии его преклоняет одно колено, и что охотно соглашается таким же образом изъявить свое почтение Императору Китая» [3, т. 3, с. 69].

Несмотря на все недомолвки и трудности, 17 сентября 1793 г. в день рождения китайского императора состоялся особенный прием английского посольства в дружественной обстановке во Дворце Цге-голя.

Во время церемонии посол вручил императору «золотую коробку, осыпанную алмазами, в которой находилось письмо английского короля». Потом, поднявшись на несколько ступеней к трону, Макартни приклонил одно колено, сделал самое краткое приветствие. Монарх благосклонно принял золотую коробку и сказал, «что он весьма доволен знаками почтения и благоволения, оказываемыми ему Его Британским Величеством... и надеется, что навсегда пребудет нерушимо взаимное между подданными их согласие» [3, т. 3, с. 71]. Далее обе стороны обменялись подарками.

Попытка Макартни приступить к делу, то есть к переговорам сразу после обмена подарками, не нашла понимания у китайцев, потому что, с их точки зрения, дело было уже сделано. Делом была сама церемония. Такой прием китайский Двор счел уважительным, т.к. «император редко восходит на трон для принятия послов», обычно он передавал им грамоты. «После торжественного приема китайский министр Колао настойчиво посоветовал поскорее покинуть Китай. На что Макартни сказал, что ему весьма прискорбно так скоро оставить Пекинский Двор, где он был столь хорошо принят, что государь его желал, чтоб он пробыл при нем довольно долго на собственных издержках Его Британского Величества, дабы иметь часто случай возобновлять чувства его почтения к Императору, и дабы питать и укреплять согласие столь счастливо начавшееся между двумя народами. Что с сим намерением его государь повелел ему уверить императора, сколь будет он рад, если он отправит одного или нескольких своих подданных послами в Англию, с наблюдением обычаев Империи, и что в сем случае приложили бы старание доставить им несколько приличных кораблей приезда и возвращения» [3, т. 3. с. 121]. Но слова посла остались без внимания.

21 сентября 1793 г. посольство отправилось обратно в Пекин, где Макартни вынужден был закончить посольство, так как «долговременное прибытие иностранного министра в Китае, было в этом государстве нечто неслыханное» [3, т. 3, с. 123]. В знак прощания и дружелюбия Колао пожал руки послу и капитану по-английски.

Разумеется, Макартни отправился обратно, уверенный в том, что император удовлетворит просьбы Великобритании. Китайская же сторона видела все совершенно в ином свете. Вместе с Макартни королю Георгу отправили письмо, в котором китайский император дал ответ на все просьбы английской стороны: «Что касается вашего ходатайства об аккредитовании одного из ваших подданных при моем небесном дворе для наблюдения за торговлей вашей страны с Китаем, то такая просьба противоречит всем обычаям моей династии и никоим образом не может быть принята... Как ваш посол может сам убедиться, мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях вашей страны... Чай, шелк и фарфор, которые Поднебесная производит, являются абсолютной необходимостью для европейских стран, и мы позволили, в знак пользы существование иностранных торговых фирм в Кантоне. Ваш запрос на небольшой остров недалеко от Чусан, где ваши торговцы могут проживать и хранить товары, возникает от вашего желания развивать торговлю... Это также является грубым нарушением... Трепеща, повинуйтесь и не выказывайте небрежности» [2, с. 86]. Итак, Макартни так и не смог преодолеть глубокое безразличие Китая к остальному миру.

В своем журнале Макартни постоянно возмущается нежеланием китайцев признать превосходство англичан. Их предрассудки неуязвимы. Спроси их, не являются ли изобретатели и производители таких интересных и элегантных машин превосходными и умнейшими людьми, они ответят: «это интересные вещицы, но на что они годны? Владеют ли европейцы искусством управления государством столь же хорошо?» [2, с. 117]

Таким образом, с самого начала посольства обе стороны «играли свою игру»: англичане старались «употребить множество сноровок и вкрадчивых выражений для сообщения о том, сколь важна может быть для Китая связь Великобритании с сей империей», чтобы получить выгоду для себя [3, т. 3, с. 59]; китайская же сторона, демонстрируя свое почтение и уважение, делала все, чтобы англичане побыстрее покинули Небесную империю.

Этим и объясняется неудача попыток Макартни возбудить спрос на английские товары.

Нельзя сказать, что посольство Джорджа Макартни имело неудачный исход. Учитывая, что страна была тогда мало известна, отчет лорда Макартни и его посольства дал ценную информацию о Китае. Немалую роль в этом посольстве сыграл сам Макартни. Комментируя его миссию, Хелен Х. Роббинс говорит: «Количество выгоды, полученной от этой первой дипломатической встречи Англии с Двором Пекина, было предметом спора; но вообще согласовано, чтобы никакой другой человек, возможно, не достиг больше, чем было сделано Лордом Макартни, поведение которого, по крайней мере, было хорошо вычислено, чтобы произвести впечатление на Империю» [1, с. 236].

Библиографический список

1. Крюгер, Р. Китай. История страны [Текст] / Р. Крюгер. – СПб.: Мидгард, 2008. – 544 с.
2. Меликсетов, А.В. История Китая [Текст]: учебное пособие для вузов / под ред. А.В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 736 с.
3. Стонтон, Дж. Путешествие во внутренность Китая и в Татарию, учиненное в 1792 и 1794 гг. Лордом Макартни [Текст]: в 3 т./ Джордж Стонтон; пер. с фр. - М., 1804.
4. Robbins, H. H. Our First Ambassador to China: An Account of the life of George, Earl of Macartney – With Extracts from His Letters, and the Narrative of His Experiences in China. - London, 1908.
5. Hevia, J. L. Cherishing Men from Afar: Qing Guest Ritual and the Macartney Embassy of 1793. - Durham: Duke University Press, 1995.
6. Cranmer-Byng, J. L. An Embassy to China: Being the Journal Kept by Lord Macartney During His Embassy to the Emperor Qianlong, 1793-94. London: Longmans, 1962.
7. Pritchard, E.H. The Kowtow in the Macartney Embassy to China in 1793. Far Eastern Quarterly 2, 1943.
8. Pritchard, E. H. and Cranmer-Byng, L. The Instructions of the East India Company to Lord Macartney on his Embassy to China and his Reports to the Company, 1792-4. - London: Routledge, 2000.

М. С. Осипова

Образование детей низших классов в викторианской Англии

Обучение - это всегда немного больше, чем просто накопление академического знания. Это стержень всего детства, механизм социального контроля жизни детей. Поэтому система образования – зеркало отношений между детьми и обществом, которое всегда пытается затронуть детство в нескольких направлениях: дисциплинарном, политическом, профессиональном, образовательном и т.д.

Для рассмотрения вопроса об образовании бедных в Англии были использованы английские исторические документы, содержащие воспоминания учеников, их родителей, некоторые школьные документы, статистические данные по количеству и составу школ, парламентские дискуссии. На данном этапе работы моей целью является изучение британской системы образования, а также того места, которое в этой системе отводилось школам для бедных.

Эта тема широко изучается зарубежными авторами. Для исследования были использованы как общие работы по социальной истории викторианской Англии (например, «Повседневная жизнь викторианской Англии» С. Митчел), так и труды, посвященные истории детства (М. Харрисон «Взросление в викторианской Англии», Х. Хенрик «Дети, детство и английское общество»). В статье Р. Джонсона «Образовательная политика и социальный контроль в раннем викторианском обществе» из сборника «Викторианская революция» представлена дискуссия представителей парламентских партий по вопросам реформирования системы образования.

В викторианской Англии вопрос образования детей стоял достаточно остро. Все слои общества в течение долгого XIX в. стали проявлять интерес к данной сфере жизни. Существенное внимание образованию на протяжении викторианской эпохи уделял английский парламент, который признавал ценность школ как учреждений, способных контролировать жизнь и время маленьких англичан, ограждая их от вредного влияния улиц. Власть проникает во все сферы школьной жизни, начинаются попытки установления контроля над учебным процессом.

Английские дети получали образование, посещая школы или обучаясь дома, в зависимости от пола, социального класса, финансовых возможностей их родителей, религии.

В начале XIX в. в Великобритании существовало несколько типов школ. Самыми распространенными в Англии были негосударственные общие (для мальчиков и девочек) школы. В Уэльсе преобладали государственные общие школы, в Шотландии число государственных и негосударственных школ было примерно одинаковым. Большинство детей, обучающихся в школе, проживали в Англии. Недостаточным было государственное финансирование школ. К 1851 г., согласно переписи по Англии и Уэльсу, было почти пять миллионов детей возрастом от трех до пятнадцати лет, два миллиона из них учились в школе, шестьсот тысяч работали, остальные не работали, не посещали школу. Это означает, что многие дети трудились дома, помогали родителям [1, p. 706].

В Великобритании существовало несколько ступеней образования, первой из которых была начальная школа (Elementary School) – здесь дети получали азы в чтении, письме, арифметике и религии, так называемое «элементарное образование», которое становилось все более и более существенной потребностью общества. В зависимости от типа организации и финансирования выделяли несколько типов начальных школ: интернат (board school), областные или окружные школы (district school), церковноприходские школы (parish school), деревенские школы (village school), школы, поддерживаемые добровольными взносами (voluntary school), национальные (государственные, общественные) школы (national school). Лишь немногие из начальных школ были полностью бесплатными, обычно плата была небольшая и составляла 1-2 пенса в неделю [1, p. 166-170]. Важно отметить, что в систему образования были включены дети рабочего класса, их обучение чаще всего ограничивалось первой стадией.

В начале рассматриваемого периода образование было полностью децентрализовано. Начальными школами управляли добровольные, благотворительные или религиозные общества. Хорошими признавались те школы, которые были под постоянным наблюдением, где был надежный контроль. Считалось, что те школы, которые не управляются должным образом, не могут принести никакой пользы ученикам [6, с. 39-41].

В XIX в. в Англии существовали школы для бедных – «ragged school» («школы для оборванцев»). Образование бедных было настоящей проблемой для правительства, что было связано не столько с предрассудками общества, сколько с вопросами финансирования [6, с. 44-45]. Такие школы существовали за счет благо-

творительных учреждений, взносов добровольцев из среднего класса. Часто в них, для привлечения детей к учебе, предоставлялась бесплатная еда. Некоторые школы для бедных даже решали проблему жилья для детей и их трудоустройства [5, р. 166]. Однако многие представители низших классов не хотели жертвовать собственной выгодой для будущего своих детей, поэтому не отдавали их в школу.

До 1870 г. не существовало закона, обязывающего всех посещать школу, поэтому дети обеспеченных родителей в большинстве своем обучались дома тьютором или гувернанткой. Другие посещали частные школы, и когда мальчикам исполнялось 14 лет, они переходили в привилегированные частные школы, которые как раз появлялись в это время.

Для детей бедных существовали другие варианты частных школ, как, например, «*dame school*» (школа для маленьких детей, возглавляемая женщиной) и «*common day schools*» (общеобразовательные дневные школы), но обучение в них было, в целом, плохое. Основная причина заключалась в уверенности учителей в том, что любое проявление доброты к детям повлечет за собой непочтительное отношение и неповиновение учащихся. Есть свидетельства обращения с учениками в таких школах: «Учитель зашел в класс, когда дети были слегка отвлечены и тишина была нарушена. Несколько ударов по голове, ушам и спинам детей сразу же восстановили дисциплину» [2, р. 49].

Другие школы для бедных содержались церковными организациями. Там обучение было несколько лучше, но также имелось множество проблем. Правительственные инспекторы, которые посещали некоторые из таких школ в 1839 г., обнаружили, что в них нет книг или оснащения в классных комнатах [2, р. 49]. В классах к тому же не было досок, поэтому распространена была система взаимного обучения, где старшие дети, называемые «мониторами», помогали учить младших и поддерживать тишину на уроке. Пропуски занятий были характерным явлением, частично по причине того, что многие дети должны были уходить с уроков в учебное время, чтобы помогать родителям на фабриках. В то же время классы были сильно переполнены.

Дети бедных также посещали школы милосердия, организованные церковными обществами. Харрисоном приводится свидетельство, написанное в 1868 г., которое описывает условия в восточной части Лондона: «Учителя в школах для бедных заявляют, что дети непрерывно плачут от голода и часто падают со своих мест от истощения и недостатка еды, невозможно учить их в таком состоянии» [2, р. 49].

После начальной школы следовала средняя школа. Обучение в средней школе (Grammar School) начало распространяться в раннюю викторианскую эпоху, как ответ на потребности появившегося многочисленного среднего класса [5, р. 166]. В таких школах обучались дети, чьи родители были в состоянии вносить хоть сколько-нибудь существенную плату за их обучение. Дети преуспевающих родителей могли получать среднее образование как в школах (общественных либо частных), так и дома. В любом случае плата за обучение в средней школе была выше, чем в начальной школе. В ранний период викторианства социальные различия были весьма существенными, что отражалось, в первую очередь, на возможностях обучения детей. В течение столетия образование стало доступным все большему проценту населения.

Проблема образования рабочего класса была наиболее острой на протяжении всего викторианского периода. В парламенте неоднократно поднимались вопросы реорганизации школ, чтобы сделать их более доступными для бедных, целью преобразований являлось стремление парламента увеличить число грамотных, так как предстоящая парламентская реформа предполагала расширение избирательных прав. Возможно, сначала родители, работавшие на промышленных предприятиях, желали отдавать детей в школу, чтобы избавить себя от хлопот с ними и обеспечить себе больше рабочего времени. Но вскоре ценность образования понимают не только представители среднего класса, но также простые рабочие. Дискуссии 1830-1840-х гг. показывают, что образование бедных было одной из сильнейших ранневикторианских «одержимостей». В 1835 г. был организован департамент образования и тюремная инспекция, обе организации начали активную деятельность. Предполагалось, что моральное и религиозное обучение должно существенно сократить преступность среди детей, особенно среди городской бедноты. Но в парламенте, по большей части партией виггов, выдвигались предложения по изменению характера обучения с религиозного на практический, по принятию актов об образовании [5, р. 167].

Главной проблемой распространения школ для бедных являлось проблема финансирования. Малообеспеченные семьи не могли вносить достаточной платы за обучение, государство видело выход в перенесении части расходов на средние слои населения. Существенные вклады на развитие образования для рабочих делали различные церковные организации. Например, Национальное Образовательное Общество, созданное церковью, достигло пика в сборе средств между 1838 и 1843 г. В конце 1840-х гг. был основан римско-католический школьный комитет для бедных. И все же в

40-е гг. XIX в. сохраняется сопротивление распространению общественного образования, чаще всего в кругах предпринимательства, которое боялось потерять часть рабочей силы [4, р. 199-201].

До конца XIX в. образование было преимущественно образованием для привилегированных. Но уже в конце века общество начинает связывать экономические и образовательные аспекты, полагая, что британская экономическая конкурентоспособность стоит под угрозой из-за нехватки естественных талантов населения. Парламент начинает искать возможности поощрения способных детей рабочего класса, втягивать их в полноценный многоуровневый образовательный процесс, школы теперь становились маяками цивилизации для бедных [3, р. 72-74]. Изменяется школьная программа, упор теперь делался не на изучение классических языков, религии, а на математические и механические знания, так как страна промышленного переворота нуждалась в техническом усовершенствовании промышленности. Добавались новые дополнительные предметы к учебному плану специально для старших учеников. Школа теперь могла выпускать образованных рабочих, это поднимало их значение, их статус среди тех, кто не имел никакого образования [1, р. 715-718].

Постепенно образование становилось более доступным для низших классов викторианского общества, повышалось качество обучения, так как возникла система состязаний, в которой важны достижения детей, а не положение их родителей. Хотя трудно утверждать, что более способными были исключительно дети рабочего класса. Дети могли быть более приспособленными к обучению, лучше снабжены, поэтому нельзя говорить о том, что состязательная система привела к кардинальным изменениям в классовом составе учеников в школе [4, р. 207-208, 222-223].

В целом можно отметить, что в течение XIX в. происходил процесс трансформации системы образования, связанный с изменениями в общественном сознании, с переоценкой роли детства. Существенной частью этого процесса являлось более пристальное внимание со стороны государства к проблеме образования детей низших слоев населения. Результатом изменений стала сначала большая доступность образования для бедных, а затем и введение обязательного образования для всех слоев английского общества.

Библиографический список

1. English Historical Documents. XII (1), 1833-1874 [Text] /Ed. By G.M. Young and W.D. Haudcock. L., 1970. - 265 p.
2. Harrison, M. Growing up in Victorian Day [Text] / M. Harrison - L., 1980. - 151 p.

3. Hendrick, H. Children, childhood and English society 1880-1990. [Text] / H. Hendrick - Cambridge, 1997. - 413 p.
4. Janson, R. Education Policy and Social Control in Early Victorian England [Text] // The Victorian revolution / Ed. by P. Stansky. - Washington, 1973. - 154 p.
5. Mitchell, S. Daily Life in Victorian England [Text] - L. 1996. - 129 p.
6. О происхождении народных школ в Германии [Текст] // Журнал министерства народного просвещения. - М., 1834. - №10. Ч.4.

УДК 94 (6)

А. Ю. Калистратов

Германские «аскари» как социальный феномен колониализма

Интерес к имперскому периоду и европейскому колониализму XIX в. является характерной чертой современной исторической науки. Долгое время приоритетным было изучение политических и экономических аспектов прошлого империй, в первую очередь британской. Темы, затрагивающие другие колониальные державы, находились в тени. К тому же традиционно история империй и их колоний рассматривалась в контексте изучения национально-освободительных движений с акцентом на «освободительные революции». Проблема рабства также находилась в привязке к этому направлению

Новейшие исследования в этой области представляют более широкий спектр как методологических подходов, так и объектов изучения. Кроме использования таких классических методов исторической науки, как сравнительно-исторический и проблемно-исторический, а также рассмотрения традиционных колониальных вопросов, о которых говорилось выше, все чаще появляются публикации, посвященные изучению социальных аспектов колониализма, образов и исторической памяти, связанных с ним.

Вместе с тем многие сюжеты имперской проблематики остаются недостаточно исследованными. К ним относится изучение такого социального феномена, как туземные войска – аскари.

Аскари, африканские солдаты войск протекторатов европейских стран, были составной частью туземной администрации и местной элитой. Самым ярким и самым известным эпизодом, связанным с использованием туземных солдат и их восприятием ев-

ропейцами, является оборона во время Первой мировой войны колонии Германской империи – Германской Восточной Африки (ГВА).

В отечественных исследованиях германского колониализма туземные войска только упоминаются. Современная зарубежная историография, в первую очередь исследования собственно немецких авторов, более обширна, хотя и здесь многие проблемы только обозначены.

Немецкие аскари, с одной стороны, были типичным случаем африканских туземных войск, рекрутировавшихся из числа африканцев, а с другой, имели мусульманские и тюркско-арабские внешние мотивы, оснащались устаревшим однозарядным нарезным стрелковым оружием, использующим дымный порох. Аскари подчинялись колониальным службам, а не военным министерствам метрополий и имели существенные социальные особенности.

Первую из них можно назвать «военно-социальной». Среди прочих африканских туземных войск у аскари ГВА был самый высокий процент европейцев офицерского и сержантского состава от общего числа войск протектората [5, р. 6-11].

Кроме этого, германской колониальной администрацией был вынужденно санкционирован допуск аскари к современному оружию. Необходимо отметить, что обладание магазинной винтовкой обычным, гражданским африканцем в ГВА было категорически запрещено [3, с. 219]. Поэтому не случайно в начале войны самая большая награда, которая могла достаться аскари, заключалась в том, что ему давалась вместо его старого ружья современная винтовка из числа трофейных [2].

Общей довоенной практикой было специфическое использование пулеметов. Пулемет буквально возвышал горстку белых над массами туземцев [4, с. 32-39], но близко к «чудо-оружию» африканцев старались не подпускать [5, р. 6, 10; 4, с. 38]. Но уже в 1914 г. подполковник фон Леттов-Форбек, понимая, что придется воевать в условиях полной изоляции, начал менять стереотипы в отношении своих солдат. Если раньше аскари использовались скорее как полицейские части, то применение их против современных войск, число которых могло расти, требовало повышения боевых качеств. Поэтому начали проводиться усиленная стрелковая подготовка, тактические занятия и занятия «пулеметным делом». Как писал сам фон Леттов-Форбек, «это был очень большой риск, но другого выхода не было» [2]. Этот риск себя полностью оправдал во время войны. Действия фон Леттов-Форбека, упорное сопротивление его аскари принесли ему громкую военную славу и уважение противников. Не в последнюю очередь эти достижения ба-

зировались на качественном росте его солдат при их количественном сокращении.

Вторую особенность можно назвать «финансово-социальной». Как было указано выше, аскари ГВА, как, впрочем, и все другие «компоненты» колониальной администрации, входили в своеобразную туземную элиту, отделенную от соплеменников не в последнюю очередь через денежные выплаты [6, S. 4]. Но если немец рядовой германских войск протектората в месяц получал 15 рупий ГВА, унтер-офицер - 30, то аскари (рядовой) - 7,5 рупии, омбаша - 12, а эфенди (уже офицерский состав) - 30 рупий [6, S. 29].

Кроме дискриминации по размеру денежного содержания аскари, существовала еще одна важная особенность. На территории колоний Германской империи в ходу были колониальные деньги.

Германская колония в Восточной Африке была основана в 1884 г. К. Петерсом как частное, акционерное предприятие Общества германской колонизации («Gesellschaft für deutsche Kolonisation» (GfdK)). В 1885 г. GfdK было преобразовано в Германское Восточно-Африканское общество Deutsche OstAfrikanische Gesellschaft (далее - DOAG) До 1891 г. на этой территории в ходу были индийские рупии, австрийские талеры, французские, бельгийские франки, британские шиллинги, доллары САСШ. В ходу были только монеты [7, S. 9].

Хотя на побережье давно существовали фактории индийских купцов касты банья, а на Занзибаре был большой рабский рынок, многие племена внутри этого региона еще не знали денежного обращения. DOAG обладала исключительным правом эмиссии денег на всей своей территории. Сначала были отчеканены медные песа с арабским текстом и германским орлом. Они не гарантировались обменом на деньги Германской Империи и имели частный характер. Даже по сравнению с индийскими рупиями монеты DOAG были «худшими» деньгами [7, S. 12]. Но этими деньгами колонисты рассчитывались с туземным населением, вынуждая их «включаться» в товарно-денежные отношения. В ноябре 1902 г. колония получила статус протектората Германской империи, а в 1904 г. были выпущены рупии ГВА и геллеры ГВА (1 рупия = 100 геллеров), был установлен курс 10 рейхсмарок = 7,5 рупии ГВА. Старые деньги DOAG были переплавлены. Самой популярной среди африканцев монетой стала десятигеллеровая из-за отверстия в центре. В 1905 г. по распоряжению рейхсканцлера был учрежден Германский Восточно - Африканский Банк, располагавшийся в Берлине, а в ГВА были его филиалы в Дар-Эс-Салааме и

Таборе. Все они имели право эмиссии банкнот номиналом от 5 до 100 рупий ГВА. Все эти денежные знаки ГВА можно было обменять на любую валюту в главном офисе банка в Берлине или в его филиалах. Если для европейца это не представляло труда, то для «цветных» доступ в здание банка был запрещен.

С началом войны и изоляции колонии положение с оплатой труда туземцев, в первую очередь аскари, стало ухудшаться. Качество денег стало стремительно падать. Если в 1915 г. после эвакуации администрации в Таборе номинал банкнот, качество бумаги и печати были понижены, но еще сохранялись водяные знаки, то в 1916 г. на деньгах, которыми выплачивалось жалование солдатам и носильщикам, уже нет водяных знаков, а в 1917 г. рупии печатались в буше ручными штампами [7, S. 9, 23] и на подвернувшейся под руку бумаге [2]. Особняком стоят «полевые» монеты – их чеканили из подручного металла – чаще из стреляных гильз, были и из жести – их туземцы отказывались принимать [7, S. 25]. В 1917 г. гораздо чаще для оплаты туземцам стали использовать «рукописные монеты» – клочок оберточной бумаги со штампом полевой почты [7, S. 29]. В своих мемуарах фон Леттов-Форбек писал, что постоянные невыплаты жалования приводили к массовому дезертирству среди аскари [2]. Проблема своевременной оплаты существовала и ранее, но с 1917 г. она стала одним из определяющих моментов дезертирства. Дезертиров у фон Леттов-Форбека было 14% от общего числа аскари 14 600 человек, до января 1917 официально было зарегистрировано 916 дезертиров. Ко 2 октября 1917 таковых стало 2 124 человек, еще шестью месяцами позднее – уже 2 534, к моменту капитуляции еще 93 человека [8, S. 57-59].

Для окончательного расчета денег вообще не было. Фон Леттов-Форбек надеялся получить необходимые средства от британцев, но те отказали [2]. Таким образом, труд туземных солдат и носильщиков, остававшихся до последнего момента со своими белыми «бвана», остался неоплаченным. Позднее, уже став триумфатором и национальным героем Германии, фон Леттов-Форбек добился выплаты задолженности по «боевым» тем 1 168 туземным солдатам, которые капитулировали вместе с ним. Эта выплата была осуществлена уже конвертируемыми деньгами, но была следствием исключительно фигуры фон Леттов-Форбека и его личных качеств [8, S. 61].

Но наличие «местных» денег даже у туземной элиты не означало уравнивание в возможностях с европейцами. Так, например, А.С. Балезин в своей статье «Афронемцы в Германии» указывает на то, что в Германской империи (а затем и в Веймарский период)

были приняты меры, максимально усложняющие выезд коренных жителей колоний в Германию [1, с. 121-133].

Таким образом, необходимость адекватного сопротивления количественно и качественно превосходящему противнику при ограниченности собственного европейского контингента вынудила военное руководство ГВА к обеспечению вооружением и боеприпасами за счет трофеев, что неминуемо привело к насыщению массы аскари современными магазинными винтовками. Был произведен допуск африканцев к оружию массового поражения – артиллерии и, самое главное, к пулеметам. Если овладение аскари ГВА современными военными навыками и техникой шло в течение 1914-1918 гг. прогрессивно, то финансирование этой части туземной элиты, наоборот, шло в обратном направлении. Оплата труда наемного туземного солдата или полицейского шла в денежных знаках колониальной администрации, в данном случае в рупиях ГВА. Если до 1914 г. они обладали всеми признаками «настоящих денег», то в ходе войны рупии и геллеры ГВА становились все хуже по качеству, пока не превратились в клочки оберточной бумаги с «от руки» написанным номиналом. И если даже довоенные рупии ГВА, как и их обладатели из бывших колоний Германской империи, были совершенно не «конвертируемы» в метрополии, то держателям денег «военного периода» надеяться на благодарность Отечества было совершенно бессмысленно. Выделенные сначала из общей среды народа, получившие некоторые привилегии от колонизаторов, будучи важным инструментом колониализма, аскари ГВА были в конце концов фактически брошены своими бывшими хозяевами, по сути, без благодарности, но с опасными навыками. Как известно, после войны бывшие колонии Германии стали подмандатными территориями, где набор туземцев в военные формирования был запрещен. Выскажу предположение, что дело было не только в общем пацифистском настрое после Великой войны.

Библиографический список

1. Балезин, А.С. «Афронемцы» в Германии: судьбы в условиях радикализирующегося европоцентризма / Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. Международная научная конференция, посвященная 70-летию А.Б. Давидсона [Текст]: [Материалы] - М.: ИВИ РАН, 2000. — 230 с.

2. Леттов-Форбек, П.Э.фон, Мои воспоминания о Восточной Африке [Электронный ресурс] – М.: Военный вестник ,1927 .Режим доступа:<http://militera.lib.ru/memo/german/lettow-vorbeck/01.html>.

3. Пегушев, А.Н., Туполев, Б.М. Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. [Текст]— М.: Наука, 1991. —265 с.

4. Форд, Р. Адский косильщик. Пулемет на полях сражений XX века [Текст]. - М.: Эксмо, 2006.-. 400 с.

5. Abbot P, Armies in East Afrika 1914-1918 [Text]: Oxford: Osprey Publishing, 2002. - 27 p.

6. Morlang Thomas, Askari und Fitafita. «Farbige» Söldner in den deutschen Kolonien [Text]- Berlin: Ch.Linkс Verlag, 2008. -203 S.

7. Reichert, G. Das Sammelgebiet DEUTSCH-OSTAFRIKA. [Text] - Berlin: M&P Verlag, 2002. — 32 S.

8. Schulte-Varendorf U. Kolonialheld für Kaiser und Führer-general Lettow-Vorbek [Text]. – Berlin: Ch.Linkс Verlag, 2006. – 217 S.

УДК 94 (61)

А. В. Литвинов

Национальный вопрос в императорской Эфиопии во второй половине XIX – середине XX в.

В последнее время европейские лидеры, такие как британский премьер-министр Д. Кэмерон, канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и другие активно заговорили о крахе политики мультикультурализма. Экономические проблемы Евросоюза сопровождаются кризисом культурной идентичности, что приводит к обострению межнациональных и межконфессиональных противоречий. Начались преследования цыган, усилилось давление на африканских эмигрантов, были приняты законы, ограничивающие публичное исламское вероисповедание. В этой связи очень актуальным становится опыт государств, имеющих богатейший многовековой опыт межкультурного, межнационального и межконфессионального общения, находившихся в регионах интенсивного кросс-культурного синтеза. Одной из таких стран была Эфиопия, «возникшая и сформировавшаяся как независимое государство на стыке африканского и азиатского (в его арабомусульманской ипостаси) миров» [4, с. 14-15], но сохранившая свою особую христианскую самобытность и культурную идентичность, которые условно можно обозначить термином «эфиопоцентризм». С легкой руки итальянского исследователя Карло Конти Россини Эфиопия среди исследователей по своей многонациональности имеет репутацию «музея народов» [8, р. 169]. В состав

населения этой страны входит более 80 различных этнических общностей, принадлежащих к разным языковым группам: семитской, нило-сахарской, кушитской и др. Такая этническая пестрота по логике должна была сделать национальный вопрос одной из важнейших и острейших проблем истории Эфиопии. Под национальным вопросом принято понимать сложившуюся в ходе борьбы народов за освобождение или максимально благоприятные условия социального развития совокупность политических, экономических, территориальных, правовых, идеологических и культурных отношений между нациями, национальными группами и народностями в различных социально-политических общностях. Однако еще в 1965 г. британский исследователь Ричард Гринфильд справедливо заметил, что «слово “трайбализм” неуместно в эфиопских исследованиях» [10, р. 58], несмотря на то, что географически Эфиопия является частью Африки южнее Сахары. Национальный вопрос в Эфиопской империи с момента ее создания в середине XIX в. и вплоть до второй половины XX в. не представлял собой сложной государственной проблемы. Представляется целесообразным проанализировать основные причины данного явления.

В климатическом, природном, хозяйственном, экономическом и культурном отношении Эфиопия была скорее частью Ближнего Востока, а не Тропической Африки с ее трайбализмом. На всем протяжении истории Эфиопии определяющими в поведении различных групп ее населения оказывалась отнюдь не этническая, а прежде всего религиозная, а главное – региональная принадлежность. Последнее объясняется тем, что в социально-экономическом отношении Эфиопия представляла собою конгломерат отдельных областей, достаточно четко разделенных даже географически. Обычными границами их служили естественные рубежи: ущелья рек и горные хребты, через которые вели немногочисленные перевалы. Основой гетерогенности общества, его структурирования в виде замкнутых локальных групп являлись сложность рельефа, многообразие климатических зон и традиционное разделение труда в пределах эфиопского региона [3, с. 43]. Условно можно выделить три географические зоны: Дега (высокогорье), Война дега (предгорья), кволла (долины), которые, по словам эфиопского историка Бахру Зевде, «хотя в действительности являются климатическими понятиями, ... стали со временем приобретать более широкое значение, обозначая различные способы жизни и характера» [7, р. 2]. Людей разъединяли горные цепи и высотно-природные пояса: горцы и жители равнин представляли собой различные культурные, хозяйственные и религиозные типы со своими системами ценностей. Провинции находились в геогра-

фической и экономической изоляции друг от друга, не нуждаясь в функционировании общеэфиопского рынка в силу господства натурального хозяйства, неразвитости средств коммуникации, культурной и религиозной специфики, нежелания местной политической элиты. Связи между областями, разумеется, существовали, но налицо была и определенная замкнутость, которая неизбежно придавала каждой области не только свой неповторимый облик, склад и характер, но также порождала и свою областную общность интересов. Этническая картина усложнялась религиозной. Большинство жителей центральных районов страны приняло христианство, в то время как восточные регионы были обращены в VIII-XII вв. мусульманскими проповедниками в ислам. Ислам приняло и большинство скотоводов оромо. В южных и юго-западных районах имелись значительные группы языческого населения, а на севере часть эфиопов исповедовала иудаизм.

Этноконфессиональное разделение страны выразилось в хозяйственных, культурных и ментальных особенностях, также став одной из причин изолированности населения регионов. Семитоязычные эфиопы-христиане в основном были вовлечены в традиционное сельскохозяйственное производство – земледелие и скотоводство. Караванной торговлей, в частности работоторговлей, занимались мусульмане. По свидетельству консула У. Плаудена, «мусульмане абиссинского происхождения, кроме галла, редко избирают для себя другой путь, в их руках сосредоточено три четверти всей торговли, во всей стране вряд ли найдешь двадцать купцов христиан» [9, с. 45]. Ремесленники, как правило, составляли замкнутые группы кастового типа. На севере, например, ремесло считалось занятием эфиопских иудеев – фалаша. Русский офицер А. К. Булатович, участвовавший в походах Менелика II в конце XIX в., отмечал значительное количество ремесленных профессий и у скотоводов оромо [2, с. 74].

Разумеется, люди Эфиопии прекрасно осознавали и свою этническую принадлежность, но она, в отличие от принадлежности религиозной и региональной, не играла значительной политической роли. В стране вплоть до второй половины XX в. не было развитых национально-освободительных движений, выступавших за национальное самоопределение. Сепаратистские движения даже в более этнически однородных окраинах империи носили региональный или религиозный характер.

Это обстоятельство, вполне характерное для феодального общества, не укладывалось в сознание европейских деятелей в Эфиопии, и, подыскивая там какую-нибудь силу для осуществления своих грандиозных колониальных планов, они считали, что

такой силой может быть только сила национальная. Так, французский авантюрист Шарль Рошэ д'Эрикур предлагал шоанскому властителю Сахле Селласе свои услуги в качестве военного инструктора. В частных беседах он не скрывал, что собирается использовать первую же тысячу обученных им солдат против самого Сахле Селласе, и «как существует британская Индия, так будет существовать и французская Абиссиния». Он хотел создать 200-тысячную армию оромо и с ее помощью соединить владения «французской Абиссинии» с французскими колониями на реке Сенегал [12, р. 151]. Эти планы не могли иметь серьезных последствий, потому что оромо, на которых он так рассчитывал, были совершенно чужды национальные чувства. Подобную ошибку допустили и итальянцы в 1935-1941 гг., когда сделали ставку на разжигание национальных противоречий в Эфиопии. Хотя часть элиты и поддержала Италию, но это была региональная элита различного национального происхождения. В обращении эфиопских партизан к эмигрировавшему из страны императору было заявлено, что, несмотря на попытки итальянцев «разобщить нас, христиан и мусульман, тигринья и шоанцев, галла и амхара, годжамцев и хамассенцев, сомалийцев и данакилийцев, всех сынов одной страны и одного народа, и заставить убивать один другого, мы поклялись сохранять единство и бороться, как один человек» [5, с. 894]. Более того, даже некоторые жители итальянской колонии Эритреи прониклись уважением к борьбе Эфиопии и выразили свою солидарность.

Угроза Эфиопскому государству со стороны европейцев была реальной и сглаживала национальные противоречия, которые могли возникнуть на фоне существования привилегированных национальных групп. Хотя в ходе создания национального государства во второй половине XIX – начале XX в. осуществлялась практика ассимиляции и включения в высшие эшелоны власти правящей верхушки покоренных народов, она в основном касалась оромо и тигре, близких по антропологическому типу к амхара, составлявших элиту эфиопского общества. Негроидные вожди нилотских племен оставались на социальной лестнице ниже любого христианина-амхара. Тем не менее, подчиненные народы не противопоставлялись амхара, как народы колоний народу метрополии, но «инкорпорировались» в состав государства. Более того, в своем самосознании большинство жителей Эфиопии были выше в иерархии, чем приезжие, которых даже люди самого низкого социального и этнического происхождения называли «уша фаренджи» (собаки-иностранцы). Такая идея эфиопского превосходства находила одобрение и поддержку правительства. На это, в частности, в 1906

г. жаловался временный поверенный России в Эфиопии А. С. Лихачев: «Виноват не дикий, безответственный при наказании туземный крестьянин или солдат, нет; виноваты его начальники, которые не сумели ему внушить уважение к европейцу и подчас, даже наоборот, разжигают в нем расовую ненависть» [6, с. 93]. Особенно такие моменты усиливались тем, что Эфиопия не только сумела избежать колониальной зависимости в период классического колониализма, но и разбила одну из сильных европейских держав — Италию. По свидетельству российского офицера К. Арнольди, многие абиссинцы после этого считали, что «не нам у них, а им у нас нужно учиться, как воевать» [1, с. 114]. Впоследствии за самоуверенность пришлось расплачиваться во время второй Итало-эфиопской войны 1935-1936 гг.

Отсутствие крупных межэтнических столкновений привело к тому, что в Эфиопии не было последовательной национальной политики. Как правило, относительная свобода предоставлялась только мусульманам и христианам, в то время как на языческих окраинах проводилась политика насильственной «амхаризации». С одной стороны, это был шаг к созданию единой эфиопской нации, с другой стороны, политика имела своей целью создание не нации, а империи, была непоследовательной и не привела к творческому соединению культур, обмену идей, равному распределению духовного и материального богатства. В то же время эта политика не смогла уничтожить и национальную идентичность. По словам оромского историка Мохаммеда Хассена, завоевания «сделали амхара господином региона. И с тех пор имя амхара получило сияющий нимб, присущий народам-завоевателям. Однако, в конечном итоге, эти победы не достигли своей цели. Амхара не смогли навязать свою религию и язык основной массе завоеванного населения» [11, р. 15]. Правительство нередко употребляло в пропагандистских целях понятие «эфиопской нации», но для борьбы не с национальным, а с региональным сепаратизмом. Например, в своей речи по поводу открытия эфиопского парламента в 1932 г. император Хайле Селассие I сказал депутатам: «Вы должны знать и понимать, что кроме ваших родных мест, есть другие, соседние с вами, и что кроме ваших городов, есть другие вокруг вас, и что все эти места и города вместе образуют одну большую нацию... вы должны к тому же осознать, что кроме проблем, касающихся ваших родных мест, есть большие проблемы, затрагивающие все провинции» [13, р. 392]. Но создать единую эфиопскую нацию не удалось ни Хайле Селассие I, ни его преемникам. По сути, такой нации нет до сих пор.

Библиографический список

1. Арнольди, К. Военные очерки Абиссинии [Текст] / К. Арнольди. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1907. – 147 с.
2. Булатович, А.К. От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896-1897 гг. [Текст] / А. К. Булатович. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. – 211 с.
3. Макаров, О. Л. Европейцы в восприятии эфиопов. Британские военные и религиозные миссии первой половины XIX в. [Текст] / О. Л. Макаров // Восток. – 1992. – № 4. – С. 43-44.
4. Сеницын, С. Я. Миссия в Эфиопии. [Текст] / С. Я. Сеницын – М.: XXI в. - Согласие, 2001. – 306 с.
5. Хрестоматия по новейшей истории [Текст]: документы и материалы / сост. Б. Г Гафурова, Л. И. Зубока [и др.]. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1970. – Т. I. 1917-1939 – 928 с.
6. Цыпкин, Г. В. Эфиопоцентризм и эфиопское общество [Текст] / Г. В. Цыпкин // Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 82-94.
7. Bahru, Z. A History of Modern Ethiopia 1855-1974 [Text] / Bahru Zewde – Addis Ababa University Press, 1991. – 244 p.
8. Conti, Rossini C. Etiopia e Genti di Etiopia [Text] / Carlo Conti Rossini – Firenze : Bemporad, 1937. – 402 p.
9. Correspondence Respecting Abyssinia. 1846-1868. [Text] / A House of Commons – L., 1868. – 700 p.
10. Greenfield R. Ethiopia. A New Political History [Text] / R. Greenfield – L.: Pall Mall Press, 1965. – 515 p.
11. Hassen, M. The Oromo of Ethiopia. A History 1570-1860 [Text] / M. Hassen – Cambridge : Cambridge University Press, 1973. – 253 p.
12. Rubenson, S. The survival of Ethiopian independence [Text] / S. Rubenson – Stockholm and Addis Ababa University Press, 1976. – 436 p.
13. Selected Speeches of His Imperial Majesty Haile Selassie First. 1918-1967 [Text] / The Imperial Ethiopian Ministry of Information – Addis-Ababa : The Imperial Ethiopian Ministry of Information Publications & Foreign Languages Press Department, 1967. – 631 p.

А. М. Ермаков

**Леволлиберальная концепция социальной базы
вульгарного нацистского антисемитизма
(по материалам «Ежедневной парижской газеты»)**

Важным источником по истории нацистского антисемитизма и Холокоста является периодическая печать. Анализ материалов газет и журналов позволяет сделать значимые выводы о самых разных аспектах истории и предьстории предпринятой национал-социалистами попытки «окончательного решения еврейского вопроса»: этапах антисемитской политики нацистской Германии, роли отдельных организаций и функционеров Третьего рейха в преследовании немецких и европейских евреев, методах этого преследования, степени информированности немцев о сущности нацистской идеологии и политики, реакции граждан, политических партий и правительств зарубежных стран на преследования евреев в Германии и т.д. Особое место среди газет и журналов той эпохи занимает немецкоязычная эмигрантская пресса 1933-1945 гг. Исследователи подсчитали, что эмигранты из Германии и Австрии основали более 400 периодических изданий, печатавшихся в Лондоне и Нью-Йорке, Праге и Амстердаме, Москве и Париже, Вене и Цюрихе, Мехико и Сантьяго-де-Чили. Большинство из них выходило не дольше одного года, а для многих первый номер оказался единственным. Лишь некоторые просуществовали с 1933 г. до начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г.

К числу «долгожителей» среди эмигрантских периодических изданий относится «Паризер тагеблатт» («Ежедневная парижская газета»), основателем и главным редактором которой был немецкий леволиберальный журналист еврейского происхождения Георг Бернхард (1875-1944). В начале XX в. Бернхард недолго состоял в Социал-демократической партии Германии (СДПГ), в 1918 г. стал одним из основателей Немецкой демократической партии (НДП), в 1933 г. эмигрировал в Париж. Издателем и, вероятно, спонсором газеты с момента ее основания в декабре 1933 г. до июня 1936 г. был русский эмигрант Владимир Поляков, отец известного исследователя антисемитизма Льва Полякова [3]. В начале июня 1936 г. между Поляковым и Бернхардом произошла размолвка, в результате которой «Паризер тагеблатт» прекратила свое существование. Бернхард и большинство сотрудников редакции продолжили антинацистскую пропаганду в новой газете «Па-

ризер тагесцайтунг» («Ежедневная парижская газета») [6, S. 281-288]

«Ежедневная парижская газета» распространялась во Франции, где проживали 35 тысяч эмигрантов, и в других странах, принявших беженцев из Третьего рейха. Сначала газета Бернхарда стоила 50 сантимов за номер. Подписка на месяц для абонентов во Франции обходилась в 14 франков, для зарубежных читателей – в 25 франков. В 1937 г. цена одного экземпляра возросла до 75 сантимов, а в 1938 г. – до 1 франка. Первый номер газеты вышел 12 декабря 1933 г., последний из 2 148 выпусков – 18 февраля 1940 г.

Одним из объектов критики либеральных журналистов-эмигрантов был вульгарный нацистский антисемитизм. В современной исследовательской литературе проводится различие между двумя разновидностями или ветвями антисемитской идеологии, бытовавшей в Третьем рейхе. Одну можно назвать «интеллектуальным» антисемитизмом, предназначенным для образованных слоев общества, технократической элиты гитлеровской Германии. Эта разновидность воплощалась, главным образом, в основанном в 1935 г. эсэсовском еженедельнике «Шварце кор» («Черный корпус»). «Шварце кор», сначала выходивший тиражом около 80 тысяч экземпляров, в 1939 г. достиг 700 тысяч экземпляров [2, с. 243, 258]. Вульгарный антисемитизм, ориентированный на «простых» немцев, не утруждавший себя наукообразием аргументации, правдоподобием выводов и достоверностью фактов, олицетворял еженедельник «Штурмер» («Штурмовик»), который издавал гауляйтер Франконии Юлиус Штрейхер в 1923-1945 гг. Максимальный тираж «Штурмера» составлял около полумиллиона экземпляров, а некоторые специальные номера печатались в количестве 2 млн штук.

Редакция «Ежедневной парижской газеты» черпала материалы о вульгарном нацистском антисемитизме из разных источников. Основными среди них были выпуски «Штурмера», региональной «Френкише тагесцайтунг» («Ежедневной франконской газеты») и журнала Штрейхера «Народное здоровье из крови и почвы». Несколько реже источниками информации становились другие центральные и местные газеты Третьего рейха, официальные сообщения немецких властей. Время от времени эмигранты обращались к прессе третьих стран – Франции, Великобритании, Нидерландов, Швейцарии, Дании, Чехословакии, Венгрии, к сведениям французского информационного агентства «Гавас», к материалам собственных корреспондентов, к рассказам людей, побывавших в Германии. Некоторая часть публикаций «Ежедневной парижской газеты» была основана на непроверенных и недосто-

верных слухах. Впрочем, это вполне объяснимо спецификой гитлеровского государства, старавшегося не допустить утечки информации за рубеж вообще и ограничить аудиторию «Штюрмера» только пределами Рейха в частности.

«Ежедневную парижскую газету» можно считать самым активным критиком вульгарного антисемитизма нацистов, воплощавшегося в деятельности Штрейхера и «Штюрмера». В 1934-1940 гг. газета «Нойер форвертс» («Новая “Вперед”») – главный орган СДПГ, выходявший ежедневно с июня 1933 по май 1940 г. сначала в Праге, а потом в Париже, - поместила в 6 раз меньше материалов о вульгарном антисемитизме в Третьем рейхе, чем газета Бернхарда. Анализ динамики, объема и содержания публикаций этой газеты позволяет сделать выводы о сущности и масштабах леволиберальной критики вульгарного нацистского антисемитизма в преддверии «окончательного решения еврейского вопроса».

Изучение периодичности выхода статей о Юлиусе Штрейхере и его еженедельнике позволило выявить следующую динамику. В декабре 1933 г. и в январе-феврале 1940 г. «Ежедневная парижская газета» не посвятила вульгарному антисемитизму ни одной публикации. В течение остальных шести полных лет было опубликовано 188 статей. При этом подсчет количества публикаций и объема материала показывает, что обычно леволиберальная газета писала о Штрейхере и «Штюрмере» 25-30 раз в год, размещая на своих страницах примерно равное количество материала – от 1012 до 1 320 строк. Исключения составляют 1939 г., когда было опубликовано в 2,5-3 раза меньше заметок и статей, чем обычно, и 1935 г., в течение которого «Ежедневная парижская газета» напечатала 65 публикаций объемом 2 500 строк. Это составляет соответственно 34,57 и 32,99% всего материала по интересующей нас теме и объясняется, во-первых, заметной активизацией антисемитской политики гитлеровского правительства и, во-вторых, превращением «Штюрмера» из региональной в общегерманскую газету, что выражалось в росте ее тиража в 4,27 раза – с 113 800 экземпляров в январе до 486 000 экземпляров в октябре 1935 г. [10, p. 559]

Многие немецкие евреи не могли поверить, что их давние друзья, коллеги, соседи, клиенты под влиянием антисемитской пропаганды и нездорового духовного климата Третьего рейха отвернутся от них, перестанут ходить в гости, здороваться при случайной встрече, поздравлять с праздниками. Не составляли исключения и сотрудники «Ежедневной парижской газеты», многие из которых были евреями. Реакция «арийского» населения Рейха на

преследования соотечественников-евреев была одной из приоритетных тем для леволиберальных эмигрантов наряду с ростом тиража «Штюрмера», антинаучными расовыми теориями Штрейхера, нападками главного нацистского антисемита на религию и церковь.

Публикации создают впечатление, что леволиберальные эмигранты преувеличивали неприятие «арийцами» идеологии и практики вульгарного нацистского антисемитизма. В их статьях и заметках часто указывалось, что «светловолосые и голубоглазые арийцы заводят дружбу с евреями или, что еще ужаснее в глазах гауляйтера Франконии, заключают с ними коммерческие сделки» (1934 г.); та или иная акция Штрейхера и его сторонников «не встречает большой поддержки»; «публика демонстративно высказывалась» против организаторов бойкота; немецкие врачи оказали «решительное сопротивление» антисемитским эксцессам Штрейхера»; берлинцы отпускают острые шутки о «Штюрмере»; коллективы промышленных предприятий саботируют выступления Штрейхера; «даже товарищи по партии обращаются против порнографического расового безумия Третьего рейха» - сдают евреям номера в своих гостиницах, поддерживают связи с ними, не боятся прийти на похороны еврея (1935 г.); «здоровая часть народа» отвергает травлю евреев (1936 г.); немцы и немки покупают венки на могилу скончавшегося еврея, рассказывают анекдоты о Штрейхере (1938 г.).

В газете эмигрантов был полностью перепечатан репортаж берлинского корреспондента «Базлер национальцайтунг» («Базельской национальной газеты»), считавшего, что население немецкой столицы выражает «негодование по поводу “Штюрмера” и его методов». Швейцарский журналист писал: «В последние месяцы среди населения столицы Рейха увеличились признаки недовольства “Штюрмером”. Это плохое отношение проявляется, в первую очередь, в нападениях на стенды этой антисемитской газеты, методы которой из-за ее поистине порнографического уклона отвергаются больше и больше, и не только населением, но и отчасти – руководителями НСДАП». Корреспондент «Базлер национальцайтунг» рассказывал, что «люди пачкают стенды («Штюрмера». – А. Е.) из ночных горшков и ломают их», и уповал на то, что немцы довольно скоро осознают: разорение евреев – налогоплательщиков, потребителей, клиентов – повлечет за собой экономический крах многих «арийцев» [7].

Только в июле 1939 г. леволиберальные эмигранты утратили часть своего оптимизма. «Ежедневная парижская газета» по-прежнему констатировала: «Режим и сегодня, после шестилетнего

существования и шестилетней монополии на пропаганду, должен оказывать огромное давление, чтобы большая масса присоединилась к антисемитским пошлостям». Однако окончательный вывод, сделанный журналистами, отражал не только надежду: в Рейхе осталось немало немцев, которые поддерживают те или иные контакты с евреями. «В общем и целом, это неплохой знак для немецкого народа. Он все еще сопротивляется беспочвенной низости, которую ему навязали в приказном порядке. Все еще» [11].

«Ежедневная парижская газета» не скрывала, что часть «арийцев» с готовностью воспринимает вульгарный антисемитизм. Она рассказывала о первом выступлении гауляйтера Франконии в берлинском Дворце спорта, которое вызвало настоящий ажиотаж: «Начиная с трех часов пополудни плотные толпы людей устремились к дверям Спортпаласа, которые открылись только в 6 часов. Места были распроданы за 8 дней до речи. Цены на билеты были повышены с 40 пфеннигов до 1 марки. Уже в 6.30 полиция закрыла зал из-за переполненности... На улицах вокруг Спортпаласа были установлены громкоговорители. В последний момент и на Курфюрстендамм, новейшем охотничьем уголье Штрейхера, позаботились о публичной трансляции речи тем же способом. Штрейхер появился в зале ровно в 20 часов» [8]. Однако эмигранты считали, что ораторский успех фюрера Франконии объясняется не готовностью значительной части немцев принять антисемитизм, а лишь экономическими трудностями в Рейхе и что аудиторию Штрейхера составляют только фанатичные партийцы, к которым присоединились страдающие от кризисных явлений женщины и мелкие буржуа. Само приглашение «антисемита номер один» в Спортпалас расценивалось ими как одно из средств отвлечь немцев от экономических неурядиц и избежать «мятежа мелкобуржуазного среднего слоя»: «Для Германии, этой долго пробуждающейся Германии фюрер Франконии, по-видимому, сегодня нужен, как никогда прежде. Этот “дикарь” может начинать действовать в тот момент, когда повышаются цены, ропот масс достигает ушей власть имущих и попытки Геббельса отвлечь внимание не обеспечивают защиты». Чтобы обосновать эту «миссию Штрейхера», журналисты приводили свидетельство очевидца его выступлений в 1923 г., когда Германию поразила гиперинфляция: «Доклады Штрейхера были сладострастными сенсациями. Массы мелких буржуа приветствовали его возгласами ликования. На этих собраниях было много женщин - женщин, не умевших производить подсчеты с астрономическими цифрами, которые теперь были нужны для покупки картофеля и сливочного масла. Они были в состоянии понять толь-

ко то, что их кастрюли оставались пустыми, хотя их мужья работали» [9].

Тем самым левые либералы верно указали на одну из социальных групп, составлявших стабильную массовую базу антисемитизма в Германии, - средний слой. Они правильно определили причину погромных антисемитских настроений в среде мелких лавочников, ремесленников, владельцев небольших предприятий - экономическую конкуренцию со стороны евреев-предпринимателей. Партийцы, которые в материалах «Ежедневной парижской газеты» выступают как отдельная категория, во многом тождественны тому же среднему слою. Вероятно, взаимосвязь антисемитизма и экономических интересов средних слоев была зафиксирована либеральными журналистами еще до прихода Гитлера к власти. В 1923-1930 гг. в либеральной газете «Фосшише цайтунг» вместе с Бернхардом работал социал-демократический журналист Конрад Гейден, много писавший об антисемитизме в НСДАП и считавший «гвоздем» партийной программы пункт о сохранении здорового среднего сословия. Его книга «История национал-социализма. Карьера одной идеи» впервые вышла в свет в 1932 г. и была переиздана в Швейцарии в 1934 г. [1, с. 24].

Сотрудники «Ежедневной парижской газеты» не ограничились классовым видением массовой опоры радикальной ненависти к евреям. Об этом свидетельствует то внимание, которое они уделяли позиции «немецких христиан». За рамки классового анализа выходят и женщины, которые в трактовке левых либералов предстают восторженными сторонницами Штрейхера. Их образы весьма похожи на созданный современниками событий и позднее десятилетиями воспроизводившийся в исторических сочинениях миф о том, что «женщины привели Гитлера к власти», отдавая ему свои голоса на выборах [5, S. 187].

«Антисемитизм, который еще в конце XIX в., прежде всего благодаря Генриху фон Трейчке, стал подходящим для приличного общества, после 1918 г. нашел среди верхушки интеллигенции таких пламенных сторонников, как ни в каком ином слое... Евреи олицетворяли для них все, что они ненавидели в новой Германии: разрушительный интеллектуализм и мягкотелый пацифизм, парламентаризм и классовую борьбу, западную цивилизацию и восточный большевизм. Для вышеупомянутого антисемитского ангажмента врачей и адвокатов запрашивается и материальное объяснение - они имели дело с особенно большим количеством коллег-евреев и рассчитывали, что без этих конкурентов их дела пойдут лучше. Всеобщая антипатия по отношению к евреям позволяла им вытеснять подлинную, эгоистичную движущую причину своей

враждебности по отношению к евреям», - пишет немецкий историк Генрих Август Винклер [12, S. 355-356].

Критики нацизма из леволиберального лагеря вплотную подошли к констатации того, что часть «арийских» врачей испытывала профессиональную зависть к своим более даровитым коллегам-евреям и была готова не только встать под знамена умеренного антисемитизма, выступавшего за снижение влияния евреев в области образования, науки, культуры Германии, но и вопреки своим профессиональным знаниям поддержать псевдонаучные теории радикального антисемита-погромщика Штрейхера. Однако единичный факт приема гауляйтера Франконии в Академию германского права не побудил их к поиску среди юристов сторонников не только интеллектуального, но и вульгарного антисемитизма. Также по причине нехватки фактов осталась незамеченной ими и еще одна группа, потенциально готовая принять аргументы «Штюрмера», - немецкие учителя. Сотрудники Бернхардта ограничились указанием на то, что оба партийных пропагандиста идеи о «чужеродном белке» - Штрейхер и гауляйтер Баварской Восточной Марки Ганс Шемм - имели учительское образование и педагогический стаж [4].

Анализ материалов «Ежедневной парижской газеты» о Штрейхере и его еженедельнике за 1934-1939 гг. дает основания утверждать, что критика леволиберальными эмигрантами вульгарного антисемитизма в Третьем рейхе являлась частью их борьбы против гитлеровского режима, против идеологии и политики национал-социализма. Сотрудники «Ежедневной парижской газеты» выработали собственный стиль подачи материала, который должен был вызывать у читателей отвращение к Штрейхеру, «Штюрмеру» и их мировоззрению. Они старались показать антифашистской общественности патологический, иррациональный характер нацистского антисемитизма, бесчеловечность и аморальность практиковавшейся ими травли немецких евреев. Леволиберальные эмигранты вскрыли связь между примитивными антисемитскими конструкциями Штрейхера и его враждебностью по отношению к христианской религии и церкви, неприятием научных достижений, враждебностью всей западной культуре. Они установили, что пропагандистские усилия гауляйтера Франконии поддерживали другие руководители и инстанции нацистской партии и государства. Исходя из этого, популяризация в Германии идей о «еврейском заговоре», «осквернении расы», «пропитывании крови» преподносилась читателям «Ежедневной парижской газеты» не только как один из симптомов болезни патологического антисемита и сексуального психопата Штрейхера, но и как часть общего проекта всей

нацистской верхушки по «сращению» немецкого народа. Особую тревогу левых либералов вызывало стремление воинствующих антисемитов-погромщиков развратить подрастающее поколение немцев, превратить его в убежденного соучастника преследования евреев. Другим тревожным симптомом, отмеченным эмигрантами, являлся международный характер вульгарного антисемитизма, наличие у него влиятельных сторонников за пределами Германии. Слабыми сторонами леволиберального анализа феномена погромного антисемитизма были, с одной стороны, недооценка эффективности штрейхеровской пропаганды, с другой стороны, - переоценка иммунитета немцев к вирусу антисемитизма и недостаточная проработка вопроса о его массовой базе.

Библиографический список

1. Гейден, К. История национал-социализма в Германии. 7 марта 1919 года – 9 ноября 1923 года [Текст] / Конрад Гейден. - М., 1999. – 192 с.
2. Кунц, К. Совесть нацистов [Текст] / Клаудия Кунц. - М.: Ладомир, 2007. – 400 с.
3. Поляков, Л. История антисемитизма. В 2 т. Т. 2. [Текст] / Лев Поляков. - М. – Иерусалим, 2008. – 612 с.
4. “Artfremdes Eiweiß ist Gift”. Streicher wird Naturheilkundiger - Kultusminister Schemm als sein Kampfgefährte [Text] // Pariser Tageblatt. 1935. 30. Januar. S. 2.
5. Klinksieg, D. Die Frau im Dritten Reich [Text] / Dorothee Klinksieg // Das Grosse Lexicon des Dritten Reiches. - München, 1985. - S. 187-189.
6. Peterson, W. Das Dilemma linksliberaler deutscher Journalisten im Exil: Der Fall des “Pariser Tageblatts” [Text] / Walter Peterson // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1984. H. 2. - S. 269-288.
7. Die Popularität des “Stürmer” [Text] // Pariser Tageblatt. 1935. 2. August. - S. 2.
8. Streicher-Premiere im Sportpalast [Text] // Pariser Tageblatt. 1935. 16. August. - S. 1
9. Streichers Mission [Text] // Pariser Tageblatt. 1935. 17. August. - S. 1.
10. Trial Of The Major War Criminals Before The International Military Tribunal. Vol XLI. [Text] - Nuremberg, 1949. – 560 p.
11. Vom Stürmer [Text] // Pariser Tageszeitung. 1939. 27. Juni. - S. 2.
12. Winkler, H. A. Die deutsche Gesellschaft der Weimarer Republik und der Antisemitismus – Juden als “Blitzableiter” [Text] /

Heinrich August Winkler // Benz W., Bergmann W. (Hrsg.). Vorurteil und Völkermord. Entwicklungslinien des Antisemitismus. - Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1997. S. 341-362.

УДК 94 (430)

Г. М. Ермолина

Образ Германии в британской прессе 1933-1935 гг.

В 1933 г. во внешней политике Великобритании и в общественном мнении сложилась парадоксальная ситуация. После прихода к власти нацистов в Германии усилились пропаганда реванша и экспансии. Однако политика правящих кругов Великобритании в отношении германских требований становилась все более уступчивой. Правящая элита Великобритании вместо того, чтобы выразить хотя бы беспокойство в связи с происходившим в Германии, наоборот, стремилась к достижению сотрудничества с новым правительством Германии. Эта политическая линия получила наименование «политики умиротворения», которая находила поддержку в существовавших в британском обществе в 1920-1930-х гг. представлениях об ущемлении прав свободной страны и необходимости их восстановления.

Сочувственное отношение английской общественности к немцам было связано не только с положением Германии как проигравшей в первой мировой войне страны, находящейся в кризисе. Корни его заключались в том, что англичане уважали германский внутренний дух и восхищались немецкими культурными и интеллектуальными достижениями. Британский историк М. Гилберт указывал, что «умиротворение» как «политика оптимизма и надежды» начиналась еще с конца первой мировой войны и имело разные виды. Дипломаты, политики, например, видели в умиротворении единственный путь к сохранению мира в Европе [1, с.3]. Поэтому в 1933 г. после прихода нацистов к власти не произошло радикальной смены восприятия Германии как субъекта международной политики. Англия продолжала последовательно проводить принятый ранее курс на постепенные уступки Германии, поскольку считала эти меры неизбежными и адекватными происходившим изменениям в расстановке сил [6, с.175]. Выход Германии из Лиги Наций в 1933 г. и отказ от участия в работе конференции по разоружению лишь укрепил правительство Великобритании в мысли о необходимости дальнейшего умиротворения.

Подписание договора о морских вооружениях между Англией и Германией в июне 1935 г. стало важной вехой в становлении политики умиротворения, которая с этого момента начала влиять на всю систему международных отношений. Именно после этого события политика неразумных уступок гитлеровской Германии приняла необратимый характер. Договор юридически закрепил за Германией право на перевооружение в одностороннем порядке. Таким образом, подписав договор, Англия приняла непосредственное участие в возрождении германской военной мощи и намеренно способствовала упрочению международного положения этой страны.

Истоки политики умиротворения нужно искать в формировании представлений и образов Германии в общественном мнении и прессе Британии, так как печатные издания в Великобритании уже с конца XIX в. без преувеличения можно назвать энциклопедией жизни всего британского общества. Чрезвычайно высока была их роль в формировании общественного мнения, так как они пользовались массовым спросом. В некотором роде, они и были общественным мнением, так как для того, чтобы какая-нибудь точка зрения стала достоянием всего общества, публикация ее в прессе была обязательной [11, с. 53].

Общественное мнение в Великобритании не было однородным и постоянно эволюционировало, а анализ позиций и мнений дает возможность воссоздать образ Германии в британской прессе 1933-1935 гг.

Рассмотрение позиций всех газет и журналов этого периода в рамках данной статьи невозможно, поэтому были выбраны два издания, отразившие приход Гитлера к власти и первые шаги нацистской диктатуры. Критериями для выбора послужили позиция газеты по вопросу англо-немецкого сотрудничества, приближенность издателей к высшим правительственным кругам, возможность кабинета и премьера влиять на газету и направленность на определенную аудиторию.

В соответствии с этими критериями были выбраны два издания – «Таймс», одно из самых авторитетных и популярных изданий своего времени, разделявшее проправительственную точку зрения по многим вопросам внутренней и внешней политики. С другой стороны – журнал юмора и сатиры «Панч», оказывающий большое воздействие на общественное мнение. Именно этот журнал в числе первых предупреждал британцев о нацистской угрозе, в отличие от сдержанной в оценках «Таймс». Эти два издания являлись различными по форме и содержанию, и именно поэтому были выбраны для исследования полярных точек зрения прессы.

Проправительственная версия происходящего была отражена в «Таймс», ежедневной газете, принадлежавшей семьям Астор и Уолтер. Традиционно считается, что газета придерживается умеренно-правых взглядов и близка к Консервативной партии. Главным редактором «Таймс» был Джеффри Доусон, которого советский посол в Лондоне И. М. Майский характеризовал следующим образом: «Человек крайне реакционный, религиозно настроенный, не имевший реального представления ни о Европе, ни, в частности, о Германии, Доусон преклонялся перед силой и, считая гитлеровскую Германию решающей мощью на континенте, проповедовал самое беззастенчивое умиротворение нацистского диктатора. Влияние Доусона было настолько велико, что премьер-министры того времени - Макдональд, Болдуин, Чемберлен - обсуждали с редактором «Таймса» министерские назначения» [8, с. 294.]. Доусон на самом деле был близок к проправительственным кругам и через частную переписку с Н. Чемберленом и С. Болдуином стремился оказать влияние на национальную политику. В 1935 г. он стал членом англо-германского сообщества, и с этого времени в «Таймсе» тема немецкого антисемитизма и экспансии становится запретной.

До 1932 г. главной темой для репортажей от собственного корреспондента в Берлине были притеснения евреев, внутреннее положение дел в Германии (результаты выборов в Рейхстаг) и влияние кризиса на эту страну. Упоминалось рассмотрение репарационного вопроса, причем планы по сокращению выплат подавались для читателя как «благое дело, сделанное во имя Германии» [5].

Приход Гитлера к власти был отмечен статьей Дугласа Рида (Нормана Эбботта), корреспондента «Таймс» в Берлине, датированной 31 января 1933 г. В газете сообщалось о составе нового национального правительства, затрагивалась проблема внешнего долга Германии и отношения партии Центра к выборам. Несмотря на описательный характер повествования, корреспондент сделал выводы о том, что такой состав кабинета не давал и не даст нацистам эксклюзивного контроля над страной, которого они добивались [6].

1 марта 1933 г. «Таймс» сообщила о поджоге Рейхстага. В статье «Напряжение в Берлине» собственный корреспондент Норман Эббот сообщал: «Общий страх, что последняя неделя избирательной кампании в Германии будет отмечена насилием, сбывся» [5]. Далее автор писал об арестах коммунистов, об установлении чрезвычайных полномочий, которые он считал попранием либеральных свобод. В статье указывалось на то, что существующее поло-

жение дел в Германии может означать опасность международному миру [6].

Дуглас Рид, корреспондент «Таймс» в Германии, уже позже, в 1949-1952 г., в книге «Спор о Сионе» отмечал растущее беспокойство наблюдателей и корреспондентов, которые в 1933-1935 гг. находились в Берлине. «Начиная с 1927 года я постоянно сообщал о растущих успехах Гитлера, а в 1933 году, по чистой случайности, я проходил мимо горевшего Рейхстага. Это событие, использованное для создания Гестапо и концлагерей по испытанному большевистскому образцу, необычайно упрочило власть Гитлера, но какое-то предчувствие сказало мне в тот вечер, что пожар Рейхстага предвещает гораздо более важные события. Не прекращающиеся с тех пор бедствия Европы фактически начались именно в этот день, а отнюдь не лишь с первым днем войны» [8, с. 210]. Далее автор предлагал решение, что новой войне можно помешать сравнительно легко – дать отпор первым авантюрам Гитлера. Однако основная линия «Таймс» противоречила высказываниям о новой мировой войне, поэтому Дуглас Рид указывал на систематическое игнорирование сообщений от корреспондентов в Берлине. «В газетах и в парламенте Гитлер изображался как по своей природе вполне приличный человек, который не нарушит мир, если его справедливые претензии будут удовлетворены, — разумеется, за чужой счет» [9, с.211]. Установление гитлеровского режима для Дугласа Рида, таким образом, означало начало экспансии и развязывание новой войны, которую можно было остановить, только лишь оказав немцам сопротивление в Рейнской области, Австрии и Чехословакии.

Несмотря на то, что «Таймс» являлась ведущим изданием, до 1933 г. от газеты не последовало освещения амбиций Гитлера. Эта точка зрения согласовывалась с официальной и вплоть до 1936 г. влияла на общественное мнение Великобритании в отношении Германии.

Другой источник, журнал юмора и сатиры «Панч», был менее сдержан в оценке политики Гитлера. Это был журнал карикатур, не зависящий от официальной точки зрения правительства, но «как социальный историк, не имеющий себе равных. Его тома с непревзойденной точностью показывали изменения костюмов, обычаев, причуд... он обеспечивал точный отчет каждую неделю». Свидетельство известного журналиста и редактора Генри Гамильтона, данное в автобиографии «Мои семь я», не противоречит другим отзывам о «Панче» как об образце британского юмора с очень точным отражением действительности [1, с. 47]. Именно этот журнал не пострадал от эпидемии «сдержанности», характерной для

многих изданий этого периода, и указывал на рост гитлеровской экспансии.

Внимание журнала к международной тематике то снижалось, то увеличивалось, и это было связано как с ситуацией внутри страны, так и с международной политикой.

Карикатуры «Панча» быстро откликнулись на изменения внутренней политики Германии: жизнь Германии освещалась через призму деятельности Гитлера, через восхождение к власти и укрепление его позиций. Наиболее ранние карикатуры, выполненные в основном Бернаром Партриджем, ведущим карикатуристом журнала, свидетельствовали о стремлении Гитлера подчеркнуть преэминентность своей власти, ее легитимность, поэтому рядом с фюрером часто можно увидеть фигуру президента фон Гинденбурга [4, с. 49].

Что касается международных отношений, то в 1933 г. им посвящено не так много карикатур. Одна из них называется «Три анти-мушкетера». На ней изображены три типичных представителя Англии, Франции и Италии, которые смотрят на Гитлера в форме юного барабанщика и твердят в 3 голоса – поставим в тупик (проклянем) этого мальчика! Карикатура возникла в условиях обсуждения предложения Муссолини о создании «пакта четырех», пакта согласия и сотрудничества Англии, Германии, Франции и Италии, и выражала озабоченность европейских сил такой политикой Гитлера [9].

Начиная с 1934 г., оценки международного положения дел в «Панче» становятся более резкими. На обложку журнала выносился не главный герой – Панч (Петрушка), что характерно для этого издания, а карикатуры Бернарда Партриджа. В 1934 г. на обложке появляется министр иностранных дел сэр Джон Саймон, который строит карточный домик, составляя слова «конференция по разоружению». В самом журнале часто встречаются изображения молодой девушки – Лиги Наций, которая не может сдержать Гитлера или монстра с повязкой «война» [9].

Таким образом, правительство активно манипулировало общественным мнением через «Таймс», используя для этого самые разнообразные методы - большинство англичан разделяло ту точку зрения, которая проводилась британским правительством через газету. В основном, британская печать в 1933-1935 гг. умело поддерживала власть в ее стремлении следовать курсом «умиротворения», опираясь на сильные пацифистские настроения, хотя и прибегая к определенному искажению действительности. Однако полного консенсуса в британском общественном мнении не было, и

это было обусловлено пониманием нацистской угрозы и ростом притязаний Гитлера, что и было отражено в журнале «Панч».

Библиографический список

1. Hamilton, H. My seven selves. [Text]/ H. Hamilton. – L. 1935.
2. Gilbert, M. The roots of appeasement. [Text]/ M. Gilbert. – L., Weidenfeld and Nicolson, 1966.
3. Griffiths, R. Fellow travelers of the right [Text] / R. Griffiths. – L., Oxford University Press, 1983.
4. Spielmann, M. H. The History of «Punch» [Электронный ресурс] – режим доступа: www.gutenberg.org - свободный.
5. The Times [Text]: ежедневная газета. – L. 1927-1930.
6. The Times [Text]: ежедневная газета. – L. 1933, январь, март.
7. Богатуров, А. Д. Системная история международных отношений в 4-х томах. 1918-2000 [Текст] : в 4 т. Т.1, события 1918-1945. – М.: Московский рабочий, 2000.
8. Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг.[Текст] / И.М. Майский. - Ташкент: Узбекистан, 1980.
9. Рид, Д. Спор о Сионе [Текст]/ Д. Рид. – М.: Вог-Свекрасаф, 2005.
10. Рисунки из журнала «Панч» 1932-1939 гг. – [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.punchcartoons.com/index.html> - свободный.
11. Соколов, В.С. Периодическая печать Великобритании [Текст]/В.С. Соколов, С.М. Виноградова. - Спб., 2000.

УДК 94 (430)

Е. В. Зорина

Пропагандистское обеспечение благотворительной помощи в нацистской Германии

Одной из основ установления и укрепления нацистского режима в Германии являлась хорошо спланированная и организованная пропаганда. Пропагандистская деятельность велась в самых различных направлениях, будь то политика, экономика или досуг немцев, ею были охвачены буквально все социальные и возрастные слои населения Германии. Любое дело, продолжавшее давние традиции или инициированное нацистами, было тщательно проду-

мано и использовано с максимальной пользой для режима. Не стала исключением и благотворительная деятельность, которая в период Третьего рейха находилась под жестким контролем государства.

Для осуществления помощи малоимущим слоям населения, а также для проведения мероприятий «на благо здоровья нации» в 1933 г. была создана Национал-социалистическая благотворительная организация (НСВ), в рамках которой особый статус получила организация «Зимняя помощь» (ВХВ). С целью привлечения граждан к активному участию в работе этих структур широко применялись различные пропагандистские методы и средства.

Нацисты превратили благотворительность в важную часть своей социальной политики, поэтому ей уделялось внимание на самом высоком государственном уровне. Деятельность НСВ курировал министр народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс, наделенный дополнительными властными полномочиями как рейхсляйтер НСДАП и гауляйтер Большого Берлина.

Каждую ежегодную кампанию по сбору средств в фонд «Зимней помощи» открывал сам фюрер и рейхсканцлер А. Гитлер посредством радиообращения к нации. Эти выступления «вождя» стали одной из новых традиций Третьего рейха. Говоря о необходимости поддерживать соотечественников, находящихся в тяжелом положении, Гитлер неизменно делал акцент на теме национальной солидарности немцев и необходимости принесения жертвы во имя общего блага. Уже в первом своем выступлении по поводу начала работы ВХВ в сентябре 1933 г. он заявлял: «Каждый должен осознать, что его взнос только тогда имеет ценность для создания истинного народного сообщества, если этот взнос означает для него жертву. Если весь народ правильно поймет, что эти меры должны для каждого означать жертву, тогда, благодаря этим мерам, наступит не только смягчение материальной нужды народа... но проявится нечто более сильное, из этого вырастет убеждение, что народное сообщество не является пустым понятием» [2, с. 474].

Эта тема являлась ключевой в выступлениях и других высокопоставленных лиц. Так, например, в своей речи на заседании партийного съезда в 1937 г. руководитель НСВ Э. Хильгенфельдт характеризовал участие в работе ВХВ как «дело самой нации», «выражение единства нации», «осуществление сохранности чувства товарищества» и т.д. Он отмечал, что Геббельс ставит заботу о благосостоянии немецкого народа в разряд первоочередных задач, а Гитлер, призывая к участию в благотворительности, «апеллирует к нравственности народа». Кроме того, он обращал внима-

ние на то, что большие успехи ВХВ являются результатом не налогов, а пожертвований [5].

Представители высшей партийной элиты не только на словах пропагандировали необходимость участия в благотворительной деятельности, но и сами подавали пример для подражания. Так, А. Гитлер лично принимал участие в таком мероприятии, как «день одного блюда», когда во второе воскресенье каждого зимнего месяца обед немцев дома, в столовых или ресторанах должен был состоять только из одного блюда, а сэкономленные таким образом средства жертвовались в ВХВ [3, S. 58]. В уличных сборах пожертвований были задействованы штурмовики СА, дети и подростки из Гитлерюгенда и Союза немецких девушек, участницы женских организаций. К участию в подобных мероприятиях привлекались также артисты театра и кино, другие деятели искусств. Они же активно задействовались в благотворительных концертах и вечерах отдыха, средства от которых перечислялись в пользу организации «Зимняя помощь».

Все крупные благотворительные акции освещались средствами массовой информации. Итоги кампаний по сбору пожертвований отражались на страницах как центральной, так и региональной немецкой прессы, причем в газетных материалах фиксировались не только успехи проведенных мероприятий, но и содержалась критика граждан, саботировавших пожертвования. Иногда такие публикации приводили к серьезным последствиям для подобных «уклонистов» [2, с. 478].

Одним из средств воздействия на массовое сознание населения страны являлась наглядная агитация. Особенно эффективно использовались плакаты, которые благодаря ярким изображениям и пояснительным текстам помогали доходчиво доводить до людей нужные идеи. На плакатах, призывающих к пожертвованиям, наиболее сильными были образы матерей с детьми, а в военные годы - немецких солдат, проливающих кровь на фронте ради всей нации. Эти образы помогали привлечь внимание, призывали к действию, поскольку трудно было отказать в помощи нуждающемуся ребенку или воину, терпящему лишения на фронте. Плакатные изображения дополнялись не менее яркими запоминающимися призывами: «Никто не должен голодать, никто не должен мерзнуть», «Не трать. Жертвуй» и т.д. Существовали плакаты, призывающие как к участию в конкретном мероприятии (например, к пожертвованию на строительство молодежной туристической базы) так и выражающие общие идеи благотворительной политики: «Здоровье народа, народное общество, защита ребенка, защита ма-

тери, борьба с бедностью, помощь путешественникам. Все это цели НСВ. Присоединяйтесь», «Народ поможет себе сам» и т.д.

К другим видам печатной продукции, используемой для пропаганды деятельности благотворительных организаций, относились почтовые открытки и марки, которые выпускались большими тиражами. Часто их выпуски были приурочены к юбилейным датам. В отличие от плакатов, несущих только смысловую нагрузку, эти средства наглядной агитации приносили еще и весьма внушительный материальный доход.

Был издан альбом «Государство труда и мира», по устройству напомилавший альбом для марок, со специально отведенными местами для фотографий и текстов. На снимках изображались немцы, участвующие в зимней благотворительной программе. Цветные фотографии из этого альбома можно было обнаружить в пачках сигарет известных фабрик [1, с. 100].

Кроме того, было налажено массовое производство различного вида значков, которые либо продавались, либо вручались гражданам как отличительные знаки участников благотворительных пожертвований. По-видимому, авторы этой идеи рассчитывали на то, что выпускаемые сериями значки вызовут интерес коллекционеров-фалеристов. Активисты НСВ распространяли также пропагандистские буклеты, брошюры с рекламными призывами и фотографиями, детские игрушки и рождественские украшения с аббревиатурой ВХВ.

Работа благотворительных организаций приносила нацистам реальную помощь, причем не только политическую, но и экономическую. Поэтому для ее успешного осуществления, для придания ей всеобщего характера, прилагалось немало усилий, в том числе и пропагандистских.

Забота о нуждающихся соотечественниках не являлась единственной целью нацистской благотворительности. С ее помощью успешно решались важные социально-психологические и пропагандистские задачи: сплочение нации, снятие социальной напряженности, воспитание чувства сопричастности к жизни страны и жертвенности на общее благо. С одной стороны, это не могло не воодушевлять, и результатом стало активное участие немцев в благотворительной работе. Об этом свидетельствует статистика, согласно которой наблюдался ежегодный рост отчислений в фонд «Зимней помощи»: так, если зимой 1933/34 г. было собрано 358 млн. рейхсмарок, то зимой 1941/42 г. сумма сборов составила 1,277 млрд. рейхсмарок [4, S. 11]. С другой стороны, у части населения многие акции и мероприятия нацистов в сфере социального вспо-

моществования вызывали раздражение своей чрезмерной настойчивостью, нередко граничащей с принуждением.

Таким образом, пропагандистские лозунги часто не были фальшивыми декларациями, за многими из них стояли реальное содействие нуждающимся гражданам, выражавшееся в снабжении продовольствием, топливом, теплыми вещами, забота о женщинах и детях, помощь семьям военнослужащих и солдатам, находящимся на фронте, а также другим категориям граждан, попадающим, согласно нацистской концепции благотворительности, в разряд нуждающихся в той или иной помощи.

Особенностью пропаганды в сфере благотворительной деятельности можно назвать ее двойственный характер: с одной стороны, она призвала людей к конкретной деятельности, с другой стороны, - имела политическую подоплеку, объединяя немцев в едином национальном порыве и давая им ощущение заботы и защищенности со стороны государства, что способствовало позитивному настрою немцев по отношению к нацистскому режиму.

Библиографический список

1. Кунц, К. Совесь нацистов [Текст] / К. Кунц. – М.: Ладомир, 2007. – 400 с.
2. Паламарчук, Е.А. Социальная политика Третьего рейха. [Текст] / Е.А. Паламарчук – Ростов н/Д: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2005. – 560 с.
3. Bauer, W., Dehen, P. Tatsachen und Zahlen über Deutschland. [Text] 2. Aufl. / Wilhelm Bauer, Peter Dehen – Berlin, 1941. – 103 S.
4. Conrad, P. Luftkrieg, Inflation und Winterhilfe. [Text] / P. Conrad // Die Zeitung. 1944. 18. Februar. S.11.
5. Hilgenfeldt, E. Aufgaben der nationalsozialistischen Wohlfahrtspflege. Rede auf der NSV.-Tagung anlässlich des Reichsparteitages der Arbeit. 1937 [Text]. / E. Hilgenfeldt – München, Berlin: Zentralverlag der NSDAP, Franz Eher Nachf. – 1937.

Т. С. Вершинина

Школьное образование и конструирование образа мужчины в нацистской Германии

Нацистское государство с самых первых политических шагов показало себя решительным, агрессивным организмом. Тоталитарная сущность требовала безраздельной власти и единообразия на всей территории страны. Маскулинное в основе государство видело своей опорой, прежде всего, мужчин: солдат, отцов, чиновников, учителей. Для того, чтобы служить античеловечному нацизму, нужно было вырасти в этой системе, быть воспитанным ею. А. Гитлер это прекрасно понимал. В своем труде «Майн кампф» он уделил большое внимание вопросам обучения и воспитания немецкой молодежи, а придя к власти, начал кардинальным образом менять образовательную систему Германии.

На протяжении, по крайней мере, столетия немецкое образование считалось образцовым, «вызывало широкое восхищение, начиная с детского сада и кончая университетом» [6, с. 353]. Оно базировалось на консервативной педагогической традиции: жесткая дисциплина, безусловное следование стандартам, восприятие учеников как объектов для передачи знаний. Большие изменения в школьном образовании произошли в период Веймарской республики. В это время в государстве развернулось широкое молодежное движение, именно оно способствовало гуманизации образования. В школьной среде повысилась роль самоуправления, возросла степень участия родителей в жизни школ, появились народные школы, где учителями нередко работали участники молодежных движений, «в 20-е годы воспитание молодежи было возведено в ранг государственной политики» [1]. Таким образом, период Веймарской республики – это время интеллектуальной свободы и повышения уровня образованности нации.

Уже с апреля 1933 г. гитлеровцы начали проводить политику повсеместной нацификации власти, в том числе и в системе образования. Первым направлением нацификации были гонения на учителей. Законодательную основу для этого давал закон «О восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 г. Согласно документу, «государственные служащие неарийского происхождения должны быть отправлены на пенсию»

[8]. Это позволило уволить из школ, прежде всего, учителей евреев. Логичным продолжением этого направления стал закон «Против переполненности немецких школ и высших учебных заведений», по которому было снижено количество школьников-неарийцев. После таких предварительных мероприятий нацисты поняли, что можно осуществить главное – поставить школьное обучение под контроль государства. С этой целью «почти 100% преподавателей средних школ были включены в состав Национал-социалистического союза преподавателей» [7, с. 311], оказывалось давление на педагогическую прессу, было сокращено количество конфессиональных школ. Важным новшеством стало введение в школах традиции празднования знаменательных дат из истории нацистской партии. Такие праздники стали важной формой воспитательной работы, они повышали лояльность молодежи к режиму. К числу таких дат относились 30 января – день прихода национал-социалистов к власти, 20 апреля – день рождения Гитлера, 23 февраля – день памяти Хорста Весселя и др. [2] Таким образом, политика нацификации в сфере образования проходила в разных направлениях, отличалась масштабностью и была законодательно подкреплена.

Все преобразования нацистов в сфере образования проводились согласно идеям Гитлера, которые он высказал еще задолго до прихода к власти. Не получив систематического образования и провалив экзамены в Венскую академию художеств, Гитлер всю жизнь испытывал презрительное отношение к педагогам. В отношении цели и содержания образования фюрер четко и ясно расставил акценты: «Моя педагогика сурова. Слабых следует вышвыривать прочь. Я буду воспитывать ее (молодежь – Т.В.) всеми возможными физическими упражнениями. Мне не нужно интеллектуальное воспитание. Знание только испортит мою молодежь» [4, с. 191]. Итак, согласно взглядам фюрера, школьное образование должно строиться на главенствующей роли физического воспитания и пренебрежении подготовкой в области знаний. Целью образования становилась «интеграция молодого человека в общество, которому он необходим, процесс образования сводился исключительно к воспитанию характера» [1]. Задача нацистов облегчалась тем, что немецкое образование и в предыдущие эпохи было проникнуто идеями национализма. Так, например, Веймарская конституция целью образования провозглашала стремление «к нравственному просвещению, насаждению духа гражданственности, личной и профессиональной пригодности в духе немецкой народности» [3]. Казалось бы, эти цели не столь противоречивы, но, начиная со второй половины

1930-х гг., переходят к настоящим расистским воззрениям, которые именовали немецкую нацию расой господ, а всех остальных – недочеловеками.

Итак, немецкая школа нацифицировалась в соответствии с представлениями фюрера. Были составлены новые образовательные стандарты, переписаны учебники, отобраны предметы для изучения. В феврале 1933 г. министром образования Пруссии был назначен безработный школьный директор из провинции Бернхард Руст [6, с. 354], а через год он занял пост рейсхминистра по делам науки, образования и культуры. Под его руководством национал-социалистическая школа должна была выпускать в жизнь «героическую» молодежь.

Фюрер считал важным прежде всего воспитание мальчиков, потому что именно им суждено стать солдатами, готовыми завоевать мир. С самых первых школьных дней мальчик видел в букваре (Primer) рисунки марширующих солдат; с этого начиналось воспитание в школьнике солдатского идеала. Тут же мальчик впервые сталкивался с врагом: на обложке букваря – карикатура на еврея, затем ученик должен был познать «всю прелесть» расовой доктрины через специально отобранные и трансформированные школьные дисциплины [5, с. 354-355]. Основными предметами были история, биология и немецкий язык. Благодаря им ученик понимал все величие немецкого государства, арийской расы и германского языка. Очень большое значение для социальной селекции имели элитные школы. Именно они готовили кадровый состав СС и вермахта. К числу элитных школ относились Национально-политические воспитательные учреждения (Наполас) и школы Адольфа Гитлера. Именно в Наполас в полной мере воплощались принципы национал-социалистической педагогики, а «воспитание считалось солдатским не только в силу своей строгости и муштры, но и сами юнгманы считались политическими солдатами» [1]. Все предметы в Наполас имели политическую ориентацию, и все же одним из самых важных предметов был спорт (в учебном плане на него отводилось 5 часов в неделю). Анализируя устройство Наполас историки отмечают его амбивалентный характер: с одной стороны запрет демократических элементов (например, родительских комитетов), с другой, развитие школьного самоуправления (ведь ученики Наполас должны были уметь не только выполнять, но и отдавать приказы) [1].

Итак, с приходом к власти национал-социалистов образовательная система Германии подверглась сильным изменениям. Гитлеровцы изменили практически все: цели и

содержание образования, типы учебных заведений, формы внеурочной работы, подготовку педагогического состава, тем самым поставив образование на службу национал-социалистическому государству. В нацистской школе воспитывался человек нового типа: преданный слуга режима. С ранних лет перед мальчиками предстал образ настоящего мужчины. Это выразилось в оформлении учебных пособий, введении спартанской дисциплины и единой формы, в школьных праздниках, в содержании учебных дисциплин. Такими способами конструировались нацистские мужские идеалы, и они находили каналы трансляции практически во всех областях жизни школьника. Успеху нацистов в воспитании настоящих мужчин способствовали такие факторы, как националистически ориентированная педагогическая традиция и существовавшая долгое время система кадетских образовательных учреждений. Изменения системы школьного образования, с одной стороны, вызвали «снижение интеллектуального уровня учащихся, с другой стороны, на значительную высоту поднялось здоровье и физическая подготовка немецкой молодежи» [5, с. 127]. Следовательно, через школу и систему образования нацистам удалось серьезно повлиять на идеалы нового поколения немцев и при помощи образов мужчины-арийца подготовить значительное число мальчиков и юношей к служению человеконенавистническим целям режима.

Библиографический список

1. Васильченко, А.В. Национально-политические воспитательные заведения (Наполас) в национал-социалистической Германии [Электронный ресурс] // URL: http://nazireich.net/index.php?option=com_content&task=view&id=337&Itemid=64
2. Васильченко, А.В. Преобразование школьной системы в первые годы фашистской диктатуры [Электронный ресурс] // URL: http://www.nazireich.net/index.php?option=com_content&task=view&id=342&Itemid=64
3. Веймарская конституция 1919 года. Отдел четвертый «Просвещение и школа» статья 148 [Электронный ресурс] // URL: <http://law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=261&page=3>
4. Раушнинг, Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны [Текст] М.: Миф, 1993. – 381 с.

5. Фашизм и антифашизм [Текст] : энциклопедия в 2-х т. / Большая энциклопедия. - М.: Терра, 2008. - Т. 2. - 512 с.

6. Энциклопедия Третьего Рейха [Текст]/ сост. С. Воропаев. - М.: Локид-Миф, 1996. - 587 с.

7. Энциклопедия Третьего Рейха [Текст]/ сост. В. Телицын. - М.: Локид-Пресс, 2003. - 479 с.

8. Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums [Электронный ресурс] // URL: [http:// documentarchiv.de/ns/beamtenges.html](http://documentarchiv.de/ns/beamtenges.html).

УДК 94 (41/99)

А. А. Тихонов

«Новый лейборизм» Т. Блэра как центристский проект Лейбористской партии Великобритании

Череда поражений Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ) на выборах 1980-х гг. заставила ее членов вести долгие дискуссии о необходимости обновления тех принципов, на которых строилась партия. Изменения в политике и идеологии ЛПВ, начавшиеся еще при Н. Кинноке и Дж. Смите, приобрели свой окончательный вид в «новом лейборизме» Тони Блэра.

Российские исследователи различным образом оценивают «новый лейборизм» как составную часть идеологии «третьего пути».

Так, А. Громыко считает, что «новый лейборизм» сыграл важную роль в модернизации политической системы Великобритании. Вместе с тем, Блэр и его сторонники, придя к власти, существенно сдвинули левоцентристскую партию вправо, по сути превратив ее из социал-демократической в социал-либеральную [1, с.154].

Известный исследователь европейской социал-демократии Б. Орлов считает, что Тони Блэр пытался создать новый левоцентристский консенсус в условиях глобализации. Вместе с тем он указывает, что предложенный им вариант «нового центра» удовлетворял далеко не всех, создавая раскол между лидерами и партийной массой [2, с.63-64].

С. Бодрунова в ходе изучения современной политической коммуникации в Великобритании пришла к выводу, что и «третий путь» и «новый лейборизм» как его идеологема стали следствием перехода «развитой демократии в стадию политического маркетинга, симптомом поиска... более широкой электоральной опоры в

связи с кризисом классовой и партийной идентификации электората» [3, с. 190].

Рассмотрим идеи, положенные Т. Блэром в фундамент «нового лейборизма».

В своей статье «Выковывая новую повестку дня», опубликованной в октябрьском номере журнала «Marxism Today» за 1991 г., Тони Блэр обозначил ряд идей, ставших основой «нового лейборизма». Во-первых, по мнению Блэра, традиционные политические доктрины (социализм и консерватизм) исчерпали себя и не могут более служить «надежным убежищем» в условиях, когда «все должно быть обдумано и переосмыслено» [4, р.32]. Блэр отрицательно оценивал опыт «коллективизма старого образца», будь то «реальный социализм» СССР и его союзников или «мягкий корпоративизм (т.е. социальное государство – А.Т.) 60-х, практиковавшийся на Западе». Конечно, он не отрицал успехов, достигнутых лейбористами и социал-демократами в удовлетворении базовых жизненных потребностей общества в жилье, образовании, медицине и т.д. Однако он считал, что государство постепенно подменило собой общество, узурпировав право индивида быть не только производителем, но и потребителем с правом выбора. Именно отсутствие свободы выбора, которую создает рынок, и привело, по его мнению, к непопулярности таких «коллективистских институтов, как правительство, государственная промышленность или профсоюзы» [4, р.33]. Блэр видел в этом одну из причин победы и популярности тэтчеризма с его пропагандой «свободного» рынка и «сокращения государства». Задачу социалистов он видел в том, чтобы найти баланс между личностью и обществом. Это было возможно, по его мнению, за счет увязывания прав гражданина с обязанностями и за счет возрождения различных коммунистических практик. По мнению Блэра, «гражданство без сообщества и без готовности действовать как социум – есть пустая риторика» [4, р.32]. Таким образом, он пытался наполнить индивидуализм социальным звучанием, подчеркивая связь гражданина с обществом, которое не только предоставляет ему права, но и возлагает обязанности.

Еще более четко принципы «нового лейборизма» нашли свое отражение в памфлете «Социализм», написанном Т.Блэром для Фабианского общества в 1994 г. В первой части своей работы он делает краткий экскурс в историю ЛПВ и делит политическую историю Великобритании на три части: первая соотносится у него с созданием «государства всеобщего благосостояния», вторая связана с кризисом социального государства, которое критиковалось во имя освобождения индивида, третья - с исчерпанностью тэтче-

ризма, выразившегося в разобщенности общества и отсутствии безопасности. Общество, по мнению Блэра, вновь готово прислушаться к левым ценностям, таким, как «социальная справедливость, сплоченность, равенство возможностей и сообщество (community)». Однако эти ценности не могут рассматриваться как возврат к прошлым практикам. Блэр выделяет в социалистической мысли два течения: этический социализм, близкий европейской социал-демократии, и квазинаучный социализм, ассоциирующийся с марксизмом. Крах Советского Союза и провал ультралевых в Великобритании в начале 80-х сделали этический социализм единственно возможным будущим для ЛПВ [5, p.1-3].

Блэр критиковал «ограниченные временем» экономические и классовые представления, свойственные левым в прошлом. В качестве примера он приводил те изменения, которые произошли в мире под воздействием глобализации. Во-первых, «экономика стала глобальной» и взаимосвязанной, так что политика изоляции невозможна. Во-вторых, рост потребительской культуры и сферы обслуживания, по мнению Блэра, заставляет человека воспринимать себя не только как производителя, но и как потребителя. Это делает старое классовое деление неактуальным. В-третьих, он указывал на революционные изменения в характере трудовых отношений. По мнению Т. Блэра, изменилось гендерное соотношение рабочих в пользу женщин. Многие люди выбирают различные формы частичной занятости и меняют работу несколько раз за свою жизнь [5, p.4-5].

Большое значение Тони Блэр придавал образованию. Он доказывал, что в современном мире равенства возможностей можно достичь, только обладая знаниями. Задача лейбористов - сделать систему образования максимально доступной. «Это шанс для Лейбористской партии и Левых получить опору для проведения политики, которая полностью соотносится с ее традиционными принципами - а именно, вмешательством, которое позволит создать и развить индивидуальные способности человека и способствует его процветанию в условиях новой экономики, вместе с тем, их применение возможно различным способом в современном мире» [5, p.5]. Таким образом, задачей «нового лейборизма» является помощь в переподготовке для того, чтоб работник всегда мог соответствовать меняющейся конъюнктуре рынка.

Более подробно на ценностях «нового лейборизма» Тони Блэр остановился в своем памфлете «Позвольте нам повернуться лицом к будущему», написанном по случаю празднования юбилея победы ЛПВ на выборах 1945 г. В качестве лидера партии он ставит перед собой задачу «перестроить партию от самого фундамен-

та с тем, чтобы каждый камень лежал на своем правильном месте» [6, p.5]. Для достижения этой цели Блэр предлагает обратиться к опыту «новых либералов», которые в начале XX века сумели радикально пересмотреть свои политические и экономические взгляды и в качестве членов ЛПВ сыграли важную роль в создании социального государства [6, p.10-11]. Опираясь на этот опыт переоценки ценностей, Тони Блэр предлагает радикально изменить и ЛПВ. Во-первых, по его мнению, следует пересмотреть пункт 4 Устава ЛПВ, в котором говорилось, что целью партии является обобществление средств производства в интересах людей труда. Эта идея слишком устарела и не может служить «идеологическим компасом». Экономические догмы, на которых строился проект социализма довоенной и послевоенной ЛПВ, необходимо заменить «этическим социализмом». «Этот социализм основывается на моральном утверждении того, что индивиды являются взаимозависимыми, что они должны быть обязаны друг другу как самому себе» [6, p.12]. Подобным образом переосмысленный «социализм» (socialism), освобожденный от цепей собственной истории в пользу нравственного императива, восходящего к Канту, по мнению Блэра, позволит избежать ложного выбора между «принципами и властью», в который попала ЛПВ в начале 80-х [6, p.12-13].

Еще одним препятствием на пути модернизации ЛПВ, по мнению Тони Блэра, стала система «блокового голосования» профсоюзов, которая давала огромное преимущество ассоциированным с партией тред-юнионам, чьи голоса при выборах внутри партии перевешивали голоса окружных партийных организаций. К середине 1990-х гг. эта система мешала лейбористам наладить контакт с потенциальным избирателем. Тони Блэр предложил отказаться от «блокового голосования» в пользу принципа «один член – один голос». Это могло привести больше демократии в жизнь партии и вместе с созданием Политического Форума для ведения конструктивных дискуссий вновь сделать ЛПВ популярной у самого широко электората [6, p.13].

К началу предвыборной гонки 1997 г., завершившейся триумфальной победой «новых лейбористов», Тони Блэр имел устоявшийся набор идей, которые должны были лечь в обновленный фундамент ЛПВ. Эти принципы были изложены Блэром в преамбуле к предвыборному манифесту ЛПВ 1997 г. Основная идея обращения к будущим избирателям – стремление к обновлению как партии, так и страны.

«Новые лейбористы» отказались от традиционной для их партии экономической и классовой политики (пересмотр 4 пункта Устава партии и ослабление влияния профсоюзов на политику,

проводимую лейбористами). Они признавали правильность некоторых мер, осуществленных консерваторами [7, р. 345], но считали, что в новом мире необходимо отказаться от устаревших политических ярлыков («левое», «правое»), которые только мешают обществу двигаться вперед.

Подобно своим конкурентам – консерваторам, «новые лейбористы» говорили о себе как о партии, ориентированной не на какую-то одну социальную группу, но как о «политическом представительстве всех британцев в целом».

В основе общества не должна быть зависть и голый интерес отдельного индивида, а наоборот, сотрудничество для достижения совместных целей. Именно подобный индивидуализм, соотносящий интересы одного человека с интересами других и в конечном итоге всего общества, должен был дать толчок к развитию всей страны, по мнению лейбористов [7, р. 345-347].

«Новые лейбористы» выступили как сторонники межклассового компромисса и социального партнерства, отказавшись от отмены ограничений, внесенных консерваторами в деятельность профсоюзов [7, р. 347-348].

Выступая за модернизацию социального государства, Блэр указывал на то, что оно должно строиться на взаимосвязи прав и обязанностей, которые идут рука об руку, и не зависят от давления одной из групп населения.

Приоритетными задачами правительства должно было стать развитие системы образования, здравоохранения, защита окружающей среды, борьба с преступностью и развитие различных форм децентрализации и самоуправления [7, р. 348-349].

В чем было отличие центризма «новых лейбористов» от предыдущих попыток социал-демократов найти «третий путь» между коммунизмом СССР и североамериканским капитализмом?

Новизна подхода Блэра заключалась в его привязке к эмпирической действительности. В отличие от предшественников он вынужден был действовать в мире, где социалистический проект больше не выглядел привлекательным в результате распада СССР. Исходя из этого факта, Блэр пересмотрел традиционную социал-демократическую систему ценностей. Идеологическое противостояние левых и правых было отправлено на свалку истории как устаревшее и никак не связанное с нынешней повесткой дня. Одновременно это служило и риторическим преимуществом в дебатах, т.к. переносило дискуссию из традиционной политической плоскости в оценочную плоскость новое/старое. Экономический детерминизм и классовая политика были заменены этическим социализмом,

восходящим к христианским ценностям, что было близко Блэру еще со времен учебы в университете [8, p.79].

Отказ от классовой концепции привел к инкорпорированию в идеологию «нового лейборизма» некоторых ценностей, активно пропагандировавшихся до этого М. Тэтчер. От консерваторов в «новый лейборизм» перешла идея восприятия себя как общенациональной партии, выстраивающей новый вариант социального партнерства. Не меньшую роль в изменении идеологии ЛПВ сыграл процесс глобализации. Он привел к пересмотру роли государства, которое больше не могло контролировать рынок. Различные формы флексибилизации трудовых отношений и частая смена рыночной конъюнктуры подвели Блэра к отказу от стремления добиться полной занятости. Государство больше не могло нести ответственность за будущее работника, но оно должно было создать для него возможность постоянной переквалификации и переобучения. Это вело к переосмыслению традиционного для социал-демократов понятия равенства. «Новый лейборизм» не стремился искоренить неравенство в его экономическом смысле. Созданная им взаимосвязь между равенством и ответственностью перекладывала заботу о своей судьбе с плеч государства на плечи индивида с условием, что государство брало на себя обязанность предоставить человеку возможность переобучения.

Итак, «новый лейборизм» действительно был попыткой создать новую центристскую политическую повестку, однако, очищенный от многих фундаментальных социал-демократических принципов, он поставил под вопрос идентичность ЛПВ. Стремление Тони Блэра сделать партию более привлекательной для изменившегося в ходе глобализации британского общества путем инкорпорирования неолиберальных ценностей увенчалось успехом лишь на первых порах. Сдвиг ЛПВ в сторону социал-либерализма постепенно сделал партию мало отличимой от конкурентов, что привело к проигрышу на прошлогодних выборах.

Библиографический список

1. Громыко, А.А. Модернизация партийной системы Великобритании [Текст] / А. Громыко. - М.: Весь Мир, 2007. - 213 с.
2. Орлов, Б. Европейская социал-демократия [Текст] Б. Орлов // Свободная мысль. - 2010. - №2. - С. 63-64.
3. Бодрунова, С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации. [Текст] / С.С. Бодрунова. - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010.

4. Blair, T. Forging a new agenda [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.amielandmelburn.org.uk/collections/mt/index_frame.htm.

5. Blair, T. Socialism [Text]. - London: Fabian Society. 1994.

6. Blair, T. Let Us Face the Future – the 1945 anniversary lecture [Text]. - London: Fabian Society, 1995.

7. New Labour: because Britain deserves better. Election manifesto 1997 // Labour party general election manifestos 1900-1997 [Text]. - London: Politico's Publishing, 2000. P. 345-349.

8. Blair, T. A Journey [Text]. - London: Hutchinson. 2010.

УДК 930

А. С. Ходнев

История на рынке: российские популярные журналы по истории

История как наука в России испытала с 1987 по 2010 г. длительный турбулентный период. В конце советской эпохи в связи с политикой гласности, объявленной М. С. Горбачевым, тиражи практически всех общественно-политических и художественных журналов с публикациями по истории резко выросли. Особенно это касалось тем, связанных с раскрытием так называемых «белых пятен истории». Тиражи «толстых» литературно-художественных изданий, начавших эти публикации, а также журнала «Огонек» и ежедневных газет росли на 20 млн. ежегодно и в 1988 г. были на 62,4 млн. больше, чем в 1985. Журнал «Родина», выпустивший первый номер в 1989 г., стал сразу бестселлером, уже через несколько месяцев в 1990-м имел тираж 450 тысяч [2, с. 14].

Социологи обратили внимание на высокие показатели чтения журналов в 1990 г. 16% респондентов читали журналы ежедневно, 33% – не реже одного раза в неделю, еще 32% не реже одного раза в месяц, и только 19 процентов совсем не читали журналов [4, с. 35]. Таким образом, 81% граждан были активными читателями журналов в конце эпохи Советского Союза. Тиражи поднимал огромный интерес к истории. Большой популярностью читателей пользовалась, прежде всего, публицистика на исторические темы. Авторами текстов были как писатели, журналисты, так и профессиональные историки.

Положение в социально-культурных практиках чтения критически изменилось с началом в 1992 г. рыночных реформ. Возник совершенно новый контекст повседневности, который социологи

определили как «понижающая» и «упрощающая» адаптация к жизни [3, с. 220]. Это проявилось, прежде всего, в одомашнивании досуга и обеднении его структуры. Для подавляющего большинства жителей России свободное от работы и домашних дел время было занято просмотром телевизионных программ. Пали тиражи книг и журналов. Разовый тираж журналов за 1990-е сократился в 6-7 раз, а наиболее читаемых в конце 1980-х – 25 раз и более [3, с. 223]. Соответственно сократилось с 81 до 53% число читателей [3, с. 224]. К 2008 г. не читали журналов совсем 54% взрослого населения [5, с. 17]. Сохранились в основном гляцевые журналы (еженедельники). Сократилось в целом доверие читателей к СМИ, выступавшим в конце 1980-х – в начале 1990-х проводниками культурных и политических перемен. И на этом фоне выросло потребительское отношение к периодическим изданиям, мотивированное желанием «расслабиться», «развлечься».

Тем не менее, несмотря на драматические перемены в интересах населения и мотивах поведения в условиях рынка, как показали опросы социологов Левада-Центра (Аналитический Центр Юрия Левады), чтение является в современной России инструментом первичной социализации и обучения самым общим навыкам городской цивилизации. Подобные процессы можно было наблюдать и более ста лет назад в начальный период модернизации. Наиболее активными читателями в настоящее время, как и в прежние переломные культурные эпохи, являются женщины, молодежь, образованные слои населения, а наиболее инертную среду представляют старшие группы: пенсионеры, малообразованные россияне, жители сел и примыкающих к ним по образу жизни и стандартам культуры малых городов [3, с. 231]. Согласно другому социологическому исследованию, уровень образования уже не является ведущим фактором, формирующим интерес к чтению журналов, поскольку на образование «сильнейшим образом накладываются половозрастные и поколенческие факторы, уровень урбанизированности (место жительства)» и особенно статус современных читателей как потребителей [5, с. 18]. Нынешнюю российскую социально-политическую реальность характеризуют как искусственную. Ей свойственна «симулятивность, постановочность, отчетно-выборный характер», или «ЭКСПО-культура» [4, с. 44].

Социологические опросы Левада-Центра показывают, что чтение книг, газет и журналов устойчиво падает за последние десять лет в России. Если в 2003 г. постоянно читали журналы 21% опрошенных, то в 2008 – уже только 9%. 48% респондентов читали журналы «от случая к случаю» в 2003, а в 2008 – 35% [9, с. 109]. Суммируя две категории читателей, можно заметить, что активных

читателей в 2003 г. было 69%, а в 2008 г. эта часть населения, возможно, уменьшилась до 44%. Примерно такая же статистика опросов существует в отношении чтения книг и газет. Несомненно, что Россия теряет в условиях рынка образ самой читающей страны мира.

В рейтинге наиболее широко читаемых журналов в России 2008 г., по данным Левада-центра, лидируют «тонкие» журналы для женщин («Лиза» и др. – 34%), на втором месте «тонкие журналы с программой ТВ» («7 дней» и др. – 28%), а далее идут журналы кроссвордов, журналы об автомобилях, охоте, о саде, огороде, ремонте. Лишь шестое место в рейтинге занимают научно-познавательные издания – «Вокруг света» и др. (14%) [5, с. 19].

Рынок диктует новые условия получения печатной информации. 67% респондентов в 2008 г. рассказали, что они покупают книги и журналы в магазинах, на книжных рынках и в ларьках [8, с. 111]. Интересные данные получены в описаниях досуга новых россиян в 2008 г. Они подтверждают общие тенденции: 83% ежедневно смотрят телевизор, 42% слушают радио, и лишь 19% читают газеты. В то же время 39% респондентов отметили, что читают журналы не менее одного раза в неделю [9, с. 115].

Российская действительность в области социальных практик чтения в условиях рынка не является большим исключением из общих процессов глобализации. Повышенный интерес к популярным и глянцевым журналам по истории стал заметным феноменом в последние 15-20 лет в Европе и других регионах мира. Количество и тиражи этих изданий постоянно увеличивались.

Журнал «Караван историй» издается с 1998 г. и рассматривается специалистами в области российских СМИ как уникальный по всей успешности проект. Его издает компания «Семь дней», являющаяся частью холдинга «Газпром Медиа». Выходит двенадцать номеров в год. Журнал печатается в Финляндии, и качество печати высокое. При достаточно большом объеме в 360 страниц и немалой цене тираж издания достигает 350 тыс. экз. По данным мониторинга российских СМИ, с декабря 2004 по апрель 2005 г. аудитория каждого номера «Каравана» составляла 1982,3 тыс. человек, или 3,5% взрослого населения. Аудитория одного номера журнала может достигать и 3 917 000 человек. Среди читателей 80% принадлежат к обеспеченной группе населения, основная масса имела возраст 25-44 года, а мужчин среди них было 23% [7, с. 242]. Публикации по истории составляют от одной трети до половины текстов.

Следующее издание, предлагающее исторические сюжеты на рынке, – «Вокруг света». Это одно из самых старых изданий,

появившееся во время первой волны модернизации России в 1861 г. в Санкт-Петербурге. Журнал продолжали издавать в советское время в Москве. «Вокруг света» превратился в последние 10-15 лет в успешное коммерческое предприятие. В 2009 г. издательство «Вокруг света» стало восьмым среди двадцати крупнейших издательских домов. По данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ, «Вокруг света» занял в 2009 г. третье место по популярности среди ежемесячных журналов и опередил такие издания, как «Караван историй», «Лиза: Добрые советы» [10, с. 38]. Половина 250 - тысячного тиража расходуется в Москве, хотя цена за номер может достигать 190 рублей. В журнале «Вокруг света» публикации по истории составляют примерно одну треть номера. Среди авторов издания есть и журналисты, и профессиональные историки.

Журнал «Родина» также относится к жанру научно-популярных изданий по исторической тематике, хотя условия его существования на рынке весьма специфические. Он получает поддержку Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ. Это помогает поддерживать довольно низкие цены за номер – 50-80 рублей. Однако его распространение и тираж (около 20 тысяч) не могут конкурировать с «Караваном историй» и «Вокруг света». Журнал «Родина» полностью посвящен истории. Главное отличие текстов журнала «Родина» от «Каравана историй» заключается в том, что их пишут, как правило, профессиональные историки, а не журналисты.

В связи с ростом рынка журналов в последние годы стала заметной еще одна тенденция: появление в России зарубежных изданий, содержащих материалы по истории. Это, прежде всего, «Гала биография» (Издательский дом «Аксель Шпрингер Рус, ООО»), «GEO», «National Geographic» и др.

Для нашего исследования мы остановились на трех изданиях: «Караван историй», «Вокруг света», «Родина». Все три – ежемесячные журналы, продаваемые в киосках. Были обследованы годовые комплекты журналов за 2005-2009 гг. Цель изучения – сравнение тематики журналов по трем категориям, часто применяемым в истории для формулирования тем исторических исследований, а также в преподавании истории при построении больших курсов: место/регион (континент, страна), время (эпоха), исторический сюжет/тема. Все три категории являются традиционными мегавопросами, которые служат своего рода точками выбора интереса как историками, так и читателями.

Категория «место» в журнале «Караван историй» была представлена следующими данными: Россия – 34%, Восточная

Европа – 20%, Америка – 11%, Западная Европа – 11%, Германия – 7%, Англия – 3%.

Журнал «Вокруг света» предлагает читателям несколько глобальную и сбалансированную картину истории по регионам: Европа – 32%, Россия – 27%, Азия – 16%, Америка – 14%, глобальная история – 11%.

В журнале «Родина» больше внимания уделено, по понятным причинам, отечественной истории. Поэтому категория «место» выглядит так: Россия – 86%, Европа (кроме России) – 12%, Америка – 2%.

Во всех трех журналах в исторических текстах основное внимание уделено Европе, она лидирует с большим отрывом от Азии и Америки. Африка совсем не представлена на страницах изданий.

Не менее любопытен подсчет по категории «время/эпоха». В журнале «Караван историй» отмечена следующая повторяемость эпох в публикациях по истории: история XX века – 45%, история XIX века – 35%, история XVIII века – 10%, история XVII века – 2,5%, история XVI века – 2,5%, средневековая история – 2,5%, история древнего Рима – 2,5%.

В журнале «Вокруг света» предпочтения в выборе эпохи примерно те же: история XX века опережает все остальные эпохи: история XX века – 34%, история XIX века – 23%, история XVIII века – 7%, история XVII века – 7%, история XVI века – 9%, средневековая история – 16%, история древней Греции и Рима – 4%.

«Родина» по набору исторических эпох в описаниях авторов ближе к журналу «Вокруг Света»: история XX века – 40%, история XIX века – 28%, история XVIII века – 19%, история XVII века – 5%, история XVI века – 4%, средневековая история – 4%.

Заметна тенденция интереса во всех популярных публикациях к истории «близких» к настоящему времени XX и XIX веков. «Вокруг света» помещает на своих страницах более сбалансированные с точки зрения исторических периодов материалы, и отдаленные эпохи – история средних веков и история древнего мира – занимают в журнале 20%. По категории «исторический сюжет/тема» публикации в «Караване историй» расположились в следующей последовательности: биографии и история личностей – 82%, история государства – 8%, политическая история – 6%, история войн – 2%, история религий – 2%.

«Вокруг света» демонстрирует иную последовательность приоритетов в области исторических сюжетов и тем: биографии и история личностей – 29%, история войн – 21%, история

государства – 20%, история путешествий – 11%, история религий – 10%, политическая история – 7%, история городов – 2%.

Журнал «Родина» заметно отличается от первых двух интересом к политической истории России: биографии и история личностей – 19%, политическая история – 19%, история войн – 18%, социально-экономическая история – 15%, история государства – 11%, история религий – 6%, история городов – 6%, локальная история – 6%.

На основе приведенных данных можно выделить общие черты и особенности всех трех изданий. Все издания уделяют много внимания историческим личностям. Понятно, что очерки об известных личностях и биографии заполняют львиную долю страниц, отведенных истории в журнале «Караван историй». Это примета глянца, гламура. Авторы стремятся акцентировать внимание читателей на том, что исторические личности могли вести простой образ жизни. Например, в очерке об отношениях В. Нелидовой и Николая I подчеркивается, что русский царь ест простые щи и гречневую кашу, накрывается шинелью, когда спит, и т.д. [1, с. 328, 334].

Разумеется, что ветры перемен в исторической науке, например, жаркие споры историков о том, какой должна быть история завтра, например, сохранится ли новая культурная история или новая «мягкая» социальная история поглотит ее – все это совсем не интересует читателя популярных журналов. Они отдают предпочтение таким традиционным сюжетам истории, как личности, правда, с поправкой на особенности этого жанра. Глянец не допускает серьезного чтения. Нельзя огорчать читателя и предлагать ему настоящую трагедию. Бесспорно, это упрощенная история. «Глянец – блестящее покрытие тиражируемой картинке, постоянно воспроизводимой ТВ: в рекламе, в клипе, в сериале (мелодраматическом либо комедийном). Глянец гримирует изображение, и так уже выделанное, представленное в определенном ракурсе. Глянец – красота для бедных» – подчеркивала Н. Иванова [6].

При исследовании нескольких десятков публикаций в «Караване историй» за 2001-2005 гг. не удалось выявить специфику репрезентированной аргументации: «в публикациях «Каравана» аргументации как процесса не обнаружилось вовсе» [7, с. 243]. «Караван» просто предлагал читателю истории о замечательных людях, в которых с большой вероятностью присутствовали следующие мотивы: успех, особенности воспитания и образования, работа, карьера, упорство, мастерство, женская, мужская тема, любовь, разлука [7, с. 247]. Что же привлекает читателя в этих

текстах? Скорее всего, это интерес, возникающий при чтении как проявление банального любопытства, который удовлетворяется обилием мотивов личной жизни героев публикаций.

Не меньшей притягательной силой обладают сюжеты политической истории, истории войн, истории государства. Можно предположить, что сбалансированный выбор этих тем стал в последние годы основой коммерческого успеха журнала «Вокруг света». Занимательной притягательностью, судя по этим данным, обладают темы, связанные с историей Второй Мировой войны. Именно этот сюжет преобладает в разделе «история войн». Ясно, что это связано с особенностями исторической памяти современного поколения россиян, которую при большой поддержке государства пытаются в последние годы конструировать вокруг победы в Великой Отечественной войне 1941-1945. Однако отметим, что военная тематика указанных журналов очень сильно отличается от конструкций, которые принято считать официальными. В материалах популярных журналов присутствует больше трагедий, чем побед, вокруг которых пытаются сегодня выстраивать «позитивную» идентичность общества. Кроме того, тексты на военные темы в популярных журналах рассказывают и о других событиях – Первой Мировой войне, войнах XIX и XX в.

Журнал «Вокруг света», несмотря на то, что его причисляют к современным гляцевым изданиям, обладает большим иммунитетом против упрощения. В текстах присутствует аргументация. Главная задача авторов – давать информацию читателю. Конечно, уровень аргументации еще выше в текстах журнала «Родина». Там присутствуют адаптированные научные концепции, новейшие результаты развития источниковедения и историографии. Однако «Родина» проигрывает остальным изданиям в популярности на рынке. Возможно, это связано также с целями издания, не ведущего агрессивное наступление по завоеванию новых читателей.

Популярные массовые журналы могут существенно влиять на коллективную историческую память, приносить в классы и университетские аудитории идеи упрощенной истории. Исследование этих изданий историками важно с точки зрения ответа на вопрос, какую историю читатели выбирают на рынке.

Библиографический список

1. Александров, А. Тайное свидание [Текст] // Караван историй. – 2008. - № 4. – С.326-334.

2. Бондарев, В. Пресс свободы и свобода прессы [Текст] // Родина. – 2007. – № 7. – С. 14-17.
3. Дубин, Б.В. Жить в России на рубеже столетия. Социологические очерки и разработки [Текст]. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 408 с.
4. Дубин, Б.В. Масс-медиа и коммуникативный мир российских жителей России: пластическая хирургия социальной реальности [Текст] // Вестник общественного мнения. – 2006. – №3 (83). – С. 33-46.
5. Дубин, Б.В., Зоркая, Н.А. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы [Текст]. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с.
6. Иванова, Н. Сюжет упрощения [Текст] // Знамя. – 2007. – № 6. – Режим доступа <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/6/iv111.html>
7. Микиртумов, И.Б. Рациональная аргументация и чуждый ей дискурс (на материале публикаций глянцевого журнала «Каван историй») [Текст] // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2006. – Т. 6. – № 1. – С. 239-252.
8. Общественное мнение – 2008 [Текст]. – М.: Левада Центр, 2008. – 192 с.
9. Российский рынок периодической печати: состояние тенденции и перспективы развития [Текст] / Отраслевой доклад М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2010. – 100 с.

М. В. Талашов

Об историческом значении миссии Адальберта в Киеве в начале 60-х гг. X в.

Правление княгини Ольги на Руси давно рассматривается историками как один из наиболее значимых этапов в процессе становления восточнославянской государственности. В заслугу княгине ставят проведение первой в истории нашей страны налоговой и административной реформы, осуществление успешной политики христианского просвещения, укрепление дипломатических контактов с Византийской империей. Даже блистательные победы Святослава Игоревича исследователи склонны считать итогом успешных преобразований Ольги. Вместе с тем, ученым до сих пор не известен целый ряд деталей, связанных с этой эпохой. Не установлены цели поездки княгини в Константинополь, не ясна ее роль в судьбе Игоря, характер взаимоотношений с собственным сыном и т.д. Последний вопрос представляет особую актуальность, поскольку причины столь длительного пребывания Ольги у власти в летописях не раскрываются. Практически нет информации об обстоятельствах, побудивших Святослава взять бразды правления в свои руки. Некоторые разъяснения на сей счет может дать изучение миссии Адальберта, прибывшей в Киев, очевидно, в конце 961 – начале 962 гг., т.е. в период перехода власти от Ольги к повзрослевшему наследнику Игоря.

Святой Адальберт Магдебургский родился около 910 г. в Лотарингии. Он вошел в историю как известный историк, учитель слова Христова, первый епископ г. Магдебурга, а также первый христианский епископ, побывавший на территории Руси. В 953 г. Адальберт поступил на службу к будущему императору Священной Римской империи Оттону I, а в 958 г. постригся в монахи в г. Трире. Именно с этого момента его судьба оказалась связана с историей Киевского государства. В "Продолжении хроники Регинона Прюмского" говорится, что в 959 г. ко двору Оттона I прибыли "послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе" и "просили назначить их народу епископа и священников". В ответ на просьбы киевского правительства монах Либуций из обители св. Альбана был посвящен в епископы "для народа ругов". Однако в феврале 961 г.

Либущий скоропостижно скончался, так и не успев выполнить своей просветительской миссии. “На должности его сменил, по совету и ходатайству архиепископа Вильгельма, Адальберт из обители святого Максимиана, который, хотя и ждал... лучшего и ничем никогда... не провинился, должен был отправляться на чужбину. С почестями назначив его епископом к народу ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался” [1. С. 107, 108].

Исследователи продолжают спорить о целях, которые преследовала Ольга, налаживая дипломатический контакт с Оттоном I. С точки зрения А.С. Королева, княгиня надеялась на поддержку Германии в конфликте Руси с мадьярами за обладание моравскими территориями [2]. Более взвешенную позицию высказал М.Б. Свердлов, по мнению которого, “Ольга стремилась укрепить христианскую организацию на Руси, заменив стихийно сложившуюся систему христианских общин во главе с причтом соборной церкви св. Ильи епископией во главе с епископом, поставленным верховной в христианском мире светской властью императора” [3, с. 213]. Гипотеза М.Б. Свердлова подталкивает к установлению взаимосвязи между посольством руссов в Германию и поездкой Ольги в Константинополь, задачи которой до сих пор остаются предметом дискуссии для отечественных специалистов. Интересно, что уже в 40-х – 50-х гг. прошлого века советские исследователи отвергли крещение как главную цель посещения княгиней Цареграда. Более того, значительная часть советских историков (в их числе В. В. Мавродин, В.Т. Пашуто и А.В. Назаренко) считала, что Ольга вела переговоры с греками, намереваясь ввести на Руси христианство [4]. Ближе всех к решению проблемы подошел М.С. Грушевский, который еще в 1904 г. попытался выявить общую цель дипломатических контактов руссов с властями Германии и Византии. По мнению ученого, Ольга отправилась в Константинополь в надежде получить санкцию императора на создание автокефальной архиепископии на территории Киевского государства, однако потерпела неудачу. Закономерным следствием этого провала стало ее обращение с аналогичной просьбой к Оттону I [5].

Начало переговоров с немцами следует считать одной из наиболее продуманных акций, предпринятых княгиней в сфере внешней политики. Во-первых, Ольга оказывала мощное давление на Константинополь, который всеми средствами препятствовал признанию императорского титула за германскими королями. Оттон I, венчавшийся императорской короной лишь в феврале 962 г., теперь считал Киев своим союзником и мог рассчитывать на его помощь в нейтрализации Византии. Последняя должна была обес-

покоиться дальнейшей судьбой своих взаимоотношений с руссами и предпринять меры к смягчению возникшей напряженности. Подчеркнем, что, обращаясь к германскому королю, Ольга не расторгла ни одного соглашения с греками, заключенного ранее ее предшественниками, тем самым создавая все условия для достижения компромисса. В то же время княгиня избегала крайне неблагоприятной перспективы подчинения киевской церковной организации папскому престолу: Русь воспринимала епископа не из Рима, а от светского монарха, избегая возможного конфликта юрисдикций. Таким образом, даже в вопросах религиозного характера Ольга создавала пространство для необходимого маневра, используя авторитет германского короля в случае столкновения с церковными властями. Интересно, что приезд и последующая деятельность Адальберта на русской земле не должны были ущемлять духовных интересов и потребностей киевлян, уже обратившихся в христианство, благодаря активности прибывших из Византии и Дунайской Болгарии миссионеров. В середине X столетия римские папы еще мирились с элементами греческого обряда, допускали богослужение и издание священных книг на родном языке ради окончательного торжества христианской веры и уничтожения язычества [3, с. 215]. С этой точки зрения дипломатия Ольги кажется максимально эффективной. Без сомнения, княгиня имела все шансы на успех и могла «продать» свой сценарий христианизации Руси. Ощущая потребность в военном союзе с руссами, греки, сдерживавшие натиск мусульман в Малой Азии и на ближнем Востоке, а также опасавшиеся за безопасность своих владений в Крыму, вряд ли решились уступить свое место немцам в создании церковной организации у восточных славян.

Для реализации планов княгини отправленный к руссам епископ должен был, по крайней мере, начать проповедь христианства в Киеве. Однако миссия Адальберта потерпела полный крах. Под 962 г. в «Продолжении хроники Регинона Прюмского» сказано: «В это же лето Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, чего ради он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся» [1, с. 108]. «Кведлинбургские анналы», упоминая о проповеди подвижника среди восточных славян, заявляют, что он «не избежал смертельной опасности от их козней» [6, с. 106]. Еще более конкретизирует ситуацию «Хроника» Титмара Мерзебургского, в которой говорится об изгнании Адальберта язычниками [6, с. 65]. Последний факт особенно примечателен, если принять во внимание покровительственную поли-

тику Ольги в отношении христианской общины в Киеве. Резонно предположить, что в случае своего пребывания у власти княгиня не допустила бы подобного инцидента. И наоборот, попытка расправы над епископом могла иметь место, если мать уступила бразды правления своему сыну Святославу, убежденному язычнику и противнику христианства. Таким образом, провал миссии Адальберта оказался тесно связан с вопросом о сроках завершения регентства Ольги и перехода власти в руки законного наследника Игоря.

Ряд дореволюционных, советских и современных российских исследователей (М.Д. Приселков, М.С. Грушевский, В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, М.Б. Свердлов и т.д.) видел главную причину неудачи германского проповедника в некоем перевороте, который совершили приверженцы язычества в Киеве, возглавляемые Святославом. При этом изгнание Адальберта рассматривалось, по сути, как первая из череды запретительных мер, преследующих целью ограничение на Руси христианства. Интересно, что летописи начинают рассказ о самостоятельных деяниях князя только с 964 г. и сразу связывают их со сферой внешней политики: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал...» [7. С. 167-168]. Точная дата и обстоятельства, при которых Ольга отстранилась от управления государством, древнерусским источникам неизвестны. Однако под тем же 964 г. «Повесть временных лет» сообщает о первом походе Святослава на вятичей. Князь вряд ли решился на предприятие, неминуемо втягивавшее его в конфликт с Хазарией, в обстановке продолжающейся политической борьбы в Киеве. Напротив, судя по военным приготовлениям, сын Игоря чувствовал себя вполне уверенно, чтобы пересечь территорию племенного союза, а затем разгромить каганат и его союзников на Волге. Восточный поход продлился до 966 г., когда князь предпринял очередное вторжение в принадлежащие вятичам земли и добился их включения в состав Русского государства. Подобная длительная экспедиция была возможна только в условиях внутренней стабильности, гарантировавшей сохранение великокняжеского стола за Святославом.

Что же заставило Ольгу оставить власть и уступить место правителя сыну? Летописная формулировка («когда Святослав вырос и возмужал») может создать иллюзию завершения регентства княгини в связи с достижением совершеннолетия законным наследником Игоря. Однако более пристальное изучение источников вызывает сомнение в подобном сценарии развития событий. По свидетельству Ипатьевского списка, Святослав появился на

свет в 942 г. Но в других летописях это сообщение отсутствует, о дате рождения князя упоминаний нет. Интересно, что заключение брака Игоря и Ольги «Повесть временных лет» относит к 903 г. Таким образом, правящая чета в течение 39 лет оставалась бездетной, а сама княгиня ко времени рождения Святослава была уже достаточно пожилой женщиной. Подобные неувязки в летописном тексте не остались незамеченными историками. Одно из наиболее правдоподобных объяснений высказал Б.А. Рыбаков, попытавшийся установить возраст Ольги на основе сообщений Константина Багрянородного, характеризовавшего княгиню как молодую и энергичную правительницу. «Замуж в Древней Руси выходили обычно в 16-18 лет. Ольга по этим расчетам родилась в 924-927 гг. В момент бесед с Константином ей должно было быть 28-32 года» [8]. Данная гипотеза действительно подтверждает летописную хронологию, ставя под сомнение лишь дату бракосочетания Игоря и Ольги. Однако она не позволяет выяснить причины, по которым княгиня передала кормило власти Святославу так поздно, только по достижении им 20-летнего возраста. К этому моменту времени он уже давно считался совершеннолетним. Неясными остаются и другие факты из биографии Святослава. Во-первых, по данным византийских источников, молодой князь выполнял функции новгородского наместника еще в период правления Игоря [9]. Во-вторых, летописи упоминают о Вуефасте, доверенном лице Святослава в составе посольства Игоря, направленном в Константинополь для подписания мира и нового торгового договора с греками в 944 г. [7, с. 160]. Это значит, что княжич располагал собственной дружиной и имел возможности для защиты политических и экономических интересов управляемого им региона. Третьим аргументом против версии Б.А. Рыбакова является возраст Святославичей, которым было доверено управление Киевской, Древлянской и Новгородской землей после смерти Ольги в связи с длительными отлучками отца, занятого войной на Балканах. «Если учесть, что в условиях нестабильного X века на самостоятельное княжение они могли быть определены не раньше достижения 15-16 лет, то окажется, что их отцом Святослав стал уже к 12 годам. То, что “мальчики” Святослава были взрослыми мужчинами, видно из того, что самое позднее в 969 г. Святослав привел старшему из них Ярополку в жены плененную “грекиню”, которая позднее родила Святослава Окаянного» [10, с. 144]. Интересно, что великий русский историк XVIII столетия В.Н. Татищев считал датой рождения Святослава 920 год. Действительно, Новгородская первая летопись упоминает о рождении князя лишь в недатированной части, после сообщения о браке Игоря и Ольги. Следующие сообщения летописи

си начинают датироваться с 920 г., под которым упомянут первый поход Игоря на Константинополь, состоявшийся на самом деле позднее [11, с. 40, 217]. Несмотря на эту ошибку, приводимая в источнике последовательность событий в соединении с указанной датой более успешно объясняет отмеченные выше противоречия, чем версия Б.А. Рыбакова. Изучая текст Ипатьевского списка, О.М. Рапов заметил, что рождение Святослава летописец относит ко времени смерти болгарского царя Симеона, т.е. к 927 г. [12]. А это значит, что к моменту первого вторжения в землю вятичей и подготовки к Восточному походу князь далеко не был малолетним. По самым скромным расчетам, ему перевалило за тридцать. Совершеннолетия же Святослав достиг буквально накануне гибели Игоря и в дальнейшем должен был править самостоятельно, без поддержки со стороны матери. Однако последующие почти два десятилетия вошли в историю как период регентства Ольги, что с еще большей остротой ставит вопрос о причинах столь долгого пребывания княгини у власти, а также характере ее взаимоотношений с сыном. Необходимо подчеркнуть, что в западных хрониках Ольгу называют «королевой ругов», не упоминая при этом Святослава. Абсолютно верным в таких обстоятельствах представляется мнение А.С. Королева, согласно которому княгиня заняла киевский престол как правительница, а не как воспитательница малолетнего наследника [10, с. 147].

К сожалению, по источникам сложно судить о факторах, позволявших Ольге удерживать ведущие позиции в сфере государственного управления. Один из них, вероятно, выразился в остром конфликте, вспыхнувшем между сыном и матерью на почве религиозных разногласий. «Повесть временных лет» делает особый акцент на нежелании Святослава обратиться в христианскую веру: «Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем... Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь - тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться» [7, с. 167]. Особую актуальность для характеристики отношений, сложившихся в великокняжеском семействе, имеет трактат Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора», в котором базилевс, подробно описывая состав свиты княгини, упоминает о некоем «анепсии», т.е. племяннике либо двоюродном брате правительницы. По свидетельству Константина, анепсий занял наиболее почетное место в окружении Ольги. Так, на званом обеде в Золотой палате в качестве

дара от императора ему было вручено 30 милиарисиев, в то время как восьми приближенным княгини выдали по 20 милиарисиев, прибывшим с нею купцам – по 12, а священнику Григорию – 8. Меньше всех получили люди Святослава, которым было вручено всего по 5 милиарисиев [13, с. 319]. На торжестве в пентакувуклии св. Павла Ольга получила от семьи базилевса 200 милиарисиев, ее неизвестный родственник – 20, Григорий – 8, «приближенные женщины» и переводчики – по 12 милиарисиев на человека [13, с. 320]. Послы Святослава Игоревича на этот прием даже не были допущены. Любопытно, что их положение в свите княгини базилевс посчитал даже менее престижным, чем положение славянских переводчиков. Низкий статус Святослава можно объяснить только тем, что в период пребывания Ольги в Константинополе он еще не считался наследником престола. Скорее, данную роль исполнял не названный источниками племянник или двоюродный брат правительницы. В данных условиях приверженность Святослава язычеству, вероятно, являлась своеобразной демонстрацией его оппозиционности матери. Источники не позволяют установить личность анепсия Ольги. Со значительной долей допущения можно предположить, что княгиня прибыла в Византию в сопровождении Олега Моравского, о котором упоминает средневековый чешский историк Томаш Пешина в своем сочинении «*Mars Moravicus*» (1677 г.). Пешина сообщал, что Олег бежал за пределы Киевского государства, опасаясь преследований. В 940 г. он был избран князем Моравии, однако после вторжения мадьяров бежал в Польшу, а затем вернулся на родину [14].

Очевидно, что Ольга не видела в Святославе человека, достойного занять киевский великокняжеский стол. Однако в описании событий начала 60-х гг. все внимание летописи сосредоточено на Святославе, о его матери источник вспоминает лишь в связи с набегом печенегов на Киев в 968 г. и последующей кончиной княгини. По всей видимости, правительница вынуждена была передать власть сыну вопреки собственным желаниям. По мнению А.С. Королева, Ольга управляла государством до самой своей смерти в феврале 969 г. На это, с точки зрения исследователя, указывает преемственность внешней политики Руси в 40-х – 50-х и 60-х гг. X в. [10, с. 226]. Данная точка зрения вызывает ряд закономерных возражений. Для дипломатии Ольги были характерны союз с Византией, невмешательство в вооруженные конфликты, отказ от внешних войн и агрессии, несвойственный Святославу. Восточный поход князя против Хазарии значительно укрепил позиции Руси в Северном Причерноморье, вблизи непосредственных границ империи, чего Константинополь стремился избежать, в том числе, по-

средством включения соответствующих статей в русско-византийские договоры. Отношения между двумя державами испортились еще при жизни Ольги. По свидетельству В.Н. Татищева, использовавшего целый ряд не сохранившихся ныне источников, во время вынужденного отбытия Святослава в Киев для отражения печенегов в Болгарии произошли волнения, по причине которых воевода Волк вынужден был оставить Переяславец и уйти из города. Назвал историк и причину выступлений: «Уведав же Святослав от плененных болгар, что греки болгар на него возмутили» [11, с. 51]. Интересно, что в июле того же 968 г. на греческую Фессалонику обрушились мадьяры, впоследствии активно помогавшие князю в борьбе с Византией.

Таким образом, в начале 60-х гг. X в. политическая ситуация в Киеве резко изменилась. В стране завершилась длительная эпоха правления Ольги, чему отчасти могла способствовать миссионерская деятельность Адальберта Магдебургского, усилившая недовольство христианизаторской политикой княгини и ускорившая переход власти к Святославу.

Библиографический список

1. Назаренко, А.В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков [Текст] / А. Назаренко. - М., 1993. - С. 107, 108.
2. Греков, Б.Д. Киевская Русь [Текст] / Б. Греков. - М., 1953. - С. 482-483.
3. Свердлов, М.Б. Домонгольская Русь [Текст] / М. Свердлов. - М., 2003.
4. Мавродин, В.В. Образование Древнерусского государства [Текст]. - Л., 1945. - С. 254.
5. Грушевский, М. Історія України-Руси [Текст] / М. Грушевський. - У Львіві, 1904. - Т. I. - С. 405-406.
6. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в. [Текст]. - М.-Л., 1989. - С. 106.
7. Повесть временных лет [Текст] / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1996.
8. Рыбаков, Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. [Текст] / Б. Рыбаков. - М., 1993. - С. 369.
9. Константин Багрянородный. Об управлении империей [Текст]. - М., 1991. - С. 45.
10. Королев, А.С. Загадки первых русских князей [Текст] / А. Королев. - М., 2002.

11. Татищев, В.Н. История Российская [Текст] / В. Татищев. - Т. 2. - М.-Л., 1963.

12. Рапов, О. М. Когда родился великий князь Святослав Игоревич [Текст] / О. Рапов // Вестник МГУ. Сер. 8. История. - 1993. - № 4. - С. 94-96.

13. Из сочинения Константина Багрянородного "О церемониях византийского двора" [Текст] // Королев А.С. Загадки первых русских князей [Текст] / А. Королев. - М., 2002. - С. 318-320.

14. Олег Моравский // RU.WIKIPEDIA.ORG: Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Олег_Моравский. Дата обращения: 24.02.2011.

УДК 94(470)"16/18"

О. В. Разумовская

Семейные ценности в старообрядческой морали

Долгие годы гонений на старообрядцев (начиная с 1653 г.) выработали у них особо трепетное отношение к семейным ценностям. Семья, по учению Христианской Церкви, «сама по себе - маленькая церковь... Школа христианской жизни и христианской любви» [4, с. 9]. Уже отсюда следует, что жизнь в семье для древлеправославных христиан сама по себе - широкая «арена» (поприще) для христианского подвига.

Старообрядческие семьи до настоящего момента свято чтут таинство брака. Бракосочетание несет глубокий сакральный смысл. Венцы, возлагаемые на брачующихся, имеют символическое значение. Этим знаменуется благословение вступающим в брак соделаться родоначальниками, как бы князьями дома, царями всего будущего потомства.

Дальнейшая семейная жизнь для старообрядцев – также большая ответственность. Ряд исследователей считает, что главной книгой, по которой старообрядцы выстраивают отношения в семье, является «Домострой». Это не совсем верно. Старообрядцы заимствовали из него самое лучшее и сохранили до настоящего времени.

В наше время слово *домострой* стало нарицательным, обозначающим грубость и жестокость в семье. К сожалению, все подобные изречения и характеристики основываются на знании самого Домостроя, а не на литературной традиции его истолкования,

на публицистическом предании, на мифе, которые творит общественное сознание [1, с. 7].

Первая редакция «Домостроя» составлена в Новгороде в конце XV - начале XVI в., вторая была значительно переработана выходцем из Новгорода, впоследствии влиятельным советником молодого Ивана IV, благовещенским протопопом Сильвестром. Безусловно, данный исторический памятник не имел сакрального значения, а носил рекомендательный характер. При этом большинство глав «Домостроя» содержат бесспорно разумные советы. Особо выделяются наставления по почитанию родителей (основа семейной морали): «Чада, послушайте заповеди Господни: любите отца своего и мать свою и послушайте их, и повинуетесь им по Бозе во всем, и старость их чтите, и немощ их и скорбь всякую от всея душа понесете на своей выи, и благо вам будет, и долголетний будете на земли. Сим очистите грехи своя, и от Бога помиловани будете, и прославитея от человек, и дом ваш будет в веки, и наследите сыны сынов своих, и достигнете старости маститы, в всяком благоденстве дни своя препровожающе. Аще ли кто злословит, или оскорбляет родителя своя или кленет, или лает, сии пред Богом грешен, а от народа проклят и от родителю. Аще кто бьет отца и мать - от церкви и от всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градскою казнью да умрет» [1, с. 51]. Такое отношение к родителям старообрядцы действительно пронесли через века. Но, безусловно, сами родители должны оправдывать такое уважение детей, заботясь об их благе (как материальном, так и духовном).

Так, в главе 20 «Домостроя» объясняется «как дочери воспитати, с наделком (с приданым) и замуж выдати». То есть родители обязательно должны думать о будущем дочерей: «Ино дочи ростет, а страху Божию и всякому [вежеству] и рукоделию учитца, а приданое с нею вдруг прибывает. А как замуж зговорят - и отец и мати будут беспечальни: занеж дал Бог всего у них полно, и в веселии и радости брак у них будет». Если дочь умрет до замужества, то домострой рекомендует «ея наделком поминати, и по ей души сорокоуствие и милостиню ис того давати» [1, с. 50].

Изучение жизни известных старообрядческих семей подтверждает, что данное правило соблюдалось неукоснительно. Так, после смерти в 1906 г. незамужней дочери известной фабрикантши и купчихи А.В. Марасовой приготовленное для нее приданое было пожертвовано матерью на строительство Покровского храма-моленной при ткацкой фабрике в Серпухове [3, с. 430].

И если такая забота полагается о приданом дочерей, то сыновья вообще были полноправными наследниками. В состоятель-

ных старообрядческих семьях дети с самого детства приучались к семейному промыслу, а в купеческих семьях – к ведению торговли. Наследственность хорошо отражена в названиях. Например, торговый дом «Александр и сыновья Дмитрия Иван и Севериан Першины» производил торговлю к концу XIX в. в городах по Оке и Волге. В 1905 г. старообрядец Ф.И. Носков основал пароходство для перевозки грузов по рекам: Оке, Клязьме и Тезе. В Сормове, под Нижним Новгородом, он заказал три небольших буксирных и парохода и стал их использовать для перевозки барж от Нижнего Новгорода до Коврова. Крестьянин-купец построенные пароходы назвал в честь себя и своих сыновей: «Федор Носков», «Василий Носков» и «Агафон Носков». В 1908 г. Федор Иванович реорганизовал свою фирму в Торговый дом «Ф.И. Носков с сыновьями».

Продолжая исследование «Домостроя», необходимо подчеркнуть, что он стал символом патриархальной жестокости, но такому примитивному его толкованию противоречит 23 глава, в которой подчеркивается: «Аще дарует Бог кому жену добру - дражайши есть камени много-ценнаго. Жены ради добры блажен есть муж, и число дней его сугубо - жена добра веселит мужа своего, лета его исполнит миром; жена добра - часть блага, в части боящихся Господа да будет, жена бо мужа своего честнее творяще: первое, Божию заповедь сохранив, благословена будет, а, второе, от человек хвалима есть. Блажен есть таковыя жены муж, и лета своя исполняют в блазе мире. О добре жене хвала мужу и честь» [1, с. 52].

Семья для женщины-старообрядки - это подвиг, на нее Богом возложенный. Много радостей может дать замужество, семья. И очень актуально звучат по сей день рекомендации старообрядческого епископа Михаила женам, записанные им в 1914 г.: «Прощайте мужу. Правда, вы-то иногда не виноваты, попадет даром, но порасспросите-ка, не случилось ли чего с ним. Может, его что раздражило, его кто обидел - и он на вас хочет сорвать гнев. Не хорошо это, но что делать. Это понятно и нужно прощать, снисходительно относиться к немощам человеческим. Ответите на грубое слово грубостью, попреком - он озлобится, и будет хуже. Пожалейте его, помолчите, а то и приласкайте, и ему станет стыдно за его грубость. Женщины, в общем, ближе к Богу, к Христу, менее задавлены копейкой. Более тянутся к небу. Но для того, чтобы туда же тянуть и мужей (а это их долг), они должны уметь уступать в малом» [4, с. 12].

Конечно, возникает вопрос, в чем же проявляется особое отношение к жене в старообрядческой семье, если испокон веков в христианстве женщину призывали терпеть все обиды и несправед-

ливости. Дело в том, что в старообрядческой семье для мужа особым грехом является алкоголизм, а значит и женам старообрядкам не приходится терпеть несправедливые издевательства пьяного мужа, не осознающего бессмысленности своих поступков. Если человек трезв, то он сам осознает ошибочность своих слов и поступков, а в умении обсудить проблему не ссорясь проявляется мудрость и чуткость женщины.

Рекомендации епископа Михаила мужьям-старообрядцам потрясают своей психологической глубиной: «Мы не трогаем жену и пальцем. Но разве этого уже достаточно? Этого ли требует Христос, когда говорит: «Мужья любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь, и Себя предал за нее?»... Но часто ли такая любовь и в нашей семье? Правда, нередко любовь к жене и сильная, даже безумная в начале брачной жизни, но эта любовь только унижительна для женщины. Эта любовь к ее телу, и только телесной красоте, а не ко всей ей. Не к женщине, как к целому человеку, как сотруднику в деле душевного спасения. Конечно, бывают семьи, где муж и жена живут единой душой и сердцем рука об руку идут вслед за Господом... В таких семьях рай. Там тихо и радостно, как в храме. Там «ангелы реют крылами». Но немного таких светлых семей. Часто тяжело и душно в семье, христианской. Чувствуешь, что может быть, здесь нет ни жестокости, ни побоев... Здесь нет неверности. Может быть, много справедливости и холодной заботливости о жене и семье; но нет самого главного - нет настоящего тепла любви, без которого всякая правда и чистота-ложь и медь звенящая. «Мужья, как будто, даже не обижают, - а жить с ними душнее, чем в тюрьме». Даже постороннему около другого мужа неловко и жутко. А жене около него страшно и холодно, жена не знает, как и подойти; он и не прикрикнет громко, но нет в нем и ласки, не умеет он поддержать, согреть души тех, кто к нему близко, душу жены. Такой муж - хуже убийцы. А то бывают мужья: провинится перед ним жена, нужно бы погневаться и потом простить, если даже велика вина. А он нет, годами злобу носит. Конечно такой муж - тоже убийца, душа его без Христа, без Бога, и если жена возненавидит его - его вина. Бывают еще мужья и не злые, а так - не чуткие, что ли. Они и не хотели бы обидеть, но не воспитали себя, не ставят ни во что и доброе слово. Заплачет жена от обиды, они и не понимают, что такое? Каприз... Не понимает их огрубевшее сердце, какую боль иногда можно одним неосторожным словом причинить. Такие мужья должны бы подумать о себе хорошенько: что уж за человек, который нечаянно может обидеть. Это пожалуй, хуже даже намеренной обиды. Какая же у человека душа, что он даже и не чувствует, когда делает зло. Также нужно

сказать о тех мужьях, на которых «не угодить». И щи не солены, и каша подгорела, не хочет человек понять, что и жене хорошая каша вкуснее - что не поделаешь, если такая беда случилась. Иной раз у жены от работы голова идет кругом, не доглядишь. А коль муж и жена друг другу все прощают да извиняют, то с любовью и лаской и подгорелая каша хороша. Ради Бога следите за собой! Страшными опасностями грозит семье такая атмосфера холода в семье, такой суровой безжалостности. Постепенно, мало-помалу, образуется злая «трещинка» в такой семье, а потом, незаметно и для мужа, и для жены, образуется между ними такая пропасть, которой и не перейдешь. Из маленьких царапин вырастает бездна разобинения. И вместо счастья будет смерть» [4, с. 16].

А теперь два слова о верности супружеской. Может быть, и нет особой нужды говорить о таких материях здесь: старообрядка - это значит вместе и верная жена, а старообрядец - верный муж. Но совсем обойти данную проблему было бы не верно.

Даже если человек верен семье, может, иногда мелькает искушение: какой человек свободен от него. Следующий рецепт «Патерика», приводимый епископом Михаилом, разъясняет отношение старообрядцев к данному вопросу: «В одной повести рассказывается: Брат спросил некоего старца: - Что мне делать, отец? Меня убивает срамный помысел. Старец ответил ему: - Когда мать захочет отнять дитя от молока, прикладывает к сосцам своим горький морской лук. Младенец, по обыкновению, припадает к груди сосать молоко, но по причине горечи отвращается от нея. Так и ты, если хочешь, положи на мысль свою горечи. - Какая это горечь, которую мне должно положить, - спросил брат. - Памятование о смерти и мучениях в будущей жизни, - отвечал старец. Этот рецепт годен и для жен и для мужей... А кроме того нужно помнить, что всякий грех отравит воздух вашей семьи, внесет гниль, отравит ваших детей».

Интересно в этом отношении чтимое старообрядцами 93 правило 6-го вселенского собора, которое гласит: «Жена мужа, отлучившегося и находящегося в неизвестности, прежде удостоверения о смерти его иному сожительствующая, прелюбодействует». В приводимом толковании этого правила говорится: «Некоторые жены, когда мужья их удалялись от сожития с ними или отлучались по какой-нибудь военной надобности и оставались в неизвестности... вступали в брак с другими. Итак, правило говорит, что по возвращении мужей они наказываются как прелюбодейцы, потому что не дождалась, пока узнают что-либо окончательное о смерти их; ибо продолжительная отлучка их мужей и неизвестность о смерти их не может быть для жен благословенным предлогом к

браку». Таким образом, на основании приведенного правила и толкования на него, жена не должна вступать в новый брак, пока не будет иметь точных сведений, что мужа ее в живых нет; в противном случае она будет считаться как «прелюбодейца», то есть совершившая грех прелюбодеяния [2, с. 14].

Теперь поговорим о муже-старообрядце как отце. Главный вопрос, который должен, по мнению старообрядцев, задавать себе отец: «Могу ли я с твердой уверенностью сказать: Я не боюсь ответа за моих детей. На суде Божиим я смело могу сказать: «Вот я и дети, которых Ты мне дал»». Этот вопрос отражен и в Домострое. Современные дети растут около «борьбы за копейку» и вырастают без души, мертворожденные. Но родитель, который дает жизни мертвых душой детей, имеет ли право на святейшее имя отца. Епископ Михаил считал, что нет ничего хуже, если ваши дети скажут о вас: «В нас под кровлей отеческой не запало ни одно Жизни доброй, человеческой Благотворное зерно». То есть грехом для старообрядцев считается пренебрежение к духовной жизни детей. «Можно смотреть за детьми, как тюремщик смотрит за заключенными. Такой надзор, может быть, и удержит кое от чего злого. Но ведь тюремщика всегда хотят обмануть. И когда-нибудь обманут. Но, главное, разве для детей нужен только надзор за их делами. Нужен «надзор» (если это можно назвать надзором) за их мыслью. Внимательное, не разрушающее наблюдение за ростом и запросами их души. Не грозное, властное только с окриком и приказом, а чуткое, снисходительное, многое прощающее. У каждого времени свои интересы, у каждого поколения своя жизнь,- и нужно не ломать их волю, не ломать все, что не нравится старому поколению, а руководить, вводить новые стремления и порывы в единое духовное русло. А если новое совсем дурно, «бороться с ним, но... любовью». Эти советы, данные в начале XX в., актуальны и в наши дни.

В старообрядческой системе семейных ценностей огромная роль отводится не только женщине-жене, но и женщине-матери.

Особенно – в первые годы жизни ребенка, пожалуй, первые месяцы, недели его бытия. С 7 лет дети живут приблизительно в одинаковой жизненной обстановке, в школе и под воздействием школы.

Однако известно, что вырастают люди очень различные, - верующие и неверующие, добрые и злые. Почему? На этот вопрос старообрядческий епископ Михаил дает такое объяснение:

«Это удивительно, откуда белая водяная лилия заимствует свою красоту и запах, вырастая из черной грязи реки, из которой желтая лилия заимствует свой дурной запах». Да, конечно, удиви-

тельно, - но бывает. Бывает и в нравственной жизни и в деле воспитания. В самой грязи жизненного болота вырастают святые, и среди «святого и чистаго» вырастают черные и нечистые люди. Некоторые люди точно имеют и специальную способность усваивать себе только грязное и ядовитое, только дурное из того, что их окружает, так что самые души становятся вредными, как ядовитое растение; другие же усваивают себе только хорошее, и характер их становится мягким и нежным, душа, - «красивой, как лилия». И именно мать может посеять в ребенке первые семена духовной жизни [4, с. 17].

Кроме того, семья для древлеправославных - не только дети и родители. Это и тесть с тещей, свекровь со свекром, снохи, золовки. В современных семьях конфликты среди этой многочисленной родни - не редкость, редко друг друга прощают, редко уступают. В данном вопросе старообрядцы ориентируются на рассказ «Жития» св. Макария Великого о двух женах. «Св. Макарий захотел знать, есть ли еще подвижник такой же великий и сильный, как он. Голос Господень сказал ему: «Иди в такой-то город и там найдешь двух женщин, которыя больше тебя». Макарий пошел, разыскал женщин, но никак не мог понять, чем святы они. Это не были подвижницы, просто две простые женщины-снохи, жившие в семье. - Чем вы угодили Богу? - Чем нам угодить? Ничем. Живем во грехе. Об одном заботимся: друг с другом не ссориться, служить друг другу, спасти друг друга от греха и искушений. Пятнадцать лет живем под одной кровлей - и ни одна не услышала от другой слова досадного». И вот эти две женщины оказались выше в очах Божиих св. Макария, величайшаго из подвижников.

Безусловно, кровные родственники могут способствовать духовному росту друг друга. Но не меньшую роль для старообрядцев играет восприемник, т.е. крестный отец, который порой составляет с воспринятым им, т.е. крестником, родство даже большее, чем плотский отец. Восприемник, которому священник передает крещаемого, принимает его для духовного воспитания, для наставления в истинах православной веры в течение всей жизни им воспринимаемого.

Таким образом, можно видеть, что в среде старообрядцев испокон веков семья является одной из важнейших ценностей.

Библиографический список

1. Домострой [Текст] /сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. - М.: Сов. Россия, 1990. - 304 с.
2. Духовные ответы. Изборник ответов на вопросы

читателей старообрядческих журналов «Златоструй» и «Церковь» [Текст] – М.: Китеж, 1995. – 78 с.

3. Любартович, В.А. Новые данные к биографии владелицы «Пустозерского сборника» Серпуховской купчихи А.В. Мараевой [Текст] / В. Любартович // Старообрядчество в России (XVII-XX): сб. науч. трудов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 456 с.

4. Старообрядческий епископ Михаил. Как спастись в миру. Жизнь в семье [Текст] / еп. Михаил // Церковь, 1914. – С.2-37.

УДК 94(470)"16/18"

Л. В. Выскочков

**«Царская педагогика» императора Николая I:
воспитание и обучение детей в императорской семье**

Вопреки распространенному мнению, Николай I получил достаточно хорошее образование [2, 3, 4, 6, с. 22–24]. Естественно, оно имело и определенные недостатки. Николай Павлович сделал правильные выводы из собственного ученического опыта. В то же время он понимал тесную взаимосвязь воспитания и обучения.

Взгляды Николая Павловича на воспитание детей нашли отражение в его разговоре с королевой Викторией во время визита в Англию в 1844 г. В своем дневнике английская королева отметила, что эти мысли ее удивили: “Им следует внушать, – говорил он, – чувства возможно большего почтения, но в то же время вселять в них и доверие к родителям, а не страх. Про свое воспитание он заметил, что оно было очень строго и что он вырос в постоянной боязни перед матерью” [15, с. 29]. По поводу высказанных Николаем I взглядов на воспитание детей монарха историк С.С. Татищев писал: “...Не без удивления услышала ее величество из уст русского самодержца выражение его глубокого убеждения, «что в настоящее время члены царственных домов должны стремиться стать достойными своего высокого положения, чтобы помирить с ним народное чувство»” [15, с. 29]. Такими достойными своего сана хотел видеть Николай Павлович своих детей.

Для него, как ни для какого другого императора, подходит эпитет “Pater Familias” (Отец семейства) “Если семейное счастье есть лучшее сокровище обыкновенной человеческой жизни, – полагал В.А. Жуковский, – то в жизни Царской она есть сама небесная благодать” [14, с. 490] Все современники единодушно признают, что характерной чертой Николая Павловича на протяжении

всей жизни была любовь к детям (и к своим, и к внукам, и к детям вообще). Единственным диссонансом звучит мнение А.А. Пеликана (впрочем, близко не знакомого с императором), который утверждал: "... Особенно его боялись дети. Многочисленные рассказы о его, якобы милостивом и добродушном к ним отношениях, донельзя преувеличены, а часто вымышлены" [8, с.16]. Многочисленные источники противоречат этому утверждению.

"Нежным отцом" называет Николая I граф В.А. Соллогуб [13, с. 163] и "редким отцом семейства" неизвестный мемуарист, описывающий встречу императора с семьей шведского короля в 1838 г.[10, с. 360]. А семейная идиллия в изображении М.П. Фредерикс в свое время вызвала раздражение историка-марксиста М.Н. Покровского: "Самое светлое воспоминание детства... когда я присутствовала на утреннем завтраке членов августейшей семьи. Все они собирались каждый день к августейшей матери пить кофе... . Во-первых, три красавицы великие княжны Мария, Ольга и Александра Николаевны, прелестные, полные обаяния, всякая в своем роде. Потом великие князья – один лучше другого... Тут император Николай Павлович был самый нежный отец семейства, веселый, шутливый, забывающий все серьезное, чтоб провести спокойный часок среди своей возлюбленной супруги, детей, а позже внуков. Император отличался своей любовью и почтением к жене и был самый нежный отец" [18, с.64].

С воспитанниками различных военно-учебных заведений Николай Павлович вел себя весьма непринужденно, позволяя и прощая им мелкие баловства. Так, в Гатчинском сиротском институте он позволял воспитанникам на руках сносить его в сани. Однажды, когда один из них на пари ущипнул его сзади, он только погрозил пальцем [19, с.67]. Приезжая в Москву, Николай I часто посещал кадетский корпус. Один из тогдашних кадетов вспоминал: "Николай Павлович производил на нас чарующее впечатление своим богатырским видом и своим ласковым и милостивым общением. Представьте себе царя, играющего и забавляющегося с детьми: велит, бывало, снять умывальник, сядет в наш огромный таз и прикажет себя вытаскивать; дружно толпой приступали мы, хватая его за руки и за ноги, но так как работа оказывалась непосильной, то пускали в ход щекотку и щипки. – "Ну, не щипаться, мальчуганы", – крикнет государь и начнет уступать, тогда, наконец, раскрасневшись, мы осиливали и вытаскивали его... – "Молодцы, дети! Ну, теперь проходи в ворота" – и, расставив ноги, пропускает под собой всех" [17, с.99]. Аналогичные эпизоды присутствуют и в других воспоминаниях.

Памятуя о неудачном опыте своего воспитания и обучения, Николай Павлович большое внимание уделял подбору воспитателей и учителей для своих детей. Цесаревич Александр Николаевич, великая княжна, будущая королева Вюртембергская Ольга Николаевна, на первое место ставили прирожденного воспитателя полковника (впоследствии генерал-адъютанта) Карла Карловича Мердера (1788–1834). Собственно, именно он реально и возглавлял весь педагогический корпус. Со времени же его болезни (с 1833 г.) выдвинулся официально назначенный на эту должность 5 мая 1834 г. генерал Александр Александрович Кавелин, бывший адъютант великого князя Николая Павловича, директор Пажеского корпуса, впоследствии петербургский генерал-губернатор и генерал от инфантерии. Воспитанием девочек занимались воспитательницы Ю.Ф. Баранова (Адлерберг) у Мэри (Марии Николаевны) и Дункер – у Ольги Николаевны.

Поэт В.А. Жуковский, о котором обычно вспоминают в первую очередь, был преподавателем русской словесности, “исполняя необременительные обязанности инспектора классов” [5, с.556]. Его роль несомненна. Он прививал уважение к личности, воспитывал христианскую любовь к ближнему. Ольга Николаевна, как и ее мать, уважая поэта, также скептически относилась к его педагогическим способностям: “Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания Наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божия: «Что такое символ?» Я молчу. «Знаете ли Вы слово «символ?» – «Да». – “Хорошо, говорите!” – “Я знаю символ Веры, Верую”. “Хорошо, значит, что обозначает символ Веры?» Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка! Жуковский читал выдержки из того, что он написал о воспитании, нашей Мамá, которая после таких длинных чтений спрашивала его просто: «Что вы, собственно, хотите?» Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал” [7, с.186]. Другие дети также побаивались В.А. Жуковского.

В современной литературе признается, что именно В.А. Жуковский разработал общую концепцию воспитания царских детей, в основу которой положил системы воспитания Ж.-Ж. Руссо и швейцарского педагога И.Г. Песталоцци. По-своему В.А. Жуковский старался учитывать детскую психологию, считая наиболее перспективным разговорный метод обучения. Предпола-

галось создание вокруг ребенка и соответствующей обстановки с вещами, напоминающими об обучении. Большое значение отводилось развитию “приятных талантов” – рисованию, музыке и чтению. Что касается латинского языка как языка науки, то Николай Павлович счел возможным исключить его из программы Жуковского, сделав акцент на новых языках. На практику воспитания и обучения В.А. Жуковский вряд ли мог воздействовать значительно. Он был теоретиком, но не практиком, с чем столкнулась еще мать Олли Александра Федоровна, когда он ее, молодую женщину, пытался учить русскому языку.

Вот как описывает учебный процесс А.Н. Сидорова: “Учебные занятия должны были начинаться 1 января и продолжаться до середины июня, затем следовали летние каникулы, с 1 августа по 25 декабря вновь продолжалось учебное время. Подъем предполагался в шесть часов утра, до семи следовали молитва, завтрак, приготовление к урокам. С семи до двенадцати продолжались уроки с часовым перерывом от девяти до десяти часов. Далее следовали прогулка, обед, игры. В пять часов снова начинались учебные занятия, которые длились до семи. Затем час отводился на гимнастические упражнения и в восемь часов следовал ужин. С девяти до десяти – время для обозрения прошедшего дня и написание дневника. Выходными днями считались, кроме каникул, дни рождения и именин, первые четыре дня Пасхи и Святки, от Рождества до Нового года. Предполагались и экзамены: ежемесячные (в присутствии императрицы) и полугодовые (в присутствии императора)” [11, с.113]. Летом уроки начинались в 7 часов утра, зимой – в 8 часов.

О многих учителях-предметниках с благодарностью вспоминает, отмечая как их положительные, так и отрицательные качества, великая княжна Ольга Николаевна. По ее свидетельству, “преподаватели получали немалую сумму – 300 серебряных рублей в год [скорее, ассигнациями – Л.В.] и должны были получать эту же сумму пожизненно как пенсию” [7, с.224].

Всеобщую историю преподавал женевец “мосье” Жилль, активно использовавший наглядный метод обучения и научивший детей конспектировать. С помощью литографий он пробуждал интерес к другим странам. Преподавателем русской истории был Тимаев, инспектор классов в Смольном, педант, строгий учитель и экзаменатор; русского языка – П.А. Плетнев, П.Г. Ободовский. Именно они познакомили воспитанников с произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, А.Н. Майкова. В возрасте 7–9 лет дети читали рассказы о животных, “Робинзона Крузо” и “Одиссею”. В старшем возрасте насту-

пал черед А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Читали “Капитанскую дочку”, “Тиковую даму”, “Бориса Годунова”, “Дубровского”, “Героя нашего времени”. Мария и Ольга отдавали предпочтение французской классической литературе.

В общем плане воспитания и обучения Александра Николаевича, оставленном В.А. Жуковским, особое внимание уделялось “изящным искусствам”. В соответствии с этим, поощрялось “сочинение рисунков и развитие художественного воображения и вкуса” [9, с.42-43]. Николая Павловича, с детства тяготевшего к рисованию, не нужно было особо убеждать в таком подходе. Он сам рисовал рисунки и шаржи на письмах к детям, а по вечерам любил рассматривать рисунки детей, которые любил принимать в подарок. Поэтому многие из детских рисунков имеют даты 25 июня (день рождения Николая Павловича) или 6 декабря (тезоименитство). “Сохранившиеся на некоторых портретах старые окантовки и крючки, - пишет М.В. Сидорова, - говорят о том, что эти работы, очевидно, висели в комнатах Николая Павловича” [12, с.3-15]. Действительно, в инвентарных описях Зимнего дворца 1910 и 1925 гг. зафиксированы работы, исполненные великими княжнами Марией, Ольгой и Александрой маслом на холсте и акварелей. Многие из них украшали комнаты Николая I. К живописи особенную склонность проявляла Мария Николаевна, которая брала уроки у А.Г. Ухтомского, что позволило ей стать просвещенной любительницей произведений искусства, президентом Академии художеств.

С детских лет сыновья Николая Павловича приучались общаться со своими будущими подданными или подчиненными. Каждый из них воспитывался в соответствии с предназначенным для них профилем. Например, Костю (Константина Николаевича), будущего генерал-адмирала, обучал адмирал Ф.П. Литке, пытаясь сочетать специальное образование с образованием общим. Мальчики по мере взросления участвовали в кадетских летних лагерях, в полной мере испытывая тяготы полевой жизни (на ночь возвращались к родителям). По команде Николая Павловича однажды цесаревич Александр вместе с другими кадетами по пояс в грязи перешел через «лагерную клоаку». Постепенно повышаясь в должностях, цесаревич выполнял все более ответственные поручения. Во время известных бородинских маневров 1839 г. он произвел смотр кадетским корпусам в мундире Бородинского полка, шефом которого был тогда назначен [1, с.33, 35, 116]. Впоследствии великая княгиня Мария Николаевна в воспитании детей придерживалась тех же спартанских принципов, что и ее отец, считая обяза-

тельной для сыновей физическую подготовку и фрунтовую выучку.

Все дети императорской семьи воспитывались в окружении своих сверстников, что было характерно и для детства самого Николая Павловича. По воспоминаниям его дочери Ольги Николаевны, дети воспитывались в спартанской простоте. Летом их воспитание носило игровой характер, они в любую погоду гуляли на свежем воздухе, под присмотром матроса учились гребле. Без перчаток и шляпок девочки бегали по парку Александрии. Свободы вполне хватало для того, чтобы играть на детских площадках, прыгать через заборы. После обеда на так называемой “Молочной ферме” дети бежали на сеновал, где играли в прятки. Детей не баловали конфетами или мороженым. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: “Для нашего гардероба было ассигновано 300 рублей в год до нашего пятнадцатилетия, чего нам никогда не хватило, если бы Мама не помогала нам подарками на Рождество и в дни рождений. ... Остальное из наших доходов откладывалось, чтобы создать для нас капитал. Каждый год Папа проверял наши расходы” [7, с. 224]. Регламентировалось число ламп и свечей для освещения. Ведь девочек готовили в невесты в небогатые германские княжества.

Участвуя в придворной жизни, девочки с детских лет приучались к этикету. С 11 лет на торжественных церемониях они уже носили русское придворное платье из бархата, но без трена. Однажды на крестины Константина девочкам надели платья-декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Увидев дочек, Николай Павлович еще издали воскликнул: “Что за обезьяны? Сейчас же снять ленты и прочие украшения!” [7, с.244]. Разрешено было оставить только по жемчужному ожерелью.

Под Новый год Николай Павлович подходил к постели каждого из детей и благословлял их. В связи с серебряной свадьбой в 1842 г. Николай Павлович всем дочерям также сделал подарок по браслету из синей эмали со словом “bonheur” (счастье – франц.) в цветных камнях, отделявшихся друг от друга жемчужинами. “Такова жизнь, – сказал он, – радость попеременно со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах”. Перед кончиной Николай Павлович нашел силы проститься с каждым из своих детей и внуков отдельно. Фрейлина А.Ф. Тютчева записала тогда в дневнике: “Благословляя цесаревну, он продолжительным взглядом, казалось, особенно поручил ей императрицу, как будто более всего он полагался на ее любовь и заботу. Благословив всех, он сказал, обращаясь ко всем вместе: «Напоминаю

вам о том, о чем я так часто просил вас в жизни: оставайтесь дружны» [7, с. 265].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что дети Николая Павловича получили более систематическое и глубокое образование, чем дети покойного императора Павла I, а педагогические принципы воспитания не травмировали детской психики и способствовали формированию личности.

Библиографический список

1. Белякова, З.И. Великие князья Николаевичи. В высшем свете и на войне [Текст] / Зинаида Белякова. – СПб: Логос, 2003. – 330 с.
2. Выскочков, Л.В. Император Николай I: Человек и государь [Текст] / Л.В. Выскочков. – СПб.: Изд-во СпбГУ, 2001. – 638 с.
3. Выскочков, Л. Николай I [Текст] / Л.В. Выскочков. – М., 2006. – 694 с.
4. Выскочков, Л.В. «Мы все учились понемногу...» [Текст] Л.В. Выскочков // Родина. - 2010. - Специальный выпуск (Образование в России: вчера, сегодня, завтра). - С. 22–24.
5. Кавелин, П. Кавелин как воспитатель императора Александра II [Текст] / П. Кавелин // Русская старина. - 1902. - Т.109. № 3. - С. 555–560.
6. Киселева, Л. Мифы и легенды “царской педагогики”: случай Николая I [Текст] / Л.В. Выскочков // История и повествование: сб. ст. (Научное приложение Вып. LVI).- М.: Новое литературное приложение, 2006. С. 164–177.
7. Ольга Николаевна, королева Вюртембергская. Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 [Текст] Ольга Николаевна. // Николай I: Муж. Отец. Император / сост., предисл. Н.И. Азаровой.- М., 2000. - С. 174–329.
8. Пеликан, А.А. Во второй половине XIX века [Текст] / А.А.Пеликан // Голос минувшего. - 1914. - № 2. - С. 104–141.
9. Подробный план учения государя императора великого князя наследника цесаревича / сост. В.А. Жуковский [Текст] // Учить добродетели, или как поэт В.А. Жуковский был наставником наследника престола – будущего императора Александра II. – М., 1996.
10. Поездка из Петербурга в Стокгольм на пароходе “Александрия” в 1838 году [Текст] // Русская старина. - 1908. - Т. 135. № 8. - С. 360. – Ст. подписана: К-й, Ал.
11. Сидорова, М.В. Развитие “приятных талантов” (литература и искусство в процессе воспитания детей императора Николая I) [Текст] /М.В.Сидорова // Культура и искусство в эпоху

Николая I: материалы научной конференции / отв. за вып. С.А. Астаховская. – СПб.; Гатчина, 2008. – С.111–128.

12. Сидорова, М.В. Августейшие рисовальщики [Текст] / М.В. Сидорова // Урок рисования. Каталог выставки. – СПб., 2006. – С.3–15.

13. Соллогуб, В.А. Петербургские страницы воспоминаний гр. Соллогуба. [Текст] / В.А. Соллогуб. – СПб., 1993.

14. Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I [Текст] / Р. Уортман. – М.: ОГИ, 2002 – 606 с.

15. Татищев, С.С. Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки [Текст] / С.С. Татищев. – СПб., 1889. – 459 с.

16. Тютчева, А.Ф. Дневники (Фрагменты) // Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II [Текст] / А.Ф.Тютчева. – М.: Мысль, 1990. – С. 43–183.

17. Ушаков, Л.А. Корпусное воспитание при императоре Николае I [Текст] Л.А. Ушаков // Голос минувшего. – 1915. – № 6. – С. 90–133.

18. Фредерикс, М.П. Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс / М.П. Фредерикс // ИВ. – 1898. – Т. 71. – № 1. С. 52–87.

19. Эвальд, А.В. Рассказы об императоре Николае I [Текст] / А.В. Эвальд // Исторический вестник. -1896. – Т. 65. – № 7. – С. 51–71.

УДК 94(470) "16/18"

А. Е. Оторочкина

**Начальное образование в сельской среде
российской провинции первой половины XIX в.
(на материалах губерний Верхней Волги)**

Фундаментом системы просвещения является начальное образование, его объем, доступность различным социальным слоям, отношение к нему руководства страны и общества - важные показатели культурного и социально-экономического развития государства. Первая половина XIX в. стала для Российской империи временем оформления государственной системы образования. «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 г., «Устав учебных заведений» 1828 г. предусматривал 4 сту-

пени народного просвещения: высшую - университеты (в каждом учебном округе), среднюю - гимназию (в каждом губернском городе), промежуточную - уездные училища (по одному в каждом уезде) и низшую - приходские школы (в городах и селах). Причем в основу «Устава учебных заведений» 1804 г., созданного под влиянием либеральных идей века Просвещения, были положены принципы общедоступности и сословности. Но сословные и ментальные особенности российского общества первой половины XIX в. внесли существенные коррективы в процесс оформления сети начальных школ, особенно учреждаемых в сельской местности.

Еще в 1803 г. один из членов «Негласного комитета» в письме к Александру I указывал: «Главным препятствием для всеобщего распространения школ в России служит крепостное состояние огромной массы народонаселения. Какое образование возможно для людей, прикрепленных к земле, которыми владельцы их могут распоряжаться произвольно, чтобы не сказать безнаказанно?». Реформаторы школьного дела не могли не учитывать традиции, сложившиеся в российском обществе. В «Предварительных правилах народного просвещения» 1803 г. указывалось, что 1-2 сельских прихода будут обязаны создать училище. «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» в 1804 г. указал, что на Министерство народного просвещения и дирекцию народных училищ возлагается забота об открытии ими начальных и средних учебных заведений в городах. Государство не имело финансовой возможности, не располагало реальной учебно-методической базой для открытия и содержания начальных школ на селе. Инициатива по учреждению учебных заведений для крестьян была отдана на откуп владевшим ими помещикам, министерствам и ведомствам. В приходских училищах могли обучаться дети «всякого состояния», «без разбору пола и лет».

В отчетах дирекций народных училищ губерний Верхней Волги 1810-х гг. нет сведений о создании в сельской местности начальных школ. Так, например, в Ярославской губернии только в 1827-1828 г. приходское училище появилось в с. Великом у господ Яковлевых, в 1834 г. там обучалось 112 человек. По документам 1850-х г., эта школа продолжала работать и числилась за Министерством народного просвещения. Подобная судьба была и у приходского училища в с. Поречье Ростовского уезда, открытого в 1846 г. бывшим учителем первого приходского училища г. Ростова Мещериновым, и у школы для обучения русской грамоте крестьянских мальчиков в с. Брейтове Мологского уезда, учрежденной в 1847 г. помещиком гвардии поручиком в отставке Петром Зиновьевым. В 1835 г. князь Михаил Дмитриевич Волконский со-

здал в с. Марьино Мологского уезда Ярославского края приходское училище для первоначального обучения детей обоого пола. В первый год было принято в школу 30 крестьян [4].

Частные школы для крестьян в соседней Костромской губернии создавали помещики Катенины (ус. Клусеево), Шиповы (ус. Бельково), Лугинины (ус. Рождественское). Федор Николаевич Лугинин (1805-1884), офицер (военный топограф) Генерального штаба, закончивший Московскую школу для колонновожатых, хороший знакомый А.С. Пушкина по Кишиневу [6], в 1828 г. в с. Рождественском Ветлужского уезда открыл начальную школу. До 1861 г. имение Ф.Н. Лугинина считалось одним из самых крупных в Костромской губернии, помещику принадлежало более трехсот десятин земли и свыше 4 тысяч крестьян. Федор Николаевич в 1828-1829 г. отличился в русско-турецкой войне, около 1833 г. женился на В.П. Полуденской, известной московской красавице, в 1834 г. в чине подполковника вышел в отставку и переехал на постоянное жительство в Костромскую губернию. В этот период он начинает уделять более пристальное внимание созданному учебному заведению. «В имении моем в селе Рождественском с деревнями, составляющими одну волость, открыта вседневная школа для мальчиков и девочек, находящаяся в моем строении и состоящая на всем моем содержании. Дети приходят в нее учиться – мальчики в разное время от девочек, первые на четыре часа с небольшим промежутком времени для отдыха, а девочки – на два часа и потом возвращаются в дома свои. Учителей при школе находятся два из срочно-обязанных дворовых людей моих, состоящих при господской конторе и кроме того для девочек дочь Титулярного Советника девица Тихомирова; а главное наблюдение за учением примут на себя управляющий имением Полковник Бартельсон и супруга его. [...] Прием в школу и выход из оной совершенно произвольны; никаких телесные наказания не дозволены и единственная взыскательная мера – есть поставление в угол или на колени не на долгое время, а в случае шалостей или продолжительной лени дети отправляются к родителям для исправительного действия, не исключая их из школы», - так описывал свою школу помещик [9]. Обучалось в ней 32 мальчика и 14 девочек. Позднее для своих крестьян Ф.Н. Лугинин открыл еще одно начальное учебное заведение в 40 верстах от Рождественского в имении Никольском.

Данные примеры создания частных училищ для крестьян в сельской местности можно назвать скорее уникальными. Учредителями подобных школ становились дворяне, воспитанные на идеалах века просвещения и культурных традициях эпохи

Александра I, получившие образование в учебных заведениях, созданных в ходе реформ конца XVIII – начала XIX в. В прошлом многие из них были блестящими офицерами, участниками войны 1812 г. и зарубежных походов 1813-1814 гг., принадлежавшими к поколению декабристов. Мысль о необходимости развития школьного дела была успешно воспринята в этой среде.

Также следует отметить, что школы для начального обучения в сельской местности курировались различными ведомствами и министерствами. Так, например, к середине XIX в. начальные учебные заведения для крестьян в Ярославской, Костромской и Тверской губерниях находились под контролем не только частных лиц и Министерства народного просвещения, но и Св. Синода, ведомства императрицы Марии, Министерства государственных имуществ. На территории губерний Верхней Волги находились казенные земли Министерства уделов и Министерства государственных имуществ [8]. С конца 1820-х г. в Российской империи распространился особый тип начальных школ - так называемые волостные, или «сельско-казенные» училища для государственных крестьян. Первые такие учебные заведения были открыты в 1826 г. министерством уделов в Петербургской и Псковской губерниях, где правительство создало особую систему управления крестьянами. Сведений о числе данных школ и количестве их учеников не сохранилось. Известно, что перед ними ставилась задача осуществлять теоретическую и практическую подготовку служащих низших квалификаций, необходимых для разных должностей государственной администрации: писарей, фельдшерских помощников, землемеров, садоводов, животноводов и т.п. Министерство народного просвещения прекрасно было осведомлено о существовании подобных учебных заведений, но ими не занималось, так как эти школы не считались в собственном смысле общеобразовательными начальными школами.

Интересна при этом ситуация, сложившаяся в Ярославской губернии по отношению к крестьянам ведомства Демидовского училища (с 1833 г. - лицея). Дворянин П.Г. Демидов (1739-1821), учреждая в 1803 г. в российской провинции одно из первых высших учебных заведений, финансовой основой для его существования сделал оброк с 3,5 тысяч крепостных крестьян из своих земель в Угличском и Романовском уездах. В 1817 г. управление «крестьянами из вотчин Демидовского училища» начало осуществляться не директором и преподавателями учебного заведения, а Ярославской казенной палатой. С 1833 г. крестьяне Демидовского лицея были приравнены к крестьянам удельного министерства. В 1835-1836 г. для них в селах Воскресенском и Ильинском Угличского

уезда, Староандреевском (Козмодемьянском) Романово-Борисоглебского уезда были открыты школы. При их организации активно использовался опыт деятельности волостных удельных сельских школ. Средства на их содержание должны были идти из 15-рублевого оброка, который платили крестьяне.

Сохранились сведения о том, где и как были построены школы. В с. Воскресенском, располагавшемся в 26 верстах от Углича, здание училища, сарай и баня были поставлены напротив Воскресенской церкви, в с. Ильинском (20 верст от Углича) - на месте питейного дома. В с. Козмодемьянском дом и хозяйственные пристройки были выстроены также рядом с храмом. Здания училищ были «из деревянных бревен и имели длину 7, а ширину 6 сажень». В таком доме могло одновременно находиться до 100 учеников. Учебная программа этих школ соответствовала «Уставу учебных заведений» 1828 г., в каждом приходском училище должно было работать 2 учителя, один из которых был местным священником. Жалование светского учителя было установлено в размере от 300 до 350 руб. в год, к тому же он должен был жить при училище. Эти школы начали действовать в марте - декабре 1837 г. Все три школы находились на особом положении. Они были под контролем как Министерства народного просвещения, так и Министерства государственных имуществ, следила за ними и Ярославская духовная консистория. В 1844 г. крестьяне Демидовского лицея были переведены в казну под управление палаты государственных имуществ. Только в 1854-1855 г. школы с. Ильинского, Воскресенского и Козмодемьянского полностью были переданы в ведение Министерства государственных имуществ [4].

С конца 1830-х г. Министерство государственных имуществ начало организовывать свои первые школы. В отсутствие возможностей учредить в той или иной губернии своей волостной школы Министерство государственных имуществ готовило писарей для своих местных управлений, отдавая мальчиков из казенных крестьян учиться в губернские и приходские училища ведомства Министерства народного просвещения. Так, в Ярославской губернии в 1837-1838 г. в уездных и приходских училищах Ярославля, Ростова, Мологи, Углича, Любима и Пошехонья находилось 20 мальчиков, «происходивших из экономических крестьян» [4].

Русская православная церковь не одно столетие брала на себя функцию организации и осуществления обучения непривилегированных слоев населения. В течение всей первой половины XIX в. можно встретить факты открытия священниками школ в своих домах. Количество обучающихся в таких школах детей не

было большим (от 5 до 15 человек). Ученики здесь учили наизусть молитву “Господней...”, “Символ веры”, 10 заповедей, молитвы к Пресвятой Богородице, получали сведения по Св. Истории, читали Краткий катехизис, приобретали навыки письма и чтения церковной и гражданской печати, счета. Удачным можно назвать опыт открытия в с. Ножкино Чухломского уезда Костромской губернии в 1836 г. училища сельским священником. Это учебное заведение числилось за Министерством народного просвещения. В 1852 г. от данного министерства школа стала получать ежегодно 50 руб. сер. С 1836 по 1863 г. здесь прошло обучение более 300 человек

К просветительскому опыту церкви и сельских священников очень часто обращались министерства и ведомства. Выходцы из духовного сословия становились учителями в школах удельного ведомства и министерства государственных имуществ. В воспоминаниях бывшего ученика мужской гимназии И.Д. Гарусова встречаем такую характеристику влияния учеников Ярославской Духовной семинарии на распространение грамотности по губернии: «Было немало в городе училищ: многолюдные – приходское и уездное, семиклассная гимназия с пансионом, переполненная учащимися, и Лицей. Кроме того, были и специальные сословные: духовные с семинарией, имевшей хороших профессоров... При таком числе разносословных училищ, особенно же при влиянии на народную массу «обученных», с здоровою выдержкою и прочным научным фундаментом студентов семинарии, как они себя величали, распространявших свою ученую мудрость по углам и закоулкам губернии во время приезда к отцам на каникулы, - не только город, но и губерния, кроме Пошехонского уезда, славились грамотеями» [3]. Священник Иустин Михайлович Малеин, служивший в 1850-х гг. учителем школы Министерства государственных имуществ в родном с. Кушалине Тверского уезда, писал, что очень многие выпускники семинарии «стремились занять место сельского учителя, с содержанием 100 р. в год, по министерству государственных имуществ (государственные крестьяне) и 150 р. при годовой квартире по удельному ведомству (поступали только счастливичики)». Если на учителя приходилось более 30 учеников, то его оклад увеличивался до 100-115 руб. Помощник назначался, если число учащихся превышало 50 человек. Учитель, окончивший семинарию, получал по выслуге 6 лет 1,5 оклада, а через 12 лет - двойной оклад. Но при таком, казалось бы, не очень плохом финансировании школы министерства государственных имуществ и их преподаватели часто находились в бедственном состоянии, так как средства на их содержание должны были выделять «местные крестьянские общества». Местные же крестьянские общества к

учебным заведениям не проявляли никакого интереса. Так, руководитель ведомства граф П.Д. Киселев, объезжая государственные имения Тверского края, нашел в их училищах «неустройство в помещении, чистоте».

В «Наставлении для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян» 1842 г. Министерство признало недостаточность прежних волостных школ и поставило перед учебными заведениями задачу общего умственного развития крестьянских детей: «Объявить государственным крестьянам, что учреждая для собственного их блага способы образования сельского юношества, мы желаем с одной стороны, чтобы они исполняли долг отеческого попечения о своих детях, обучали их в приходских училищах, а с другой, чтобы дети поселян приобретали в сих училищах истинные понятия о своих обязанностях, предписываемых Законом Божиим, и обо всем, что необходимо в кругу сельского быта, доставляя утешение своим родителям и пользу своим обществам». После создания казенных школ в Российской империи крестьянам предлагалось добровольно отдать учиться туда своих детей. Но они равнодушно отнеслись к этой возможности. Тогда должностные лица прибегли к насильственному набору детей, чаще всего из бедных семей или сирот. Один крестьянин в разговоре с баринком посетовал на то, что их «замучили школы и обижают начальство». На вопрос барина: «В чем же оно обижает вас?», - ему был дан следующий ответ: «Как в чем, батюшка? У помещичьих крестьян воля дадена: учи, иль не учи ребят, с них не взыскивается, а вот у нас по 20-ти, по 30-ти лет мают училищами: все давай да давай в них ребят». «Не успевши выкупить и вымолить сына из училища, крестьянин зачастую нанимает из бедной семьи мальчика рублей за 20 и наемный учится за его мальчика», - отметил исследователь истории казенных училищ 1860-х г. Семеновский [10].

И.М. Малейн оставил несколько иные воспоминания об отношении крестьян его села к школьному делу: «На третий день, вижу, подходят к училищу, несколько крестьян с детьми, мал мала меньше, как говорят. «Что нужно», - вопрошаю их. - Да вот примите наших ребятишек в школу. - «Теперь, - говорю им, - не время принимать, принимать буду один раз в год после Семенина дня, да при том же мальчики то очень малы и молоды». Спрашиваю одного, сколько ему лет, ответил «седьмой год», другого: «кажись, шесть годов», отвечает, третьяго спрашиваю, а он обращаясь к отцу своему говорит: «батьа, сколько мне годов, я не знаю». Отец его отвечает: «в Сретение исполнилось шесть годов». - Ну вот видите ли, братцы, разве можно таких маленьких принять в школу, ведь

они не будут ничего понимать, - говорю я родителям мальчиков. «И.М., да нам пока и не нужно учения то им, пусть только в школе то сидят, не балуют, ведь из дома выживают своим баловством, нет с ними никакого сладу, а то, по крайней мере, на глазах не болтаются». Крестьяне требовали от учителей, чтобы их детей прежде всего обучали церковной грамоте, а потом уже гражданской: «Потому что, по их понятиям, вся суть грамотности заключается в умении читать псалтыри». Преподаватели же стремились придерживаться программы, предназначенной для приходских школ «Уставом» 1828 г. Дети должны были изучать закон божий, чтение, письмо и арифметику [7].

В сельских ведомственных начальных училищах среди школьников очень часто были девочки. По данным на 1858 г., в Костромском крае «девочки составляли 9% общего числа учащихся, причем в городских местностях % девочек равен 7,2, а в сельских девочки составляют 10,2 % общего числа учащихся»[9]. Сами крестьяне неоднозначно воспринимали этот факт. Так, один крестьянин, отказывавшийся отдать свою дочку в училище, говорил следующее: «К чему дочерей, дочерей-то понадобилось учить? Мальчиков еще ни што, дело другое, а девчат вредно обучать, да перешлют куда ни есть в чужие земли!» «Хотя бы девок освободили, - жаловались крестьяне одному чиновнику, приехавшему к ним с проверкой состояния школ, - а то время они проводят в училище, а мать бы их обучила ставы ставить, пряжу прясть, коров доить - к хозяйству приучала; говорят, они потом будут обучать своих ребят, как замуж выйдут, а поколе в девушках, так братьев малых, либо сестер обучать; так ведь они сами за работой грамоту забудут, какие из них учительницы».

Следует заметить, что для уездов, где в сельской местности чаще всего учреждались школы Министерства государственных имуществ, Министерства уделов, было характерно наличие развитых отхожих промыслов. Такая закономерность была подмечена еще в 1850-х гг.: «Умственное образование сельских жителей тоже различно. Земледельцы, находясь в постоянном труде и заботе, не выезжая почти никуда далее своего прихода, естественно лишены всех средств к умственному развитию; занимаясь же отлучными промыслами, большею частью бывают на работах в столицах и других городах России, где, находясь в непрерывных сношениях со всеми сословиями общества развивают свой ум и свои природные способности» [2]. В 1853 г. Министерством государственных имуществ при анализе состояния подведомственных ему земель Тверской губернии были выявлены занятия, которые требовали у крестьян обязательного наличия грамотности: конторщики и писа-

ри на фабрике, управляющие и старосты в помещичьих имениях, управляющие мельницами, приказчики, поверенные по питейному сбору, «артельщики в столицах», писари, «цаловальники и сидельцы в кабаках» [8].

Деятельность школ Министерства государственных имуществ, Министерства уделов способствовала тому, что к 1861 г. грамотность среди государственных крестьян была более распространена, чем среди помещичьих. Кроме того, по единодушному призыванию властей и епархиального начальства, именно среди государственных крестьян было более всего раскольников различных толков [1]. В основе старообрядчества лежала книжная культура. И традиционно в таких семьях дети учились дома читать и писать на церковнославянском языке. Для этого могли наниматься народные учителя, также придерживавшиеся старообрядчества. Вообще, обучение у «мастеров» и «мастериц» было очень популярно в крестьянской среде. В 1850 г. в деревне Бурдуково Солигаличского уезда была оштрафована крестьянская девка Степанида Дмитриевна Григорьева, именуемая «Супарень», за обучение детей без надлежащего разрешения. В ходе разбирательства было выяснено, что занималась с ребятишками она в зимние месяцы. Число учеников и учениц доходила у нее до 10 человек, плату за полный курс «мастерица» брала от 2 до 3 руб. Родители к ней охотно отправляли детей, так в деревне она была единственно грамотной [9].

Таким образом, в первой половине XIX в. в Российской империи сложилась особая традиция организации и осуществления начального обучения крестьян в сельской местности. В условиях крепостнических отношений и сословно-корпоративного мышления русского обывателя первой половины XIX в. этот процесс осуществлялся различными ведомствами (Министерством народного просвещения, Духовным ведомством, Министерством государственных имуществ, Удельным ведомством) и частными лицами. Причем примеры учреждения частных начальных учебных заведений в дворянских поместьях единичны. Помещикам и чиновникам, занимающимся развитием народного просвещения, приходилось учитывать многовековые обычаи распространения грамотности у различных сословий. В крестьянской среде обучение детей доверялось учителям из народа – «мастерам» и «мастерицам», священникам. К факторам, стимулирующим распространение грамотности среди жителей губерний Верхней Волги, также можно отнести такие явления как отходничество и раскол. Именно сословный принцип создания и развития начального образования оказался в центре внимания общественных деятелей, публицистов и педагогов второй половины 50-х гг. XIX в. на волне больших

ожиданий, связанных с предстоящей реформой отмены крепостного права и обучения многомиллионной народной массы. Проблемы и традиции начальной подготовки первой половины XIX в. были внимательно изучены и учтены при подготовке «Положения о начальных народных училищах» (1864 г.).

Библиографический список

1. Войтюк, Т. «...а сия книга любити аки камень драгое...» [Текст] / Т. Войтюк // Губернский дом - М., 1994. - №5. - С.47.
2. Владимирский, Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки [Текст] / Н. Владимирский. - Кострома, 1927. - С. 66.
3. Гарусов, И.Д. Провинциальные училища в 30-х и 40-х годах [Текст] / И. Гарусов // Русская школа. - М., 1910. - №4. - С. 3-4.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2087, Д. 2290; Ф. 73. Оп.1. Д. 3521; Д.3560; Д. 3812. Л. 25; Д. 4911. Л.4; Ф.230. Оп.3. Д.422. Л.262; Д.679. Л.2-6; Ф.549. Оп.1. Д.11. Л.2об-3; Д.341; Д.494. Л.6об.; Д.533. Л.8, 13, 84; Д. 596. Л. 12; Д.804. Л.1-11; Д.840. Л.1-6; Д.906; Д.1106. Л. 2; Д.1388. Л. 1-6; Д.1427. Л.2-10. Д. 1441; Ф.642. Оп.1. Д.132. Л.4-5; Д.22408. Л.17.
5. Золотов, В.А. Исследования крестьянской грамотности по деревням, преимущественно Тверской губернии и частично Московской [Текст] /В. Золотов. - СПб., 1863. - С. 17.
6. Лугинин, Ф. Н. Дневник (15 мая — 19 июня 1822 г.) [Текст] / сост. Ю. Г. Оксмана // Лит. наследство; Т. 16—18. М., 1934. — С. 666—678.
7. Малеин, И.М. Мои воспоминания [Текст] /И. Малеин. - Тверь, 1910. - С.226.
8. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ [Текст] / Вып. I: СПб., 1858. - С.92; Вып. II: СПб., 1859. - С.169, 176-177, 256, 261-262;
9. Очерк развития народной школы в Костромской губернии [Текст] / Кострома, 1913. - С. 12-15, 21, 83.
10. Шарловский, И. Народное образование по местным исследованиям [Текст] И. Шарловский // Отечественные записки. - 1864. - №5 (май). - С. 166.

Е. Л. Сарасва

Цивилизационная ориентация России: взгляд П.Я. Чаадаева

В современной науке идет дискуссия об особенностях российской цивилизации, факторах ее развития, отношениях с другими культурно-историческими мирами. Включение России в процесс интеграции возбудило интерес к проблеме цивилизационной принадлежности России. Ориентация страны на ту или иную модель развития зависит от культурно-цивилизационных констант, традиций. Исследователи ведут острую полемику по вопросу, является ли Россия европеизированной, цивилизованной страной, следует ли ей продолжать политику интеграции в Европу, или России необходимо сохранить свою самобытность. Несмотря на то, что прошло фактически два столетия после постановки этой проблемы, некоторые исследователи по-прежнему воспринимают европейские и национальные начала как противоборствующие.

Расширение взаимодействия народов в Новое время поставило Россию перед решением вопроса о национальном самоопределении, цивилизационной самоидентификации. Русские интеллектуалы 30 – 40-х гг. XIX в. признавали, что исторический путь России имеет свои особенности. Они стремились осмыслить его в сравнении с векторами развития Европы и Востока, ареалами, создавшими различные системы жизнедеятельности общества.

В европейской и русской мысли формировалась традиция сравнительного анализа историко-культурных сообществ. Однако осознание национальной жизни исключительно в контексте мировой истории русские мыслители считали неверным, поскольку необходимо объяснение внутренней обусловленности развития России. Официальная идеология отождествляла Россию с самодержавием, подменяя интересы общественного развития интересами монархии. Даже в «Наказе» Екатерины II, имевшем просветительскую риторику, подданным объяснялось, что отечество представляет собой государь. «Русские европейцы» сороковых годов, размышляя о судьбе России, думали о жизни народа. В дискурсе западников термин государство употреблялся в значении системы управления, что значительно отличало их категориальный аппарат от официального речевого стиля.

Насаждение петровским государством западных образцов жизни общества направило осмысление направления его движения в рамки бинарной оппозиции «свое - чужое», что вело к противо-

поставлению основ развития Европы и России. Среди различных оценок направления развития России в 30 – 40-е гг. XIX в. выделялся взгляд П.Я. Чаадаева на возможное сочетание русских и заимствованных элементов культуры в будущей российской цивилизации. В своих философических письмах (1828-1831) он поставил проблему влияния геополитического положения страны на формирование российского общества. До Чаадаева судьбу России рассматривали в сравнении с Европой. В его представлении геополитическое положение России имело свои преимущества и недостатки. Россия находилась между двумя великими цивилизациями – Востоком и Западом. Она могла соединить в себе их лучшие начала: «Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, ... мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [1, с. 329]. Однако Россия не воспользовалась преимуществами своего геополитического положения. Она не восприняла элементы жизни ни одного, ни другого историко-культурных миров. После же принятия православия она оказалась в изоляции от католического Запада. «До нас же, замкнувшихся в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило. Нам не было никакого дела до великой всемирной работы» [1, с. 331]. Замкнутый характер российской цивилизации обрек ее, по выражению Чаадаева, на «мертвый застой».

Недостатком геополитического положения России Чаадаев считал ее расположение на севере материка. Русские – северный народ. В России жестокий климат, не позволивший народу создать благоустроенный быт. Материальная неустроенность препятствовала развитию идейной жизни в России. Чаадаев утверждал, что Россия не принадлежала ни к Западу, ни к Востоку. «У Востока своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [1, с. 531]. Уже в первом своем труде, «Философических письмах», Чаадаев характеризовал Россию как самостоятельную цивилизацию, находящуюся на востоке Европы, которая лишь с эпохи Петра Великого стала воспринимать достижения Запада. Таким образом, по мнению Чаадаева, геополитическое положение России должно было помочь русскому народу понять свою миссию в мировой истории, открывало перед страной широкие возможности восприятия опыта других цивилизаций.

П.Я. Чаадаев делил все народы на европейские и неевропейские. Только европейская христианская цивилизация, полагал он, открывает людям цель их существования. Будучи христианским мыслителем, Чаадаев развивал идею духовного единения лю-

дей на основе христианства как одного из условий создания царства божия на земле. Божественная идея заключается в единстве. Христианство соединяет души. Сила христианства заключается в таинстве единства. Люди должны стремиться к единению со Спасителем. По мнению Чаадаева, христианство обеспечило духовный прогресс европейских народов. Человеческий разум развивает идеи, которые бог вложил в души и ум людей. Ум человеческий стремится к познанию божественной истины [1, с. 60]. Другое значение христианства Чаадаев видел в развитии нравственности новых народов, которая значительно возвышала их над древними этносами. Европейская цивилизация, по мнению мыслителя, есть результат влияния христианства, обусловившего формирование общих убеждений.

Философ не видел иной возможности для России войти в круг цивилизованных народов, кроме как приобщения к культуре европейской цивилизации и заимствования ее духовного опыта. «Но разве мы не христиане, скажите вы, и разве нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу?» [1, с. 333].

По мысли Чаадаева, *Россия никогда не будет Европой*, и не потому, что русские не способны усвоить наследие Запада, а потому что у них *свое предназначение в истории*. Попытку ввести Россию в семью европейских народов Чаадаев усматривал в реформах Петра I, но, по мнению философа, заграничный поход русской армии в 1813-1814 гг. прервал процесс присоединения нашего отечества к Западу. Чаадаеву представлялось, что с этого времени Россия заявила о своей самостоятельности в осмыслении пути развития. «...Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась» [2, с. 99]. Чаадаев не считал, что Россия должна стать частью Европы.

Разнообразие национальных культур, мировосприятия, образов жизни народов – естественное явление, утверждал Чаадаев. Он *признавал ценность каждого социокультурного сообщества*. Его мысль о необходимости научиться ценить культуру каждого народа придала его воззрению гуманный характер и объясняет выживаемость в огромном идейном потоке его мыслей об универсальном и национальном. В учении Чаадаева содержались начала различного решения проблемы развития цивилизаций. Он считал вероятной и желательной ориентацию народов на европейский путь развития, но в то же время признавал, что оригинальные черты культуры являются гарантом сохранения национальных форм жизни.

П.Я. Чаадаев хотя и писал, что судьба России зависит от европейского общества [1, с. 433], тем не менее выражал сомнение в том, что она сможет занять прочное место в семье европейских народов. Европеизация России желательна, чтобы русские стали просвещенным народом, но развитие нашего отечества отличается от движения других сообществ. Одно из объяснений несовпадения путей России и Европы Чаадаев находил в существовании зависимости эволюции от истоков движения страны. «Исходные точки у западного мира и у нас были слишком различны, чтобы мы когда-либо могли придти к одинаковым результатам» [2, с. 494].

«Басманный» философ не разделял представлений о России как уже европеизированной стране. Наоборот, он подчеркивал, что наша страна связана с Европой еще очень слабо, она смогла заимствовать только внешнюю сторону социального быта западного мира. «Эта связь, очень слабая в действительности, не скрепляет нас с Европой так тесно, как это воображают... но она тем не менее ставит всю нашу будущую судьбу в зависимость от судьб европейского общества. Поэтому, чем больше мы будем стараться слиться с последним, тем лучше это будет для нас» [1, с. 433]. До сих пор заимствованные внешние формы жизни служили лишь простым украшением, они не затрагивали душу русского человека. Как видим, в философических письмах Чаадаева развивалась мысль о возможном слиянии России с Европой в будущем. Но как он мыслил это слияние, остается неясным.

В середине тридцатых годов «басманный» философ видел существенные различия между Европой и Россией. Он не находил общих моментов в их духовной жизни. «Странная у нас страсть приравнять себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина и только», - писал Чаадаев А.И. Тургеневу в 1836 г. [2, с. 108]. В этом письме Чаадаев кратко выразил свою мысль о невозможности в будущем слияния путей развития России и Европы, так как их история имела разные начала. «У Токвиля есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно, что *точка отправления народов определяет их судьбы*. У нас этого не хотят понять: а между тем в этом вся наша история» [2, с. 108].

В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев более осторожно говорит о принадлежности России к Европе: «Мы думали, что идем вместе с ними» [1, с. 530]. В учении Чаадаева, как уже отмечалось, значение открытия России Западом определялось как условие цивилизации отечества. Философ не говорил о желательности слияния страны с Европой. Он даже не употреблял термина европеизм, которым представители западнического круга обозначали процесс взаимодействия Европы и России. Размышляя о прошлом страны,

он все время подчеркивал различия начал формирования европейской и русской цивилизации. Думая о будущем своего отечества, философ утверждал, что *Россия – не Запад, у нее свое призвание в истории человечества* (1835) [2, с. 96]. В 1846 г. Чаадаев выразил надежду, что в будущем *Россия сможет освободиться от влияния Запада, будет иметь свои истоки идейного развития* [2, с. 191]. Время оригинального развития мысли, независимой от западной науки, наступит, когда интеллектуалы поймут содержание прошлого страны, определяют предназначение народа. «Тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей» [2, с. 192]. Таким образом, Чаадаев мыслил будущее России как самостоятельное развитие российской цивилизации, занимающей достойное положение среди других историко-культурных миров.

Годы размышлений укрепляли Чаадаева в мысли о значительном расхождении путей России и Европы. Чтобы подчеркнуть различия в цивилизационном развитии этих ареалов, он сравнивал их с планетами. «Мы – обитатели другой, новой планеты» (1848) [2, с. 210].

Чаадаев писал о необходимости понять судьбу России. Его тревожила незаинтересованность Запада в европейском будущем России. В 1835 г. он отмечал настороженное, недоброжелательное восприятие России в европейских странах: «Они упорно уступают нам Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их невольную хитрость; постараемся сами открыть наше будущее, и не будем спрашивать у других, что нам делать» [2, с. 98].

Россия, по мысли Чаадаева, станет цивилизованной страной, если расширит культурные контакты с Западом, повторит у себя «все воспитание человеческого рода», если русский народ оживит христианскую веру. Русскому народу надлежит понять свою судьбу, предназначенную ему Провидением. Россия должна иметь свои основы цивилизационного развития: благоустроенный быт, богатую духовную жизнь, нравственные христианские ценности. Чаадаевская идея предназначенности судьбы каждого народа и необходимости ее осознания мыслителями вела к отрицанию идеи принадлежности России к европейскому миру.

Проблема цивилизационной ориентации России в 30–40-е гг. XIX в. обсуждалась и в кругу классических западников. Особенность западнического взгляда на проблему *национальной идентичности России* – определение не только исторически сложившихся традиций и элементов политической и социокультурной

истории, но и анализ адаптации воспринятых гуманных начал европейского мира. Проблему национальной идентичности западники решали с учетом ценностных ориентиров разных социальных слоев, исторической памяти народа. Социокультурная «физиономия» русского общества, его идейно-ценностная система, по мысли западников, еще не сложилась. Общество середины XIX в. представляло собой сочетание различных слоев, настолько расходящихся по своим интересам, что они не понимали друг друга. Распад общества – важнейшая характеристика его социокультурного состояния.

Проблема цивилизационной принадлежности России решалась классическими западниками 40-х гг. XIX в. с позиции признания за социумом права самостоятельно определять свою судьбу. Русское сообщество, представленное европеизированными слоями, народными массами, еще не создало новую целостность, объединенную общепризнанными ценностями, кроме ценности родины. Цивилизационная принадлежность России еще не определилась, действуют разнонаправленные векторы движения. Многофакторный исторический процесс не запрограммирован. Западники утверждали, что русские люди имеют и должны сохранить национальные черты своего характера, мироощущения, культуры. *У России есть и должна сохраниться в будущем своя национальная жизнь.* Ее открытость для восприятия другого опыта – одно из условий движения, не уничтожающее, а вырабатывающее национальность. Мысль западников о том, что заимствование достижений Европы является средством решения русским народом своих национальных задач, – значимое для реального модернизационного процесса определение истоков и субъектов преобразований. Осмысление проблемы Запад – Россия в цивилизационном аспекте было новым явлением в русской науке. Интеллектуалы 30–40-х гг. XIX в. преимущественно обращались к проблемам, позволяющим осознать национальную идентичность русских, и мучились над вопросами особенностей судьбы отечества. Осмысление отношений между основными субъектами исторического процесса в период европеизации России, формирования новой культуры общества, соотношения между традициями и инновациями – важный интеллектуальный результат развития западнической мысли 40-х г. XIX в.

Идея самостоятельного осмысления направления развития России была общей для всех «русских европейцев», веривших, что Россия – страна будущего, поскольку она недавно вступила на путь цивилизационного движения. Чаадаев, а впоследствии и западники 40-х гг. XIX в., не рассматривали европейскую цивилизацию как

универсальную, ведущую к унификации культуры на всем пространстве, оказавшемся в сфере ее влияния. Обращение к опыту европейских стран может содействовать пробуждению общества к самосознанию, но его цивилизация возможна только в условиях самостоятельного развития.

Библиографический список

1. Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма [Текст]: в 2 т. Т.1. / П.Я. Чаадаев. – М.: Наука, 1991. - 554 с.
2. Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма [Текст]: в 2 т. Т.2. / П.Я. Чаадаев. – М.: Наука, 1991. - 598 с.

УДК 94(470)"19/..."

Ю. С. Никифоров

Коммуникативная культура российского историка на рубеже XIX-XX вв.

(на примере представителей «русской исторической школы»)

Оформление истории как академической науки в России на рубеже XIX-XX в., увеличение числа людей, которые профессионально занимались историческими исследованиями, интенсификация труда историка, расширение тематики исследований и контактов с зарубежными коллегами создали предпосылки для формирования особой системы компетенций, ценностей и представлений, способов научно-педагогической деятельности и взаимодействия внутри исторического сообщества, которые можно обозначить общим понятием культура историка, включавшим исследовательский, педагогический и коммуникативный уровни.

Важнейшим компонентом коммуникативной культуры историка стало взаимодействие внутри исторического сообщества, главный коммуникативный центр был университет. Регулярные поездки за границу стали способом коммуникации с выдающимися учеными Европы. Близкий контакт историков налаживался под влиянием участия в мероприятиях общего профессионального характера. Ярким явлением в коммуникации историков стали личные беседы ученых в неформальной дружеской обстановке. На совместных прогулках историки говорили о вопросах науки, литературы и общечеловечности. Частью культуры их общения был взаимный обмен научными произведениями. Формой коммуникации в сообществе историков стало написание рецензии. Общение с коллегами определялось научным интересом и влияло на исследова-

тельскую работу. Особый пласт культуры историка составляли отношения с научным наставником, которые иллюстрировали систему взаимодействия «учитель-ученик».

Несмотря на противоречия методологических интересов и складов характера ученых, научные трения обычно не влияли на личные отношения. Этической нормой во взаимоотношениях историков были тактичность, корректность, взаимное уважение, но иногда на скрытом подсознательном уровне проявлялись и такие чувства, как зависть, страх научной конкуренции, дух соперничества, которые нередко приводили к конфликту в среде историков. Примером этого могут служить казусы коммуникации ученого сообщества историков: конфликт Н.И. Кареева и С. Трачевского в Санкт-Петербургском университете, межнациональная рознь в Варшавском и Киевском университетах, конфликт с избранием председателя Петербургского исторического общества. Особую часть коммуникативной культуры историка составляли взаимоотношения со студентами. Активная деятельность по поднятию благосостояния студентов и ориентация на воспитание высокообразованных членов российского общества были главными чертами в отношениях профессоров-историков со студентами. В педагогической деятельности они стремились не только нести знания, но и вносили воспитательный компонент в преподавание. Их взаимодействие с учащейся молодежью не ограничивалось стенами университета. На студентов они смотрели как на младших членов университетской семьи, что проявилось в практике семинарских занятий со студентами на квартире у профессора.

Взаимодействие историков с администрацией во многом носило типичный для либерального профессора характер: скрытое неприятие историками контрреформ в области просвещения и формальная лояльность, взаимодействие на грани внутреннего конфликта и внешнего компромисса. Изгнание некоторых из историков «русской школы» из университета в эпоху реакции при всей несхожести обстоятельств демонстрирует пример конфликта либерального профессора-историка и административной системы. Основным мотивом участия российских историков в общественно-политической деятельности на рубеже XIX-XX вв. было желание послужить знаниями не только науке, но и принести конкретную пользу стране, «отдать долг» простым людям. Н.И.Кареев и М.М. Ковалевский в Санкт-Петербурге, П.Г. Виноградов и М.С. Корелин в Москве, И.В. Лучицкий в Киеве были одними из деятельных организаторов комитетов по самообразованию. Значительную часть жизни историка занимала деятельность в научных обществах. Одной из форм контактов ученого с широкой аудито-

рией стали публичные лекции. Сотрудничество в редакциях газет и журналов также было составным элементом коммуникативной культуры историка. Работа историков в либеральных журналах пореформенной России имела неформальное продолжение в виде журфиксов в редакциях журналов. Одним из ярких проявлений коммуникативной культуры историка на рубеже XIX-XX в. стало создание специализированных журналов для историков.

Активное включение либеральной профессуры в политику и приобщение историков «русской школы» к политической деятельности началось с общественной работы в области городского или земского самоуправления. Историков отличал общечеловеческий характер мотивации в занятии политическими делами. Избранные в Госдуму Российской империи историки-депутаты активно работали по самым принципиальным вопросам. Обширные экскурсии в историю законодательства европейских стран - отличительные черты речей историков в российском парламенте. Обладая ораторским талантом, историки одинаково умели выступать как с университетской кафедры, так и с парламентской трибуны. Активная гражданская позиция, стремление обустроить Россию путем заимствований опыта европейских стран, участие в законодательных органах власти Российской империи были частью коммуникативной культуры историка.

Российский историк рубежа XIX-XX в. никогда не ограничивался только университетским преподаванием и кабинетной работой ученого. При всей многогранности общественной деятельности, он всегда продолжал исследовательскую и преподавательскую работу, которые нередко стимулировались первой. Общение историка было связано с его научными интересами и непосредственно влияло на тематику исследований. Можно выделить следующие каналы коммуникации историка. Во-первых, университет, включавший «три мира»: коллег и соратников; учеников, студентов и слушателей; администрации. Во-вторых, журнально-газетная сфера - редакции периодических изданий. В-третьих, научные общества по различным отраслям знаний. В-четвертых, благотворительные фонды и организации. В-пятых, общественно-политический канал коммуникации. Коммуникативное пространство историка включало интеллектуальное общение на двух уровнях. Официальный уровень представлял собой формальное взаимодействие в университете, а также общение в редакциях периодических изданий, на конференциях, конгрессах. Неофициальный пласт включал коммуникацию в процессе журфиксов, дружеских бесед, продолжавшуюся в письмах. Эпистолярная коммуникация была традиционным средством общения ученых-историков. Пись-

мо имело тройное значение: информационное, интеллектуальное и эмоциональное.

Таким образом, коммуникативная культура историка может быть определена как совокупность различного рода ценностных отношений ученых-историков с коллегами, студентами и слушателями, руководством и представителями общественности в процессе официального и неформального, непосредственного и опосредованного взаимодействия на уровне университета и других коммуникативных каналов общества.

Библиографический список

1. Иванцов, М. М. С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий [Текст] / М. Иванцов // Русская мысль, 1908. - № 10. - С. 137-148.
2. Из писем П.Г.Виноградова [Текст] / публикация К.А.Майковой // Средние века. - Сборник 22. - М., 1962. - С. 267-282.
3. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н.И.Кареев. - Л., 1990. - 384 с.
4. Ковалевский, М.М. Моя жизнь [Текст] / М.М.Ковалевский. - М., 2005. - 784 с.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания [Текст] / П.Н.Милюков. - М., 2001. - 638 с.
6. Мягков, Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст] / Г.П.Мягков. - Казань, 2000. - 286 с.
7. Письма М.М.Ковалевского к А.И.Чупрову [Текст] // М.М.Ковалевский. Моя жизнь. - М.: РОССПЭН, 2005. - С.485-531.
8. Погодин, С.Н. Русская школа историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский [Текст] / С.Н.Погодин. - СПб., 1997. - 280 с.
9. Тарле, Е.В. И.В.Лучицкий как университетский преподаватель [Текст] / Е.В.Тарле // Научный исторический журнал. - 1914. - Т.2. - № 4. С.5-9.

Н. А. Лихова

**Пища в семейной обрядности крестьян
в конце XIX – начале XX в.
(на примере Ярославской губернии)**

Пища - одна из наиболее существенных составных частей материальной культуры человека - являлась важной составляющей в обычаях и обрядах. В настоящее время традиции приготовления обрядовых блюд русского населения исследованы недостаточно полно. Изучение трапез помогает выявить семантику важнейших обрядов жизненного цикла, традиционных и современных праздников.

Одним из распространенных поминальных и употреблявшихся на крестинах блюд у крестьян являлась каша. «Каша, поставленная на стол, должна выражать желание новорожденному довольства, счастья, богатства» [1]. Поэтому на стол ставили самый большой горшок пшеничной каши, а гости должны были бросать в нее копейки. После этого верхушку, в которой оставались деньги, срезали и отдавали матери, а остальное съедали гости. Употребление каши на крестинах было до того распространено среди крестьян, что если соседи звали на кашу, то все сразу понимали, что их приглашали на крестины.

На крестинах существовал обычай кормить мужа блюдом из всякого «сброда» (хлебных корок, соленых сухарей, хрена и т.п.). Таким образом, соблюдалась справедливость по отношению к роженице: «Хозяйка маялась... и ты попробуй» [2].

В первые дни после родов к молодой матери спешили женщины с приношениями. Этот обычай, известный под названием «проведок», «отведок», «нести зубок», существовал у русских почти повсеместно. Его можно рассматривать как пример нетрудовой взаимопомощи внутри семьи и общины. Целью приходивших было справиться о здоровье роженицы, поздравить ее с новорожденным, угостить чем-либо вкусным, а заодно оказать практическую помощь ее семье.

Одной из форм обрядовой пищи издревле являлся хлеб. Свое особое значение он приобрел в обычаях, связанных с переходными, переломными моментами, такими как вступление в брак. Выпечка из муки называлась «хлебной силой» и содержала в себе глубокий смысл, символически обозначая в свадебных обрядах брак, имела сакральный характер и выполняла функции благопо-

желания. Она выполняла магическую роль усиления плодородия или укрепления благополучия семьи. Сам же процесс приготовления свадебного хлеба, т.е. превращение сырого теста в выпеченный каравай, связан с переходом невесты в статус молодой женщины.

Одним из центральных обрядов свадьбы был пир, который являлся формой общественного признания и одобрения свадьбы. Каждая крестьянская семья старалась устроить пышное застолье, позвать как можно больше гостей. В этом проявлялась одна из черт крестьянского менталитета - стремление «выхвалиться» перед другими. По свидетельству крестьянина Абрамова, «бедность происходит от неумеренных расходов на свадьбу» [3]. Многие крестьяне на свадьбу вынуждены были брать в долг под большие проценты, и нередко этот долг приходилось выплачивать уже детям жениха.

Брачный пир устраивался в доме жениха. Молодых встречали хлебом-солью и благословляли. Сочетание хлеба и соли играло роль емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний. После этого подносили кружку с молоком, в которую клали уголек; это делалось для того, чтобы «у будущих родителей были детки белые с черными глазками». Далее молодым подавали белый (пшеничный) пирог, который они должны были разломать - «у кого будет большая часть, тот будет большим в семейной жизни» [4]. Обычно пирог пекла мать невесты и заранее надламывала его, чтобы ее дочке досталась большая часть. Совместная еда молодых в свадебном обряде, известная у многих народов, знаменовала собой их вступление в интимную связь. Через неделю после свадьбы молодые ездили к тестю на «пирожки». Такое название поездка приобрела потому, что для молодых пекли маленькие пирожки с разнообразной начинкой.

Своеобразна и похоронно-поминальная обрядовая пища. Обязательными ритуальными блюдами на обеде в день похорон были кутья, мед, яйца, каши, овсяный или клюквенный кисель, пироги, блины, щи с мясом или рыбой. Звали помянуть всех, кто участвовал в похоронах.

Все составляющие кутьи (пшеница или рис, приправленные медом, смешанные с изюмом или черносливом) имеют определенное символическое значение. Зерна означают веру живых в воскрешение умершего для лучшей жизни. В традиционной культуре зерно является символом жизни и плодородия, так как оно и надолго сохраняет, и вновь воссоздает жизнь, и умножает ее. Добавляемые в кутью ягоды являются тем же семенем и имеют то же символическое значение, что и зерно. Третьим компонентом кутьи

был мед, или сыта (разварной мед на воде). Символическое значение меда связано с образом пчелы, его производительницы. Одно из наиболее распространенных народных определений пчелы — «пчела Божья угодница», так как доставляет воск на свечи.

С течением времени во многих районах способ приготовления кутьи упрощался; так, в Даниловском уезде кутья готовилась из ячневой крупы и подслащивалась разведенным сахаром [5, ч. 1, с. 130], а в Пошехонском уезде кутью заменяли чашкой белого или красного меда [5, ч. 2, с. 526].

Хлеб и выпечка также составляли меню поминок, количество которых означает изобилие. Начинка для пирогов могла быть самой разнообразной: яблоки, картошка, капуста, грибы, рыба. Однако не вся рыба могла служить начинкой. Существовал строгий запрет на использование щуки и налима. Народное объяснение такой традиции связано с мнением, что эти рыбы питаются утопленниками. Все остальные блюда готовятся в зависимости от сезона и скоромных или постных дней.

Во время тризны на край стола, обращенный в «красный угол», ставилась пища для умершего, и эта часть стола оставалась незанятой. Когда хоронили хозяина дома, вслед гробу бросали рожь, пшеницу или какое-нибудь другое зерно, чтобы и без главы семьи продолжал хорошо родиться хлеб.

Кутья являлась обязательным блюдом трапез и в кануны святочных праздников: Рождества, Нового года, Крещенья, а также в дни общего поминовения мертвых, или родительские дни: Масленичная суббота, Радуница, Троицкая суббота и Дмитриев день. Кроме того, в дни поминовения родителей пекли «поминальнички» — ржаные или пшеничные пироги с начинкой из овсяной и манной крупы [5, ч. 2, с. 527]. Часть оставшейся после ужина кутьи и пирогов дети разносили по домам нищих, часть отдавали причту, а часть вместе с другими недоеденными блюдами до утра сохраняли на столе для душ покойных.

По кутье гадали о будущем годе: если только что приготовленная каша вылезала из горшка, если горшок треснул в печи, если кутья оказывалась белой и мелкой, это считали предзнаменованием беды в доме. Если же горшок был полон, а кутья во время приготовления покраснела, то в семье ждали удачи и счастья. С помощью кутьи узнавали о деловых качествах будущего жениха: готовую кутью ставили на колодец и смотрели, кто прилетит ее клевать; если ворон — то жених будет непутевый, а если сорока — то проворный.

Таким образом, праздничная и обрядовая пища крестьян отличалась обилием и более высоким качеством по сравнению с

повседневной. Особое значение придавали хлебу – сакральному предмету, обладающему многозначной символикой. Хлеб во все времена был символом богатства и благополучия. Семантика хлеба включала в себя также представления о жизни, воскресении, живом существе. Хлебу приписывались также способности отгонять болезни, придавать силу, сохранять здоровье. В обрядах, связанных с рождением ребенка, и на свадьбе использовали соль. Считалось, что соль охраняла хлеб и дом в целом от воздействия враждебных сил. Важной принадлежностью праздничного стола были каши из различных злаков. Согласно народным представлениям, употребление в пищу большого количества зерен должно способствовать хорошему богатому урожаю.

Библиографический список

1. Кувшинин, А. Каша - мать наша [Текст] / А. Кувшинин // Живописная Россия. – СПб., 1901. Т.1. - 477 с.
2. Фирсов, Б.М. Быт великорусских крестьян-землепашцев. [Текст] / Фирсов, Б.М. - СПб., 1993. -140 с.
3. Сельский вестник [Текст]: газета. – СПб. - 1893. - №19. - 287 с.
4. ГАЯО. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 9.
5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева [Текст]: в 3 т. – СПб., 2006. - Т. 2.

УДК 94(470)"16/18"

Л. .М. Архипова

«Вступительные беседы» в учебных курсах В. О. Ключевского как культурно-исторический феномен

Каждую весну из высшей школы выходят все новые и новые кадры молодых людей, из которых едва ли не 9/10 не несут с собой в жизнь ни знаний, ни общественных идеалов, ни способности анализировать действительность, ни сознания своего долга перед родиной, ни умения шагнуть дальше интересов 20 числа и всего, что с ним связано.

Северный край. 21.12. 1903.

Созвучность оценки типичного для высшей школы начала XX в. явления с тем, что мы наблюдаем и теперь по прошествии более ста лет, не единственное впечатление от приведенной в качестве эпиграфа газетной цитаты. Одновременно поражает одинаковость социальных ожиданий, связанных с университетским образованием. По общему мнению, именно оно должно сформировать гражданина, творческую личность и профессионала в своей сфере деятельности.

Несмотря на вечность этой сверхзадачи высшего образования, условия ее решения, теоретические положения и практические способы все же определяются конкретно-исторической ситуацией. Каждая эпоха предлагает свои образцы педагогического мастерства, которые обладают не только творческой индивидуальностью, но и универсальностью опыта, что обеспечивает преемственность и развитие дидактики высшей школы.

«В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести... Но и в преподавании даже очень многое значит наблюдение, предание, даже подражание. Всегда ли знаем мы, преподаватели, свои средства, их сравнительную силу и то, как, где и когда ими пользоваться? В преподавательстве есть своя техника, и даже очень сложная» [1, с.351].

Автор этих строк, известный русский историк, блистательный лектор В.О.Ключевский, относился к организации лекций как к предмету научной деятельности, то есть как к делу, требовавшему не только навыков публичного выступления, но и больших знаний по теории преподавания. Об этом свидетельствуют его собственные лекции по русской истории, прочитанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 г. Позднее воссозданные по записям слушательниц, они были изданы и теперь могут служить источником для изучения «сложной техники» мастера [2].

Курс лекций состоял из трех частей – «История Древней Руси» (1872-73 учебный год, первый курс); «Образование Московского государства» (1873-74 г., второй курс); «Восемнадцатый век. Реформы Петра» (1874-75 учебный год, третий курс). Знакомство с ними предвляли «Вступительные беседы». В. О. Ключевский назвал их исповедьями преподавателя в своих научных взглядах «о понятиях, которые он кладет в основу преподавания» перед слушателями [2, с. 34]. «Вступительные беседы» поэтому заслуживают специального внимания при изучении феномена преподавательской деятельности

В.О. Ключевского.

Прежде всего, следует отметить его прагматичный подход к объяснению особенностей авторского курса истории России. С первых слов обращения к незнакомой аудитории он обозначил позицию ожидания слушателей и собственную, преподавательскую.

По признанию историка, это необходимо для того, чтобы «стать ближе и искреннее друг к другу: я буду уверен, что вы относитесь ко мне без преувеличенных надежд; вы будете знать, о чем я буду говорить и почему не буду говорить о другом» [2, с. 34]. Тем самым он указал на важность мотивации при изучении отечественной истории, выразил свое признание диалогичной природы процесса образования и сразу предоставил слушателям роль его активных соучастников.

Создавая психологическую атмосферу взаимопонимания с аудиторией, историк использовал несколько эффективных педагогических приемов. Во-первых, даже в основе восприятия слушателями личности преподавателя закладывалась познавательная интрига. В.О.Ключевский сообщал о двух возможных типах организации курса - от простой повести о событиях прошлого, «расширенной несколько сравнительно с учебной книгой и приправленной умеренным количеством критических замечаний об источниках» до художественного изображения «бытовой жизни русского народа в ее историческом развитии» [2, с. 31].

Казалось бы, этим набор образовательных моделей исчерпан. Но В.О.Ключевский не пообещал аудитории ни полноты фактов, ни художественной изобразительности. В противоположность этому он со скромной интонацией предложил их вниманию лишь те вопросы, с которыми он привык обращаться к русской истории, решения которых он «привык искать в молчаливых памятниках нашей страны» [2, с. 31].

Иначе говоря, его подход к преподаванию истории России обещал научность содержания и живой исследовательский интерес. Уже в первые минуты общения со слушателями преподаватель задавал самую высокую планку всему последующему курсу. Она заключалась в реализации дидактического принципа единства трех составляющих процесса преподавания в высшей школе: теории науки, приемов исследовательской практики и методики обучения предмету.

Во «Вступительных беседах» встречаются повторы отдельных суждений, касавшихся объяснения сути авторского подхода к организации учебного материала. Так, несколько раз В.О.Ключевский обращал внимание слушателей на свое намерение заранее, сразу сказать, «какие научные вопросы привык я вносить

в изучение истории... России» или «я хочу только описать тот научный интерес, которым буду руководствоваться, излагая перед вами свой курс русской истории» [2, с. 31, 37, 39].

Другой эффективный психолого-педагогический прием, которым воспользовался В.О.Ключевский во «Вступительных беседах», это актуализация курса. «Приступая к изучению истории отечества, иногда полезно начать с конца, с последнего ее момента, то есть с нас самих» [2, с. 32]. При этом автор вновь обнаружил определенную парадоксальность мышления. Он не повел аудиторию по пути выявления причинно-следственных связей настоящего с прошлым, что было свойственно позитивистскому пониманию смысла исторического познания.

В.О. Ключевский продемонстрировал перед слушателями характерный для исторической науки прием типологического сравнения «великих реформ» XIX в. с преобразованиями Петра Великого для выявления их главного отличия - более юридические, влияющие на государственное устройство, последствия мероприятий Александра II. Стоит напомнить, что оценка меры и последовательности политического курса правительства являлась самой горячей, наиболее дискуссионной проблемой общественной жизни России в 70-е гг. XIX в. и молодежь живо откликалась на нее.

С учетом такой задачи образования как социализация, обучающегося, осуществлялся им отбор исторического материала. «Задача заключается в познании процесса жизни (подчеркнуто в тексте издания), той жизни, которой мы окружены и проникнуты. Каждое, самое мелкое знание получает для нас смысл, если говорит что-нибудь новое об этом мировом процессе, - но только если говорит что-нибудь о нем» [2, с. 42].

Любая наука, по мнению Ключевского, достойна изучения только в том случае, если она дает ответ на вопросы «той жизни, которой мы окружены и проникнуты» [2, с. 42]. Дух времени, следовательно, признавался важным фактором отбора исторического материала для курса: «на выбор предмета и приемов изучения... влияют настроение и потребности нашего времени» [2, с. 43].

Логика изложения во «Вступительных беседах» заключалась в концентрическом расположении сюжетов. Автор, поставив в центре внимания вопрос о том, что будут изучать и с какой целью, каждым новым поворотом мысли возвращался к ответу на него: при оценке последствий «великих реформ», при характеристике социологической функции исторической науки и периодизации истории России, при формулировании своей концепции «физиологии исторических сил и их взаимодействия».

В результате ему вполне удалось убедить слушателей в единственно правильном и исключительно важном выборе предмета изучения. Эволюция взаимоотношений власти и общества в изменчивых сочетаниях разнообразных исторических сил представляла не только как основополагающая проблема для всего обширного и продолжительного курса русской истории, обеспечивавшая связь всех событий, фактов, явлений, но и как познавательная ценность, без достижения которой нельзя понять современность.

Примечательно, что впоследствии, в 1875 г., последний вариант «Вступительных бесед» был дополнен В.О.Ключевским целостным, законченным обобщением о взаимодействии исторических стихий – природы, общества, личности, с одной стороны, и государства, с другой, которое вновь выводило на тему преобразований и тем самым закольцовывало содержание всей вводной лекции [2, с. 44].

«Вступительные беседы» не просто предвзяли общий лекционный курс, они были чрезвычайно важны для уяснения методологических идей исторической науки, которыми руководствовался В.О.Ключевский в своей научно-педагогической работе.

При этом он не выделял специальным образом и не излагал сколько-нибудь систематическим порядком свое понимание таких принципиальных гносеологических проблем, как степень познаваемости прошлого, критерии истинности знания, цели исследовательской и образовательной деятельности.

Более того, он с легкой иронией назвал совокупность этих вопросов «метафизикой истории» и сравнил пространные рассуждения о них с попыткой поставить «готический портал перед скромной деревенской избой».

Тем не менее, они очень органично и даже художественно вписаны в содержание разных частей вводной лекции. Так, признание относительности научной истины, определенной субъективности исторического познания он выразил следующим образом: «Прошлое лежит перед нами раскрытой книгой... Но очень естественно, что каждая эпоха, не умея прочитать ее вполне, читает свою главу, или лучше сказать свою редакцию ее содержания» [2, с. 32].

Вместе с тем, В.О.Ключевский отметил и объективную сторону такого ограниченного познания: «Успехи русской историографии – это успехи русского народного самосознания. Это самосознание – результат дум о родном прошлом» [2, с. 42]. Восприятие познания как процесса отражения, проявившееся в приведенных высказываниях, было присуще позитивистской методологии.

В ее же русле были поставлены В.О.Ключевским задачи исторической науки, которые виделись « в уяснении условий, производящих различные сочетания основных исторических сил, и характера действия этих сил в различных сочетаниях» [2, с. 38]. Именно выделение «первичных элементов развития» и анализ их сочетаний позволяет изучить историю отдельной страны [2, с. 38-40].

Признание В.О.Ключевским относительности исторического познания выразилось также в рассуждениях об отсутствии практической или, как он ее называл, внешней, прикладной пользы изучения русской истории.

В ходе научного познания «целью... может быть не какое-нибудь готовое положение, составленное независимо от изучения русской истории, но для которого это изучение **должно** (выделено в тексте издания) дать новое доказательство; этой целью может быть не какой-либо готовый ответ, а вопрос, ответ на который, каков бы он ни был, естественно вытекает из последовательного изучения и становится впервые известен в конце работы» [2, с. 42].

Здесь заложена мысль о соотношении конкретности исторического познания и абстрактности социологической теории. В позитивистском ключе автор указал слушателям на роль истории как «наставницы жизни», «оракула», в противоположность далеким от научного истолкования образов истории - «добровольной плакальщицы» или « старухи-гадальщицы» [2, с. 35, 36].

Естественно, что, касаясь общих вопросов, закладывая основания для целостного, концептуального восприятия лекционного курса, В.О.Ключевский не обошел вниманием актуальную проблему самобытности российской истории. Так же как в вопросах «метафизики истории», в изложении этого короткого сюжета он опирался на конкретные примеры, позволившие ему «обозначить культурное расстояние, которое разделяет начало исторической жизни у нас и в других странах Европы» [2, с. 41].

Исключительно в связи с приведенными примерами, а не специально, В.О. Ключевский коснулся родовой теории, которую он более подробно рассмотрел в соответствующих лекциях.

Таким образом, вводная лекция имела принципиальное значение в общем курсе истории России. Ее успех обеспечивался точным сочетанием теоретических и конкретно-исторических сюжетов, завязыванием нескольких познавательных узелков, рисовавших перспективы и научно – исследовательский характер будущих лекций, концентрической системой организации содержания, актуализацией предмета. Большое значение имела искренность автора, его непосредственная обращенность к аудитории с

целью не только определить ее интересы, но и попытаться сформировать новые познавательные потребности. Наконец, важной составляющей успеха была свойственная автору живость стиля, образность, художественность речи. Так в оригинальном сочетании общедидактического и индивидуально-творческого отразился культурно-исторический феномен «Вступительных бесед» В.О.Ключевского.

Библиографический список

1. Ключевский, В.О. С.М.Соловьев как преподаватель [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755-1917.: сборник /сост. Ю.Н.Емельянов. – М.: Современник, 1989. – С. 351-359.
2. Ключевский, В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. 1872-1875 гг. [Текст] /под ред. Р.А.Киреевой и А.Ф.Киселева. – М.: Владос, 1997. - 813 с.

УДК94(470)"19/..."

Р. З. Гушель

Ярославский педагог и общественный деятель П. Я. Морозов (1852-1911)

Видный ярославский педагог и общественный деятель конца XIX - начала XX в. Павел Яковлевич Морозов родился 15 января 1852 г. на Украине. Среднее образование он получил на юге России. В 1876 г., после окончания физико-математического факультета Московского университета со степенью кандидата, Морозов стал учителем Ярославской мужской гимназии. Он преподавал здесь математику, физику, космографию и географию. «Очень требовательный к себе, Павел Яковлевич был требователен и по отношению к учащимся, особенно старшего возраста, от которых он требовал серьезной, сознательной, осмысленной работы, но надо при этом сказать, что эта требовательность никогда не переходила разумных границ, не обращалась в сухую деспотическую требовательность и не придавала урокам его характера холодной учебы» [2]. Приведенные выше слова взяты из некролога П.Я. Морозова, написанного его коллегой, учителем ярославской гимназии К.Ф. Гордеевым. Они отражают характер деятельности Павла Яковлевича, преимущественно в последние годы его работы в Ярославле. Но П.Я. Морозов был и смолоду вдумчивым, активным и творчески работавшим человеком.

Наиболее яркое подтверждение этому – частное реальное училище, которое он основал в Ярославле в 1880 г., когда ему еще не было и тридцати лет. Реальные училища начали открываться в России после 1872 г., когда был принят их первый устав. Они служили своего рода альтернативой классическим гимназиям, которые давали преимущественно гуманитарное образование. Ярославское губернское земство в 1872 г. ходатайствовало об открытии в Ярославле казенного реального училища, но Министерство народного просвещения потребовало от города и земства ежегодных затрат в размере 25 тысяч рублей на его содержание. Это местным властям было не по силам, и училище тогда открыто не было, хотя потребность города в таком учебном заведении была очень значительна [4, с. 40-41].

В январе 1880 г. учитель ярославской мужской гимназии П.Я. Морозов обращается в Городскую думу с заявлением о намерении открыть в Ярославле с августа того же года «училище, учебный курс которого в точности соответствовал бы курсу правительственных реальных училищ» [3, ф. 509, оп. 1, д. 179, л. 1]. В качестве помощников Павел Яковлевич пригласил учителей Н.А. Крутикова и А.П. Красовского. Однако и Крутиков, и Красовский вскоре вынуждены были из-за большой занятости по основному месту службы отказаться от участия в создании нового училища. Учителями на первых порах должны были стать учителя других ярославских учебных заведений. Учредитель просил Городскую думу о финансовой поддержке в размере 1000 рублей серебром в год. Плату за учение предполагалось взимать в размере 100 рублей в год с учеников всех классов кроме приготовительного. В этом последнем плата должна была составить 50 рублей в год. Столько же должны были платить и 30 учеников остальных классов, «назначенных в училище по усмотрению Городской думы». В первый год предполагалось открыть только приготовительный, первый и второй классы.

Городская дума на своем заседании 19 февраля 1880 г. поддержала начинание молодого учителя постановлением о ежегодном отпуске его училищу 1000 рублей из городских средств [5]. Училище просуществовало шесть лет (до 1886 г.).

Плата за ученье в размере 100 рублей в год была довольно высокой. Даже 50 рублей составляли в то время немалые деньги, и многие родители, желавшие отдать своих детей в училище, не могли платить. Встретившись с такой ситуацией, П.Я. Морозов пошел на то, чтобы снижать плату для некоторых детей неимущих родителей. А отдельных учеников, в том числе всех, назначенных Думой, он принимал бесплатно. Для примера рассмотрим данные по

плате за учение в 1882/1883 учебном году. Из 60 учеников 30 человек учились «даром», в том числе 13 человек, назначенных Думой. Полную плату в 100 рублей вносили только 8 человек.

Желая предоставить возможность получить образование возможно большему числу мальчиков, П.Я. Морозов фактически оставлял свое учебное заведение без достаточных средств существования. А расходы с каждым годом росли, так как открывались следующие классы, увеличивалось число учеников, требовались новые кабинеты. И учредитель обращается в Городскую Думу за материальной поддержкой. Осенью 1881 г. по ходатайству П.Я. Морозова Думой была образована специальная комиссия в составе гласных К.Ф. Троицкого, А.Ф. Быченского, А.П. Крылова и А.Е. Лопатина. Возглавил комиссию Городской голова. Комиссия ознакомилась с положением дел в училище и в своем докладе согласилась с аргументами учредителя, в частности, о том, что в дополнение к субсидии в 1 000 рублей училищу нужно еще по 500 рублей «на каждый из существующих ныне четырех классов». В 1883 г. субсидия была увеличена до 1 500 рублей [4, с. 41]. Не имея сведений о том, какое помещение училище занимало в первые годы своего существования, мы знаем, что в 1885 г. оно располагалось на Духовской (ныне Республиканской) улице в доме Колмогорова [8, с. 27].

В своем отчете по училищу за вторую половину 1880/1881 учебного года П.Я. Морозов затронул еще один вопрос. В марте 1881 г. состоялось «правительственное постановление, которым разрешается открывать реальные училища в объеме четырех классов, до этого же постановления существовали только одни шестиклассные и семиклассные реальные училища. Такое изменение в условиях открытия реальных училищ значительно облегчает, по моему мнению, трудность приобретения прав для моего училища» [4, с. 19].

Училище Морозова было открыто в 1880 г. как училище третьего разряда. И хотя с 1882 г. оно перешло во второй разряд, выпускники его не имели таких прав по службе и продолжению образования, какие имели выпускники других средних учебных заведений. Вопрос о приобретении прав очень волновал учредителя. Он пытался добиться их получения в течение всех лет существования этого учебного заведения. Поскольку училище не имело прав, то нередко ученики, проучившись здесь 2-3 года, переходили в казенные учебные заведения – и в реальные училища, и в классические гимназии. С одной стороны, это радовало П.Я. Морозова, а с другой – было жаль отпускать хороших учеников, хотелось здесь, у себя, дать им законченное образование. А для этого были нужны

права. Их наличие, по убеждению учредителя, резко увеличило бы и контингент, и финансовые возможности его училища. С 1882 по 1885 г. в училище были только приготовительный и I-IV классы. В 1885 г. был открыт и пятый класс. Ни одного полного выпуска так и не было сделано.

В декабре 1883 г. Губернское земское собрание постановило выдавать П.Я. Морозову ежегодную субсидию в 3 000 рублей дополнительно, но с тем условием, что на эти деньги будут обучаться 10 стипендиатов-пансионеров – по одному от каждого уезда Ярославской губернии. И с 1884 г. в училище появились стипендиаты земства. Пансионеры, не являвшиеся стипендиатами, должны были платить по 350 рублей в год.

О постановке преподавания в реальном училище Морозова можно судить по отзыву о нем директора народных училищ. В начале 1881 г. в ответ на запрос Городского головы он пишет ему об училище Морозова следующее: «Учебное заведение третьего разряда г. Морозова с курсом реальных училищ, выполняя установленные программы по всем предметам, достигает успешных результатов, причем воспитательная сторона училища не оставляет желать ничего лучшего; развивая свою деятельность, училище это, без сомнения, усилит к себе сочувствие общества, и вместе с тем увеличит число желающих получать в нем образование» [3, ф. 549, оп. 2, д. 243, л. 4]. Из того, что число учащихся с каждым годом увеличивалось, можно заключить, что и в последующие годы постановка преподавания здесь была на достаточно высоком уровне.

Помимо постоянно растущих расходов, были у училища и другие проблемы, в том числе с педагогическим персоналом. Платить учителям столько же, сколько им платили в казенных средних учебных заведениях, П.Я. Морозов не мог, поэтому у него одновременно работало достаточно много совместителей, каждый из которых имел от 2 до 8 уроков в неделю, а в остальное время преподавал в другом учебном заведении. И сам Павел Яковлевич имел уроки как в своем училище, так и в мужской гимназии. Но была еще одна причина того, что не удавалось создать постоянный педагогический коллектив – в Ярославле было не так много людей с высшим университетским образованием. Об этом учредитель пишет в своем отчете за 1884/1885 г. [3, ф. 509, оп. 1, д. 179, л. 78]. В этом году субсидия от города составила 2 000 рублей, а классов было пять, вместе с приготовительным.

В 1886 г. П.Я. Морозову было уже ясно, что открыть шестой класс он не сможет по чисто финансовым причинам. Он обращается к Губернскому земскому собранию и к Городской думе с просьбой о принятии училища в ведение земства и города. Оба его

ходатайства были отклонены. Обращался учредитель и к попечителю Московского учебного округа в надежде, что его детище станет казенным реальным училищем. Получив отказ и здесь, он был вынужден закрыть училище, тем более что и Городская дума, выслушав рассказ о состоянии училища, отказала ему в дальнейшей финансовой поддержке [6].

Помимо педагогической деятельности, П.Я. Морозов проявил себя и в другой области. В 1897 г. он впервые избирается гласным Ярославской городской думы. В качестве гласного он был, в частности, членом ревизионной комиссии по проверке счетов Городской управы и ломбарда [3, ф. 509, оп. 2, д. 143, л. 22об.-23]. На одном из заседаний Думы в 1897 г. он выступал против постройки в центре города на Ильинской улице свечного завода, так как считал важным не допустить ухудшения экологической обстановки в городе.

В 1905 г. П.Я. Морозов вновь был избран гласным Городской думы. Он состоял членом комиссии по общим вопросам и городской санитарно-исполнительной комиссии. В ноябре 1905 г. Павел Яковлевич был избран в Попечительский совет Ярославской городской торговой школы [3, ф. 509, оп. 2, д. 144, л. 1, 4об.]. К этому времени он имел уже другой статус: 6 октября 1905 г. был избран Думой на должность члена Городской управы и уволился из гимназии по прошению с 1 ноября 1905 г. [3, ф. 563. оп. 1, д. 1, л. 330].

Осень 1905 г. – очень тяжелое время и для страны, и для города. После опубликования Манифеста 17 октября, даровавшего гражданам России политические свободы, по Ярославлю прокатился ряд погромов. Уличные беспорядки заставили Городскую думу избрать Охранный комитет под председательством П.Я. Морозова. В журнале заседаний Думы записано, в частности: «Собрание, по обсуждению вопроса о порядке и способе действий охраны, преобладающим большинством голосов обусловило, что действия охраны по предупреждению и пресечению беспорядков должны носить характер исключительно лишь нравственного воздействия на нарушителей порядка, отнюдь не прибегая к какому бы то ни было оружию» [7, с. 320]. Это было 21 октября. Самоотверженная работа Павла Яковлевича по организации защиты населения от беспорядков не осталась незамеченной – через несколько дней (25 октября) он был практически единогласно избран заступающим место Городского головы [3, ф. 509, оп. 1, д. 1116, л. 27]. В тот же день Городской голова И.А. Вахрамеев заявил об уходе со своего поста по состоянию здоровья, и Морозов стал исправляющим должность Городского головы.

В начале декабря 1905 г. прошли выборы нового Городского головы. Кандидатов было двое – председатель Губернской земской управы А.П. Крылов и П.Я. Морозов. Но первый из них отказался от баллотировки, а Морозов не набрал нужного числа голосов. Выборы были отложены, а Павел Яковлевич остался исправляющим должность [9].

В мае 1906 г. Городским головой был избран Д.И. Чистяков, а П.Я. Морозов до лета 1907 г. оставался членом Городской управы, а потом вернулся к педагогической деятельности, но уже не в Ярославле. Как члену управы, П.Я. Морозову было поручено участие в уездном по воинским делам присутствии, заведование хозяйственной частью пожарного депо, заведование уличным освещением города, заведование «ремесленным Ольги Соболевой училищем» [3, ф. 509, оп. 1, д. 1116, л. 35].

С 5 августа 1907 г. П.Я. Морозов был назначен инспектором Тульской мужской гимназии. Есть все основания считать, что этому назначению способствовал Н.Г. Высотский – бывший директор Ярославской гимназии, в 1906 г. переведенный на ту же должность в Тулу. Впоследствии Павел Яковлевич был директором Муромского реального училища, а позже – директором готовившейся к открытию Вязниковской гимназии во Владимирской губернии.

Очень важной сферой деятельности П.Я. Морозова в последние годы его жизни в Ярославле стало участие в создании Ярославского кружка любителей астрономии и физики и активная работа в этом кружке. Названный кружок возник в Ярославле в начале 1904 г. и объединил не только преподавателей естественных наук учебных заведений города, но и многих других лиц. Павел Яковлевич был одним из инициаторов создания кружка, первое заседание которого состоялось 14 марта 1904 года [3, ф. 1541, оп. 1, д. 61]. Список членов-учредителей кружка содержит 52 фамилии лиц, участвовавших в его работе с самого начала. В списке названы, в частности, И.А. Вахрамеев, А.П. Крылов, С.В. Михалков. Первым председателем кружка был избран директор мужской гимназии Н.Г. Высотский. П.Я. Морозов вошел в совет кружка. В документах Государственного архива Ярославской области нами найдены темы двух докладов П.Я. Морозова, сделанных им на заседаниях кружка: «О новейшем взгляде на фигуру Земли» (апрель 1904) и «О строении весомой материи» (декабрь 1904). На апрельском заседании 1904 г. Павел Яковлевич выступил также с воспоминаниями о своем незадолго до этого скончавшемся учителе, академике Ф.А. Бредихине, выдающемся отечественном астрономе, директоре Пулковской обсерватории. Он передал в

библиотеку кружка несколько экземпляров иностранных журналов по астрономии [З, ф. 1541, оп. 1, д. 61, л. 9, 36-36об.].

В 1902 г. в Санкт-Петербурге вышла на русском языке книга американского астронома Ч. Юнга «Уроки астрономии с включением в курс описания созвездий». Объем этого сочинения превышает 350 страниц. Перевод выполнен П.Я. Морозовым. Открывается книга предисловием переводчика. Он пишет: «В качестве преподавателя космографии я всегда находился в большом затруднении при выборе подходящего учебника по этому предмету для учеников 8-го класса гимназии... Хороший элементарный учебник по астрономии должен удовлетворять следующим условиям: он должен быть написан простым языком, должен отличаться наглядностью объяснения и, следовательно, доступностью понимания для большинства учащихся; он должен быть составлен по строго обдуманной системе и быть богат таким учебным материалом, который мог бы возбудить любознательность учащихся, мог бы внушить им любовь к тем великим объектам, которые составляют предмет изучения астрономии... Прочитав в подлиннике «Lessons in Astronomy», я убедился, что эта небольшая книга резко отличается от подобных ей книг в нашей учебной литературе... Обладая несомненными научными достоинствами, она вместе с тем отличается простотой приемов доказательств, ясностью изложения и хорошо продуманной системой... Руководствуясь этими соображениями, я и решил перевести на русский язык этот небольшой элементарный учебник астрономии» [11].

Из предисловия следует, что П.Я. Морозов, познакомившись со вторым изданием книги, вышедшим в США в 1895 г., обратился с письмом к автору, и тот выслал ему в 1901 г. экземпляр очередного издания еще до поступления тиража в продажу. В 1902 г. появился уже русский перевод этой книги. Один экземпляр ее переводчик подарил кружку. По-видимому, книга имела определенный успех, так как второе издание словаря С. Венгерова [1] о П.Я. Морозове упоминает именно как о переводчике.

В 1905 г. П.Я. Морозов был избран товарищем председателя кружка любителей астрономии и физики, позже он стал его председателем. Когда в 1907 г. Павел Яковлевич уехал из Ярославля, кружок избрал его своим почетным членом. Впоследствии кружок любителей астрономии и физики был преобразован в физико-математический кружок. На первом же заседании нового кружка, состоявшемся 5 декабря 1912 г., «по предложению председателя Н.С. Соколова, собрание почтительно вставанием покойных основателя кружка любителей физики и астрономии П.Я. Морозова и почетного члена кружка И.А. Вахрамеева, предложив Совету пове-

силь в помещении кружка, с согласия г. директора гимназии, портреты П.Я. Морозова и И.А. Вахрамеева» [3, ф. 1541, оп. 1, д. 75, л. 1об.].

До сих пор ничего не было сказано о Морозове-учителе. К сожалению, материалов о его педагогической деятельности и педагогических взглядах, помимо предисловия к вышеупомянутой книге Ч. Юнга, нам найти не удалось. Однако обнаружен следующий факт. Известно, что замечательный отечественный методист-математик, являвшийся в то же время признанным главой советской школы начертательной геометрии, академик АПН РСФСР, доктор физико-математических наук, профессор Николай Федорович Четверухин (1891-1974) родился и до 14 лет жил в Ярославле, учился в Ярославской гимназии. Впоследствии «он с любовью и теплотой отзывался о своем школьном учителе в Ярославской классической гимназии» [10]. Судя по архивным документам, этим учителем был Павел Яковлевич Морозов.

Скончался П.Я. Морозов 9 февраля 1911 г. Некролог его, помещенный в журнале «Педагогический вестник Московского учебного округа» [2], является безусловным свидетельством того, что он был известным и уважаемым в округе педагогом. За многолетнюю добросовестную службу Павел Яковлевич получил следующие ордена: Св. Анны 3 и 2 степени, Св. Станислава 3 и 2 степени и Св. Владимира 4 степени. Последний орден был ему пожалован в январе 1905 г.

Библиографический список

1. Венгеров, С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых [Текст]. Изд. 2. Т. 2. - Пг., 1918.
2. Гордеев, К. Павел Яковлевич Морозов (некролог) [Текст] // Педагогический вестник Московского учебного округа. - 1911. - № 1. - С. 97-98.
3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).
4. Журналы Ярославского губернского земского собрания. Очередная сессия 1883 года [Текст]. - Ярославль, 1884.
5. Журналы Ярославской городской думы за 1880 год. - Ярославль, 1881. - С. 31.
6. Журналы Ярославской городской думы за 1886 год. - Ярославль, 1887. - С. 107-109.
7. Журналы Ярославской городской думы за 1905 год. - Ярославль, 1906.
8. Календарь Ярославской губернии на 1885 год. - Ярославль, 1885.
9. Северный край. - 1905. - №297.

10. Семушин, Д. А. Николай Федорович Четверухин (к 80-летию со дня рождения) [Текст] // Математика в школе. - 1971. № 5. - С. 90.

11. Юнг, Ч. Уроки астрономии [Текст] / пер. П.Я. Морозова. - СПб., 1902. - 367 с.

УДК 94(470)"19/..."

Г. В. Карандашев

Российские исследователи о проблемах преступности в России в конце XIX - начале XX в.

Активное развитие криминологии в России началось в конце XIX – начале XX в. Так стала называться наука о преступности, ее причинах, личности правонарушителя, а также о мерах борьбы с преступностью. Параллельно шло становление криминалистики – системы специальных приемов и средств собирания, исследования и оценки судебных доказательств [10, с. 653].

Под преступлением традиционно понималось общественно опасное явление, запрещенное уголовным законом. Отечественные исследователи анализировали причины, влиявшие на развитие преступности в конце XIX – начале XX в., статистику, виды преступлений и их особенности. Рассматривались проблемы профессиональной преступности, а также вопросы, связанные с организацией пенитенциарной системы. Историография рассматриваемой темы весьма широка и разнообразна. Проблемы, поднятые в конце XIX в., остаются актуальными и в настоящее время.

Исследователи по-разному оценивали факторы, влиявшие на преступность. Одной из этих причин являлся возраст. Исследователь М. Н. Гернет, вслед за итальянским криминалистом Колаянни, считал, что физиологический возраст не являлся определяющим фактором преступности. Но от возраста зачастую зависели виды совершенных преступлений. Так, например, для малолетних преступников было характерно воровство, а грабежи и подлоги были редкостью, что автор объяснял физической и умственной недоразвитостью. Для стариков были редкостью политические преступления ввиду так называемых «задерживающих стимулов» [2]. А вот Н. А. Неклюдов находил, что возраст являлся общей «космополитической» причиной

преступности, что «влияние возрастов на количество преступников было одинаково для всех государств» [7].

Другим определяющим моментом считалась половая принадлежность. Самым распространенным и традиционным женским преступлением в конце XIX – начале XX в. было детоубийство (убийство ребенка сразу после его рождения) и оставление без помощи новорожденного. Разбои, кражи, мошенничество были более чем на 90 % «мужскими деяниями», а вот преступления против новорожденных – почти на 100 % – женскими. Лишь только против жизни ребенка, как правило, одинокие матери совершали на порядок больше преступлений [1, с. 112].

Участие мужчин и женщин в преступной деятельности было неодинаково. Сужение поля политической деятельности и ограничения возможности нести государственную службу приводили женщину к меньшему, чем мужчине, количеству служебных и политических преступлений. Экономические условия толкали их на путь проституции и преступления против собственности, а условия половой жизни того времени, по мнению М.Н. Гернета, приводили ее к рождению внебрачных детей, детоубийствам, абортam, подкидыванию детей [1, с. 105].

Женская преступность приближалась к мужской по мере того, как сближались социальные условия жизни полов. Эмансипация увеличивала показатели женской преступности.

П. Н. Тарновская, несмотря на то, что являлась сторонником антропологического подхода в криминалистике, придавала большое значение социальным факторам преступности. По ее словам, большинство женщин-детоубийц характеризовалось общей чертой – притуплением нравственного чувства, отсутствием должного воспитания и этических начал. Например, ребенок в крестьянской среде был обузой для девушки, препятствием в устройстве на работу. Совесть заглушалась чувством самосохранения, а препятствие устранялось насильственной смертью ребенка [11, с. 310].

Особое внимание уделялось такому социальному явлению, как проституция. В тот период она находилась под контролем полиции. Профессиональные проститутки ставились на учет, проходили регулярные обязательные медицинские осмотры, имели специальные документы. Но именно эта категория женщин очень часто предстала перед уголовным судом. Наиболее распространенным видом преступлений среди проституток было воровство [4, с.46].

Также исследователи оценивали влияние на преступность семейного положения. Брак вовсе не препятствовал совершению преступлений против нравственности. Вдовцы и вдовы, женатые и замужние занимались сводничеством чаще холостых и незамужних, что в частности заключалось в представлении помещений проституткам. В кровосмешении вдовцы оказывались виновными чаще женатых, а те в свою очередь чаще холостых. Кроме того, убийства совершались чаще всего вдовами и вдовами, затем холостыми и менее всего женатыми и замужними.

М.Н. Гернет полагал, что брачные узы провоцировали увеличение количества правонарушений. Так, супружество, по мнению ученого, подталкивало к совершению преступлений на сексуальной почве. Наряду с этим брак особенно усложнял положение беднейших слоев населения, приводил к росту преступлений против собственности [2].

Воспитание и наследственность также относились к социальным факторам преступности. В частности, считалось, что семья играла важнейшую роль в формировании личности ребенка. Было установлено, что дети, воспитанные государством, особенно те, кто попадал в исправительные учреждения, более других набирались криминального опыта.

В своем анализе причин нарушения закона исследователи конца XIX – начала XX в. не обошли стороной расовую теорию. Известно, что уголовно-антропологическая школа признавала за расой большое влияние на преступность. Но, согласно точке зрения М. Н. Гернета, доказать данный факт было практически невозможно. Сложность заключалась «в разнообразии экономических, политических и других условий тех народностей, преступность которых пытались объяснить влиянием расовых особенностей». Поэтому все моральные и интеллектуальные изменения зависели от социальных факторов [2].

Наконец, не менее важной причиной развития преступности считались так называемые жизненные условия народа. Это влияние жилищных условий, неурожаев, цен на необходимые продукты и даже времени года. Так, наибольший процент преступлений против личности, изнасилований падал на летние месяцы, так как население чаще находилось вне дома. Случаи бродяжничества в основном регистрировалось в теплое время. Объяснялось это тем, что ближе к зиме лица без определенного места жительства добровольно сдавались властям на период холодов, чтобы найти приют хотя бы в тюрьме. А вот нищенство летом было развито меньше – беднякам в это время было легче найти пропитание.

Таким образом, исследователями в конце XIX – начале XX вв. был разработан своеобразный календарь преступности. Но при этом был сделан важный вывод, что изменение социальных условий вносит изменения и в этот «календарь» [2].

Со второй половины XIX в. российские ученые все чаще обращались к анализу данных судебной статистики. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли Н. А. Неклюдов [7], Е. Н. Тарновский, С. С. Остроумов [8, 9] и др.

А.И. Долгова указывала на необходимость учета не только уголовного закона соответствующего времени, но и классификаций, которые применялись при составлении статистических отчетов. Кроме того, следовало обращать внимание, насколько существенно менялось законодательство даже в отдельно взятой стране. Тем более в разных странах одно и то же деяние могло быть по-разному наказуемо или даже не преследоваться [5].

Полной картины преступлений официальная печать не отражала и, по мнению большинства исследователей, реальное число злоумышленников было в несколько раз выше указанного в сводках.

Согласно данным В. Лунеева, в 1874 г. примерное число осужденных на 100 тысяч населения составляло от 50 до 90, а в 1912 г. - от 150 до 200 человек соответственно. Таким образом, за рассматриваемый период этот показатель увеличился примерно в 2 раза. Быстрыми темпами росло число имущественных или корыстных преступлений, особенно экономических (нарушение торговых и кредитных уставов, подлоги в актах, обязательствах и т.д.) [5, 6].

В конце XIX в. криминалисты разделили преступников на три категории:

- 1) преступники случайные, эпизодические;
- 2) преступники, обнаружившие серьезную неустойчивость в поведении или несколько раз совершившие преступления;
- 3) преступники упорные, или профессиональные [3].

Большой интерес у исследователей вызывала проблема зарождения профессиональной преступности, которую характеризовали такие признаки, как специализация, определенные навыки и познания у преступника, наличие у него устойчивых связей с антисоциальной средой и совершение криминальных деяний с целью получения средств к существованию.

Профессиональный преступный мир в том виде, в котором мы его представляем, появился в России во второй половине XIX

в. По мнению А. И. Гурова, это было связано со специфическими социально-экономическими условиями развития государства. Россия была преимущественно аграрной страной, а многие виды имущественных преступлений были типичными лишь для городов [3].

В конце XIX в. в России в условиях интенсивного роста преступности была организована устойчивая тюремная система и уголовный розыск. Преступники с целью обеспечения собственной безопасности, особенно рецидивисты, стали активно консолидироваться, делиться на группы и классы в зависимости от специализации.

Отечественные авторы предлагали различные классификации правонарушителей. Наиболее аргументированной представляется схема А. И. Гурова, который выделял пять профессиональных категорий преступников в дореволюционной России.

Грабители, или «громилы», были малочисленной, но наиболее опасной группой, промышлявшей разбоями, иногда сопряженными с убийствами. Профессиональные воры были самой значительной прослойкой криминального мира и имели различные «профессии» в зависимости от типа кражи («медвежатники», «домушники», конокрады, карманники и т.д.) Мошенники составляли элиту уголовного мира, его «аристократию». Отдельно выделялись фальшивомонетчики и профессиональные нищие, занимавшиеся попрошайничеством [3].

Таким образом, по мнению большинства отечественных исследователей, количество правонарушений в дореволюционной России возрастало в связи с формированием капиталистических отношений. Рост количества преступлений превышал прирост населения. А развитию профессиональной преступности способствовала модернизация.

Библиографический список

1. Гернет, М. Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование [Текст] / М.Н. Гернет. - М., 1911. - 415 с.
2. Гернет, М. Н. Социальные факторы преступности. - М., 1905. [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3470/item3471.html>
3. Гуров, А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М.: Юридическая литература, 1990. [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://yurpsy.fatal.ru/files/biblio/gurov/04.htm>

4. Давыдов, Н. В. Женщина перед уголовным судом [Текст] / Н.В. Давыдов. - М., 1906. - 195 с.

5. Долгова, А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество [Текст] / А.И. Долгова. - М., 2003. - 490 с.

6. Лунеев, В. Преступление и наказание в России [Электронный ресурс]. - Режим доступа. - <http://demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema01.php>

7. Неклюдов, Н. А. Уголовно-статистические этюды. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению [Текст] / Н.А. Неклюдов. - М., 2009. - 195 с.

8. Остроумов, С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России [Текст] / С.С. Остроумов. - М., 1980. - 481 с.

9. Остроумов, С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России [Текст] / С.С. Остроумов. - М., 1961. - 166 с.

10. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. редактор А. М. Прохоров. - М.: Советская энциклопедия, 1984. - 569 с.

11. Тарновская, П. Н. Женщины-убийцы [Текст] / П.Н. Тарновская. - СПб., 1902. - 175 с.

УДК 908(470+571)

А. Г. Любарец

Церковно-приходские общества трезвости в Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в.

Проблемы оздоровления нации, снижения смертности, увеличения рождаемости и продолжительности жизни, а также численности населения до сих пор остаются актуальными в нашей стране. Успешный исторический опыт такого рода деятельности не теряет своего значения в современности по причине отсутствия кардинальных решений этих проблем и в наши дни.

Важной причиной снижения здоровья нации во все времена были вредные привычки, распространенные среди населения России. Период рубежа XIX–XX вв. не является исключением из этого правила. Самым вопиющим социальным недугом того времени являлось пьянство. Представители ярославского духовенства уделяли серьезное внимание данной проблеме. Впрочем, ее системное решение было не под силу отдельным лицам. Они вели среди насе-

ления разъяснительную работу, призывали к трезвому образу жизни в проповедях.

Активная работа духовенства Ярославской епархии в области борьбы с пьянством, проводившаяся в 90-х гг. XIX в., сопровождалась значительным числом публикаций антиалкогольного характера. Такие статьи включали материал как медицинского, так и бытового характера при описании негативных последствий неумеренного употребления алкоголя.

Авторы называли кроме прямых последствий неумеренного употребления спиртного, заключавшихся в ослаблении физического и психического здоровья, также косвенные, связанные со значительным увеличением количества тяжких преступлений и бракоразводных процессов. Выражалось мнение, что, несмотря на многочисленность духовных и светских учреждений, борющихся с пьянством, победа над этим социальным недугом остается делом далекого будущего. Самым эффективным средством в борьбе с неумеренным употреблением алкоголя авторы считали воспитание в духе трезвости [3, с. 254-255].

В газете поднимался также вопрос об официальном причислении к алкогольным напиткам пива, которое, по мнению авторов, оказывало не меньший вред, чем крепкие алкогольные напитки [13, с. 328-332].

В статье «Из фактов жизни» священник Сергей Каменецкий сообщал о горестных последствиях пьянства в среде представителей простонародья с экономической точки зрения. По его подсчетам, отказ от покупки и употребления алкоголя высвободил бы значительные финансовые средства как для создания социально значимых благотворительных учреждений, так и для решения семейных проблем [4, с. 253-254].

Впрочем, ничем не подкрепленные инициативы верховной власти в сфере борьбы с пьянством первоначально не принесли серьезных результатов. Так, в 1889 г. проведенный учет обществ и братств трезвости по Ярославской епархии показал неудовлетворительное состояние этих учреждений, их незначительную численность, отсутствие регулярности и малую эффективность их деятельности.

Финансирование епархиальных обществ трезвости производилось из разных источников. Основные средства предоставляли церковно-приходские попечительства, занимавшиеся сбором пожертвований. Если таковые отсутствовали, то общество само занималось всеми финансовыми вопросами. Иногда меценаты передавали пожертвования непосредственно в трезвеннические организации, особенно если они являлись их соучредителями. Членских

взносов в епархиальных организациях трезвенников не вводилось, хотя во многих из них приветствовались добровольные пожертвования. Государство напрямую не участвовало в финансировании организаций трезвенников [8, с. 281-282].

Серьезное распространение трезвенное движение в Ярославской губернии получает в 90-х г. XIX в. В это время происходит массовое открытие обществ и братств трезвости. Инициаторами этого процесса были как светские, так и духовные лица, но епархиальное начальство наиболее активно способствовало развитию такого рода организаций. Вскоре епархиальные общества трезвости стали частым явлением в сельской местности и городах [5, с. 342-343].

Вначале количество членов таких организаций было невелико. Даже в городах в каждом приходе насчитывалось не более одного или двух десятков трезвенников, входивших в местное общество трезвости. Первоначально основными средствами борьбы с пьянством для приходских священников были проповеди и беседы с прихожанами, а также личный пример трезвой жизни [6, с. 199].

Ситуация изменилась лишь к середине 90-х гг. XIX в. Долговременная работа приходских священников с паствой в сфере борьбы с пьянством начала приносить свои плоды. В 1897 г. в городах Ярославской губернии некоторые общества трезвости уже насчитывали более чем по 100 членов, а в сельской местности – по несколько десятков членов.

Традиционные ограничительные и запретительные меры, вводимые государством, постоянно показывали свою малую эффективность и сталкивались с интересами государства, получавшего немалые доходы от винной торговли. Многие современники справедливо полагали, что решение проблемы пьянства возможно лишь на базе всемерного образования и просвещения простого народа и осознания им того вреда, который приносит этот социальный недуг [7, с. 213-214].

Однако с развитием системы епархиальных обществ и братств трезвости были усовершенствованы и методы борьбы с пьянством и другими вредными привычками. Главной задачей священнослужителей стало отвлечение представителей народа от употребления спиртных напитков путем создания условий для других способов организации их свободного времени. При обществах трезвости организуются народные чтения и беседы, открываются библиотеки. В проекте «Устава приходского общества трезвости», ставшего основой уставов большинства таких обществ в Ярославской епархии, проведение публичных народных чтений и собеседований было обязательным пунктом [12, с. 533-536].

Общества трезвости выбирали для своих собеседований разнообразную тематику, часто не связанную с богословием. Основным критерием являлись интересы самих участников чтений. Поэтому, наряду с богословскими вопросами и пропагандой трезвого образа жизни, затрагивались также экономические, хозяйственные и другие темы.

Чтение, сопровождаемое просмотром «туманных картин», было очень популярно у членов обществ трезвости. В некоторых случаях организуются «чайные» для проведения досуга трезвенников. Естественно, любая продажа спиртного в них категорически запрещалась. Иногда обществами трезвости применялись такие специфические занятия, как хоровое пение или обучение народным промыслам или ремеслу.

Члены общества трезвости брали на себя обязательство не употреблять спиртных напитков в течение определенного срока. В большинстве случаев максимальным считался годовой срок, после чего обязательство нужно было брать снова. В среде представителей народа взятие обязательства определялось термином «записаться» в общество трезвости. По статистике трезвеннических организаций контингент записавшихся в общество в каждом приходе сохранялся по несколько лет. Ограниченное по времени обязательство было легче выполнить, но к полному отказу от пьянства такие меры, по-видимому, приводили нечасто. Впрочем, даже временное прекращение употребления спиртного положительно сказывалось как на благосостоянии семьи подопечного трезвеннической организации, так и на взаимоотношениях между ее членами. В процессе выполнения обязательства трезвенник должен был неукоснительно соблюдать все церковные уставы и обряды, а также правила своей трезвеннической организации. Нарушение обязательства каралось исключением из общества трезвости с правом повторного восстановления [11, с. 441-444].

Многие трезвеннические организации занимались распространением листовок и брошюр антиалкогольного содержания. Довольно часто непосредственная раздача этих изданий проводилась самими членами общества трезвости. Нередко центрами пропаганды трезвого образа жизни становились церковно-приходские школы, а активными членами создаваемой трезвеннической организации – ученики этих заведений [9, с. 496-499].

Зачастую сами жители тех или иных частей Ярославской епархии были инициаторами борьбы за трезвый образ жизни. Люди требовали закрытия в своих населенных пунктах кабаков и винных лавок. Жаловались епархиальному начальству на нерадение тех или иных членов церковного причта в области пропаганды

трезвого образа жизни или на нетрезвое поведение приходских священнослужителей. Интерес вызывает отношение самих священнослужителей к правительственным нововведениям в области торговли алкоголем и борьбы с пьянством. Так, после вступления в силу в 1901 г. «Положения о казенной продаже питей» в источниках встречаются упоминания о нарушении этих правил самими представителями духовенства, которые совершили их под влиянием сложившихся в определенной местности традиций организовывать «помочи» в дни церковных праздников с раздачей крестьянам в качестве платы продуктов, включая спиртные напитки. При этом светская власть не посчитала эти нарушения серьезными, а епархиальное начальство запретило их под угрозой строгого взыскания [2, л. 1-17].

В целом результаты введения в 1901 г. в Ярославской губернии винной монополии были неоднозначными. В течение следующего года среди священников епархии был проведен опрос по поводу тайной продажи вина, его распития населением на улицах и необходимости создания специальных помещений для потребления спиртных напитков во вверенных их попечению приходах. Существование тайной продажи вина в своих приходах уверенно могли подтвердить немногие. В то же время большинство сообщало о случаях появления пьяных людей на улицах преимущественно в праздничные дни. По вопросу о необходимости специальных помещений для распития спиртного «по типу чайных» мнения разделились примерно пополам. Одни считали их полезными в нравственном отношении, т.к. в них пьянство будет скрыто от посторонних глаз, а другие предполагали, что такая мера лишь усилит пьянство в их приходах. Такое разделение мнений свидетельствовало о наличии в среде духовенства как желающих только снять наиболее вопиющие проявления неумеренного употребления спиртного и оградить непьющее население от «дурного влияния», так и сторонников радикальной борьбы с пьянством до полного и повсеместного искоренения. Причем к последней категории относились в основном священники, уже имевшие в приходе общество трезвости. Они опасались, что помещения для распития спиртного станут соблазном для уже отказавшихся от алкоголя [1, л. 1-198].

В 1910 г. проводится «Съезд председателей церковных обществ трезвости Ярославской епархии». На нем обсуждаются вопросы, связанные с усилением системности в организации трезвенного движения. Священнослужители делятся накопленным опытом такого рода деятельности и вырабатывают некоторые общие для всех обществ правила, а также налаживают взаимодей-

ствие между трезвенническими организациями в масштабах епархии.

Ярославский епархиальный комитет трезвости, призванный регулировать работу обществ и братств трезвости в приходах, после «Съезда ...» публикует призыв увеличить количество трезвеннических организаций в епархии. Дело в том, что на 900 приходов в 1911 г. приходилось 52 общества трезвости, что составило примерно 6 % охвата. Такого количества было, конечно, недостаточно для решения проблемы вредных привычек среди населения Ярославской губернии. Впрочем, численность обществ трезвости в начале XX в. несколько возрастает.

Идеалом для многих активных деятелей трезвеннических организаций было наличие общества или братства трезвости в каждом приходе епархии, чтобы любой страдающий пристрастием к спиртному мог получить помощь в месте своего проживания. При этом на практике ситуация была очень далека от этого идеала. Сказывалось в первую очередь недостаточное финансирование. В связи с этим можно выделить два различных подхода представителей ярославского духовенства к решению проблемы пьянства в народе. Первый из них можно считать более умеренным, когда основной целью ставится снятие наиболее вредных последствий пьянства и ослабление его распространения. Второй – более радикальный и направлен на искоренение пьянства как явления путем вовлечения в общества трезвости максимального числа членов и жестких ограничений для людей, потребляющих спиртное. Обе позиции объяснимы как мировоззрением их выразителей, так и конкретными условиями вверенного им прихода, составом его населения, традициями и т.д. [10, с. 211-216].

В это же время Ярославский епархиальный комитет трезвости в качестве организационной помощи священнослужителям на местах в деле борьбы с пьянством публикует «Проект нормального устава церковного общества трезвости в Ярославской епархии». После одобрения архиепископом Ярославским и Ростовским Тихоном этот документ станет основой уставов большинства трезвеннических организаций епархии. В «Проекте ...» устанавливались в большинстве своем нормы деятельности, выработанные в процессе многолетней практики уже функционировавших обществ трезвости. Отличные от вышеназванного документа уставы трезвенных организаций сохраняли свою силу, но при условии их одобрения епархиальным архиереем [12, с. 533-536].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что духовенство Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. вело работу в сфере борьбы с вредными привычками в народной

среде. В деле организации трезвенного движения ярославские священнослужители играли без сомнения важную роль и добились серьезных результатов. Они создали в разных частях Ярославской губернии более полусотни трезвеннических организаций, в которых в разное время состояли тысячи людей. Разнообразные методы воздействия на подопечных трезвеннических организаций, не ограничивавшиеся только запретительными мерами и проповедями, позволяли отвлекать склонных к пьянству представителей народа от этой пагубной привычки путем создания условий для интересного и трезвого времяпрепровождения. Ведущую роль в данном случае играли библиотеки-читальни, народные трезвеннические чтения и беседы, а также занятия различными промыслами и ремеслами. Общества трезвости были связаны в своей деятельности с народным образованием и играли, несомненно, положительную роль в жизни общества.

Библиографический список

1. ГАЯО. - Ф. 230.- Оп. 5. -Д. 4209.
2. ГАЯО. - Ф. 230. -Оп. 5. -Д. 4765.
3. Алкоголизм // Ярославские епархиальные ведомости (далее – ЯЕВ). Неофиц. часть. -1898. -№ 17.
4. Из фактов жизни // ЯЕВ. - Неофиц. часть. -1905. - № 17.
5. Об открытии общества трезвости в селе Спасском на Лому, Пошехонского уезда, с наименованием онаго Игнатьево-Никольским [Текст] // ЯЕВ. Офиц. часть. - 1891. - № 43.
6. Об открытии при Ярославской градской Предтечевской церкви общества трезвости и при нем народной библиотеки, чтений с туманными картинами и чайной [Текст] // ЯЕВ. Офиц. часть. -1892. - № 25.
7. Общества трезвости в Ярославской епархии в 1896 г. [Текст] // ЯЕВ. Офиц. часть. - 1897. - № 14-15.
8. Определение Святейшего Синода «О принятии по духовному ведомству некоторых мер в видах содействия правительству к искоренению пьянства в народе» [Текст] // ЯЕВ. Офиц. часть. - 1889. - № 36.
9. Освящение здания церковно-приходской школы в селе Николо-Троицком, Р-Борисоглебского уезда – Открытие общества трезвости – Открытие приходского попечительства [Текст] // ЯЕВ. Неофиц. часть. - 1903. - № 27.
10. От Ярославского епархиального комитета трезвости отцам настоятелям соборов и церковей Ярославской епархии [Текст] // ЯЕВ. Офиц. часть. - 1911. - № 28.

11. Отчет Троицко-Онуфриевского общества трезвости, Рыбинского уезда [Текст] // ЯЕВ. Неофиц. часть. - 1901. - № 28.
12. Проект нормального устава церковного общества трезвости в Ярославской епархии [Текст] // ЯЕВ. Неофиц. часть. - 1911. - № 28.
13. Пьянство, пиво и квас [Текст] // ЯЕВ. Неофиц. часть. - 1898. - № 29.
14. Угличское Предтечевское общество трезвости. Обстоятельства его возникновения. Деятельность его. Молитва пасомых о пастыре. Смерть учредителя Угличского общества трезвости [Текст] // ЯЕВ. Неофиц. часть. - 1897. - № 50.
15. Четвертый год Общества трезвости при церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, с 17 мая 1895 г. по 17 мая 1896 г. [Текст] // ЯЕВ. Офиц. часть. - 1897. - № 14-15.

УДК 908(470+571)

М. С. Кищенко

Немецкая диаспора в Ярославской губернии в начале XX в.

В Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. существовала исторически сложившаяся немецкая диаспора. Под понятием «немецкая диаспора» подразумевается национальное меньшинство, включающее в себя не только выходцев из Германии, но и представителей Австрии, Швеции, Дании, Швейцарии, близких к немцам по языку, культуре, ментальности, религии и составлявших единую немецкоязычную общину [1]. Немецкоязычное население Российской империи можно разделить на две категории: принявших российское подданство иностранцев и выходцев из Европы, оставшихся немецкими или австрийскими подданными [2, с. 152.]. Возникновение диаспоры в Ярославской губернии принято относить к XVIII в., когда в Ярославле появились первые выходцы из германских государств. Как правило, это были нанятые на службу специалисты в разных отраслях знаний, ссыльные и арестанты. В Ярославле находился в ссылке государственный деятель эпохи Анны Иоанновны Э. И. Бирон, при котором состоял на службе врач П. Гове, выходец из Дании.

К началу XX века немецкая община составляла около 0,5 % от численности городского населения Ярославля. Перепись населения 1897 г. выявила около 400 выходцев из Германии, Австро-Венгрии и Швеции [3, с. 252.]. Кроме губернского центра, немцы

проживали небольшими общинами в других городах и уездах губернии, в частности в Рыбинске.

В этническом отношении диаспора состояла в основном из выходцев из Германии и Австро-Венгрии, но были и подданные Швеции, Дании. Значительную часть диаспоры составляли немцы по национальности, кроме того, присутствовали и представители славянских народов, населявших территорию Австро-Венгрии, в частности германизированные поляки и чехи. Основными видами деятельности ярославских немцев были следующие: предпринимательская деятельность, работа в качестве специалистов на предприятиях губернии, государственная и земская службы, деятельность в области здравоохранения и образования.

В области предпринимательства можно отметить ряд видных деятелей, имевших немецкое происхождение. Купеческое семейство Каатц в лице Роберта Каатца, ярославского купца, и его сына Вильгельма владело пятью каменными домами, музыкальным магазином и гостиницами. Общая стоимость заведений оценивалась в 475 000 руб. [4, л. 3]. Подданному Австро-Венгрии Л. И. Мандлю в Ярославле принадлежал магазин готового платья со штатом служащих в 25 человек и ежегодным доходом в 14 000 руб. [4, л.3]. Ф. А. Такман, германский подданный, руководил конторой по изготовлению и продаже льна и кудели. Ему принадлежал склад на Большой Федоровской улице, годовой оборот торговли достигал 10 000 руб. [4, л. 3.]. Семейство немецких подданных Бутлеров в лице А. Бутлера и его сына, Э. Бутлера, владело известным в городе рестораном и кинематографом, содержало буфет в здании городского театра. А. фон Свейковский и А. Ю. Шлиппенбах владели собственными фотоателье, каждое из которых принесло годовой доход до 6 000 руб. Предприниматель Р. К. Адамец создал пивоваренную компанию «Северная Бавария» и организовал сеть торговых лавок по продаже напитков в Ярославле и Ярославском уезде. Также Р. К. Адамец был создателем в Ярославле клуба «Северная Бавария» и кегельбана при нем, производимая предприятием продукция «Товарищества пивоваренных, солодовенных и фруктовых вод «Северная Бавария» рекламировалась в местной прессе [5]. После смерти немецкого предпринимателя пивоваренную компанию унаследовал его сын, Р. Р. Адамец. В Рыбинске существовало российско-богемское пивоваренное товарищество «Богемия», созданное рыбинскими купцами братьями Дурдинами. В 1877 г. был основан пивоваренный завод «Богемия», где продукция производилась по европейской технологии, на предприятии работали нанятые в Австрии и Германии, работал выходец из Саксонии К. И. Иорк, специалист по производству напитков, с 1911 г.

служил австриец А. Юржина [4, л. 3]. Некто А. Беэмб, подданный Германии, вместе с предпринимателем Орловым занимался винокуренным производством на заводе в Ярославском уезде [4, л. Зоб.]. Таким образом, выходцы из Германии и Австро-Венгрии внесли определенный вклад в развитие торговли и предпринимательства в Ярославской губернии.

В области здравоохранения можно отметить ряд медиков и фармацевтов, имевших немецкое происхождение. Наиболее видным ярославским медиком, имевшим немецкие корни, можно считать В. Ф. Линденбаума (1837–1895 г.), заведующего губернской земской больницей, видного хирурга и дерматолога, чьи труды публиковались в известных медицинских журналах. Он закончил медицинский факультет Московского университета, стажировался в Германии, с 1874 г. служил в Ярославле в губернской больнице. За свою службу хирург получил ряд наград, потомственное дворянство и оставил о себе добрую память – «все население губернии видело в нем лучшего врача» [7, с. 29.]. Хирурги К. Ф. Виркау и Г. И. Виллерт, работавшие в терапевтическом отделении губернской больницы, получили популярность в Ярославле как талантливые медики. Г. Г. Фальк, руководитель хирургического отделения, был сторонником новаторских методов в медицине, организовал в Ярославской губернской больнице первый в регионе рентгеновский кабинет [8, с.172.]. Кроме врачей, немецкая община была известна своими фармацевтами и аптекарями. Наиболее популярные в Ярославле и Рыбинске аптеки принадлежали представителям немецкой диаспоры. Можно отметить аптеки Г. А. Бредриха, Ф. Л. Гельгара, А. А. Шнейдера, семейства Паженкофф и других фармацевтов, принадлежавших к немецкоязычной общине в губернии [9, с. 99.].

В сфере образования можно отметить ряд преподавателей Демидовского юридического лицея, имевших немецкие корни. Большой вклад в развитие юридического образования в губернии внес Э. Н. Берендтс, доктор права, занимавший в конце XIX в. пост профессора, а в 1904–1905 г. – директора Демидовского лицея. Э. Н. Берендтс был не только известным юристом, но и государственным деятелем, занимал должность помощника статс-секретаря Государственного Совета [10, с.52-53.]. В 1911–1912 г. преподавателем римского права в лицее был А. Э. Вормс, один из известнейших и авторитетных российских специалистов в области торгового права, автор ряда научных работ и рецензий на труды отечественных и иностранных юристов. С преподавательской работой в Демидовском лицее была связана карьера известнейшего

специалиста в области уголовного права и процесса, профессора А. К. Вульфберта [11, с. 493.].

В административно-управленческой сфере присутствовали выходцы из Германии, внесшие свой вклад в развитие Ярославского края. Губернаторские посты в конце XIX – начале XX в. занимали представители немецких дворянских родов Н. К. Шмит, Н. А. Безак, А. Я. Фриде, Б. В. Штюрмер. В конце XIX – начале XX в. обязанности вице-губернатора исполнял В. Э. Фриш, выходец из известного немецкого дворянского рода, представители которого были на государственной службе России с конца XVIII в. В годы Первой мировой войны руководителем ярославской казенной палаты стал А. П. Барт, временно исполнявший в ноябре-декабре 1915 г. обязанности ярославского губернатора. Немцы по происхождению были и среди чиновников губернской администрации и органов местного самоуправления, сотрудников полицейских и жандармских структур. В начале XX в. должность начальника Ярославского жандармского управления исполнял Г. Р. фон Антониус, а пост руководителя Ярославского охранного отделения занимал А. А. Гинзбург. В 1910–1913 г. ярославским полицмейстером был подполковник полиции барон С. В. фон дер Ховен [12, с.178-179]. Таким образом, чиновники, имевшие немецкое происхождение, были широко представлены в органах власти.

В годы Первой мировой войны немецкая диаспора в России претерпела серьезные изменения, вызванные политикой российских властей, выселявших немецких подданных и российских немцев из крупных городов европейской части России на Урал и в Сибирь, одновременно депортируя в губернии центральной России немцев из Царства Польского и западных губерний, а также из Санкт-Петербурга [2, с. 152-153.]. Как правило, это были либо подозреваемые в шпионаже в пользу Германии немцы и австрийцы, либо мужчины призывного возраста, часто выселяемые властями из мест постоянного проживания вместе с семьями. Ярославская протестантская община взяла на себя организацию помощи немецкой диаспоре и интернированным на территории губернии подданным Германии и Австро-Венгрии. В губернии, как и в целом по стране, началась кампания по «борьбе с немецким засильем», выразившаяся в ограничении немецкого влияния во всех сферах общества, начиная от закрытия заведений, принадлежавших немцам, до увольнения подданных Германии и Австро-Венгрии с занимаемых ими должностей на различных предприятиях. Неудачи на фронтах привели общество к поиску внутреннего врага, ассоциировавшегося с немецкой диаспорой. В 1914–1915 г. в России про-

шла серия немецких погромов, приведших к человеческим жертвам. В Ярославле летом 1915 г. также мог произойти погром и только действия губернских властей смогли его предотвратить [13].

Подводя итог, необходимо отметить, что в указанный период в губернии существовала небольшая, но сплоченная немецкоязычная община. Немцы были частью ярославского провинциального общества. Немецкие врачи, предприниматели, чиновники занимали в обществе видное положение. Первая мировая война привела к изменению положения немецкоязычной общины, ставшей объектом пристального внимания со стороны властей и органов правопорядка, контролировавших немцев с точки зрения их лояльности и возможного проявления прогерманских настроений. Часть представителей немецкоязычной диаспоры, преимущественно мужчины призывного возраста, были вместе с семьями интернированы и высланы за пределы губернии. Вместе с тем в Ярославскую губернию выслали немецких и австрийских подданных из западных регионов России. Тем не менее, несмотря на военные действия с Германией и Австро-Венгрией и кампанию по борьбе с «немецким засильем», ярославская немецкоязычная община продолжила свое существование.

Библиографический список

1. Бахарева, О. Я. Немецкое городское население Оренбургской губернии (конец XVIII – начало XX века) [Текст]: автореф. дис... канд.ист.наук / О. Я. Бахарева. – Оренбург, 2007.
2. Бахарева, О. Я. Вклад немецкой диаспоры в развитие экономики и культуры городов Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX веков [Текст] / О. Я. Бахарева // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI). – М., 2007.
3. Ярославский край в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [Текст] – Ярославль, 1996.
4. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 784.
5. Северный край. – 1902. – 24 декабря. – № 337.
6. ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 9. – Д.662.
7. Василий Федорович Линденбаум. Некролог. [Текст] – Ярославль, 1895.
8. Лозинский, Б. Р. Ярославская губернская земская больница [Текст] / Б. Р. Лозинский. – Ярославль, 2005.
9. Петухова, Н. А. История рыбинских аптек в XIX – начале XX вв. [Текст] / Н. А. Петухова // VII Золотаревские чтения – Рыбинск, 1997.

10. Биографический сборник Демидовского Университета [Текст] – Ярославль, Рыбинск, 2009.

11. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее [Текст]. – Ярославль, 2009.

12. Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории [Текст]. – Ярославль, 2001.

13. Федюк, В. П. Жандармы и шпионы: борьба с «немецким засильем» в Ярославской губернии в годы Первой мировой войны [Текст] / В. П. Федюк // Демидовский временник. – Ярославль, 2004. – С. 214 - 223.

УДК 908(470+571)

О. В. Дубичев

**К вопросу о составе и проблемах формирования
агрономического персонала Ярославской губернии
в начале XX в.**

Решение проблемы модернизации сельского хозяйства, которая стояла перед Россией на рубеже XIX–XX вв., во многом зависело от тех людей, которые непосредственно реализовывали идеи рационального землепользования на практике. Именно на них в конечном итоге лежала ответственность за успех или провал всех начинаний в области сельского хозяйства.

Вопрос о составе агрономического персонала и его характеристики недостаточно освещен в отечественной исторической науке. Выявить основные проблемы кадрового вопроса на примере Ярославской губернии призвана данная работа.

Хотя и с некоторым запозданием, но в 1890-е гг. ярославское земство приступило к созданию системы агрономической помощи крестьянству. Во главе ее должны были стать губернский и уездные агрономы. Если должность губернского агронома появилась в губернии в 1892 г., то во всех уездах агрономы появились только к 1904 г. [1, д. 1382, л. 106 об.]. Позднее наметился переход к участковой системе, но он так и не был завершен к началу Первой мировой войны. Фактически только в Ярославском, Ростовском и Мологском уездах существовало деление на 4 – 5 участков, где работал свой агроном. Для сравнения, в Московской губернии подобная система, включавшая в себя губернского и уездного агрономов, появилась к 1890 г. [2, с. 217].

В то же время губернский агроном И.А. Матвеев в своем докладе в 1913 г. писал: «За последние три года в земской агрономической жизни Ярославской губернии произошли весьма суще-

ственные изменения – ассигнования земства на агрономические и экономические мероприятия возрастают ежегодно, агрономический персонал увеличился в 2,5 раза... значительно выросли и пособия департамента» [1, д. 1382, л. 107]. Всего в крае к 1913 г. работали 27 земских агрономов.

Кроме них в губернии на службе от департамента земледелия к началу 1914 г. находились 15 специалистов по разным отраслям сельского хозяйства. Одними из первых в губернии появились специалисты по луговодству (с 1901 г.), льнообработке (с 1904), молочному делу (с 1904), позднее (с 1913) по животноводству, садоводству и огородничеству, крахмалопаточному производству и даже по сушке овощей (с 1909). Сам процесс появления должности того или иного специалиста в губернии может говорить о том, насколько ощущалась необходимость в развитии той или иной отрасли сельского хозяйства.

Также следует учитывать младший агрономический персонал в лице 28 сельских старост, которые находились в подчинении земских агрономов. Таким образом, общая численность губернского агрономического персонала составляла 60 человек. Для того, чтобы оценить, достаточно ли было этого количества служащих в масштабах губернии, следует иметь в виду, что среднее количество дворов на каждого из них составляло 3,3 тыс. [1, д. 1453, л. 14–17, 19, 22, 32, 37, 45, 48]. Таким образом, даже подобный рост численности персонала в 4–5 раз в течение 10–15 лет был недостаточным для нашего региона, а следовательно, Ярославская губерния находилась в положении хронического недостатка агрономического персонала.

Среди главных факторов, которые сдерживали развитие системы агрономической помощи населению, были недостаток средств, нехватка квалифицированных специалистов (не только в Ярославской губернии, но и в стране в целом), а также высокая текучесть кадров.

Финансирование данного направления деятельности со стороны земства и государства происходило по остаточному принципу. Так, в смете расходов Ярославского уездного земства за 1913 г. (а именно в этом году численность персонала, как, впрочем, и деятельность земства в области агрономической помощи населению, достигла своих максимальных размеров) ассигнования на агрономические мероприятия со стороны уездного и губернского земств и департамента земледелия составляли 28 836 рублей. При этом около 60% от данной суммы приходилось на ярославское земство и только 40% – на департамент земледелия. Более половины этих средств (53,4%) шло именно на содержание персонала. В

то же время это составляло 1,6% от общей расходной сметы уездного земства (на народное образование там же было заложено 29,5%, а на медицину – 22,7%).

Подобное положение дел с финансированием приводило к тому, что средняя заработная плата земского агронома составляла 1 800 рублей в год для лиц со средним образованием и 2 100 рублей – с высшим образованием (в том числе, в этот показатель включены пособия уездных земств на дорожные расходы, которые достигали 300 – 400 рублей). В то же время уровень жалования в южных губерниях был выше на 15–25%, поэтому часть специалистов после непродолжительной работы в Ярославском крае переезжала на работу в другие регионы. Так, например в 1913 г. угличский уездный агроном Ю. Ш. Абдурахманов оставил службу и выехал в Павлоград Екатеринославской губернии [1, д. 1382, л. 68].

Отсутствие квалифицированных кадров также существенным образом сдерживало развитие агрономической помощи в губернии. В то время на территории края отсутствовали учебные заведения, готовившие сельскохозяйственных специалистов с высшим или средним уровнем образования. Исключение составляли Ярославские низшие сельскохозяйственные курсы, открытые в начале XX в. в губернском городе. На эти курсы земство направляло ярославских крестьян, желавших более подробно ознакомиться с передовым сельскохозяйственным опытом. Частично из выпускников данных курсов в дальнейшем комплектовался штат земских старост.

В результате должности агрономов и специалистов занимали лица, окончившие различные специализированные заведения России. География их была достаточно широкой. В начале XX в. в губернии можно было встретить выпускников из Казани, Тулы, Вятки, Пскова, Юрьева, Киева, Кенигсберга и других городов. Конечно, значительную часть (около 35–40%) из них составляли специалисты, окончившие столичные сельскохозяйственные институты и школы. Данный факт объясняется, во-первых, географической близостью нашего региона к Москве и Санкт-Петербургу, а во-вторых, большим количеством выпускников.

Для поиска потенциальных кандидатов на вновь создаваемые должности ярославское земство регулярно печатало объявления в общероссийских газетах: «Русских ведомостях» и «Вестнике сельского хозяйства». Так, в объявлении от 1913 г. значилось следующее: «Ярославская губернская земская управа извещает, что в Ярославской губернии имеются вакантные места уездного агронома ... в Любимском, Мологском, Рыбинском уездах и участковых агрономов в Мологском, Пошехонском и Рыбинском уездах... жа-

лование для лиц с высшим образованием – 1 800 руб., со средним – 1 500 руб.» [1, д. 1453, л. 7–8]. Об эффективности этого способа поиска потенциальных кандидатов говорит тот факт, что некоторые из обращающихся в губернскую земскую управу начинали свои заявления со слов: «прочитав ваше объявление в газете», «согласно вашей публикации в журнале» и т.д. [1, д. 1414, л. 3, 18].

В то же время ярославское земство, как, впрочем, и земство других губерний, делало запросы в соседние губернии с просьбами сообщить о возможных кандидатах на агрономические должности. Так, специалист по животноводству в южных губерниях П.А. Пахомов писал: «Вследствие просьбы вашего превосходительства (председателя Ярославской губернской земской управы) рекомендовать специалиста на должность губернского зоотехника, имею честь сообщить, что... в настоящее время затрудняюсь указать подходящее лицо». Яренская уездная земская управа Вологодской губернии обращалась: «Желая пригласить агронома, просим сообщить, нет ли у вас (т.е. у ярославской губернской управы) кандидата на должность» [1, д. 1413, л. 30].

Однако не следует думать, что только земство было заинтересовано в поиске агрономического персонала. Сами специалисты не сидели сложа руки. Они также посылали заявления в губернские управы в поисках подходящего места. Кроме этого иногда потенциальные кандидаты обращались напрямую к лицам, которые могли способствовать получению той или иной должности. Например, крестьянин И. Касаткин писал: «Многоуважаемый Михаил Александрович... я в последний раз пишу вам, так как все дальнейшее зависит от вас... я хотел бы быть помощником агронома или инструктором сельского хозяйства». В данном тексте речь идет о М.А. Ошанине, который в этот период времени возглавлял агрономический отдел губернской земской управы [1, д. 1414, л. 49].

В ходе анализа поступавших в губернскую земскую управу заявлений кандидатов на должности агрономов за 1913 г. можно прийти к выводу, что земство было весьма избирательно в выборе агрономов. Об этом свидетельствует тот факт, что из 52 поданных заявок в уездные земские управы были направлены только 3, а остальные 49 – отклонены. Главной причиной отклонения кандидатур являлся недостаточный уровень образования (среднее сельскохозяйственное образование имели 41 кандидат из 52, или 79%). Недостаточный опыт работы также мог стать препятствием для занятия вакантной должности. В том же 1913 г. пять заявителей, окончивших училища в 1911-1912 гг., получили отказ.

Другой важной причиной, сдерживающей усилия земства в планомерном и последовательном развитии сельского хозяйства региона, была высокая текучесть агрономических кадров. На основе анализа сроков работы 48 земских агрономов и правительственных специалистов Ярославской губернии можно сделать вывод о том, что средняя продолжительность службы составляла 1,9 года. Если учесть, что часть этого времени (около 2–4 месяцев) специалисты тратили на ознакомление с природными и хозяйственными особенностями района их будущей деятельности, то средние показатели срока их активной и плодотворной работы сокращались до 1,6 года. Так, вопрос о составлении расписания курсов в Ростовском уезде был перенесен с февраля на сентябрь 1913 г. по причине того, что «весь персонал является новым и незнакомым с участками» [1, д. 1382, л. 3].

Ситуация в губернии в деле учета агрономического персонала в условиях частого движения кадров и недостаточного развития средств связи приводила к тому, что само земство не знало, сколько именно агрономов и старост находится у него на службе. В пользу подобного предположения может свидетельствовать постановление губернской земской управы, где говорилось, что «отдел, в связи с децентрализацией агрономической помощи, не располагает точными сведениями о персонале», и для устранения этого высылались специальные учетные карточки «для точной регистрации агрономического персонала губернии» [1, д. 1453, л. 85].

Процесс вхождения в рабочий ритм осложнялся тем, что их предшественники практически не оставляли после себя никаких записей и заметок. Единственным источником ознакомления с результатами ранее работавших агрономов и специалистов являлись ежегодные отчеты, но в них информации было недостаточно, поэтому нет ничего удивительного, в том, что на заседаниях агрономических советов периодически ставились вопросы о необходимости того, что «результаты изучения должны быть заносимы в специальные книги, дабы, в случае оставления агрономами или другими специалистами службы в уезде, заместителям их не приходилось бы повторять прежнюю работу» [1, д. 1382, л. 3].

Оставляя подобное положение дел в кадровом вопросе было невозможно, поэтому земские гласные на собраниях принимали меры по снижению текучести кадров. Среди них можно выделить попытки решения жилищного вопроса. Так, на нескольких заседаниях поднималась проблема отсутствия пригодного жилья для агрономов и специалистов на территории уездов. Если уездный агроном мог жить в городе и временами выезжать в отдельные волости для проведения бесед или консультаций, то участковый аг-

роном должен был жить на территории своего участка. В этом случае он часто сталкивался со множеством бытовых проблем, которые могли стать одной из главных причин (наряду с невысокой зарплатой) смены места работы. Для предотвращения данных ситуаций некоторые гласные предлагали, чтобы земство брало на себя заботу в решении подобных вопросов. Следует подчеркнуть, что подобные дискуссии носили эпизодический характер и не приводили к практическим результатам.

Одной из мер, призванных «задержать» специалистов на месте, можно считать постановление губернского земского собрания о выделении пособия в размере 200 рублей на научную командировку агронома, если тот проработал в уезде более трех лет. Именно данным правом желал воспользоваться мологский агроном Самсонов в 1913 г., в то же время этот случай являлся скорее исключением [1, д. 1453, л. 74].

Таким образом, процесс формирования агрономического персонала Ярославской губернии в начале XX в. сталкивался с целым рядом проблем. Во многом они были взаимосвязаны друг с другом. Нехватка средств не позволяла ярославскому земству открыть в губернии достаточное количество специализированных учреждений или курсов, а также сделать Ярославскую губернию в финансовом плане более привлекательной для агрономического персонала. В то же время наличие большого числа приезжих среди агрономов приводило к высокой текучести кадров, что также не способствовало их эффективной работе. Так или иначе, все это требовало комплексного подхода в решении кадрового вопроса.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области. - Ф.485. - Оп.2.
2. Козлов, С.А. Агрономическая рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). [Текст] / С. А. Козлов - М., 1982. - 215 с.

Ю. В. Кокурина

**Женский вопрос в России в середине XIX – начале XX в.:
историографический аспект**

Вопрос участия женщин в политической и общественной сферах в нашей стране является важным в контексте изучения проблемы становления гражданского общества. Общественные дискуссии 1860-х гг. по поводу женского вопроса, формы женского движения, социальная активность сделали «женскую тему» видимой. Слабый пол оформляется в отдельную социальную группу, проявляющую социальную активность, что свидетельствует о признаках модернизации общественной системы.

На основе анализа материалов отечественной и зарубежной историографии можно сделать вывод, что основными аспектами, изучаемыми в рамках темы, являются вопросы о периодизации появления женского вопроса и движения в России, формах общественной и политической активности слабого пола, масштабах его участия, а также отношение существующей власти к женской теме. Организация благотворительной деятельности, создание общественных организаций, работа женщин в земских учреждениях являются яркими признаками оформления слабого пола в самостоятельную общественную силу. Сам женский вопрос, обозначивший себя во второй половине XIX в., представляет собой попытки решения проблем, связанных с женским образованием и воспитанием, расширением общественных интересов. Изначально у истоков его появления стояли мужчины, и только с 1850-х гг. сами женщины начали активно принимать участие в обсуждении нового социального явления в российском обществе. В основе его стоит идея о «бесправии женщин». Возникновение женского движения в России, активное участие слабого пола в общественной жизни многие исследователи связывают с периодом Великих реформ. Либерализация общественной жизни позволила обратиться к вопросу о женщинах в политике и обществе. Таким образом, женский вопрос изучается в рамках нескольких дискурсов: феминистского, анти-женского, либерального, социалистического.

Важным моментом в изучении данной проблемы стоит вопрос о разделении историками понятий о женском вопросе и женском движении. Современный исследователь Н.Л. Пушкарева разводит эти два понятия. «Женский вопрос (но не женское движение) возник в России уже в первой половине XIX в., а не в середине ве-

ка и не после отмены крепостного права» [4, с.57]. Историк утверждает, что активность женщин в обществе началась с движения декабристов. Достойный поступок жен «первых революционеров» трактуется не только как символ любви и верности, но и как жест солидарности с реформаторскими идеями самих декабристов. Историк И.И. Юкина указывает на то, что «впервые общественное осмысление изменений в сознании и поведении женщин и социальных проблем, связанных с ним, появляется в России в 1830-1840 гг.» [8, с.31]. Появление женского вопроса историк связывает с периодом 1858-1905 гг. Женский феминизм в России оформляется в 1905-1918 гг. На этом этапе главными вопросами, решаемыми в сфере женского вопроса, являются идеи о создании женских политических объединений, участие в политической жизни страны, публичной сфере, овладение «интеллигентными профессиями». Благотворительная и просветительская деятельность женщин уступает место революционной борьбе - более решительным формам социальной активности. В досоветской историографии появление женского вопроса исследователь А. Коллонтай связывала с отменой крепостного права. Последующее освобождение крестьян позволило обратиться к вопросу о слабом поле и его правах. Изначально в обсуждении женского вопроса принимали участие представительницы высшего сословия. По мнению исследователя, женское движение стало более действенным благодаря широкому участию в нем пролетарских женщин.

Женский вопрос как самостоятельная категория для научного исследования по-разному рассматривался на протяжении истории своего существования в науке. Интерес к теме возник с Великих реформ, которые стали толчком к осмыслению роли женщины в русском обществе. Меняется отношение к проблематике в период царствования Александра III, в рассмотрении темы преобладает антиженский дискурс, объясняемый периодом реакции, господствовавшим на тот момент. Появление первых организаций революционных народников, социалистов позволило по-иному взглянуть на женский вопрос. Впервые появляются тезисы о самостоятельной и уникальной роли женщины в строительстве основ свободного общества. Широкое участие слабого пола в подпольных революционных организациях подтверждает этот факт.

Досоветский период в изучении темы представлен именами В.Я. Шульгина, Д.Л. Мордовцева, С.С. Шашкова. Для этого времени характерны попытки «вписать» женщин в экономическую, политическую и культурную сферу исторического процесса. Исследуются биографии многих женщин, оказавших существенное влияние на общественную жизнь страны. Происходит осмысление

женского вопроса самими представительницами этого пола. Многие из них самостоятельно пишут исследования в рамках темы, активно участвуя в общественной дискуссии. Таким образом, происходит написание истории женщин самими женщинами, многие из которых стали знаменитыми феминистками первой волны. Среди них имена А.В. Тырковой, А.П. Философовой. Труды сторонниц равноправия отличаются от представителей досоветской школы более раннего периода попытками осмысления неравноправия женщин в российском обществе. Особое место в изучении проблемы занимают труды известной российской феминистки А. Коллонтай. Женский вопрос она рассматривает с позиции классового подхода, связывает массовое распространение проституции в больших индустриальных городах с процессом экономического закрепощения слабого пола, ущемления его в правах, изучая борьбу женщин за свою экономическую и политическую независимость. «Женский вопрос – это, в конечном счете, вопрос куска хлеба» [2, с.34]. А. Коллонтай указывает на то, что корни его скрываются в экономике. Автор именует женское движение на начальной стадии как буржуазное течение. Деятельность первых феминисток автор расценивает как нерешительную. Она противопоставляет «тружениц с мозолистыми руками» образу «эмансипированных интеллигенток», которые довольно пассивно пытались решить женский вопрос.

Советская историография рассматривает историческое прошлое в дискурсе марксизма. Противопоставление буржуазного уклада жизни пролетарскому, идея бесклассового общества не позволяла женскому вопросу обозначить себя как полноценное направление в науке, поэтому эта проблема является вторичной для данной школы. Марксистская парадигма не позволяет ей обособиться в самостоятельное направление в исследованиях. Советская историография трактует формы активности женщин в России как очень важную веху в становлении свободного бесклассового общества. Закрепощение женщин в капиталистическом мире советские историки противопоставляют образу свободной женщины при коммунизме. Стремление царизма задушить женское движение середины XIX в. трактуется как эксплуатация личности женщины, потому борьба слабого пола за свои права, процессы эмансипации в нашей стране являются главным объектом изучения для советской исторической школы. Наиболее яркими представителями советской школы в рамках изучения данного вопроса являются Г.А. Тишкин и Э.А. Павлюченко. Хронологические рамки возникновения женского вопроса в России представители данной школы выделяют с начала восстания 14 декабря 1825 г.

Интерес к теме у советских исследователей был вызван широким спросом на нее со стороны зарубежных авторов, которые строили свои исследования на богатом, практически не изученном материале по социальной истории дореволюционной России. Политика гласности, начинающиеся изменения в идеологических установках СССР впервые реализовали возможность обратиться к женской теме на почве российского исторического пространства. Таким образом, благодаря первым гендерным исследованиям в рамках данной проблемы в научный оборот было введено много исторических источников, ранее не опубликованных. Один из видных историков по данной тематике Г. А. Тишкин рассматривает факт изменчивости женского вопроса в русской истории. Его возникновение он связывает с моментом отмены крепостного права. Именно после этого события, по мнению автора, начинается «раскрепощение» женщин и возможность их участия в политической жизни и публичной сфере. «Женское движение» в 60-е гг. XIX в. развивалось в условиях общественного подъема в стране» [6, с. 59]. Автор рассматривает женский вопрос в контексте социально-экономического и политического положения слабого пола. Процессы, связанные с эмансипацией женщин, историк трактует как часть освободительного движения человека.

Э. А. Павлюченко обращается к вопросам о становлении в России свободного общества после восстания декабристов. С деятельности участников мятежа на Сенатской площади начинается освободительное движение в стране, важной частью которого становится вопрос о женском бесправии. «Декабризм как социально-нравственное явление оказал глубокое влияние на женщин России, положив начало их самосознанию, формированию женской личности... Именно декабризм пробудил в них гражданскую активность» [3, с. 45]. Анализируя «пробудившуюся» социальную активность декабристок, автор приводит к выводу, что становление основ свободного общества невозможно без решения женского вопроса. Историк вводит в научный оборот много источников мемуарного характера, воспоминания, архивы известных дворянских семей. Слабым местом в изучении данной темы у отечественных историков по-прежнему остается крайняя узость использования различных методов при изучении проблемы, а также превалирование классового подхода в понимании темы.

Российская историческая наука постсоветского периода открыла новые пространства в изучении гендерной истории. Отечественную науку этого времени охватил живейший интерес и потребность к изучению женского вопроса. Разнообразные методы исследования, возможность работы на открытом архивном матери-

але, знакомство с зарубежной историографией по гендерной тематике позволило разрабатывать данную проблему в различных направлениях. Постфеминизм, развернувшийся в современном мире, еще более актуализировал необходимость обращаться к изучению роли женщины в общественном развитии. Впервые в отечественной науке появляются обобщающие труды по доиндустриальной женской истории, собирается широкий круг источников.

В современных исследованиях, посвященных разработке проблемы участия женщин в строительстве основ гражданского общества, выделяются такие авторы, как О.А. Хасбулатова, С.Г. Айвазова, И.И. Юкина, Н.Л. Пушкарева. Они рассматривают положение женщин в России на позициях дискриминации по гендерному признаку. Факт существования женского движения и возникновение женского вопроса трактуется как оппозиционное явление по отношению к существующей власти. «Движение женщин аккумулирует их гражданскую активность и способствует переходу к гражданскому обществу» [8, с. 460]. Женский вопрос изучается в рамках феминистского дискурса – попыток осмысления неравноправного положения полов.

Можно сделать вывод, что важным вопросом в рамках гендерного дискурса является изучение женского движения в России и за границей. Ряд историков (С.Г. Айвазова, О.А. Хасбулатова) рассматривают историческую эпоху как фактор становления женского политического движения. Вопросы женской эмансипации и трудности в становлении равноправия женщин и мужчин в середине и конце XX в. – основное направление этих исследований.

Волна первых феминисток в Российской империи появилась еще с 50-х гг. XIX в. Земское движение, Великие реформы позволили приступить к переоценке роли женщины в политике. Широкое участие женщин в общественной полемике, общественной деятельности и революционных организациях историк С.Г. Айвазова расценивает как первые феминистские явления. Сдерживаемое абсолютным самодержавным режимом, женское движение развивалось, возможно, не так прогрессивно, как на Западе. Женский феминизм трактуется автором не как движение за равноправие женщин, а как борьба за права человека вообще [1]. Оценивая труды великих русских социалистов, исследователь составляет целостную картину развития женского движения в России.

Исследователь О.А. Хасбулатова анализирует становление женского движения в России с 1861-1977 гг. Она трактует женское движение в середине XIX в. как оппозиционное правительственному. «В результате государственная политика в сфере труда и за-

нотости не способствовала самореализации женской личности, приводила к дискриминации женщин во всех профессиональных группах. Стержневыми факторами, определявшими государственную политику в данном направлении, являлись идеологические концепции о второстепенной роли женщины в обществе и экономические интересы господствовавших классов. Дворянство и представители крупного промышленного капитала были заинтересованы в сохранении патриархальных традиций, что облегчало эксплуатацию женского труда в промышленности, сельском хозяйстве и исключало конкуренцию в сфере управления» [7, с.13]. Историк обращается к анализу программ партий, публицистике, строит исследование об эволюции гражданственности в России в XIX в. через фактор становления женщин как равноправных субъектов общественных отношений. Возможность получить диплом по интеллигентной профессии, участие в политической жизни – фактор, недоступный для слабого пола в России в XIX в. Первая русская революция, заинтересованность русской интеллигенции в превращении женщин в равноправных субъектов общества – факторы, оказавшие большую роль в формировании женского движения как политической силы. Историк рассматривает взаимосвязь всех политических органов власти в России, особенности трудовых отношений в России, детский и женский труд, чтобы детально проанализировать картину общественного устройства России и отведенной в ней месту женщине.

Зарубежная историография вопроса представлена именами Р. Стайтса, Б. Энгл, Л. Эдмонсон. С 1970-1980-х гг. начинается вторая волна феминизма, что спровоцировало повышенное внимание к женским исследованиям. Иностранные исследователи обращаются к изучению истории слабого пола в России, что являлось на тот момент плохо изученным материалом.

Р. Стайтс в своих работах анализирует масштабы, сущность и истоки женского вопроса в России. Появление его он связывает с моментом окончания Крымской войны и последующим за ним освобождением крепостных. «Женский вопрос возник в решающее и поворотное для ее новой истории время – в первые пять лет после окончания Крымской войны» [5, с.55]. Эмансипация крестьян, начавшаяся в 60-е гг. XIX в., позволила обратиться к эмансипации женщин. Автор, анализируя общественную ситуацию в стране, приходит к выводу, что оформление женского движения происходит с 1881 г. Феминизм как социальное явление является следствием решения женского вопроса в XIX в. и связанной с ним социальной активностью слабого пола. Также исследователь обращается к материалам асоциальной истории царской России и степени отра-

женности в ней женского вопроса. В работе историка задействован широкий ряд источников личного происхождения, воспоминания, литературные произведения, сочинения известных российских революционеров.

Исследования зарубежных авторов в рамках данной проблематики вдохновили отечественных историков обратиться к вопросу о женщинах во всемирном историческом процессе. Именно с 1970-х гг. женский вопрос начинает активно разрабатываться с помощью новых методов исследования. На сегодняшний день данная проблема активно изучается в российской науке. Современные историки в рамках гендерного подхода обращаются к анализу конструирования женских образов разных социальных слоев, социальных практик слабого пола, формированию основ демократического общества в России в контексте эволюции женского вопроса.

Библиографический список

1. Айвазова, С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия [Текст]. - М., 1999. - 123 с.
2. Коллонтай, А. Социальные основы женского вопроса [Текст]. - СПб., 1909. - 256 с.
3. Павлюченко, Э.А. Женщины в русском освободительном движении (От Марии Волконской до Веры Фигнер) [Текст]. - М., 1988. - 158 с.
4. Пушкарева, Н.Л. Дерзкие и беспокойные («женская история» в России 1801-1905гг.: формы социальной активности [Текст] // Отечественная история. - 2002. - №6.
5. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930 [Текст]. - М., 2004. - 274 с.
6. Тишкин, Г.А. Женский вопрос в России в 50-60 гг. XIX в. [Текст]. - Л., 1984. - 126 с.
7. Хасбулатова, О.А. Эволюция российской государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода [Текст]. - М., 2003. - 278 с.
8. Юкина, И.И. Русский феминизм как вызов современности [Текст]. - СПб., 2007. - 193 с.

Г. Н. Кочешков

Н. А. Рожков и его «методика преподавания истории»

Среди исследователей русской истории видное место принадлежит Николаю Александровичу Рожкову (1868-1927). Он был не только известным историком, но и социологом, философом, талантливым педагогом, продолжавшим славные традиции московской исторической школы.

Историк и политик сосуществовали в Рожкове органично, несмотря на сосредоточенность в отдельные периоды жизни на научной или политической деятельности. Свойства его личности – способность широко мыслить, синтезировать и анализировать исторический материал и современные события жизни – предопределяли яркое проявление качеств историка и политика.

В советской историографии творческое наследие Рожкова, так же как и политическая деятельность, оценивались с позиции официальной идеологии, классовой борьбы. Политические обвинения в его адрес, как не порвавшего с меньшевизмом, распространялись и на научные труды историка.

Научные взгляды Рожкова складывались в сложное и противоречивое время. Ломалась не только внешняя сторона жизни – происходила смена коренных философских, мировоззренческих, идеологических основ общественного бытия. В условиях идейного кризиса, поиска выхода из концептуального тупика происходило размежевание научных сил. Одни переходили к марксизму, к историко-материалистической методологии, другие, в том числе и Н.А. Рожков, пытались реализовать философскую концепцию «критического позитивизма». Но в отличие от представителей данного философского направления, Рожков признает закономерность исторического процесса. Резко отличаются взгляды историка от позитивизма и признание им необходимости изучения наукой причинной связи явлений.

Ученик В.О. Ключевского, Н.А. Рожков много внимания уделяет вопросам социологии. В 1903-1905 г. он издает крупную монографию в трех частях «Обзор русской истории с социологической точки зрения».

Предреволюционный подъем общественного движения связал Рожкова с социал-демократической печатью. Он публикует статьи в журналах «Научное обозрение», «Образование», «Мир божий», читает публичные лекции, сборы от которых идут в поль-

зу РСДРП. По предложению М.Н. Покровского Рожков был избран председателем исторического отделения Педагогического общества при Московском университете.

Русская революция 1905-1907 гг. частично изменила философские взгляды Н.А. Рожкова. В вышедшей в 1907 г. книге «Основные законы общественных явлений» он признает значимость экономических факторов в историческом процессе.

Февральские события 1917 г. вовлекают Н.А. Рожкова в политическую деятельность. По предложению меньшевиков он занимает пост товарища министра почт и телеграфов в первом коалиционном составе Временного правительства, входит в руководство Лиги аграрных реформ, где шло обсуждение проекта крестьянской реформы.

Захват власти большевиками Рожков оценил как антидемократический переворот. Свое отношение к большевикам ученый выразил в предисловии к книге «Октябрьский переворот». Главную причину победы радикального крыла русской социал-демократии он видел в «некультурности, малосознательности, стихийности масс» [1, с. 56]. Развязанный большевиками террор вызвал у Рожкова резкое неприятие: «террор имеет свою внутреннюю логику: раз начатый, он уже не может быть прекращен и развивается последовательно, пока не приведет террористов на край гибели» [1, с. 29].

Но не только политика интересовала в те годы Н.А. Рожкова. Он продолжает заниматься научной и педагогической деятельностью. В 1918-1922 гг. Рожков - ректор Второго педагогического института Петрограда (ныне это Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена). Здесь он читает лекционные курсы по общей истории России, методике преподавания истории, истории народного хозяйства, проводит семинарские занятия.

Свой огромный педагогический опыт Н. Рожков пытался передать учителям, опубликовав «Методику преподавания истории». Данный труд представляет собой цикл лекций, прочитанных им в 1918 г. на сентябрьских педагогических курсах в Петрограде.

В предисловии к курсу Н. Рожков делает несколько важных предварительных замечаний. Методику преподавания любой науки он сравнивает с искусством, настаивая на том, что обучение учащегося невозможно представить в виде готовых рецептов, правил, наставлений. «Кто так смотрит на методику и на педагогическое дело, тот – человек безусловно безнадежный в педагогическом отношении» [2, с. 1]. По представлениям Н. Рожкова, методика преподавания истории должна строиться, прежде всего, на принципе

свободного творчества. Он не отрицает, что методы преподавания, методы передачи знаний от одного лица другому могут быть разнообразны в зависимости от целого ряда обстоятельств и условий: цели преподавания истории, контингента учащихся, личности преподавателя и др.

Анализируя совокупность данных условий, Н. Рожков особое внимание обращает на цель преподавания истории. Критикуя так называемый «государственный» подход к истории за его стремление «обслуживать» интересы господствующих слоев, Рожков замечает, что данный взгляд на историческую науку вреден, ибо приводит к тому, что «преподаватель должен, верит он или не верит в определенную политическую доктрину, служить этому строго, обязан, в угоду ему, сплошь и рядом, исказить те научные взгляды, которые господствуют в настоящее время. При этом преподаватель лишается одного из основных условий, которые для него обязательны, - искренности, убежденности, и благодаря этому он часто становится перед своими учениками в совершенно ложное положение, что отымает у его личности всякий моральный авторитет» [2, с. 8]. Очень жесткое заявление, но это слова ученого, убежденного в своей правоте.

Н. Рожков выделяет три цели исторического образования: 1) изучение закономерности общественных явлений, законов развития человеческого общества; 2) изучение приемов и методов исторической критики; 3) обучение учащихся пониманию проблем современности с исторической точки зрения.

В истории, в общественной жизни повторяемость, сходство есть такой же закон, как и в жизни природы и в естествознании. Поскольку история есть такая же наука, как и естествознание, может быть «более сложная», по убеждению Рожкова, то «мы можем и должны изучать причинную связь, закономерность» [2, с. 13]. Обучение методике работы с источником позволяет сформировать у учащихся самостоятельное, критическое мышление. По образному выражению Н. Рожкова, нам не нужны «ни насвистанные снегири, ни попугаи, которые бессознательно повторяют какие-нибудь сакраментальные формулы и изречения, как бы они прекрасны ни были, потому что мы знаем, что все эти формулы, если они не усвоены вполне, являются лишь пустыми словами, за которыми нет никакого реального содержания. Мы должны, поэтому, приучить наших учеников критически относиться ко всякого рода явлениям жизни, которые они наблюдают». К жизни необходимо, подчеркивал историк, «относиться сознательно, самостоятельно, не веря на слово никаким авторитетам, а лишь доверяя своему соб-

ственному светлому разуму, который должен работать, настойчиво проверяя все авторитеты» [2, с. 15].

Историческая критика разрушила один из вреднейших для науки предрассудков, а именно теорию о непрерывности и прогрессивности исторического развития. Анализируя историю Смутного времени, Н. Рожков подвергает сомнению выводы историков о том, что социальные движения были в высшей степени прогрессивным явлением. Соглашаясь с тем, что восстание Болотникова было вызвано ухудшением положения народных масс в Смутное время и являлось своеобразной формой социального протеста, ученый в то же время считает, что по своим целям оно было реакционным, ибо участники этого движения желали возврата назад, «к тем временам и порядкам отношений, которые существовали в качестве раньше... к тому положению, в котором находилась Россия в Киевский период» [2, с. 23].

Комментируя третью цель исторического образования – обучение учащихся умениям и навыкам исторического анализа, Н. Рожков предостерегает от попыток субъективного подхода к изучению исторических событий: «Мы должны научить наших учеников так, чтобы каждый раз, как они встречаются с каким-нибудь явлением текущей жизни, окружающей действительности, общественной, политической, государственной, духовно-культурной жизни, чтобы они могли дать себе отчет, в какой мере данное явление представляет собою отголосок прошлого, результат прежнего исторического развития, перенесенный в новую, данную эпоху, в современность». Только объективный, непредвзятый анализ исторического процесса поможет ученикам осознать место исторических знаний в окружающем нас мире: «Когда учащиеся, руководствуясь указаниями учителя, придут к необходимости исторического анализа окружающей действительности, они без труда убедятся в том... что то, что часто кажется новым, собственным изобретением наших современников, по крайней мере на 90% создано историей и не только ближайшей, но часто и очень древней, старинной» [2, с. 25].

Н. Рожков высказывает убеждение в том, что не следует оценивать деяния исторических личностей с позиции нравственности, морали. «Всякий общественный деятель, в какой бы отрасли жизни ни проявлялась его работа, не должен получать ни премий за добродетели, ни порицаний за пороки. Его надо просто исторически объяснить, с точки зрения условий того времени. Надо понять те моральные идеалы, которые тогда существовали в данном классе общества... При этом мы должны определить и уровень

общественного развития в данный момент и не должны рассматривать данного деятеля с точки зрения нашего времени» [2, с. 27].

Руководствуясь положением об органической взаимообусловленности исторических процессов, Н. Рожков в то же время предостерегает учителей от возможного навязывания ими собственной оценки исторического прошлого своим ученикам: «Вы должны будете всегда оговариваться, что это ваш личный взгляд, что его не надо принимать на веру. Наша задача не в том, чтобы создать людей, повторяющих нас, а в том, чтобы создать свободных, критически мыслящих людей» [2, с. 28].

Переходя к вопросу о средствах и приемах преподавания истории, Н. Рожков акцентирует внимание на том, что выбор методик, педагогических приемов зависит от индивидуальных особенностей преподавателя, от состава класса и от целей преподавания. Немаловажное значение имеет и правильный выбор учебника, однако, по глубокому убеждению историка, учебник не должен заменять собой преподавателя. Учебник не должен представлять в своем содержании все то, что являлось содержанием урока. Он должен «содержать в себе только то, что напоминает все сделанное на уроке, дать только тот материал, который надо запомнить, взять просто памятью» [2, 32].

Роль преподавателя в учебном процессе нельзя недооценивать. Н. Рожков особо выделяет такие черты учителя, как требовательность, справедливость, объективность. Нельзя признать хорошим того преподавателя, который слишком добр и мягок со своими учениками. Требовательность учителя не нарушает хороших отношений с учащимися; они с «большим уважением относятся к такому учителю, который от них требует серьезных знаний, и они потому даже сами сознаются, что это им приносит пользу, потому что это их отучает от того неряшества, которое, вообще, свойственно нашей некультурной стране». Н. Рожков обеспокоен тем, что в советских школах уделяется мало внимания воспитанию у учащихся чувства ответственности, порядка. Русскому человеку свойственна халатность, которая не позволяет ему относиться к общественным обязанностям должным образом. В отличие от европейца русский не пунктуален, постоянно опаздывает на деловые встречи. Недаром говорят: «англичанин приходит на вокзал за ½ минуты до отхода поезда и успевает выпить в буфете рюмку виски и сесть в поезд, а русский человек придет иногда за 1½ часа и все-таки ухитрится опоздать». В то же время, предостерегает Н. Рожков, урок не должен быть развлечением. Учение – это труд, и для того, чтобы достичь нужных результатов, необходимы опре-

деленные усилия. «Корень учения горек» [2, с. 41], - констатирует историк.

Н. Рожков является сторонником концентрической системы преподавания истории в школе. Весь исторический курс он делит на два концентрира: первый концентр – элементарный курс. Элементарный (или первоначальный курс), по мнению ученого, необходимо начинать уже в младших классах, желательно со второго года обучения. Его главная цель – дать ученикам известное историческое образования. Учитывая небольшой возраст учащихся, Н. Рожков обращает особое внимание на доступность материала, предложенного детям. В то же время нельзя забывать того, что так как «в истории каждой страны, каждого народа, в сущности, выражается общая историческая закономерность, то незначительное количество времени, которое находится в нашем распоряжении, должно быть посвящено истории отдельной страны, чтобы показать общую историческую закономерность» [2, с. 43].

Роль учителя в начальных классах невероятно велика. Учитель должен обладать не только хорошими знаниями, но и художественным дарованием, чтобы в яркой, повествовательной форме донести до учащихся основные события русской истории. Недостаточно полно и убедительно будет звучать рассказ учителя без характеристик исторических персонажей. При этом необходимо выбирать по преимуществу типичные для той или иной эпохи личности, такие, которые действительно характеризуют психологию данной эпохи. Большое значение в элементарном курсе Н. Рожков придает художественным и литературным иллюстрациям. Если правильно организовать преподавание истории в первом концентре, завершает свою мысль ученый, то эффект от этого курса будет несомненно большой.

Обращаясь к систематическому курсу, Н. Рожков замечает, что невозможно приступать к серьезному изучению истории, минуя так называемые доисторические времена. Исследователи первобытной культуры создали науку палеоэтнологию, которая изучает первобытную культуру. Предваряя изучение истории в старших классах, Н. Рожков предлагает особо выделить два раздела систематического курса: историю первобытного человечества и период состояния дикости. Только после изучения так называемой предыстории человечества можно приступить к изучению собственно истории.

Методические воззрения Н. Рожкова далеко не бесспорны, однако они не только обобщают педагогический опыт учителей-новаторов конца XIX – начала XX в., но и являются отражением собственного практического опыта историка.

В последнем томе автор отмечал, что «центром тяжести своего изложения он сделал русскую историю, а история других стран привлекалась лишь для сравнения с нею, не исследовалась и не излагалась с такими подробностями». Он писал, что занимается исторической и социологической проблематикой более 30 лет и только теперь «нашел в себе силы и возможность опубликовать большую обобщающую работу – венец и цель его научных исканий» [3, с. 394].

Неоднократные аресты и ссылки, напряженная научно-исследовательская и преподавательская работа подорвали здоровье Рожкова. 2 февраля 1927 г. после непродолжительной болезни он скончался. Гражданская панихида состоялась в актовом зале МГПИУ. В том же году был опубликован сборник статей «Памяти Николая Александровича Рожкова», в котором помещена и его автобиография. М. Н. Покровский, выступая на заседании Общества историков-марксистов в феврале 1927 г., отмечая заслуги Н.А. Рожкова в исторической науке, отметил, что «мы потеряли в его лице превосходного преподавателя истории, без которого мы ощущаем пустоту в целом ряде высших учебных заведений, и мы потеряли кроме того старого товарища, человека... который с честью нес знамя партии в эти тяжелые годы». Покровский охарактеризовал Рожкова как «историка-марксиста» [4, с. 179]. Однако известно, что в 1926 г., анализируя многотомный труд Рожкова «Русская история...», Покровский, утверждал, что «Рожков - вовсе не марксист», что «нечеткость, спутанность в изложении учения... внушает сильнейшие опасения, что для самого автора «теория Маркса» недостаточно ясна» [5, с. 213]. В 1927 г. был опубликован сборник статей «Памяти Николая Александровича Рожкова», в котором помещена и его автобиография. В 1928 г. вышел пятый том ученых записок Института истории РАНИОН, в значительной степени посвященной памяти историка. Авторы статей отмечали, что Н. А. Рожков был крупным ученым и талантливым педагогом, активным участником российского революционного движения, отзывчивым и доброжелательным человеком.

Библиографический список

1. Октябрьский переворот. Документы и факты [Текст] / – Пг., 1918.
2. Рожков, Н. А. Методика преподавания истории и история XIX века [Текст] / Н. А. Рожков. – Пг., 1918.
3. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительном освещении (Основы социальной динамики) [Текст] / Н. Рожков. – М. – Л., 1926. – Т. XII. – С. 394.

4. Историк-марксист [Текст]. – 1927. – Т. IV. – С. 179.
5. Покровский, М. Н. Историческая наука и борьба классов [Текст] / М. Н. Покровский. – М. – Л., 1933. – Вып. 2. – С. 213.

УДК 908 (470+571)

Д. В. Тумаков

Ярославская милиция накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война 1941-1945г., 70-я годовщина начала которой выпадает на нынешний год, стала гигантским испытанием для всего советского народа. Государству пришлось не только вести жестокую борьбу за собственное существование с сильным внешним врагом, но и противостоять многочисленным внутренним противникам. Если проблема коллаборационизма, существование в ряде регионов СССР (Прибалтика, Западная Украина, Западная Белоруссия, Северный Кавказ) антисоветских вооруженных формирований за последние два десятилетия получили должное освещение в историографии, то вопрос истории борьбы с уголовной преступностью как составная часть обеспечения безопасности советского тыла пока остается на периферии внимания отечественной науки. Это касается не только военной, но и довоенной эпохи. Между тем изучение данной темы помогает проследить степень внутренней стабильности Советского государства и общества в годы войны, глубже понять причины нашей победы в Великой Отечественной войне и оценить подвиг советских людей. К тому же исследование исторических аспектов противостояния правоохранительных органов СССР и нарушителей советских законов в предвоенные годы помогает выявить степень общей готовности страны и ее силовых структур к войне с нацистской Германией.

В этой связи будет уместно обратиться к деятельности ярославской милиции накануне войны. В целом она развивалась в том же ключе, что и милиция на всей территории страны. Согласно традиционной точке зрения ведомственных исследователей советской эпохи, Рабоче-крестьянская милиция (РКМ) СССР предвоенного периода была «боевым, сплоченным коллективом, безгранично преданным своей Родине, Коммунистической партии и народу» [1, с. 26]. В силу этого любые негативные моменты ее деятельности во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. объяснялись массовым призывом работников правоохранительных

структур на военную службу и, соответственно, общим падением уровня профессиональной подготовки милиционеров.

В действительности ситуация представляется гораздо более сложной, чем пыталась представить ведомственная историография. С одной стороны, в 1930-е г. процесс формирования и становления советской милиции в рамках созданного в июне 1934 г. НКВД в целом завершился. В 1936 г. возникла Государственная автомобильная инспекция (ГАИ), в 1937 г. - железнодорожная милиция и Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности, с сентября 1939 г., после принятия «Закона о всеобщей воинской обязанности», на органы милиции был возложен учет военнообязанных [1, с. 25]. Соответствующие отделы функционировали и на местах, вплоть до районного уровня. Таким образом, руководство страны определило основные цели и задачи, стоящие перед правоохранительными органами Советского Союза.

С другой стороны, как свидетельствуют архивные документы, обстановку внутри ярославской милиции нельзя назвать простой. Напротив, ей были присущи крупные, серьезные недостатки. Благодаря сохранившимся протоколам оперативных совещаний зимы-весны 1941 г. можно выделить следующие слабости и упущения в работе стражей порядка Ярославской области.

Во-первых, недостаточной считалась дисциплина работников милиции. За 1940 г. личный состав Управления Рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) совершил 453 проступка и преступления, в то время как за военный 1941 г. – только 303. При этом на первое, еще предвоенное полугодие 1941 г. приходится 157 нарушений дисциплины, а на второе – 146 [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 10, л. 9-об.]. К числу наиболее характерных проступков сотрудников РКМ относились нарушения постовой, конвойной и караульной службы, прогулы и опоздания, «антиморальные проявления» (как правило, злоупотребление алкогольными напитками), а также невыполнение приказаний и распоряжений вышестоящего командования. По всем перечисленным пунктам показатели 1940 г. превышали данные 1941 г. Руководство правоохранительных органов старалось бороться со всеми видами проступков своих подчиненных и наводить порядок – за первое полугодие 1941 г. 19 работников РКМ были преданы суду Военного трибунала (ВТ), 5 исключены из рядов ВКП (б), 6 исключены из ВЛКСМ, 25 человек уволили из органов милиции, 97 милиционеров были подвергнуты дисциплинарному аресту и к 16 принимались другие меры взыскания [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 10, л. 10]. К примеру, приказом начальника УРКМ по Ярославской области капитана милиции А.А. Бобылева от 15 февраля 1941 г. из рядов правоохранительных

органов был уволен и в последующем предан суду ВТ участковый уполномоченный Буйского районного отделения милиции (РОМ) Беликов. Причиной стало длительное пьянство милиционера, вследствие этого его отсутствие на службе и непринятие мер к преступникам [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 3, л. 73].

Халатное отношение к служебным обязанностям было характерно для сотрудников ярославской милиции. Даже при охране такого важного объекта, как здание конторы Госбанка, они неоднократно допускали самовольные уходы или сон на посту. Так, приказом начальника УРКМ суду ВТ был предан милиционер Колесов, а его коллеги Литвинчук, Грошев и Валяев подверглись дисциплинарному аресту на 5-10 дней без исполнения служебных обязанностей [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 1, л. 1].

Во-вторых, несмотря на официально декларируемые «серьезные успехи», значительное повышение раскрываемости преступлений и сокращение «количества проявлений по ряду видов преступности», преступность в Ярославской области оставалась на достаточно высоком уровне. 16 января 1941 г. на кустовом оперативном совещании участковых уполномоченных 18 РОМ области из уст начальника УРКМ прозвучала следующая фраза: «Кражи на...участках не сокращаются. Хулиганы до невозможности распоясались» [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 14, л. 4]. На оперативном совещании в УРКМ 28 февраля 1941 г. начальником Управления НКВД по Ярославской области старшим лейтенантом госбезопасности Макаровым негативные оценки были даны состоянию борьбы с расхитителями социалистической собственности и спекулянтами. Столь печальную картину подтверждают некоторые цифры – с января по май 1940 г. в Переславском районе не было заведено ни одного дела по спекуляции, а в июне-июле и сентябре – только по одному делу. В Первомайском районе за 1940 г. было раскрыто лишь 20% случаев краж скота и лошадей, а за четвертый квартал того же года местные милиционеры смогли раскрыть только одну карманную кражу [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 20, л. 5]. Фактически высшее командование как областной милиции, так и Управления НКВД в целом весьма тревожно оценивало криминогенную ситуацию на местах.

При этом сведения официальных милицейских отчетов, на основании которых строились упомянутые выводы руководства, едва ли можно считать полноценными, а тем более аутентичными. На многих оперативных совещаниях января-февраля 1941 г. звучала резкая, жесткая критика как участковых уполномоченных, так и некоторых начальников РОМ за несвоевременное представление отчетов командованию. В частности, предупреждению « о более

строгой ответственности» со стороны капитана милиции А.А. Бобылева подверглись начальник Переславского РОМ сержант милиции Горохов, начальник Тутаевского РОМ младший лейтенант милиции Красавин, начальник Солигаличского РОМ Забара, начальник Большесельского РОМ сержант милиции Вязанкин и начальник Буйского РОМ Сергеев [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. , л. 16, 18, 19, 20]. Позднее выговоры и предупреждения получили также бывший начальник Нейского РОМ младший лейтенант милиции Антонов, начальники Гаврилов-Ямского, Ростовского районных отделений (РО) НКВД старший лейтенант милиции Белов и лейтенант милиции Соловьев, заместитель начальника Галичского РО НКВД младший лейтенант милиции Столбов [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 11, л. 6-8]. Вина данных руководящих работников РКМ заключалась в отсутствии во вверенных им отделениях агентурных дел и сведений по агентурно-оперативной работе, незнании данных по общему числу преступных проявлений и даже количества судимых за грабеж, неумении анализировать собственную работу. Таким образом, вполне вероятно, что реальное количество совершаемых в Ярославской области преступлений было даже выше упоминавшегося в официальных документах.

В-третьих, жизненный уровень значительной части ярославских милиционеров в предвоенные месяцы оставался довольно низким. В областном центре к 28 января 1941 г. находились 4 общежития казарменного расположения (Красная улица и Волжская набережная) и 3 общежития коечного типа (Февральская и Красная улицы), в которых располагались в общей сложности 183 работника милиции – бойцы отдельного кавалерийского взвода, конвойного взвода, регулировщики уличного движения и вахтеры [3, ф. Р-2223, оп. 2, д. 19, л. 8, 47]. Общей немаловажной проблемой милицеских общежитий была антисанитария. Заместитель начальника санитарной части Административно-хозяйственного отдела Управления НКВД по Ярославской области Лурье 14 апреля 1941 г. сообщал заместителю начальника УРКМ капитану милиции Кулакову об угрозе вспышки эпидемии педикулеза в общежитиях милиции. Причиной он считал несменяемость полотенец, постельного и нательного белья в течение 15 дней [3, ф. Р-2223, оп. 2, д. 19, л. 36]. Ситуация не менялась и в дальнейшем – милиционеры не посещали баню в течение 13-15 дней и даже не мыли ни рук, ни ног, в общежитиях отсутствовали ножи и вилки, стаканы и тарелки, швабры и тряпки [3, ф. Р-2223, оп. 2, д. 19, л. 82]. Следствием этого были грязь и блохи в помещениях.

Помимо сложных жилищных условий, ярославские милиционеры были плохо оснащены обмундированием. Вскоре после

начала Великой Отечественной войны, 21 июля 1941 г., на совещании командиров взводов милиции г. Ярославля отмечалось, что «у некоторых милиционеров не подогааны по росту сапоги». Поэтому санчасть Управления НКВД достаточно часто освобождала сотрудников от работы по причине «наминов, потеростей ног» [3, ф. Р-2223, оп. 2, д. 19, л. 82]. Аналогичным образом обстояла ситуация в ГАИ. 21 мая 1941 г. его начальник младший лейтенант милиции Е. Осередцев в рапорте на имя капитана милиции А.А. Бобылева докладывал «о совершенном отсутствии условий для проведения работы с личным составом». Работники ГАИ не имели ни общежития, ни дежурной комнаты, ни специального помещения для хранения оружия. При этом их одежда – плащи, накидки, шинели, гимнастерки и перчатки – часто выдавалась худой [3, ф. Р-2223, оп. 2, д. 19, л. 61-63]. Между тем, учитывая малочисленность областной ГАИ – около 20 работников – исправление столь неблагоприятной ситуации не потребовало бы существенных финансовых затрат [6, с. 32].

Заработная плата сотрудников РКМ также не была высокой. Если в ГАИ она колебалась от 450 до 700 рублей в месяц [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 23, л. 188], то в остальных подразделениях не превышала 425-465 рублей [3, ф. Р-2223, оп. 2, д. 19, л. 54]. Заработок обычных рабочих комендатуры Управления НКВД, слесарей автомобильного гаража, уборщиков в общежитиях УРКМ колебался от 175-200 до 350 рублей в месяц [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 10, л. 73; д. 14, л. 21, 23]. Для сравнения: доход среднестатистического советского спекулянта предвоенной эпохи от перепродажи товаров на рынке составлял от 200 до 1000 рублей в день [8, с. 234]. Таким образом, можно вести речь о бедности работников правоохранительных структур накануне войны.

В-четвертых, оставял желать лучшего общеобразовательный и культурный уровень большей части ярославских стражей порядка, особенно на периферии. Данный вопрос неоднократно ставился на оперативных совещаниях в начале 1941 г. Некоторые участковые уполномоченные (Пречистенский, Петровский, Гаврилов-Ямский, Нагорьевский районы) не имели представления о начале Второй мировой войны в Европе, хотя ход боевых действий в Европе и Северной Африке освещался в центральной и областной периодической печати. Кроме того, они не знали таких крупных советских государственных деятелей, как М.И. Калинин и В.М. Молотов, не знали даже руководящих органов районного масштаба или путали на географической карте Францию и Пруссию. Столь неутешительное состояние дел объясняется тем, что упомянутые милиционеры, как отмечалось на оперативных сове-

щениях, «по существу, не жили жизнью Советского Союза»: не выписывали и не читали газет, не посещали кинотеатр и т.д. [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 10, л. 4]. Образование таких работников, как правило, ограничивалось 5-6 классами сельской школы, а специальная милицейская подготовка у них отсутствовала.

В-пятых, отмечалось низкое знание работниками РКМ по Ярославской области основных законов СССР – УК и УПК, а также Конституции 1936 г. Данное обстоятельство приводило к двум негативным моментам. Первым была несвоевременная, с нарушением правил и норм, регистрация уголовных дел. Иногда постановления о возбуждении дела утверждались начальниками РОМ уже после их фактического окончания. Вторым следствием низкой квалификации ярославских блюстителей порядка предвоенной эпохи стала ситуация, речь о которой шла в докладной записке на имя секретаря Переславского райкома ВКП(б) Турцевича от 31 марта 1941 г. Авторы документа утверждали, что в ряде случаев работники милиции заводили уголовные дела не на хулиганов, а на потерпевших, привлекая тех к ответственности только потому, что преступники «первыми пришли в милицию и сделали заявление» [9, л. 42]. Фактически речь шла о халатном, формальном отношении работников РКМ к выполнению собственных обязанностей.

Тем не менее, если постараться глубже разобраться в причинах вышеупомянутых недостатков в деятельности правоохранительных органов Ярославской области, не выхватывая их из общеисторического контекста, то обнаруживается следующая картина. Милиция, как и остальные силовые структуры страны, была не просто слепком советского общества, она являлась неотъемлемой частью государственного аппарата СССР. Между тем недостатки подобного рода прочно укоренились и в других властных органах и учреждениях начала 1940-х гг. Волокита, бюрократическое отношение к работе являлись составной частью жизни советского общества сталинской эпохи. Например, 7 декабря 1944 г. председатель исполкома областного совета депутатов трудящихся открыто признавал «запущенность учета на предприятиях местной топливной промышленности, в хозяйственных организациях ОблЗО (Ветснаб), Рыбтреста, на предприятиях Облместпрома и Облкомхоза» [3, ф. Р-2380, оп. 7, д. 5, л. 1]. Бухгалтерские отчеты в большинстве упомянутых организаций систематически опаздывали на 3-5 месяцев, а на 6 предприятиях в гг. Ростов, Тутаев, Данилов, Мышкин, Гаврилов-Ям и Пошехонье-Володарск они полностью отсутствовали. В этом отношении органы милиции находились в заметно лучшем состоянии.

Малообразованность также не являлась чертой, присущей исключительно РКМ. За первое полугодие 1941 г. текущая оперативного состава ряда региональных прокурорских органов СССР достигала 37%, а руководители оперативных отделов менялись в течение 5-6 раз в год. Вследствие этого на периферии преобладали малообразованные работники: высшее юридическое образование имели не более 20% районных и 28% краевых, областных и республиканских прокуроров. Даже все три заместителя прокурора РСФСР А.А. Волина получили только среднее образование. Поэтому неудивительно, что в одном из районов Курской области прокурор сделал в тексте постановления 75 ошибок [4, с. 257-259].

Не отличалась высоким образовательным уровнем в предвоенные годы и «старшая сестра» РКМ – Красная Армия. По состоянию на июнь 1941 г. 15,9% командиров не имели никакого военного образования, а еще 30,5% получили образование на краткосрочных военных курсах длительностью от 6 месяцев до 1 года [5, с. 31]. Тем самым практически половина командного состава вооруженных сил СССР накануне Великой Отечественной войны в профессиональном отношении была слаба. Схожим образом оценивали уровень грамотности советских людей немцы и сотрудничавшие с ними представители старой эмиграции. Татарский эмигрант доктор А. Темир, член комиссии по работе с военнопленными, после посещения лагерей для военнопленных красноармейцев под Ганновером утверждал, что из 263 пленников – представителей народов Поволжья и Урала - только 3-4 человека имели высшее образование [2, с. 59-60]. Таким образом, достаточно низкая образованность была присуща как советскому обществу предвоенных лет в целом, так и слепку с него - силовым структурам СССР - в частности. Такая картина прослеживается среди всех этносов и во всех регионах Советского Союза.

Злоупотребление алкогольными напитками также не являлось характерной особенностью милиции предвоенных лет. Напротив, упомынутая вредная привычка была широко распространена на промышленных предприятиях и в колхозах, для чего существовали соответствующие условия. Как сообщали архивные документы, в ряде периферийных районов Ярославской области было сильно развито шинкарство. Литр водки нелегальные коммерсанты продавали за 60 рублей, причем в Рыбинске среди последних находились даже доверенные лица милиции [3, ф. Р-2223, оп. 1, д. 20, л. 9]. Как сообщал начальник Первомайского РОМ сержант милиции Горявинов, систематически пьянствовала и совершала хулиганские поступки супруга второго секретаря местного райкома ВКП(б), также член правящей партии. Подобное пове-

дение представителей «верхов» служило дурным примером для остальных граждан.

Суммируя все вышеизложенное, необходимо признать, что недостатки ярославской милиции предвоенного времени не были случайными, а обуславливались особенностями мировоззрения населения, культурного и социально-экономического развития Советского Союза, реалий его политического режима. Красная Армия вступила в войну с вермахтом недостаточно подготовленной, а РКМ – ее «младшая сестра» – находилась в схожем состоянии. Исходя из этого, становится очевидным гигантский масштаб подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Библиографический список

1. Биленко, С.В. На бессменном посту. Из истории советской милиции [Текст] / Сергей Биленко. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
2. Гилязов, И.А. Легион «Идель-Урал» [Текст] / Искандер Гилязов. – М.: Вече, 2009. – 304 с.
3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. Р-2223, оп. 1, д. 3; 10, 11, 14, 20, 23; оп. 2, д. 18, 19; ф. Р-2380, оп. 7, д. 5
4. Звягинцев, А.Г., Орлов, Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937-1953гг. [Текст] / Александр Звягинцев, Юрий Орлов. – М., 2001. – 536 с.
5. Киличенков, А.А. Краткий курс истории Великой Отечественной войны [Текст] / Алексей Киличенков. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 608 с.
6. Листая славные страницы [Текст] // Сыск. – 1997. - №3-4. – С. 31-35.
7. Осокина, Е.О. Частное предпринимательство в период наступления экономического дефицита [Текст] // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 480 с.
8. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО), ф. 259, оп. 6, д. 220.

О. Н. Литвинова

Взаимодействие партизан Брянщины и авиации в годы Великой Отечественной войны

В современной исторической литературе не существует общепризнанного подхода к партизанскому движению Второй мировой войны. Часть авторов утверждает, что партизанское движение – это форма борьбы народа в тылу врага, которая включает в себя деятельность организованных вооруженных формирований, в то время как другие добавляют к этому понятию не только боевые действия, но и срыв политических, экономических и военных мероприятий путем саботажа, забастовок и других форм невооруженной борьбы [2, с. 13-14]. Аналогичным образом нет однозначного ответа на вопрос, являются ли партизанские формирования вспомогательными частями регулярной армии. По мнению бывшего немецкого генерала Л. Рендулича, существовали организованные и так называемые «домашние» или «дикие» партизаны, которые «ничем не отличались от остального населения» [4, с. 143], а следовательно, нарушали Гаагские конвенции о законах и обычаях войны и могли быть подвергнуты репрессиям. В этой связи особую важность приобретает вопрос о степени взаимодействия народной борьбы в тылу врага с фронтом, который позволяет не только подвергнуть сомнению обоснованность немецких карательных акций, но и отчасти прояснить вклад партизанского движения в конечную победу над Германией.

В советской историографии важнейшим направлением работы военно-политического руководства по взаимодействию с партизанами признавалась помощь, которую оказывало борцам в тылу врага командование Западного и Брянского фронтов [7, с. 165]. Однако в докладной записке начальника Штаба партизанского движения при Военном Совете Брянского фронта Матвеева было прямо сказано: «Военные Советы фронтов партизанским движением не занимаются и считают для себя обузой» [3, с. 308]. Учитывая отсутствие радиостанций у большинства партизанских отрядов, скорость немецкого наступления в первый период войны, недостаточность резервов и снабжения самих фронтов, говорить о существенности данной помощи и высокой степени взаимосвязи партизан и армии не приходится. Как свидетельствует «Объяснительная записка о работе Брянского штаба партизанского движения», вплоть до лета 1942 г. из 57 известных командованию парти-

занских формирований Брянщины радиосвязь имела только с группой отрядов Емлютина, Орлова и отчасти Федорова, а живой связи почти не было. Лица из партизанских отрядов, перебивавшиеся за линию фронта, характеризовались как «редкое исключение» [1, д. 4. л. 118]. Но даже там, где была радиосвязь, она нередко находилась на довольно низком уровне, поскольку радисты не всегда оказывались достаточно подготовленными к работе в полевых условиях: «В отдел связи штаба партизанского движения в десятых числах июля (1942 г. – О. Л.) были присланы 4 человека радистов... все из Центральной радиошколы г. Москвы с задачей обслуживания радиостанции партизанских отрядов в тылу врага. В течение последних 10 дней присланные радисты должны были поддерживать оперативную и учебную связь по направлению, но они не только не дали этой связи, но даже ни одного раза не связались. Комиссия считает, что присланные радисты подготовлены недостаточно» [1, д. 6, л. 165]. Таким образом, наиболее важным, а часто и единственным способом взаимодействия армии с партизанскими отрядами, находящимися за сотни километров от линии фронта, становилась авиация. Целесообразно выделить и оценить результативность основных направлений деятельности военно-воздушных сил для поддержания народной борьбы в тылу врага.

Одной из важнейших задач авиации было установление прямой связи с партизанами с целью доставки указаний советского руководства и партии в отряды для оживления военной и политической деятельности и получения докладов от самих партизан. Но с этой работой летчики не всегда справлялись. Об этом свидетельствует доставка приказов штабов партизанского движения и газет с большим опозданием. Так, согласно августовскому приказу Брянского штаба партизанского движения командир головного партизанского отряда Выгоничского района Рысаков должен был быть предан суду военного трибунала за расхищение казенного имущества [1, д. 44, л. 49]. Однако за полтора месяца до этого Рысаков был убит в проводимых операциях, о чем свидетельствует «Докладная записка о состоянии и работе объединенных партизанских отрядов Выгоничского района по состоянию на 1-ое июля 1942 г.» [1, д. 6, л. 135-138], которая, видимо, также не была своевременно доставлена. Дятьковский подпольный райком ВКП(б) прямо сообщал, что, хотя посадка самолета возможна, «мы никакой почты в район не получаем, а отсюда и с последними указаниями не знакомы» [3, с. 144]. В отчете о проделанной политико-массовой работе партизанского отряда им. Ворошилова № 1 за период с 26 января по 20 августа 1942 г. содержалась следующая жалоба: «Обеспеченность газетами недостаточная, газет получаем слишком мало и

очень редко. Газет не хватает для подразделений. Газеты получаем с большим опозданием» [1. Д. 4. Л. 76]. С одной стороны, все это мешало координации деятельности партизан и армии, с другой стороны, позволяло партизанским отрядам сохранять определенную самостоятельность, необходимую в условиях оторванности от прифронтовых областей.

Другим направлением взаимодействия партизан и военно-воздушных сил была доставка пополнения и квалифицированных кадров. Однако и эта задача выполнялась не столь эффективно. Так, в отчете о работе спецшколы партизанских кадров содержится жалоба на плохую авиационную связь: «Комплектовать школу за счет личного состава действующих партизанских отрядов не представляется возможным из-за отсутствия авиатранспорта» [1, д. 4, л. 99]. Поэтому, как свидетельствуют документы, партизаны нередко погибали от неумелого обращения с оружием и взрывчатыми веществами, допускали перерасход дорогостоящих военных материалов. Например, в «Приказе командирам брянских партизанских отрядов от 9 сентября 1942 г.» говорилось о том, что «участились случаи в действующих партизанских отрядах при подрыве военных и промышленных объектов напрасные жертвы от собственных взрывов...» [1, д. 7, л. 45]. Несмотря на переброску в тыл врага партизанских соединений с Большой земли, большинство борцов за линией фронта в 1942-1943 гг. составляли местные жители. По данным Брянского штаба партизанского движения, на 15 октября 1942 г. из 27 тысяч партизан, воевавших в течение 3,5 месяцев, только 525 человек (1,9 %) прибыли из советского тыла [1. Д. 4. Л. 119]. При этом доставляемое пополнение не всегда было более эффективным, чем партизаны из местных, поскольку в тылу отсутствовали подходящие для партизанского движения кадры. В «Отчете о работе Спецшколы при штабе Партизанского движения Брянского фронта» говорилось, что «отобранные кандидаты в спецшколу обкомами и райкомами партии совместно с нашими представителями из членов комсомола являются преимущественно женщинами в возрасте до 20 лет и по своей молодости не могут быть использованы кандидатами не только на руководящей работе в партизанских отрядах и диверсионных группах, но даже и как рядовые диверсанты...» [1, д. 6, л. 99-100]. К тому же обучение специалистов велось в крайне сжатые сроки, что, безусловно, сказывалось на его эффективности. Например, в Орловской области диверсантов готовили всего за 15 дней; разведчиков – за 10 дней; радистов – за 45 дней; организаторов партизанского движения – за 30 дней [1, д. 7, л. 4]. Заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения И. Г. Старинов также свидетельствовал о

плохой подготовке перебрасываемых в тыл противника: «Брали людей, как правило, добровольцев, патриотов, обучали их десять-пятнадцать дней, а зачастую и того меньше, и отправляли необученных, невооруженных, без всяких средств связи в тыл противника, и они гибли» [2, с. 262]. Вполне естественно, что выпускники, попадавшие сразу в экстремальные условия, с трудом могли применить свои знания на практике.

Не очень хорошо авиация справлялась и с эвакуацией раненых из партизанских отрядов. Так, за полгода со 2 февраля по 15 августа 1942 г. из партизанского отряда им. Ворошилова, который имел более или менее регулярную авиасвязь, было эвакуировано самолетами всего 13 человек тяжелораненых и 41 человек, получивших увечья. В самом же отряде за этот же период из 147 человек раненых было возвращено в строй 106 бойцов. Кроме того, было вылечено 257 больных [1, д. 4, л. 159], на которых услуги авиации не распространялись.

Важнейшим направлением действий авиации было регулярное снабжение партизанских отрядов. Однако и оно не было организовано должным образом. В «Отчете о работе Спецшколы при штабе Партизанского движения Брянского фронта» прямо говорилось, что «представленные для штаба самолеты не справляются даже с переброской в тыл вооружения, боеприпасов и продовольствия для действующих партизанских отрядов» [1, д. 4, л. 99]. Даже в январе 1943 г., когда расстояние между партизанами и линией фронта заметно сократилось, зам. начальника Штаба партизанского движения на Брянском фронте подполковник Горшков жаловался, что 6-й авиаполк полностью сорвал переброску грузов в партизанские отряды [3, с. 272]. Некоторые отряды так и не дождались обещанной помощи из тыла. Так, командир Клинцовского партизанского отряда Касьян и комиссар Шкроб в своей докладной записке в Орловский штаб партизанского движения указывали, что «за весь период работы Клинцовского партизанского отряда мы не получали ни от штаба партизанского движения Брянского фронта, ни от штаба партизанского движения Западного фронта абсолютно никакого вооружения, боеприпасов, взрывчатки. Добывали сами всякими путями и средствами» [1, д. 57, л. 204].

Правда, в некоторых случаях была вина не только летчиков, но и самих партизан. Согласно одной из докладных записок в Брянский штаб партизанского движения, самолеты не долетали по следующим причинам: «Ввиду неправильных расчетов, в силу чего самолеты на цели не выходили, из-за отсутствия соответствующих сигналов на посадочных площадках в партизанских отрядах и по

причине неисправности материальной части самолетов, которые возвращались обратно на аэродром с грузом» [1, д. 34, л. 3-4].

Приказ Центрального штаба о подготовке к зиме 1942-1943 гг. прямо предписывал рассчитывать только на себя и «достигнуть того, чтобы командование партизанских отрядов поняло, что все необходимое довольствие, вооружение и боеприпасы должны быть добыты у врага, что в связи с транспортными и другими затруднениями нельзя рассчитывать на снабжение отрядов из советского тыла» [1, д. 11, л. 2]. Используемые для снабжения партизан советские транспортные самолеты ПР-5 были довольно низкой грузоподъемности. Например, с 1 по 10 августа 1942 г. в отряд Дуки и Ромашина было доставлено 10 ящиков патронов, 1 комплект радиопитания, 10 кг тола и 80 кг аммонита, 1000 детонаторов и 25 кг медикаментов. В отряд Емлютина – 17 ящиков патронов, 100 кг аммонита и 2 санитарные сумки. В отряд Рыжкова же всего 5 ящиков патронов и 5 кг махорки (как минимум за целый вылет). Большой вместительностью обладали поставляемые по ленд-лизу самолеты «Дуглас». За этот же период в отряд Дуки на этих самолетах было доставлено 560 кг аммонита, 30 кг бертолетовой соли, 25 кг консервов, 20 кг махорки, 20 кг медикаментов и 200 литров бензина [1, д. 16, л. 5-6]. Неизвестно, было ли все указанное в отчете непосредственно доставлено партизанам, потому что иногда самолеты просто сбрасывали материалы с парашютом и они могли не дойти до места назначения. Тем не менее, приведенные данные свидетельствуют, во-первых, о разной степени связи и снабжения отрядов Центральным штабом партизанского движения, во-вторых, позволяют сделать выводы о структуре поставок. Как видно из списка, основной упор в снабжении делался на вооружение и боеприпасы, в то время как медикаменты и продовольствие доставлялись по остаточному принципу. По подсчетам И. Г. Старина, доля продовольствия составляла только 1% из общего числа грузов, доставленных партизанам [5, с. 131]. Аналогичная ситуация со снабжением из центра была и в плане медицинского обслуживания. Не случайно немногочисленные партизанские доктора просили бойцов во время боевых операций забирать в первую очередь санитарные сумки немцев [6, с. 7]. Тяжелым было положение и со снабжением партизанских отрядов одеждой и обувью. Так, в партизанских отрядах Выгоничского района, по сообщению начальника оперативно-чекистского отделения этих отрядов сержанта госбезопасности Скрипкина, «большинство же бойцов на сегодняшний день одеты плохо, некоторые даже не имеют обуви, заботы о них до настоящего времени проявлялось мало» [1, д. 6, л. 136]. Главным источником снабжения бойцов об-

мундированием было местное население. Об этом свидетельствовал комиссар партизанского отряда им. Ворошилова № 1: «Одеваем и обуваем бойцов за счет сбора военного обмундирования среди местного населения и трофейного» [1, д. 4, л. 175]. По всей видимости, авиация не очень хорошо справлялась и с доставкой вооружения. В отряде им. Железняк бойцы жаловались: «Какие мы партизаны, если у нас нет винтовок? Мы просто буза» [1, д. 49, л. 120]. Известны случаи, когда партизаны вынуждены были отказывать добровольцам в приеме в отряды из-за нехватки оружия.

Возможно, взаимодействие партизан и авиации были не столь эффективно и по политическим причинам. Центральное командование отчасти не доверяло партизанскому движению, не очень верило в его эффективность. Иначе как объяснить тот факт, что необходимые самолеты были достаточно легко найдены, чтобы 31 августа 1942 г. организовать встречу в Кремле командиров различных партизанских отрядов и руководства страны [3, с. 450].

В целом, поддержка из Центра существенно не облегчала материального положения партизанских отрядов. В условиях постоянных военных действий советское командование не могло себе позволить отвлекать достаточные силы и ресурсы для авиационной поддержки партизанского движения. Помощь военного командования могли получать только крупные партизанские соединения, установившие связь со штабами конкретных армий и выполняющие определенные задачи. Для большинства же отрядов общение с советским тылом с помощью авиации имело скорее моральное, чем материальное значение.

Библиографический список

1. Центр новейшей истории Государственного архива Брянской области (ЦНИ ГАБО). – Ф. 1650. – Оп. 1.
2. Боярский, В. И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей [Текст] / В. И. Боярский. – Минск: Харвест, 2003. – 304 с.
3. Партизаны Брянщины [Текст]: сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1970. – 470 с.
4. Рендулич, Л. Партизанская война [Текст] / Л. Рендулич // Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных. – М.: АСТ, 2002. – С. 136-155.
5. Старинов, И. Г. Действия Военно-воздушных сил в интересах партизанского движения в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. [Текст] / И. Г. Старинов. – М., 1953. – 200 с.

6. Чугунова, Э. Имени партизанского доктора [Текст] / Э. Чугунова // Здоровье. – 1985. – № 2. – С. 6-8.

7. Шли на битву партизаны [Текст]: сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. – Брянск: Брянский рабочий, 1972. – 218 с.

УДК 908(470+571)

К. В. Оксем

Пропагандистский аппарат Ярославского обкома КПСС в 1946-1956 гг.

Аппарат пропаганды занимал важное место в системе политического управления СССР. В период Великой Отечественной войны его задачей была всесторонняя борьба против нацизма с помощью пропаганды таких фундаментальных ценностей, как патриотизм, повышение трудовой дисциплины, героизация подвигов рядовых советских граждан. После войны правительство сконцентрировало все усилия на преодолении разрухи и мобилизации сил на реконструкцию городов и предприятий.

В 1946 г. внешнеполитические приоритеты изменились в связи с началом холодной войны и ростом взаимного недоверия держав, победивших в войне. Некоторые исследователи отмечали усиление идеологического давления со стороны государства, проявившееся в ходе кампаний по борьбе с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом [5]. Эти события повлияли на изменение структуры партийного аппарата в период первого послевоенного десятилетия. Приоритетные задачи формулировались и проводились в жизнь непосредственно с разрешения и в интересах ВКП(б). Послевоенная внутривластная жизнь страны постепенно превратилась в арену борьбы партийных лидеров за господствующее положение в партии и правительстве [6].

На региональном уровне за проведение массово-политической работы отвечали республиканские, краевые, областные отделы пропаганды и агитации. Структура отдела пропаганды Ярославской области состояла из нескольких звеньев. Главным организующим звеном было бюро обкома, на котором ставились важнейшие задачи проведения текущей агитационно-массовой политики. Заседания проводились 1 раз в неделю. Тематика рассматривавшихся вопросов была разнообразной. Среди них были проблемы помощи городских партийных организаций сельским райо-

нам области в проведении политической и культурной работы в деревне в период подготовки и проведения выборов в органы представительной власти разных уровней, в том числе в народные суды и в Верховный Совет СССР [1, л. 1].

На заседания бюро обсуждалась отчетная информация отдела пропаганды и агитации, например, итоги работы политшкол и партшкол, библиотек, а также промышленных предприятий. Здесь же обсуждались проблемы организации массово-политической работы на избирательных участках, деятельности ярославской парторганизации в связи с принятием закона о пятилетнем плане и тематический план выпуска литературы ярославским областным издательством ОГИЗ [1, л. 1]. Бюро также занималось накоплением и обобщением опыта работы на агитационных пунктах. Доклады и проекты готовили ответственные лица, состоявшие из работников обкома и отдела агитации и пропаганды. В 1946 ими были Ценев, Мальцев, Белоусов, Сидоров (заместитель заведующего отделом), Сагалович и секретарь отдела Волков. В 1948 г. состав работников остался прежним и пополнился лишь Левашовым, который представлял политические ячейки театров. На бюро стали более активно выноситься вопросы массово-политической работы на промышленных предприятиях по выполнению пятилетнего плана в 4 года.

В 1949 г., в разгар кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и «заговором ленинградской группировки» произошла реорганизация Центрального управления пропаганды и агитации СССР и его низовых ячеек, изменился кадровый состав отдела пропаганды и агитации Ярославского обкома ВКП(б) [1, л. 15-17]. Отдел возглавил А. Пелевин. На место заведующих секторами были назначены Корнилова, Чихачев, Сочнева, Сагалович, Мальцев, Новосельцев.

Другой структурной особенностью работы отдела пропаганды было проведение совещаний и семинаров его работников. Доклады готовили ответственные лица, состоявшие как из заведующих секторами, так и рядовых работников обкома и райкомов ВКП(б). На совещаниях разбирался тематический план выпуска литературы, обобщался опыт работы областных и районных газет. Одной из задач семинаров было оказание помощи в проведении организационно-пропагандистской работы в районах Ярославской области. Важной задачей семинаров и совещаний отдела был контроль над выполнением постановлений ЦК партии. Организовывались областные совещания секретарей районных комитетов ВКП(б) и заведующих отделами пропаганды. Доклад о состоянии и задачах партийной пропаганды обычно готовил заведующий отделом пропаганды. После этого выносились на обсуждение все орга-

низационные вопросы [1, л. 5]. В конце каждого месяца, квартала и года проводилось совещание работников отдела по выполнению плана работы за указанный период времени. Частыми были отчетные совещания заведующих отделами агитации районных и городских комитетов партии в обкоме, на которых обсуждалась работа лекторской группы и планы агитационно-массовой работы в период сева и сбора урожая [1, л. 8].

Следующей по значимости была работа секторов отдела пропаганды и агитации. Среди них выделялись сектора пропаганды, агитации, культуры, газет и журналов, школ. Основным содержанием работы сектора пропаганды было комплектование двухмесячных курсов пропагандистов, разработка программ для занятий секретарей горкомов, секретарей сельских партийных организаций, подведение итогов работы районных партийных школ и политшкол области, проверка уровня подготовки внештатных пропагандистов, подборка групп пропагандистов (по 15-20 человек) [1, л. 25-25].

Сектор пропаганды организовывал ежемесячные командировки бригад отдела в районы для оказания помощи районным, городским, сельским партийным организациям. В начале 1950-х годов он концентрировал усилия по выполнению постановления ЦК ВКП(б) и бюро обкома «по подготовке к новому учебному году в системе партийного просвещения».

В то время создавалась широкая сеть политической учебы коммунистов. Только на начальном этапе было создано 43 городских и районных вечерних партийных школ, более 1326 кружков по истории ВКП(б), 1247 политшкол, 495 кружков по изучению биографии И. В. Сталина. Большое распространение получило самостоятельное изучение марксистско-ленинской теории, которой было охвачено свыше 12 тысяч членов и кандидатов на вступление в партию [2, л. 27]. Общий охват всеми видами политического просвещения составил 67638 человек, из которых более 90% были партийные и кандидаты на вступление в ряды ВКП(б).

Следующую ступень в иерархии отдела занимал сектор агитации. Его работа состояла в решении конкретных пропагандистских задач, выработывавшихся сектором пропаганды. Одними из первоочередных задач сектора были командировки агитбригад в областные районы с целью оказания помощи в постановке массово-политической и культурной работы. Другим направлением было подведение итогов агитационной работы в период весеннего сева и пропаганды пятилетнего плана развития промышленности и хозяйства [1, л. 24]. Данное структурное подразделение также отвечало за выполнение постановлений пленумов обкома, организо-

ывало выезд областного партактива с докладами в районы. Прогруппы направлялись в районы, оставшиеся в уборке урожая, для активизации агитмассовой работы [1, л. 37]. Усиление роли сектора агитации наблюдалось во время проведения масштабных политических кампаний. Например, 19 сентября 1946 г. был организован ежедневный контроль над ходом разъяснения постановления ЦК ВКП(б) и Совмина «О снижении розничных цен». В тот же день в колхозы и на предприятия была направлена группа областного партийного и советского актива для проведения разъяснительной работы [1, л. 40]. В ведении сектора находилось также редактирование районных газет.

Следующим по важности в отделе был сектор культуры. В его ведении была проверка подготовленности сельских политпросветучреждений области. Он следил за состоянием клубов, красных уголков в городах области, организовывал культурный отдых трудящихся города Ярославля, особенно в летний период [1, л. 37]. В ведение подразделения входила проверка работы областного отделения Союза советских художников, а также проверка выполнения соответствующих решений пленумов обкома ВКП(б). В 1946 г. сектор культуры был переименован в сектор культмассовой работы, но структура его деятельности практически не изменилась. Наряду с ранее упоминаемыми задачами возникли и новые. Это зависело от актуальных запросов общества, например, в сентябре 1946 г. проводилось совещание обкома о ходе смотра художественной самодеятельности в области [1, л. 37]. Кроме того, сектор занимался проверкой идейного содержания художественного творчества и уровня идейного воспитания коллективов художественной самодеятельности.

Из числа работников сектора газет и журналов выделялись внештатные рецензенты всех районных газет. Они отвечали за издание «Блокнота агитатора» и работу типографий. В обязанности сектора печати входило написание обзоров многотиражных газет. Большое внимание уделялось практике консультирования редакторов районных газет при областной редакции «Северного рабочего», коллектив которой был весьма профессионален [1, л. 25]. ЦК ВКП(б) ставил перед отделом не только задачи контроля над деятельностью печатных изданий, но и принятия мер, направленных на улучшение их работы. Сведения о работе сектора печати встречаются реже, чем других структурных подразделений, но это не говорит о его пассивности. В отчетной документации содержится большой пласт материалов, связанных с его работой. К тому же проблемы печати выносились на бюро обкома весьма часто.

В 1948-1951 гг. в ведении отдела находился сектор школ и вузов. Основное внимание уделялось проблемам повышения качества учебно-воспитательной работы образовательных учреждений области, подготовке к новому учебному году и экзаменам, вопросам идейно-политического воспитания студентов в высших учебных заведениях и воспитания детей в детских садах [2, л. 41]. Задачей сектора было выявление недостатков в работе подотчетных учреждений и принятие мер к их преодолению. Сектор действовал в тесной связи с горкомаами и райкомаами, которые занимались изучением состояния учебно-воспитательной работы на местах, а именно: следили за работой отдельных школ, проверяли деятельность школьных партийных организаций. Парторганизации часто критиковались за слабое внимание к жизни школ [2, л. 43]. За ненадлежащую работу руководители школ отстранялись от работы.

При отделе пропаганды Ярославского обкома ВКП(б) существовала лекторская группа, которая являлась важным связующим звеном в агитационно-массовой работе. Работников группы направляли с докладами на предприятия, в колхозы, районные партийные школы области. Их задачей было разъяснение постановлений ЦК ВКП(б), а также ведение массово-политической работы [1, л. 6]. Перед прочтением лекций содержавшиеся в них материалы обсуждались на заседаниях лекторской группы. Очень часто лекции были обращены к интеллигенции. Пропагандировалось марксистско-ленинское учение о государстве, разъяснялось состояние социалистического и коммунистического строительства, а также руководящая роль партии в государственном строительстве [1, л. 6].

С 1947 г. лекционная группа формировалась и на районном уровне. В ее состав входили секретари районных комитетов ВКП(б), заведующий оргинструкторским отделом и заведующий отделом пропаганды и агитации, штатные пропагандисты, заведующий военным отделом, инструктор отдела кадров, председатель исполкома районного совета, заведующий отделом сельского хозяйства, старший агроном, заведующий РАИФО, секретарь РИКа, заместитель уполминзага, председатель РПС, райпрокурор, судья, начальник РО МВД, директора МТС, совхозов, инструктор РОНО, уполминзаг, директора средних школ, директора детских домов, председатели колхозов, заведующий отделом культпросветработы, управляющий Госбанка [3, л. 34-35]. Таким образом, состав лекционной группы состоял полностью из руководителей важнейших сфер общественной жизни, имевших существенное воздействие на своих подчиненных. С целью расширения и усиления просвети-

тельной деятельности 23 марта 1949 г. при облисполкоме были созданы сельские лектории [4, л. 32].

Лекционная группа работала не только автономно, но и взаимодействовала с другими структурными подразделениями. Совместно с сектором пропаганды ОК ВКП(б) проводились месячные семинары пропагандистов и руководителей кружков по истории партии. В 1950 г. объем лекционной работы был внушительным. Только за первые полгода было прочитано 1032 лекции с охватом населения 132 508 чел. [2, л. 36]. Основными направлениями лекционной работы были история ВКП(б); биография В. И. Ленина и И. В. Сталина; философия; политэкономия; текущий момент; страноведение; международное положение; советский патриотизм и коммунистическое воспитание; научно-атеистическая пропаганда; колхозное строительство. Больше всего лекций было посвящено текущей внутренней политике. В 1950-х гг. к лекционной деятельности стали привлекаться преподаватели институтов. Проводилось регулярное чтение лекций на циклах для самостоятельно изучавших марксистско-ленинскую теорию и для тех, кто участвовал в семинарах пропагандистов при горкомах и райкомах партии [2, л. 37].

Библиографический список

1. Центр документации новейшей истории ЯО. - Ф. 272. - Оп. 225. - Д. 205.
2. ЦДНИ ЯО. - Ф. 272. - Оп. 225. - Д. 542.
3. ЦДНИ ЯО. - Ф. 272. - Оп. 225. - Д. 1244.
4. ЦДНИ ЯО. - Ф. 272. - Оп. 225. - Д. 1594.
5. Костырченко, Г.В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР [Текст] / Г. В. Костырченко // Вопросы истории. - 1994. - №8. - С. 47-60.
6. Пихоя, Р.Г. Советский Союз. История власти, 1945-1991 [Текст] / Р.Г.Пихоя. - Новосибирск, 2000. - 678 с.

УДК УДК 908(470+571)

П. Г. Аграфонов

Верхне-Волжская археологическая экспедиция и проблемы изучения древнейшего прошлого Ярославского края

В 2009 г. исполнилось 50 лет Верхне-Волжской археологической экспедиции Института археологии Российской Академии

наук - одной из старейших экспедиций, длительно и плодотворно действовавшей на территории Верхнего Поволжья. В течение многих лет она вела и продолжает сегодня вести планомерную научно-исследовательскую работу.

Важное место в деятельности экспедиции занимало изучение памятников, расположенных на территории Ярославской области. Организация ВВАЭ открыла на рубеже пятидесятих и шестидесятих годов прошлого столетия новую страницу в истории археологического изучения края. Раскопки, проведенные экспедицией, сыграли особую роль в ускорении и интенсификации археологических исследований. За это время был проделан огромный объем полевых работ, что позволило намного продвинуть вперед системное изучение территории региона.

Отряды экспедиции постоянно работали на территории Ярославской области в полевые сезоны шестидесятих-восьмидесятих годов XX в. Предварительное обобщение итогов работы экспедиции и вклада, внесенного ею в археологию Ярославской области, составляет предмет этой статьи.

Верхне-Волжская археологическая экспедиция (далее – ВВАЭ) была организована в 1959 г. на базе Ярославской экспедиции Института археологии Академии наук СССР. Основной ее целью на момент создания было археологическое обследование территории Верхнего Поволжья и проведение охранных раскопок на разрушающихся памятниках. Работы планировались на несколько лет вперед. Раскопки субсидировались как центральными учреждениями - Институтом археологии АН СССР и Министерством культуры СССР - так и региональными музеями. Экспедиция имела в своем составе несколько отрядов, общее руководство было возложено на Д.А. Крайнова.

В рамках работы по подготовке издания Сводов памятников истории и культуры по отдельным областям СССР Верхне-Волжская экспедиция приступает к сплошному археологическому обследованию территорий Ярославской, Ивановской, Костромской и Калининской областей [4, с. 267]. В 1959 г. ВВАЭ начинает раскопки поселения и могильника «Дикариха» в Переславском районе. Работы вел Переславский отряд под руководством А. Л. Никитина. Исходя из характера и особенностей вещевого комплекса, А.Л. Никитин датирует памятник концом II тысячелетия до н.э. [6, с. 204-226].

В 1959 г. Д.А. Крайнов продолжил исследование Золоторучинского селища, начатое им в середине десятилетия. В ходе работ на территории памятника были обнаружены фатьяновские

предметы. Материалы 1959 г. заставили отнести нижний слой стоянки Золоторучье-I к концу палеолита.

Одной из главных задач экспедиции было систематическое обследование памятников фатьяновской культуры на Верхней Волге. Еще в середине 50-х гг. Д.А. Крайнов ставил в Институте археологии вопрос о необходимости продолжить начатое перед войной последовательное изучение этой культуры. Между тем значительная часть фатьяновских могильников располагается на территории Ярославской области. Отряды экспедиции исследовали несколько крупных могильников Ярославской и соседней Калининской области. Разработка этих памятников расширила и уточнила картину, намеченную материалами довоенных исследований.

Результаты раскопок позволили более точно осветить погребальный ритуал фатьяновцев, получить новые данные о направлениях их передвижения, длительности пребывания на одном месте и о хозяйственной деятельности. Итог работы на ярославских и тверских могильниках подведен Д.А. Крайновым в 1964 г. в публикации Свода памятников фатьяновской культуры, посвященного памятникам ярославо-калининской группы [2].

В 1962 г. Верхне-Волжская экспедиция начинает новое комплексное исследование, в ходе которого были открыты и изучены пять значительных могильных комплексов – Волосово-Даниловский в Даниловском районе, Наумовский, Никульцинский и Воронковский в Ярославском, Голузиновский в Ростовском районе. Расположенные компактно на территории Ярославской области, они относятся к основным, классическим памятникам верхне-волжской группы фатьяновской культуры. Введение в научный оборот материалов этих памятников позволило прояснить вопросы хронологии и периодизации фатьяновской культуры, синхронизации ее с родственными культурами шнуровой керамики и боевых топоров, уточнить антропологический тип и этногенез фатьяновцев, а также некоторые другие вопросы [2, с. 5-6].

С началом семидесятых годов открывается новый этап в работах экспедиции на территории Ярославской области. В 1969 г. в составе ВВАЭ организуется Славянский отряд под руководством К. И. Комарова. С этого времени возникает новое направление в ее деятельности - исследование средневековых памятников.

В 1972 г. ВВАЭ были начаты раскопки на стоянке Ивановское-III в Переславском районе, положившие начало новому этапу археологии Ярославского края и изучения неолита Верхнего Поволжья в целом. Этими работами открывается многолетний период комплексных раскопок торфяника, которые продолжались в течение трех десятилетий и имели значительный научный результат. В

итоге Д. А. Крайнову удалось выявить новую раннеолитическую культуру, названную впоследствии верхневолжской [5].

Помимо основных раскопок в 70-е годы ВВАЭ велись широкие разведывательные работы. В поле зрения сотрудников отряда находились в основном известные памятники Большесельского, Брейтовского, Ростовского, Рыбинского, Тутаевского, Угличского районов.

С началом восьмидесятых годов масштабы полевых изысканий Верхне-Волжской экспедиции в Ярославской области несколько сократились. Тем не менее, деятельность экспедиции на территории края продолжается и исследовательская активность, при некотором уменьшении количества объектов, не снижается. Основной площадкой для научных разработок ВВАЭ становится Переславский район с его многочисленными мезолитическими и раннеолитическими памятниками.

В сфере особого внимания экспедиции остаются стоянки на Ивановском торфянике. Очередной этап раскопок продолжался с 1981 по 1989 гг. Особенный интерес в свете изучения раннего неолита центра Русской равнины представляют материалы, полученные с раскопок стоянки Ивановское -V. Культурный слой поселения составляют материальные остатки двух комплексов - верхневолжского и комплекса с ямочно-гребенчатой керамикой. Д. А. Крайнов и А. В. Уткин, производившие здесь в 1982 г. раскопки, датировали памятник второй половиной IV тыс. до н. э.

В итоге проведения раскопок было установлено, что заселение изучаемой местности возобновлялось несколько раз на протяжении почти всего неолита и эпохи бронзы.

В 1986 г. Ярославским отрядом Верхне-Волжской экспедиции под руководством К. И. Комарова по поручению Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры начинается работа по подготовке «Свода памятников истории и культуры Ярославской области». В ходе этих изысканий было также открыто несколько новых поселений и могильников.

Сезон 1990 г. – последний полевой сезон Дмитрия Александровича Крайнова – был посвящен раскопкам стоянки Ивановское-VII.

Продолжая исследования Д. А. Крайнова, в девяностые годы прошлого столетия и в начале нового века сотрудники ВВАЭ ИА РАН Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин, В. А. Аверин, Е. Л. Костылева последовательно занимаются изучением нескольких опорных памятников финального палеолита и мезолита в Ярославской области, в первую очередь стоянки Ивановское-VII.

В течение шести рабочих сезонов (1992-1997 гг.) многослойное поселение Ивановское-VII раскапывает М. Г. Жилин. К этому времени поселение имеет устойчивый статус одного из эталонных, надежно стратифицированных памятников мезолита и неолита Восточной Европы. На территории Европейской России подобные торфяниковые многослойные памятники этого времени неизвестны, чем определяется его исключительное значение в исследовании процессов заселения Русской равнины [1, с. 100-101].

В конце XX века из-за финансовых трудностей, а также в связи с изменением тематики работ Верхне-Волжской экспедиции основная сфера ее деятельности переносится на территории других регионов. Полевые работы ВВАЭ в Ярославской области получают с этого времени спорадический характер и проводятся время от времени. Уменьшается количество отрядов, сокращается их количественный состав. В начале нового столетия экспедиция занимается почти исключительно разведками.

С другой стороны, в условиях сокращения полевых работ делается акцент на изучении имеющихся коллекций ярославских памятников. При анализе материалов широко применяются новейшие методы и технологии, находящиеся на стыке археологии и естественных наук. Широкое применение радиоуглеродного и палинологического методов дало возможность разработать обоснованную хронологию мезолита региона и реконструировать динамику развития природной среды в финале плейстоцена и голоцене. Массовые определения остеологических остатков из торфяниковых памятников и комплексное изучение вооружения и орудий труда, включая технико-трассологический анализ, позволили реконструировать хозяйственную деятельность мезолитического населения Верхнего Поволжья.

С 2001 по 2002 раскопки ВВАЭ на территории Ярославской области не велись. В 2003-2005 гг. основным отрядом экспедиции под руководством М. Г. Жилина проведена разведка по берегам Волги на участке от Рыбинска до Мышкина. Работы финансировались в рамках Программы Президиума РАН «Культурное взаимодействие в Евразии». К сожалению, вновь открытые стоянки конца палеолита – начала мезолита найдены в катастрофическом состоянии, так как в результате подъема воды в Рыбинском водохранилище ускорилось обрушение берегов. Между тем датировка позднепалеолитических памятников Ярославского Поволжья остается сегодня в числе остро дискуссионных проблем. К сожалению, Д. А. Крайнов не успел опубликовать материалы стоянок Золоторучье-I и III, Богоявление, Федюково-I и некоторых других. Подготовка к публикации и издание этих материалов также остав-

ся одной из задач Верхневолжской экспедиции на современном этапе.

Многолетние исследования ВВАЭ на территории края отличались редкой интенсивностью, плодотворностью, тщательностью проведения. Для стиля работы экспедиции характерен комплексный подход - сочетание археолого-палеогеографического исследования с антропологической, палеогеографической, палеозоологической экспертизой и т.п. Раскопки во многих случаях дополняются обследованием прилегающих территорий.

Более десяти лет Верхне-Волжская экспедиция посвятила изучению фатьяновских памятников Верхнего Поволжья на территории Ярославской области. Раскопки десятков могильных сооружений дали обширный круг новых материалов, уточняющих представления о фатьяновской культуре в различных ее аспектах [8].

Одним из главных результатов исследовательской деятельности экспедиции в Ярославской области стало открытие нескольких новых культур эпохи палеолита, мезолита и неолита. Изучение их стратиграфии и культурных остатков позволило во многом уточнить хронологическую последовательность, ареалы, характер и взаимосвязь первобытных культур Волго-Окского междуречья, начиная с палеолита и заканчивая поздним историческим временем [4, с. 267].

Беспрецедентная по настойчивости, целеустремленности и систематичности научно-исследовательская работа ВВАЭ вписала одну из наиболее ярких страниц в летопись археологического изучения ярославской земли. Развитие полевой археологии в Ярославском крае дает в конечном итоге значимые научные результаты, позволившие внести большой вклад в разработку значимых вопросов древнейшей истории Верхнего Поволжья.

Библиографический список

1. Жилин, М. Г. Работы Д. А. Крайнова и проблемы изучения палеолита и мезолита Верхнего Поволжья [Текст] // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. - Ярославль, 2006. - 159 с.

2. Крайнов, Д. А. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа. Свод археологических источников. [Текст] - М., 1964. - 175 с.

3. Крайнов, Д. А., Гадзяцкая, О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. Свод археологических источников [Текст] - М., 1987. - 415 с.

4. Крайнов, Д. А., Кольцов, Л. В. 25 лет (1959-1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР [Текст] // Советская археология. – 1983. - №4.

5. Крайнов, Д.А., Хотинский, Н.А., Урбан, Ю.Н., Молодцова, Е.Н. Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья [Текст] // Вестник Академии наук СССР. – 1973. - № 5.

6. Никитин, А. Л. Дикариха [Текст] // МИА 110, Труды Горьковской археологической экспедиции. - М.-Л., 1963. - 213 с.

УДК 930.85

А. В. Луговая

**Становление массовой культуры в России и за рубежом:
культурологический и конкретно-исторический
аспекты проблемы**

В рамках культурологического и конкретно-исторического подходов рассматриваются различные проблемы в изучении массовой культуры: время зарождения, причины, особенности протекания в России и за рубежом, поэтому любопытно сопоставить применение этих двух подходов.

Конкретно-исторический подход позволяет рассмотреть отдельное событие посредством изучения его истории, выявляя как общие, так и индивидуальные закономерности. Предметом изучения служит историческое событие, имеющее свои причины, предпосылки, особенности и последствия. Основная задача состоит в рассмотрении особенностей процесса, причинно-следственных связей и закономерностей исторического развития.

Культурологический подход находится в тесной связи с понятием культурология. Культурология как наука получила развитие в нашей стране сравнительно недавно, в 90-е гг. XX в. Она изучает не только культуру в целом, различные философские ее аспекты, но и отдельные специфические сферы культурной жизни. Исходя из этого, культурологический подход рассматривает то или иное явление сквозь призму культурного самовыражения человека и общества в целом.

Возникновение самого термина «массовая культура» впервые было отмечено в США в 1939 г., но в современном культурологическом смысле его использовал американский искусствовед

Макс Хоркхаймер в своей работе «Искусство и массовая культура» (1941) [11].

В рамках конкретно-исторического подхода взгляды на проблему возникновения массовой культуры менялись в зависимости от времени. Советские историки, находясь в рамках марксистской идеологии, считали массовую культуру «буржуазной» [8], зародившейся в США, а затем распространившейся в европейских странах. Основные причины возникновения связывали с научно-технической революцией и индустриализацией. Н. М. Зоркая, крупнейший кинокритик, киновед, одна из первых выяснила, что отечественная массовая культура не была заимствована у Запада, а имела свои глубокие корни в России. Так, по ее мнению, кинематограф был обязан своим «рождением» русскому лубку [3].

Продолжая развивать концепцию Н. М. Зоркой и обратившись к анализу разнообразных явлений культуры во второй половине XIX в. в России, ряд историков опроверг точку зрения о первенстве Запада в становлении массовой культуры. В «Очерках русской культуры XIX века» отражалась позиция, согласно которой Россию нельзя воспринимать как периферию или «внешнее поле» Европы, необходимо рассматривать ее как цельный организм, самобытный, вступивший в диалог с культурой Запада [9, с. 10].

Современные исследователи находят много общего в становлении массовой культуры в России и западных европейских странах. Основные причины явления видятся в урбанизации, индустриализации, развитии рынка и коммуникаций [10, с. 302].

В рамках культурологического подхода многие результаты представляются спорными. Авторы высказывают следующие суждения о том, что истоки становления массовой культуры следует искать еще в Древнем Риме, а впервые термины «массовая культура и массовое искусство» были употреблены в XVIII в. И.-В. Гете и Ф. Шиллером [6, с. 52]. Е. В. Дуков считает, что первые признаки этого феномена зародились еще в XVIII в. в Европе [2, с. 8].

Большинство культурологов полагают, что массовая культура зародилась в США. Однако мнения о времени возникновения расходятся. Например, авторы словарей и обобщающих исследований по культурологии [5] утверждают, что этот феномен возник в XX веке и был связан с «техническим прогрессом, массовым притоком населения в город, разрушением замкнутых сельских общностей» [4]. Б. Н. Воронцов считает, что «это явление чисто западное», начало складываться в 20-е гг. XX в. Причинами были громадный рост населения, стирание границ между городом и деревней, резкое повышение жизненного уровня, расширение сферы

досуга, развитие средств массовой информации и коммуникации [1, с. 27-29].

Любопытную концепцию выстроили авторы сборника «Массовая культура и массовое искусство. «За» и «Против»». Они считают временем зарождения массовой культуры середину XIX столетия - стадию вхождения в индустриальное общество [6, с. 87], которое связано со становлением массового общества и его детища — «массового человека» или «человека массы» [6, с. 7]. А предопределило становление массового общества бурное развитие капитализма, экономическая модернизация и общественно-политические преобразования в стране.

Этой точке зрения противостоят авторы, которые опровергают существование модернизации в России [7]. Россия, считают они, это промежуточная цивилизация, которая уже отошла от традиционного статичного общества, но не пришла к нетрадиционному динамическому. Она оказалась неспособной закончить этот процесс [7, с. 50]. С их точки зрения, если в стране не закончилась модернизация, значит не зародилось массовое общество. Культура дореволюционной России отличалась острыми противоречиями, существовали лишь отдельные культуры: крестьянская, дворянская, мещанства, купечества, чиновничества, священнослужителей, рабочего класса и буржуазии [7, с. 52-53], а общей массовой культуры в России не возникло.

В рамках культурологического подхода получил заметное освещение вопрос об особенностях становления массовой культуры в США и в России.

У большинства исследователей не вызывает сомнения тот факт, что массовая культура и массовое искусство зародились в США. Причин этому было несколько: социально-экономическая, социально-этническая. США как государство начало складываться из противостоящих друг другу групп переселенцев европейских стран, из которых не мог сложиться единый народ со своим укладом и строем жизни, со своим языком, со своими нравственными принципами, нормами и привычками, со своими обрядами и обычаями, со своими традициями [6, с. 8-9]. Вот это отсутствие исторических корней в американской культуре, по мнению авторов, привело к возникновению искусства низкого вкуса. В Америке за короткий период не могло возникнуть народного и элитарного искусства, вот почему зародилось массовое.

В России все обстояло по-другому. Здесь испокон веков складывались обычаи, традиции, приоритет отдавался общинному укладу жизни. Русский человек был православным, культурным, его отличал коллективизм (идея общины), он не понимал индиви-

дуализм, который был присущ европейцам, ему было чуждо накопительство, он обладал величайшим терпением, христианской идеей [1, с. 43-46]. В России и странах Востока были устойчивыми народные традиции, вот почему было очень сложно сразу перестроиться на восприятие массовой культуры западного образца.

С точки зрения одних культурологов процессы становления массовой культуры в России и в США могли идти параллельно, но Россия всегда была догоняющей страной. Модернизация в стране насаждалась «сверху», то есть правительством, и понималась прежде всего как средство укрепления державы. Необходимость быть наравне с Западом породила конкуренцию держав. Утверждается, что «развитие промышленности не сопровождалось ростом гражданских свобод, сопровождалось еще большим закабалением населения, изгнанием свободомыслия. Различные новшества принимались и распространялись для утверждения старых структур и ценностей» [7, с. 51]. Многие формы проявления массовой культуры Запада либо не приживались в России, либо имели свои характерные особенности.

Другие исследователи считали, что модернизация не насаждалась «сверху», а происходила вполне органично, вырастая из толщи национальной жизни [6, с. 89]. Народные формы сохранялись (например, лубок, раешник), но также заимствовались новые, включая бульварную литературу и античную трагедию.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что у исследователей не сложилось единого мнения о времени возникновения, причинах и особенностях массовой культуры. Преимущества конкретно-исторического подхода заключались в том, что больший акцент уделялся изучению причинно-следственных связей данного события, культурологического подхода – в том, что он рассматривал процесс через самосознание людей: их менталитет, миропонимание, эмоциональные переживания. Получается, что для оценки массовой культуры применение как культурологического, так и конкретно-исторического подходов является необходимым. Но этого недостаточно. Эта тема также заслуживает использование междисциплинарного подхода. Данный подход позволяет изучать тот или иной процесс как цельное явление, систему, в котором все его части рассматриваются в рамках истории, культурологии, искусствознания, литературоведения, политологии, социологии.

Библиографический список

1. Воронцов, Б.Н. Феномен массовой культуры: этико-философский анализ [Текст] / Б.Н.Воронцов – Рыбинск: РГАТА, 2002. – 54 с.
2. Дуков, Е.В. Развлечение и сценические профессии в XVIII-XIX веках: Запад и Россия [Текст] / Е.В.Дуков //Время развлечений: Otium в Европе. XVIII-XX вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 368 с.
3. Зоркая, Н.М. На рубеже столетий (у истоков массового искусства в России 1900-1910 годов) [Текст]/Н.М.Зоркая – М.: Наука, 1976. – 304 с.
4. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии [Текст]/ Б.И.Кононенко – М.: ООО Изд-во Вече 2000, ООО Изд-во АСТ, 2003. – С.259.
5. Кравченко, А.И. Культурология: Словарь [Текст]/ А.И.Кравченко – М.: Академический Проект, 2001. – С. 335-336.
6. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «Против» [Текст] – М.: Изд-во Гуманитарий Академии гуманитарных исследований, 2003. – 512 с.
7. Модернизация в России и конфликт ценностей [Текст] – М.: ИФРАН, 1994. - 250 с.
8. Нечай, О.Ф. Блеск и нищета «массовой культуры» [Текст]/ О.Ф.Нечай. - Минск: Наука и техника, 1984. – 141 с.
9. Очерки русской культуры XIX века [Текст]: в 3 т. Т.1. Общественно-культурная среда / под ред. Л.В. Кошмана - М.: Изд-во Московского университета, 1998. - 384 с.
10. Развлекательная культура России 18-19 вв. Очерки истории и теории [Текст] - СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 528 с.
11. Словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords 22.01.2011.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

УДК 314.15

В. П. Басков

Этнический фактор в современном социально-политическом процессе

С начала 90-х гг. прошлого века заметным явлением в социально-политической жизни России стали процессы, связанные с этнодемографическими характеристиками населения. Наиболее ярко национальные процессы проявились в южной части страны, соединяющей различные культурно-цивилизационные миры: христианский и мусульманский. В результате мы являемся свидетелями огромного воздействия на социальную систему различных этносов. Анализ социального развития с позиции одного из субъектов этноса предполагает исследование не только как культурно-национальной общности, но и как социальной группы. Следовательно, этничность функционирует в едином этническом пространстве, которое является частной формой социального пространства. Многонациональный народ России существует в определенной пространственной протяженности, имеет конкретное территориальное измерение в рамках Российского государства. В этом смысле этническое и политическое пространство страны совпадают.

В политической социологии современные этнические проблемы в РФ рассматриваются в основном либо как наследие прошлого, заложенная в советское время политика унификации, полного единства всех наций и народностей, либо как политика этнонационализма и сепаратизма. Следует признать, что в настоящее время наследие прошлого все еще сохраняется. Несмотря на радикальные социально-политические изменения в обществе, этническая конфликтогенность сохраняется. Самой большой проблемой остается этнонационализм. Кавказский регион - убедительное тому подтверждение. Как уже было отмечено, культурно-исторически сложилось так, что Северный Кавказ оказался контактной зоной исламской и православной российских цивилизаций. Эта ситуация продолжает создавать конфликтный потенциал, который дополняется социально-экономическим, материальным фактором. В целом сегодня в РФ, по сравнению с девяностыми годами, в национальных отношениях наблюдается заметный спад напряженности, установилось относительное спокойствие. Вместе с тем в России

сохраняются регионы межнациональных кризисных ситуаций. Нельзя считать нормальным унижение и оскорбление русских, их дискриминацию в национальных районах. Имеет место вынужденное переселение, покушение на жилье, оскорбление детей в школах, разрушение национальной культуры, забвение родного языка и обыкновенный терроризм.

Появление русофобии в Дагестане и других регионах, которые являются субъектами РФ, тем более удивительно, что в центральных регионах России спокойно живут и работают более 30 тысяч дагестанцев. Все народы, проживающие в России, заинтересованы жить в добрососедстве и дружбе. Обострение отношений между народами выгодно в первую очередь лидерам националистических групп с неуголенным политическим честолюбием и мафиозным криминальным структурам.

Перепись населения 2010 г. показала, что в России в настоящее время проживает более 142 млн человек, в том числе более 40 млн человек нерусского населения, ста шестидесяти национальностей. В ряде крупных регионов РФ, в том числе в центральном федеральном районе, живут и трудятся представители разных национальностей. Одной из основных задач их жизнедеятельности является сохранение и развитие национальной духовной культуры, языка и традиций, поддержание социокультурных связей со своей исторической родиной.

В условиях демографического кризиса большое значение имеют миграционные процессы, выполняющие роль определенной формы пополнения трудовыми ресурсами регионов, испытывающих их дефицит.

Так, приток в Ярославскую область составил более 12 тыс. иммигрантов. В последующие годы в Ярославскую область в основном прибывали иммигранты из южных регионов РФ и стран СНГ (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Украины). Основная масса приезжающих в область вливается в города и рабочие поселки. В перспективе можно предвидеть, что приток иноязычного населения из республик Северного Кавказа и стран СНГ будет возрастать, что обуславливается социально-экономической и политической нестабильностью в этих регионах. В связи с этим возникает вопрос, как будет развиваться этнополитическая ситуация в ближайшие годы. Очевидно, что развитие межнациональных отношений будет прежде всего зависеть от социально-экономической обстановки в стране. Усиливающиеся потоки миграции в Россию объективно привносят элементы межнациональной напряженности и возможности разыгрывания национальной карты в политических целях национальной элиты.

Стратегическая цель национальной политики – это сохранение и укрепление единого российского государства как общей родины народов, исторически живущих на его территории. Главная задача – неукоснительное обеспечение предусмотренного Конституцией РФ равенства прав и свобод всех граждан вне зависимости от их национальности. Национальная принадлежность не может служить основанием ни для привилегий, ни для дискриминаций.

Разрешение имеющих место противоречий между «Центром» и республиками (регионами) делает необходимым уточнение административного деления России, приближение его к исторически сложившимся экономическим районам. Сегодня имеет место дискуссия о «единой русской нации», превращении России в Русскую республику. Реализация этой идеи может усилить националистические, центробежные тенденции. Решение проблемы национального суверенитета должно быть связано прежде всего с идеей национально-культурной автономии. Именно эта форма является наиболее эффективной для развития национальной культуры, языка, обычаев, традиций этнических общностей, их социального статуса в многонациональном обществе. Особое значение приобретает согласование интересов по линии Центр – республики, регионы, разработка и овладение политикой по предупреждению и преодолению межнациональных конфликтов. Поиск путей национального согласия в сфере национальных отношений не может быть решен только усилиями «верхов». Реализация идеи возрождения России предполагает развитие широкой активности всех слоев и социальных групп населения, людей разных национальностей и конфессий.

УДК 324

И. А. Мамзелев

**Региональные отделения политических партий
в Ярославской области
накануне выборов в Государственную Думу РФ 2011 г.**

Страна подходит к новым важным выборам. Выборы 2011 г. не станут самыми значимыми; однако от представительства партий в федеральном парламенте будет во многом зависеть качество принимаемых законопроектов.

В настоящий момент в России насчитывается 7 политических партий, еще ряд партий являются незарегистрированными

(партия «Воля», «Партия народной свободы», КПСС и т.д.). В Ярославской области представлены региональные отделения всех зарегистрированных политических партий. При этом в регионе партии занимают неравноценные политические позиции. Сравнительно регулярно о себе в СМИ или массовыми мероприятиями заявляет лишь часть из них – это «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР.

Очевидно, что львиную долю содержательной части избирательной кампании партий на выборах в Государственную Думу 2011 г. будет составлять федеральная повестка дня, транслируемая через федеральные СМИ. Вместе с тем, роль региональных отделений политических партий в федеральной избирательной кампании достаточно велика. Можно выделить несколько направлений деятельности, ответственность за которые несут региональные отделения:

- формирование региональной части избирательного списка;
- комплектование территориальных и участковых избирательных комиссий членами с правом решающего и совещательного голоса;
- мобилизация имеющихся человеческих, организационных, финансовых, технологических ресурсов для усиления позиций партии в политическом пространстве региона;
- обеспечение устойчивых позиций партии в региональных и местных СМИ;
- организация фоновой кампании (региональные проекты) в СМИ;
- организация встреч кандидатов с избирателями, массовых мероприятий и т.д.;
- мобилизация на голосование избирателей региона и т.д.

Данная статья не преследует цели дать всеобъемлющий анализ готовности региональных отделений политических партий к предстоящим в 2011 г. выборам в Государственную Думу РФ. Выбранные направления анализа позволяют судить о следующих возможностях региональных отделений:

- привлекать политических и общественных деятелей к прямой и косвенной агитации или поддержке политических партий;
- организовывать массовые, в том числе уличные, мероприятия;
- завоевывать и сохранять позиции в информационном пространстве региона для информирования и агитации.

В качестве источников в статье были использованы, в первую очередь, данные сайтов региональных отделений партии [1; 3; 6]. Следует учитывать, что сайт регионального отделения партии «Яблоко» прекратил обновляться с осени 2010 г. [5] Сайт регио-

нального отделения ЛДПР отсутствует, с целью анализа использован сайт Заволжского отделения партии г. Ярославля [2]. Во-вторых, информация о партийных фракциях взята с сайта Ярославской областной Думы [4]. В-третьих, в статье использована информация, предоставленная Департаментом информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти Ярославской области: еженедельные бюллетени «Оперативный анализ социально-экономического состояния Ярославской области» и статистика упоминаний партий в региональных СМИ за 2010 г.

Представительство в органах государственной власти и местного самоуправления Ярославской области

Губернатор Ярославской области С.А. Вахруков в конце 2009 г. вступил в «Единую Россию». Первый заместитель губернатора В.Н. Ковальчук является членом президиума регионального политсовета партии. В то же время очевидно, что после отмены прямых выборов губернаторов Правительство Ярославской области заинтересовано прежде всего в поддержке «Единой России», несмотря на партийную принадлежность членов Правительства.

В Ярославской областной Думе наиболее многочисленной фракцией является «Единая Россия» (39 членов). Также представлены фракции КПРФ (4 человека), ЛДПР (4 человека) и «Патриоты России» (2 человека).

Большинство глав городских округов и муниципальных районов области – 15 человек – состоит в «Единой России», один глава района является сторонником партии. В целом среди глав муниципальных образований области «Единая Россия» имеет большинство (71 член и 11 сторонников партии) и только двое принадлежат к другой партии – «Справедливой России». Это говорит о значительном потенциале использования административных возможностей для поддержки именно «Единой России» на предстоящих выборах.

Массовые и публичные мероприятия

В 2010 г. наиболее активно проводило уличные мероприятия региональное отделение КПРФ. Количество организованных крупных акций (с численностью более 50 человек) составило 28, в том числе как традиционные – шествия и митинги 22 апреля, 7 ноября, 21 декабря, так и посвященные актуальным проблемам – протесту против реформы Вооруженных Сил РФ, роста тарифов, коммунальному кризису в поселке Бурмакино Некрасовского района, защите прав дольщиков Ярославля и т.д. Коммунистами было организовано 80 пикетов. Таким образом, количество проведенных акций свидетельствует о наибольшей состоятельности коммунистов как реальной оппозиционной силы в регионе. Во многом успехи

КПРФ достигнуты благодаря личной активности первого секретаря обкома партии А.В. Воробьева.

Показатели других оппозиционных партий гораздо скромнее. ЛДПР провела два собственных митинга 19 августа (против коррупции среди чиновников) и 4 ноября (День народного единства), а также приняла участие в Первомайской демонстрации, организаторами которой являются объединение организаций профсоюзов Ярославской области и региональное отделение партии «Единая Россия». Два митинга на счету регионального отделения «Справедливой России» – 10 марта («в защиту социально-экономических прав граждан Российской Федерации») и 7 ноября в Переславле (против строительства в городе фармацевтического завода). Деятельность «Патриотов России» в данном разрезе ознаменовалась пикетами 1 мая, посвященными Дню международной солидарности трудящихся. «Яблоко» провело митинг 29 мая (по проблемам ЖКХ и благоустройства в Ярославле), а также участвовало в митинге КПРФ 20 марта (против роста тарифов ЖКХ) и в первомайском шествии вместе с колонной коммунистов. Кроме того, 24 апреля членом партии А.А. Симоном вместе с председателем партии С.С. Митрохиным был организован митинг по тематике ЖКХ и коррупции, в котором региональное отделение партии не участвовало.

Ярославское региональное отделение «Единой России» в 2010 г. организовало 4 крупных уличных мероприятия (Первомайская демонстрация, День России, День Государственного флага РФ, День народного единства). Особенность мероприятий партии – их многочисленность, отсутствие протестных акций и участие представителей исполнительной власти. Кроме того, активность проявило молодежное крыло партии – «Молодая Гвардия Единой России», организовав митинг 27 июня, посвященный Дню молодежи, и ряд пикетов.

Анализ сайтов региональных отделений показывает, что в 2010 г. наибольшей активностью отличилось отделение «Единой России»: за год на сайте было размещено 677 новостных сообщений, которые содержат информацию по меньшей мере о 186 публичных и 61 внутривластных мероприятиях. По активности сайты других региональных отделений намного отстают от ярославских «единороссов».

Активность в СМИ

Своими печатными изданиями располагают региональные отделения КПРФ (еженедельная газета «Советская Ярославия»), «Справедливая Россия» (непериодическое издание «Справедливая Россия в Ярославской области») «Патриоты России» (непериоди-

ческое издание «Александр Цветков – «Патриоты России»), «Яблоко» (непериодическое издание «Вечерний Ярославль»). За исключением «Советской Ярославии», данные газеты распространяются редко (не чаще раза в квартал), но бесплатно и массовыми тиражами. «Советская Ярославия» имеет подписной индекс, но может и распространяться на массовых мероприятиях КПРФ.

Наиболее распространенный способ воздействия на аудиторию – размещение материалов в нейтральных СМИ. Как показывает анализ активности отделений партий в СМИ, наибольшее количество упоминаний принадлежит «Единой России». Отчасти это объясняется активностью партии на федеральном и региональном уровнях. В то же время представленные данные не позволяют проследить эмоциональную окраску упоминаний. Следует отметить, что коммунисты достаточно близко подошли к «партии власти» благодаря упоминаниям в печатных изданиях.

Еще один способ информационного воздействия на электрот практически не используется региональными отделениями. Речь идет о вкладке в периодических печатных изданиях. Единственное исключение – Переславское местное отделение КПРФ, имеющее вкладку в периодическом издании «Независимая газета – Жизнь в Переславле».

Выводы

Наибольшей готовностью к выборам в Государственную Думу РФ 2011 г. в свете проведенного анализа обладает Ярославское региональное отделение «Единой России». В условиях явного превосходства партии настоящей интригой предстоящих выборов является то, насколько сильным будет отрыв «Единой России» от оппонентов. Численность членов партии гораздо выше, чем в отделениях других партий, чтобы в случае необходимости обеспечить преобладание на избирательных участках. Успешные итоги избирательных кампаний в 2007 - 2010 г. говорят о налаженных механизмах предвыборной работы. Уверенное представительство в органах власти дает возможность, во-первых, привлечения политиков для поддержки партийных кандидатов; во-вторых, дополнительной рекламы работы отделения в межвыборный период; в-третьих, использования пресловутого «административного ресурса» в различных его аспектах. Организация мероприятий и их освещение также налажены лучше, чем в других партиях, а избирательная кампания позволит еще сильнее увеличить разрыв за счет привлечения финансовых средств.

В то же время у «Единой России» есть определенные недостатки. Во-первых, общий общественно-политический фон в стране и регионе достаточно негативный, в то время как ни власть,

ни «партия власти» на федеральном и региональном уровнях не обнаруживают серьезных успехов в борьбе с возникающими проблемами. Во-вторых, опыт избирательных кампаний 2010 г. в Ярославской области показывает серьезный потенциал независимых политиков, и задача оппонировать партий – привлечь их на свою сторону. В-третьих, региональное отделение «партии власти» не имеет ни собственного печатного издания, ни вкладки в существующей газете, и это вновь дает преимущество другим отделениям.

Наиболее сильным соперником «партии власти» на региональном уровне по совокупности результатов анализа является обком КПРФ. Коммунисты имеют солидный опыт организации массовых мероприятий, оперативно реагируют на изменения в повестке дня и обладают авторитетом среди политических и общественных организаций области. События в стране работают в пользу КПРФ. У коммунистов есть шансы серьезно расширить электорат при условии должной гибкости и системной работы. В то же время у них отсутствует практика конструктивного взаимодействия с исполнительной властью, им явно не хватает видных политиков, областные средства массовой информации не всегда охотно освещают их деятельность. На предстоящих выборах обком КПРФ, вероятно, станет для власти и СМИ «врагом №1», но, скорее всего, легко преодолеет семипроцентную планку.

Триумфаторы выборов 2 декабря 2007 г., отделения ЛДПР и «Справедливой России», в 2010 г. слабо проявили себя, что грозит серьезными трудностями на выборах 2011 г. Барьер в 7% они могут не преодолеть не только по причине противодействия власти, но и из-за пассивности в межвыборный период.

Наконец, региональные отделения «Патриотов России», «Правого дела» и «Яблока» имеют наименьшие шансы провести своих кандидатов в Госдуму РФ на предстоящих выборах, и мотивом их участия может быть разве что надежда попасть в Ярославскую областную Думу.

Библиографический список

1. Единая Россия. Ярославское региональное отделение [Электронный ресурс]. - Режим доступа www.edinros.yar.ru.
2. Заволжское районное отделение ЛДПР [Электронный ресурс]. - Режим доступа: zavolgdpr.ucoz.ru.
3. Политическая партия «Справедливая Россия». Ярославское региональное отделение [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.yaroslavl.spravedlivo.ru.

4. Фракции Ярославской областной Думы V созыва // Ярославская областная Дума [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://duma.yar.ru/structure/fractions/>.

5. Яблоко: Ярославль [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.yaroslavl.yabloko.ru.

6. Ярославский обком КИРФ [Электронный ресурс]. - Режим доступа www.yarkprf.ru.

УДК 94(73)

А. В. Лымарев

Американская разведка о проблеме международного терроризма: вызовы и перспективы

Мы есть та нация, которая воюет с Аль-Каидой и ее сторонниками, и эта война нескончаема, а террористы – тот самый враг, который, преследуя свои цели, нападает на нашу страну. Президент четко указал на то, что основным приоритетом в обеспечении национальной безопасности, а значит и основным приоритетом ЦРУ, является ответный удар – необходимо подорвать, разоружить и окончательно разбить Аль-Каиду и ее союзников.

Директор ЦРУ Леон Панетта, Университет Оклахомы, 8 марта, 2010

На протяжении последних 10 лет, со времен теракта 11 сентября 2001 г., борьба с угрозой террористической атаки остается наиболее важным приоритетом в обеспечении политики национальной безопасности США. Оценка возможной террористической угрозы проводится аналитиками Разведывательного сообщества США в постоянном режиме. Итогом такой деятельности аналитических отделов являются доклады перед американским сообществом о степени обеспечения национальной безопасности в борьбе с основными внешними врагами, и прежде всего с терроризмом.

10 февраля 2011 г. директор Разведывательного сообщества США генерал-лейтенант Джеймс Клэппер (James Clapper) представил членам комитетов по вооруженным силам верхней и нижней палат Конгресса доклад о настоящих и будущих угрозах Америке

со стороны враждебных ей сил, и прежде всего террористических организаций [2]. В этом документе, составляемом совместными усилиями всех аналитиков и экспертов американского разведывательного сообщества, говорится, что в ближайшие годы терроризм будет оставаться главной угрозой национальной безопасности США. Основным мероприятием по противодействию данному виду угрозы остается нанесение точечных ударов по ячейкам террористической сети в Афганистане и Пакистане.

Особую опасность Разведывательное сообщество видит в распространении идеологических взглядов агрессивного исламизма, что повлечет за собой использование граждан США и европейских стран в террористических атаках. Отмечается, что в качестве поводов для активизации террористической кампании часто используют антиисламские инциденты, законодательные акты, направленные против этой религии и ее приверженцев, а также ограничения на деятельность мусульман в западных странах. Использование печатных СМИ и, в особенности, Интернета способствуют распространению террористами радикальных настроений в обществе.

На настоящий момент происходит постоянный рост количества участников террористических движений, которые являются выходцами из США и из западноевропейских стран. За последние пять лет число американцев, принимающих участие в исламском джихаде, продолжает расти. Хотя в настоящее время число американцев в террористических ячейках незначительно, но они играют весьма важную роль в деятельности террористов и представляют большую угрозу для США. Основной угрозой данного явления является тот факт, что воспитанные в западном обществе террористы хорошо знают особенности общественного уклада в той или иной стране, вызывают доверие со стороны окружающих, имеют связи внутри страны и за ее пределами, имеют доступ к различным элементам внутренней инфраструктуры. Деятельность американцев, вступивших в ряды террористических операций, распространяется не только на территории США, но и за ее пределами, что является возможным благодаря восприятию образа Америки как главного врага терроризма. Такие американцы выступают как активные бойцы, непосредственно ведущие боевые действия и принимающие участие в террористических атаках, участвуют в планировании операций, занимаются идеологической работой, а также участвуют в подготовке заговоров против структур, обеспечивающих защиту США от террористических акций, и совершают нападения на сотрудников контрразведки. Несмотря на свою немногочислен-

ность, данный вид террористической угрозы является весьма опасным как для самих США, так и для стран Западной Европы.

Распространение различных видов оружия массового уничтожения в террористических сетях является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в условиях деятельности, направленной на обеспечение национальной безопасности США. Различные структуры разведывательного сообщества контролируют химическую, биологическую, радиологическую и ядерную угрозы. Однако целью террористических организаций по настоящее время являются попытки завладеть оружием массового уничтожения, приобрести технологии и материалы для его изготовления.

По мнению Джеймса Клэппера, в настоящее время биологические и химические материалы и технологии имеют двойное назначение. Они широко используются в глобальной экономике. К ним имеет доступ большое количество ученых и инженеров. А это значительно расширяет возможности террористов по приобретению доступа к оружию массового поражения.

По словам генерала, большинство государств, реализующих программы создания ОМУ, в ближайшие 10 лет могут прийти к положительным результатам и приступить к промышленному производству таких средств. Созданные и заимствованные ими материалы и технологии сравнительно легко могут быть приобретены другими странами, не реализующими подобные программы. Все это только повышает возможности боевиков по приобретению такого оружия, поскольку закупающие его страны могут выступать от их имени. А фактически проконтролировать связи этих государств с боевиками является крайне сложной задачей, поскольку истинные симпатии лидеров и общественных групп населения этих стран экстремистам крайне сложно отследить, а тем более поставить эффективные и действенные барьеры на пути распространения ОМУ. С течением времени эта угроза национальной безопасности США становится все более реальной [2].

О перспективах развития глобальной террористической угрозы можно судить по докладу Совета национальной разведки при Разведывательном сообществе, который занимается долгосрочным планированием деятельности разведывательных структур США и оценивает потенциальную угрозу национальной безопасности. Доклад «Глобальные тенденции 2025» - за последние десять лет это уже четвертое исследование экспертов разведывательного сообщества, которые пытаются нарисовать объективную картину будущего нашей планеты [1].

Основным мнением экспертов является то, что в 2025 г. человечество будет чувствовать себя в значительно меньшей без-

опасности, чем сегодня, а «Аль-Каиду» сменят более разветвленные, но не менее радикально настроенные группировки террористов.

Специалисты Национального совета по разведке считают, что число и характер ключевых факторов, порождающих международный терроризм в современном мире, не изменится в ближайшие 15 лет. По их мнению, основная часть террористических группировок будет состоять из радикально настроенных исламистов. Возрождение исламской идентификации приведет к созданию широкой сети распространения идеологии ислама в Восточной Европе, а также в Центральной и Юго-Восточной Азии. Эти процессы будут сопровождаться углубляющейся солидарностью среди мусульман, которые ведут борьбу в Палестине, в Чечне, в Ираке, в Кашмире, на Филиппинах или в южном Таиланде.

Глобальная борьба с террором и развитие информационных технологий вынудят террористов существенно изменить организационные формы своей деятельности. К 2025 г., по мнению экспертов, мировой терроризм будет представлять собой эклектичное множество группировок, ячеек и индивидуальных боевиков. К этому времени отпадет необходимость в централизованном планировании и руководстве террористическими акциями. Боевики террористических групп будут получать учебные материалы, руководящие указания, технологии изготовления и финансовые средства для проведения акций через Интернет и через другие самые совершенные электронные системы.

По мнению аналитиков из Национального совета по разведке, в 2025 г. ядро лидеров сети террористических организаций «Аль-Каида» практически перестанет существовать. Однако региональные группировки террористов, организации левого толка, вдохновленные примером «Аль-Каиды», и индивидуальные боевики, которых называют моджахедами или бойцами джихада, будут объединены общей враждебностью по отношению к демократическим и умеренным государствам. Именно они будут совершать террористические акты в будущем. Отчасти проявление данного прогноза уже заметно на настоящий момент.

Одной из основных идей террористических организаций в перспективе будет выступать мысль о создании традиционного исламского сообщества на территории арабских стран государств. Эта идея не является абсолютно новой, однако она набирает силу с каждым годом, в том числе и на территории североафриканских республик.

В докладе «Глобальные тенденции 2025» аналитики приходят к выводу, что боевики «Аль-Каиды», большая часть которых

прошли подготовку в Афганистане, являются кадровой основой многих террористических формирований, однако в ближайшем будущем произойдут изменения. К 2025 г. экстремисты нового толка сформируют новый класс боевиков, которые будут рассматривать свою деятельность не как идеализированную жизненно важную религиозную и политическую борьбу, а как профессию. Они будут категорически отрицать политические методы борьбы за свои идеалы. Базой для вербовки боевиков станут Ирак, Иран и другие страны, в которых будут возникать конфликты подобного рода.

С развитием компьютерных сетей вопрос об информационной безопасности стал проявляться наиболее остро. В докладе Национального совета по разведке отмечается, что атаки на компьютерные системы могут стать одной из форм террора. В ходе этих атак будут уничтожаться компьютеры и другие наиболее важные элементы сетей передачи данных, включая Интернет. Террористы будут пытаться уничтожить компоненты информационных инфраструктур, по каналам которых осуществляется управление энергетическими сетями, очистительными предприятиями, транспортом, системами связи и другими жизненно важными государственными объектами. Боевики уже не раз заявляли, что разрушение автоматизированных систем управления США является одной из их главных задач. Такие нападения могут иметь очень тяжелые последствия для экономики и привести к полной дезорганизации нормальной жизни граждан [1].

Таким образом, по мнению экспертов Разведывательного сообщества США, война с международным терроризмом продолжается по настоящее время. Итогом продолжающейся борьбы стало изменение форм деятельности террористических организаций, превращение их в развернутую сетевую систему, готовую использовать последние разработки инновационных технологий для нанесения удара по развитым странам западной Европы и Америки по всем сферам, входящим в понятие «Национальная безопасность».

Библиографический список

1. Global Trends 2025: A Transformed World [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.dni.gov/nic/PDF_2025/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf.
2. Word wide threat assessment of the U.S. Intelligence Community for the House permanent select Committee on Intelligence

Е. А. Пелевина

Политическая оппозиция в России накануне выборов 2011-2012 гг.

Политическая оппозиция играет важнейшую роль в любом демократическом обществе или обществе, продвигающемся к демократии. Она обеспечивает смену политических сил и групп у руля государственного аппарата, кадровое обновление в структурах власти, а также осуществление контроля над властью. В обществах, продвигающихся к демократии, роль оппозиции еще значительней, так как она является одной из движущих сил преобразований. Но можно ли говорить об актуальности исследования политической оппозиции в современной России, если основные оппозиционные партии переживают тяжелый внутренний кризис, а демократическая оппозиция впервые за весь постсоветский период оказалась лишенной парламентского представительства? Не успела политическая оппозиция должным образом структурироваться и организоваться, превратиться в неотъемлемую часть демократического механизма смены власти, как вновь превратилась в бессильную и маловлиятельную группу, доверие к которой падает даже среди собственных сторонников.

В 2011-2012 г. в России будут проходить парламентские и президентские выборы. Предвыборная кампания активизирует все политические силы, в том числе и оппозиционные. Анализ расстановки политических сил дает возможность определить тенденции развития различных направлений российской политической оппозиции, прогнозировать будущее политической системы в целом.

Термин «оппозиция» имеет ряд определений. Оппозиция (от лат. *Oppositia* - противопоставление) - способ противопоставления одних политических взглядов, идей, действий другим политическим взглядам и действиям. Оппозиция – это часть общества, ведущая политику противостояния господствующему положению. В традиции постмодерна любое понятие и представление постоянно меняются. Более того, оно может даже трансформироваться в свою противоположность. В нашей стране сложилась парадоксальная ситуация, в рамках которой почти вся политическая сфера оппозиционна действующей власти и в то же время подавляющее

большинство политических структур не являются реальной оппозицией.

Одним из важнейших итогов электоральных циклов первого десятилетия XXI в. в России стало тяжелое поражение всех политических сил, в той или иной мере претендовавших на роль оппозиции политическому режиму, политическому курсу президента и правительства. Это поражение обусловлено не столько ситуационными аспектами, связанными с популярностью В. В. Путина, организационной слабостью оппозиционных партий или особенностями избирательной кампании, сколько является побочным продуктом консолидации политического режима. Воздействие неблагоприятных для политической оппозиции институциональных факторов было усугублено последствиями консолидации элит по принципу «навязанного консенсуса». Благодаря ему правящая группа обеспечила свое полное и безусловное доминирование, вынудив все сегменты российских элит (парламент, политические партии, бизнес, СМИ, региональные лидеры) либо согласиться с подчиненным статусом, либо лишиться позиций в элите вообще. В той мере, в какой сегменты российских элит теряли свою автономию и ресурсы, происходило и сужение рамок политических возможностей оппозиции. Прежние стратегии оппозиции в новых условиях оказывались не просто неэффективными, но и заведомо проигрышными. Если «уход» вел к маргинализации оппозиции и полной утрате ее влияния, то «протест» был ограничен сужением ресурсной базы оппозиции и угрозой силового давления со стороны правящей группы. Что касается полуоппозиции, то она теряла свою идентичность и, будучи кооптирована в состав правящей группы, оказывалась неразличимой на фоне последней. Таким образом, оппозиционные политические акторы оказывались либо инкорпорированы в правящую группу, тем самым утрачивая статус оппозиции, либо вытеснялись на периферию политического процесса, утрачивая статус акторов.

Политики, политологи, общественное мнение – все отмечают резкое падение роли политической оппозиции – как системной, выступающей за смену политических сил, стоящих у власти, так и несистемной, отвергающей сложившиеся правила политической игры. Анализ многочисленных публикаций позволяет выделить три типичных представления о том, какие именно политические структуры могут называться оппозиционными.

Официозное представление, которое выразил президент Д. А. Медведев: «Политическая оппозиция в России существует. Вопрос в том, насколько она мощная» [2], поддерживаемая российским телевидением и широким кругом экспертов точка зрения,

в соответствии с которой в России есть «партия власти», а также оппозиция, представленная в Госдуме фракциями партий КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» (системная оппозиция), а также внепарламентская оппозиция (внесистемная оппозиция), в которую входят партии, не преодолевшие 7% барьер.

Представление политических деятелей, чьи интересы не представлены в Государственной Думе какой-либо фракцией. В рамках данного представления все партии в Государственной Думе составляют единую «партию власти», разделенную на несколько фракций, причем фракции КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» - это типичные представители партии власти, лишь изображающие из себя оппозицию. Нонконформистское представление: ни одна из партий, прошедших через фильтрацию Росрегистрации, не может быть признана оппозиционной. Все партии, у которых есть реальные признаки оппозиционности, отсеяны Росрегистрацией и не могут быть допущены к выборам.

Что же касается общественного мнения, то, по данным Аналитического Центра Юрия Левады, 49% россиян, отвечая в июле 2010 г. на вопрос о том, есть ли в настоящее время в нашей стране оппозиция, дали положительный ответ. 38% ответили, что оппозиции в России нет. В то же время чуть больше половины россиян (55%) считают, что оппозиция нашей стране нужна. В июле 2010 г. были зафиксированы максимальные, начиная с 2004 г., показатели в плане оценки надобности существования оппозиции в России в положительном ключе. Из ответивших положительно на вопрос о нужности оппозиции, 53% россиян уверены, что основное предназначение оппозиции в современной России – держать власть под контролем общества. По мнению 27% опрошенных, смысл ее существования – в возможности альтернатив для общества при выборе программ. Также 27% считают, что оппозиция призвана поддерживать диалог власти и общества. Главным доводом тех россиян, которые считают, что оппозиция России не нужна, является мнение, что «необходимо сплотиться и не распылять силы общества на распри». 27% полагают, что «нынешние проблемы России можно решить только одной твердой рукой». Еще 18% ответили, что «политика Путина выражает интересы самых широких слоев населения». Характерно, что наиболее популярными последние две подсказки оказались у молодежи 18-20 лет (55% и 40% соответственно). Весомая часть населения (47%) считает, что в современной России отсутствуют значительные оппозиционные партии и движения. Среди москвичей такого мнения придерживается 63%. И это несмотря на то, что именно в столице оппозиция наиболее активна, а информационное поле наиболее насыщено. Начиная с

2001 г., отвечая на вопрос о наиболее приемлемом количестве партий для нашей страны, большинство россиян склонялись к ответу, что в России должно существовать 2-3 большие партии. Согласно последним исследованиям, так считают 58% опрошенных, 18% высказались за одну сильную партию, что на 14% меньше показателей 2008 г. Приверженцами подобной монополии остаются люди с образованием ниже среднего (26%) и молодежь (22%).[1]

Таким образом, социологические опросы фиксируют растущий «спрос» на политическую оппозицию в обществе. 2010 г. ознаменовался ростом оппозиционных настроений в России. Неоднозначная ситуация с пожарами, движение в защиту Химкинского леса, отставка Лужкова и митинг на Манежной площади стали «благодатной» почвой не только для общественной реакции, но и для активизации разнородных оппозиционных сил. Но стали ли общественная активизация и социальное недовольство действительным катализатором для консолидации и оформления российской оппозиции как реальной политической силы? Можно ли воспринимать многочисленные митинги «Несогласных», «Стратегии 31» и выделение лидеров как свидетельство процесса сплочения оппозиции? На самом деле, разнородные во всех смыслах оппозиционные движения вызывают неоднозначную реакцию как внутри номинальной объединенной оппозиции, так и неоднозначно оцениваются политическими элитами страны.

Вопрос истинного отношения власти к оппозиции остается открытым, так как существует несколько трактовок как высказываний крупнейших политиков страны, так и непосредственного действия властей по отношению к оппозиции. Анализируя внешние проявления власти по отношению к оппозиции, можно выделить четыре направления политики:

- во-первых, прессинг в СМИ. Государственные телеканалы характеризуют оппозицию как антигосударственную и антинародную силу;

- во-вторых, вносится раскол в ряды оппозиции. Так, в конце 2008 г. на базе оппозиционного «Союза правых сил» была создана прокремлевская правая партия «Правое дело», во главе которой встал А. Чубайс. Не избежала раскола и левая оппозиция: в качестве противовеса КПРФ была учреждена партия «Справедливая Россия»;

- третье направление политики в отношении оппозиции – репрессивные меры. Многие политологи отмечали повышенную раздраженность властей по поводу несанкционированных митингов оппозиции, например, постоянные репрессии в отношении

участников «Стратегии 31», когда количество ОМОНовцев многократно превышало количество митингующих;

- четвертое направление: ужесточение режима регистрации политических партий, что позволяет власти существенно ограничивать участие оппозиции в публичной политике. Формально регистрация носит заявительный характер, реально - Министерство юстиции и Росрегистрация осуществляет отсев неугодных партий. В начале «нулевых» в России были десятки зарегистрированных политических партий. Сейчас их всего семь: четыре парламентских партии и три, не прошедшие в Госдуму («Патриоты России», «Правое дело», «Яблоко»). Главное преимущество «лицензированной» партии – возможность выдвигать списки на выборах разных уровней.

Несмотря на высокие требования к созданию новых партий, многие политики безуспешно пытались зарегистрировать свои партии. С середины последнего десятилетия шли многочисленные скандалы и суды, связанные с отказом в регистрации. Оппозиционные политики вынуждены решать, стоит ли вовлекать своих сторонников в процедуру создания партии, будучи уверенным, что сделать этого не дадут. С одной стороны – это способ мобилизовать актив, выстроить связи между региональными группами, привлечь внимание к своему бренду, заставить власти следовать закону, с другой – это огромная, заведомо безрезультативная работа, способная демотивировать сторонников.

Даже регистрация партии – это еще не окончательная победа. Статья 27 (пункт 1б) закона о партиях требует, чтобы партия ежегодно предоставляла информацию о численности каждого из региональных отделений, о продолжении своей деятельности с указанием места нахождения постоянно действующего руководящего органа, о своих структурных подразделениях, не наделенных правами юридического лица, но обладающих в соответствии с уставом партии правом принимать участие в выборах и референдумах, а также годовой финансовый отчет [3]. Составление этой отчетности и поддержка подобной структуры требует 2-3 миллионов долларов в год. И все равно при первом желании властей «лицензию» у практически любой партии можно отобрать.

Российский опыт имеет международный спрос: жесткий закон о партиях скопировали такие страны, как Казахстан, Узбекистан, Армения, Перу.

Единственная либерализация законодательства в вопросе регистрации – партия теперь должна иметь не 50 тысяч членов, а 45. Обязательная численность региональных отделений в более чем в половине субъектов РФ снижена с 500 до 450 человек. С

2012 г. в партии должны будут состоять минимум 40 тысяч человек, обязательная численность отделений в более чем в половине российских регионов составит 400 человек.

Накануне выборов значительно возросло стремление оппозиционных партий присоединиться к «лицензированной семерке» — объединяются старые и создаются новые партии по всем направлениям идеологического спектра.

На левом фланге представители ряда радикальных профсоюзов, члены нескольких небольших компартий, «Армии Воли Народа», «Российской Коммунистической рабочей партии» и «Левого фронта» начали создавать левую партию «Рот Фронт». Партия уже дважды получала отказ в регистрации, но ее лидеры не оставляют попыток зарегистрироваться.

Лидеры правых оппозиционных партий и движений — М. Касьянов, Б. Немцов, В. Рыжков, В. Милов — создали в декабре 2010 г. новую правую партию, получившую название «Партия народной свободы» (ПАРНАС). Партия создана с целью участия в парламентских и президентских выборах, поэтому также будет добиваться регистрации. Ультраправая партия «Великая Россия» подала жалобу на отказ в регистрации в Страсбургский суд.

Пока неясно, как будет действовать власть: допустит ли регистрацию новых «игроков» или же «партийных лицензий» оставят семь (плюс-минус одна-две), но не будут препятствовать выдвигению «несистемных оппозиционеров» по уже существующим партийным спискам.

Партия власти, получив результат «за 60%» на федеральных выборах 2007 г., всеми силами и средствами стремилась воспроизвести его на каждых региональных выборах и получала его вплоть до громкого скандала осенью 2009 г., когда депутаты оппозиционных фракций покинули парламент в знак протеста. На двух последующих раундах региональных выборов этот результат удалось «оптимизировать», чтобы хотя бы дозволенная оппозиция проходила в парламент.

Несмотря на то, что в последнее время президент страны и другие высокопоставленные чиновники заявляют о необходимости расширения пространства политической конкуренции, сложившиеся правила предвыборной борьбы кардинально уже не изменятся. Результаты парламентских выборов вполне предсказуемы.

Большинство российских политологов прогнозируют следующие результаты: КППРФ сохраняет «боевую форму» и вполне может улучшить свои показатели, но до 20% она вряд ли дотянется. ЛДПР может превзойти 10%-ный барьер и ниже 7% не опустится. Привлекательное знамя социальной справедливости и от-

сутствие явного «антиэлектората» делают партию «Справедливая Россия» наилучшим «запасным выбором» для самых разных избирателей, что практически гарантирует «эсерам» 7-10%. «Яблоко» и «Правое дело» вряд ли способны повысить свои рейтинги до 5%, тем более – до 7%. Шансы «Яблока» представляются более благоприятными, потому что это партия с традициями, активом и ядерным электоратом. «Патриоты России» не наберут более 1-2%. Одновременное использование отсекающего барьера и «системы имперiale», позволяющей занижать результаты малых партий и добавлять мандаты партии-победителю, обеспечит «статус-кво»: доминирует партия власти, остальные фракции остаются абсолютным меньшинством и ни на что не влияют. Показатель эффективного числа партий, который рассчитывает нормативная политология, останется примерно таким же, как и сейчас, - 1,92 парламентских партий, т.е. минимальным для многопартийной системы. В руках власти сохранится полный контроль над парламентом, и только от нее будет зависеть, послужит ли некоторое изменение в количественных составах фракций началом для качественных сдвигов.

Политическая оппозиция представит своих кандидатов и на президентских выборах.

Коммунисты и либерал-демократы уже заявили о своем намерении выдвинуть кандидата в президенты. «Справедливая Россия» и партия «Яблоко» еще не приняли решения по поводу участия в президентской кампании. Выдвижение кандидата от несистемной оппозиции маловероятно, но даже если это произойдет, рейтинги лидеров оппозиции в пределах погрешности.

На выборах президента сохранится прежняя схема: один кандидат от консолидированной власти и противостоящие ему политики, например Г.А. Зюганов или В.В. Жириновский, играющие роль статистов. Политической системе хватит запаса прочности для того, чтобы выборы прошли по этому сценарию, где реально присутствуют В.В. Путин и Д.А. Медведев, которые согласуют, кто из них станет кандидатом. Если В.В. Путин вновь возглавит список «Единой России» в 2011 г., то возникнет очередной плебисцит с достижением конституционного большинства, если нет, то партия власти получит «всего лишь» абсолютное большинство, а результаты других партий немного повысятся. Таким образом, парламентские выборы 2011 г. становятся неизбежной точкой бифуркации на умеренную либерализацию или стагнацию политической системы.

Библиографический список

1. Данные социологического опроса Аналитического Центра Юрия Левады [электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2010/11/18/opposition.html>. Дата обращения 14. 02. 2011.

2. Интервью президента РФ Д.А.Медведева телекомпании «Bloomberg TV» [электронный ресурс]: Режим доступа: <http://topdialog.ru/overview/д-медведев-политическая-оппозиция-в-р>. Дата обращения 8. 02. 2011.

3. Федеральный закон о политических партиях. №95-ФЗ. [электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.newist.ru/politika/zakonoparti/index.html>. Дата обращения 1. 03. 2011.

УДК 321.7

Л. Н. Талызина

Реформирование государственных институтов как необходимое условие модернизации страны

Никакая экономическая и технологическая модернизация в России не будет успешной, если политическая система страны не будет изменена таким образом, чтобы стать адекватной поставленным целям. Без подлинной демократизации государственной и общественной жизни осуществить прорыв к цивилизованным странам невозможно.

Перед обществом и властью стоят масштабные задачи:

- реформирование всех правоохранительных органов, особенно следует выделить создание подлинно независимого суда;
- реализация принципа разделения власти по горизонтали и вертикали;
- эффективная борьба с коррупцией;
- соблюдение прописанных в Конституции прав человека;
- совершенствование избирательной системы, снижение избирательного барьера для партий с 7% до 5%;
- создание благоприятных условий для развития предпринимательства, установление равноправных, прозрачных отношений власти и бизнеса;
- переход к выборам глав регионов, укрепление основ федерализма, а также института местного самоуправления.

Неблагополучие и даже деструктивность развития нашей политической системы отмечается не только экспертами – полити-

логами, но и представителями самой власти, бюрократического аппарата.

Председатель Конституционного суда В.Зорькин в аналитической статье «Конституция против криминала» предостерегает от возможного превращения государства из криминализованного в криминальное, от сращивания власти и криминалитета. Он резонно констатирует, что государство, неспособное защитить своих граждан от массового насилия со стороны бандитов и коррупционеров, этой неспособностью обрекает себя на деградацию [3].

Задаваясь вопросом о стабильности, он справедливо спрашивает: Кому гарантируется стабильность? Народу или преступным сообществам? Что стабилизируется? Норма или криминальная патология? [3].

Перед властью стоит серьезная проблема защиты личности, ее жизни и безопасности, а также ее собственности. Это фундаментальные ценности. Если не будет прогресса по этим направлениям, то не будет ни стабильности, ни правового порядка, ни государственной целостности. В условиях недееспособной власти у граждан страны исчезает стимул к здоровой социальной, предпринимательской, инновационной активности, к решению задач технологической и инфраструктурной модернизации экономики и общественной жизни.

Ключевым вопросом в деле реформирования государственных структур, на мой взгляд, является неукоснительное обеспечение независимости суда. В стране по сути нет нормально функционирующей судебной системы. Она не вырвалась еще из советской традиции, не стала контролером власти. В судебной системе существует своя вертикаль, по которой проходят команды по наиболее чувствительным и значимым делам. Не соблюдается принцип состязательности сторон в суде, осуществляется давление на адвокатов в разной форме, их статус нарушается силовыми структурами. Имеет место преследование правозащитников. Президент России Д.А. Медведев критиковал судей за закрытость и взяточничество, пообещав новый виток реформы судебной системы. Первым шагом может быть частичное снятие с судей иммунитета от уголовного преследования. По опросам в Твиттере, судам не доверяет 80% респондентов [4]. Предвзятость судейства и непрофессионализм обходятся российскому бюджету (то есть налогоплательщикам) в сотни тысяч евро выплат пострадавшим согласно решениям Страсбургского суда по правам человека. Совершенствование правоприменительной практики и судебного законодательства сэкономит стране немалые средства.

Неэффективность государства и управления в целом напрямую связаны с ростом коррупции. По выражению Президента Д.А. Медведева, у нас «такое разнузданное положение с коррупцией» объясняется в определенной мере особенными историческими причинами [5]. Но, на мой взгляд, речь должна идти и о политических факторах. За последние годы не видно было случаев адекватной реакции власти на лавинообразный рост коррупции, в том числе в структурах власти, хотя само явление рассматривается как угроза национальной безопасности. Коррупционность чиновников – это главное препятствие на пути создания дееспособного государства и процесса демократизации. Усиление административного ресурса правящей партии и деградация политических институтов способствует отчуждению людей от политики, росту абсентеизма. Значительная часть граждан считает, что они не могут влиять на то, что происходит в стране, а следовательно, и ответственности ни за что не несут.

У нас реально не работает принцип разделения власти. Функции федеральных представительных органов ограничиваются имитацией обсуждения, штампованием решений исполнительной власти. Государственная Дума не рассматривается ее руководством как место для дискуссий. Последнее десятилетие шел неуклонный перекокс в пользу органов исполнительной власти (президента, правительства, администрации президента). В самой исполнительной власти нарастали неформальные, закрытые, теневые отношения, способы принятия решений, столь характерные для традиционной российской бюрократии. В эту схему отношений вписывается и отмена выборов глав регионов, утрата независимости большинством СМИ, реформирование избирательной системы, направленное на максимальное затруднение деятельности оппозиции, ослабление основ федерализма.

Все перечисленное свидетельствует об определенном расхождении между нормами, установлениями Конституции и сложившейся практикой. Реально парламент, партии, гражданское общество превращаются в симулякры, а права и свободы становятся декларативными. Все большее беспокойство вызывает правовой нигилизм в стране.

Если мы действительно хотим сделать Россию конкурентоспособной страной, модернизировать ее, то необходимо предпринимать решительные шаги по реформированию политической системы и прежде всего самого государства. Президент Д.А. Медведев одним из направлений совершенствования власти и институтов называет политическую конкуренцию. «Это такая прививка от авторитарных и тоталитарных тенденций, способ разре-

шения противоречий», «наличие соперничающих сил в конечном счете оздоравливает ситуацию» [5].

Но становление полноценной системы политической конкуренции означает, что действующая власть и оппозиция чередуются в формировании государственных структур, власть должна научиться адекватно воспринимать поражение. Становление политического плюрализма и конкуренции позволит формировать власть людьми по своим интеллектуальным, деловым, организаторским качествам, в полной мере отвечающим запросам модернизации. Это, в свою очередь, возможно, если выборы носят прозрачный, честный, справедливый характер. На их необходимость указал вице-премьер А. Л. Кудрин, выступая в Красноярске на экономическом форуме. Вопрос стоит уже в такой плоскости: если не будет честных и справедливых выборов, то страна погрузится в политический и экономический застой. Это новаторское выступление свидетельствует, вероятно, об обостряющейся политической борьбе внутри правящего класса накануне избирательного цикла 2011-2012 гг.

Но существует социальный заказ не только на прозрачность избирательных процедур. Необходимо в целом повышение прозрачности процессов принятия решений и их реализации, то есть улучшения условий общественного контроля за всей системой управления, что возможно только в ходе демократизации.

Хотелось бы надеяться, что основная часть граждан осознала: в стране исчерпаны возможности экономического роста за счет эксплуатации сырьевых и природных ресурсов. России жизненно необходима технологическая, промышленная, инфраструктурная модернизация, которая невозможна без серьезных преобразований в рамках политической системы и ее главного института – государства.

Библиографический список

1. Блог Николая Злобина [электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/nzlobin/>
2. Гульбинский, Н. Суверенная демократия: термин умер, модель осталась [Текст]. – Независимая газета. - 1.02.2011.
3. Зорькин, В. Конституция против криминала [Текст]. – Российская газета. - 10.12.2010.
4. Корпорация «суд» [Текст]. – Ведомости. - 21.01.2011.
5. Медведев, Д.А. Политическая конкуренция необходима. Интервью Президента России [Текст]. – Ведомости. - 26.01.2011.

С. Л. Таланов

**Социологическое измерение
делинквентного поведения несовершеннолетних
в Ярославской области**

Согласно официальной статистике, в течение 2009 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, уменьшилось на 18,6%. Но данные социологических и криминологических исследований показывают, что ситуация по профилактике преступности несовершеннолетних продолжает оставаться сложной ввиду высокой латентности.

И хотя анализ свидетельствует о примерно равной доле преступности несовершеннолетних в общей структуре при неравномерной ее динамике в регионах РФ (удельный вес преступности несовершеннолетних составляет в целом по России 5,6%), в Центральном федеральном округе (ЦФО) криминогенная обстановка на протяжении уже ряда лет остается достаточно сложной.

По состоянию на 1 января 2010 г. на учете в органах внутренних дел Ярославской области состояли 3 823 несовершеннолетних.

За 2008 г. в области было выявлено 5 819 человек в возрасте от 14 до 29 лет, совершивших преступления, что на 567 человек, или 8,9%, меньше, чем в 2007 г. (в 2007 г. – 6 386).

В исследованиях российских, а также зарубежных ученых поставлены и уже решены некоторые фундаментальные и практические вопросы социального контроля, наказания и перевоспитания делинквентов. Этим, однако, не снимается теоретическая и практическая значимость дальнейшей их разработки. Интерес к данной проблеме объясняется также и необходимостью изучения новых явлений в сфере правонарушений (например, снижение возраста нарушителей правопорядка), с которыми сталкивается общество в условиях трансформации.

Для выяснения новых тенденций в преступности несовершеннолетних в 2005-2006 и 2008-2009 г. на территории Ярославской области нами была проведена серия социологических исследований. В работе использовались количественные и качественные методы, хотя акцент делался на качественные стратегии – методы интервью и включенного наблюдения, позволяющие получить наиболее глубокий исследовательский материал. Количественные

методы (анализ документов, статистика) выступали в качестве вспомогательных.

Разностороннему исследованию подлежали следующие объекты:

– совершеннолетние (n=863 в 2005-2006 г., n=904 в 2008-2009 г.), совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте. Проведен ретроспективный анализ, что дало возможность сравнить обстоятельства, способствующие преступлению подростков, с учетом разных условий макро- и микросреды;

– позиционные эксперты, в качестве которых выступили сотрудники правоохранительных органов (n=108 в 2005-2006 гг., n=112 в 2008-2009 гг.);

– родительские семьи (n=1234 в 2008-2009 г.) несовершеннолетних, совершивших преступление в 2004-2009 г. в Ярославской области.

Интересные исследовательские результаты были получены в ходе серии фокус-групп в 2009 г. При подготовке к ней проведены глубинные интервью с преподавателями Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, филиала Московской государственной академии водного транспорта в г. Рыбинске, Рыбинской государственной авиационной технологической академии имени П.А. Соловьева, филиала Волго-Вятской академии государственной службы в г. Рыбинске (n=53) и специалистами в сфере молодежной политики (n=14).

Нами были изучены статистические материалы, отражающие показатели преступности и социального контроля по Российской Федерации в целом, Ярославской области и другим сопредельным областям, а также материалы уголовных дел. Выяснились причины, условия, способы, особенности мотивации при совершении преступления несовершеннолетними.

Из 1 437 уголовных дел было отобрано 200 возбужденных по статье 158 «Кража» в период с 1997 по 2005 г., по которым в качестве обвиняемых проходили несовершеннолетние, проживавшие на момент совершения преступления на территории Ярославской области. Анализировались и материалы об отказе в возбуждении уголовного дела: из 3 017 материалов для исследования было отобрано 500 за период с 1997 по 2005 г.

Важную часть проведенной работы составил контент-анализ газетных статей (n=741; N=39452; период с 2008 по октябрь 2010 гг.) в специализированном издании федерального уровня по проблеме преступности.

Далее мы приводим основные выводы по проведенному исследованию.

Несмотря на преобладание краж в структуре преступности несовершеннолетних, статистика показывает, что в последние годы наблюдается снижение количества зарегистрированных краж. Однако при общем росте количества зарегистрированных преступлений невозможно снижение одного вида преступлений без увеличения другого. Это подтверждается тем, что характерной чертой всех корыстных преступлений несовершеннолетних стало расширение вариантов насилия при их совершении. Эта тенденция особенно сказалась на количественном соотношении таких преступлений, как грабежи и разбойные нападения.

Результаты исследования показывают, что наличие судимых близких родственников негативно влияет на формирование личности: у 29% судимых юношей на момент совершения ими преступления были судимы либо мать, либо отец; у судимых девушек – 21,3% соответственно.

Существующая система организационного досуга несовершеннолетних не всегда соответствует потребностям подростков. В Ярославской области недостаточное количество специализированных учреждений для несовершеннолетних с девиантным поведением, нуждающихся в социальной реабилитации, учебно-воспитательных учреждений открытого типа. Существующая в области система профилактики безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних не отвечает в полном объеме современным требованиям нормативно-правовой и законодательной базы как федерального, так и регионального уровня. Кадровое и финансовое обеспечение по решению вопросов профилактики негативных явлений в подростковой среде является недостаточным. В области действовал и еще действует ряд программ и постановлений: целевая программа «Профилактика безнадзорности, правонарушений и защита прав несовершеннолетних на 2004 г.»; «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» федеральной целевой программы «Дети России» на 2003-2006 г.; «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на период 2002-2004 г.»; «Профилактика правонарушений и усиление борьбы с преступностью в Тутаевском муниципальном округе на 2003-2005 годы»; «Патриотическое воспитание детей и молодежи Ярославской области на 2001-2003 г.»; «Семья» на 2004 г., «Развитие физической культуры и спорта»; «Развитие культуры и искусства», Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» и т.д. Как показал проведенный нами анализ, данные программы не дали должного эффекта.

Несмотря на создание таких в целом необходимых программ, все же общее состояние профилактики преступности несовершеннолетних в области еще нельзя назвать удовлетворительным. Основная причина этого кроется в том, что предлагаемые указанными и аналогичными программами меры и мероприятия не имеют достаточного материального, технического и организационного обеспечения. Кроме этого, необходимо осуществлять контроль за исполнением предлагаемых профилактических мер, основным звеном которого должна стать ответственность должностных лиц, органов и организаций, предусмотренная нормативно-правовыми актами. К сожалению, надлежащего контроля на сегодняшний день нет.

В Ярославской области до сих пор не принята программа, направленная на социальную реабилитацию лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, хотя необходимость в этом существует, учитывая высокую концентрацию учреждений уголовно-исполнительной системы на территории области.

Следует изменить государственную политику предупреждения преступности несовершеннолетних. Для этого необходимо в самое ближайшее время расширить номенклатуру учреждений для первичной и вторичной специальной профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних.

Для дальнейшего наращивания усилий по профилактике преступлений несовершеннолетних необходимо осуществлять рейдовые мероприятия:

- по местам концентрации несовершеннолетних;
- по изучению условий проживания и воспитания детей в неблагополучных семьях;
- по выявлению фактов продажи спиртных напитков и табачных изделий несовершеннолетним;
- по контролю за выполнением обязанностей, возложенных судом на несовершеннолетних, осужденных условно, к принудительным мерам воспитательного воздействия;
- по контролю за воспитанием детей в семьях женщин, которым исполнение приговора отсрочено;
- по осуществлению контроля за проведением рейдовых мероприятий;
- по организации досуговой деятельности несовершеннолетних.

Кроме того, одной из форм профилактической работы с несовершеннолетними в Ярославской области должна являться работа общественных приемных для чего необходимо разработать

и принять Положение об общественных приемных для несовершеннолетних, их законных представителей и педагогов.

В состав рабочей группы по проведению общественных приемных должны входить специалисты правоохранительных органов, образования, здравоохранения, службы занятости, психологи, социологи, духовенство, общественность.

С нашей точки зрения, профилактическая работа должна строиться с применением всех современных форм социального контроля, включая информационный социальный контроль, осуществляемый в ходе деятельности средств массовой информации по освещению темы социальных отклонений и правоохранительной проблематики. Управление информационными потоками позволяет акцентировать внимание общественности на тех или иных вопросах общественной безопасности, подключать общественную поддержку к осуществлению социальных программ и мер, осуществляемых правоохранительными органами и властями, общественными организациями.

УДК 94 (73)

С.А. Бабуркин

«Война с терроризмом» и реформирование ФБР

Объявление «войны терроризму» после терактов 11 сентября 2001 г. сопровождалось реформированием спецслужб США, в том числе и ФБР. Руководство этого ведомства предприняло ряд мер, направленных на его трансформацию из органа, преимущественно правоохранительного, реагирующего на уже совершенные преступления и сконцентрированного на уголовных расследованиях, в более мобильную, динамичную и гибкую организацию, сосредоточенную, прежде всего, на информационно-разведывательной работе и способную предотвращать террористические акты. Директор ФБР Р.Мюллер подчеркивал, что разведывательная работа является одной из главных функций ФБР, органически связанной со следственной работой, и обещал консолидировать и централизовать руководство традиционно раздробленной разведывательной деятельностью в центральном аппарате и в местных отделениях ФБР, пользующихся значительной автономностью [1].

Для усиления разведывательной функции ФБР предприняло организационно-структурную перестройку, в ходе которой возникли новые подразделения и штатные должности. Сразу после 11

сентября был создан специальный аналитический сектор в контртеррористическом управлении ФБР. В декабре 2001 г. контртеррористическая разведывательная программа была сконцентрирована в новом разведывательном отделе (Office of Intelligence) контртеррористического управления. В 2003 г. разведывательному отделу было поручено реализовать интегрированную разведывательную стратегию в масштабах всего ФБР для совершенствования сбора, анализа и распространения развединформации и развития аналитической службы. Разведывательная деятельность была поднята с уровня вспомогательной до статуса полноправной самостоятельной программы. Была учреждена новая должность исполнительного помощника директора по разведке (Executive Assistant Director for Intelligence - EAD-I). Он управляет единой разведывательной программой, охватывающей четыре следственно-оперативных управления ФБР, - контртеррористическое, контрразведывательное, криминальное и кибернетическое, которые прежде имели собственные разведывательные программы. Позднее, в 2004 г., разведывательный отдел был преобразован в разведывательный директорат (Directorate of Intelligence - DI) «с широкими и ясными полномочиями в сфере разведывательной деятельности Бюро» [1. P. 17-18]. Его возглавил помощник директора, подчиненный исполнительному помощнику директора по разведке.

Одним из ключевых пунктов программы реформирования разведывательной деятельности ФБР стало создание в октябре 2003 г. «полевых разведывательных групп» (Field Intelligence Groups - FIGs) в каждом из 56 региональных управлений ФБР. Они представляют собой самостоятельные структуры, укомплектованные аналитиками, лингвистами, специалистами по наблюдению, безопасности, специальными агентами, отвечающими за сбор развединформации, а также офицерами по обработке информации, которые должны оценивать первичные разведанные и определять, кому они должны быть направлены для дальнейшего использования в ФБР и других ведомствах. Эти подразделения отвечают за осуществление разведывательной работы на местах под руководством и контролем со стороны центрального аппарата ФБР. С их помощью ФБР стремится достичь двух целей: во-первых, интегрировать правоохранительные и разведывательные функции, создать структуру и атмосферу, в которых интересы разведки пронизывали бы всю деятельность специальных агентов ФБР на местах, и, во-вторых, повысить значимость аналитиков в ФБР, которые получают возможность определять лакуны в имеющейся информации и ориентировать специальных агентов ФБР на сбор данных для восполнения этих пробелов.

Непосредственно на контртеррористическом направлении ФБР создало в июле 2002 г Объединенную национальную контртеррористическую группу (National Joint Terrorism Task Force - NJTTF), действующую в координации с круглосуточным Контртеррористическим оперативным центром ФБР (Counterterrorism Watch). Она координирует сеть объединенных контртеррористических групп (Joint Terrorism Task Forces - JTTFs) по всей стране, число которых утроилось с 2001 г., когда их насчитывалось 35, и в которых занято около четырех тысяч сотрудников [3].

В июне 2005 г. Дж. Буш-мл. издал меморандум, в котором заявил о согласии с рекомендацией Комиссии по возможностям разведки в области ОМУ создать в ФБР Службу национальной безопасности (National Security Service) во главе с исполнительным заместителем директора ФБР, которая объединила бы контртеррористическое управление, контрразведывательное управление и разведывательный директорат ФБР и находилась бы в подчинении директора национальной разведки и министра юстиции.

В сентябре 2005 г. в соответствии с директивой президента на основе объединения контртеррористического и контрразведывательного управлений и разведывательного директората в ФБР была создана новая структура - Отделение национальной безопасности - ОНБ (National Security Branch - NSB). Соответственно, пост исполнительного помощника директора ФБР по контртерроризму и контрразведке был объединен с постом исполнительного помощника директора по разведке и установлена новая должность - исполнительного помощника директора ФБР по национальной безопасности. Задачей новой службы провозглашалась консолидация контртеррористической, контрразведывательной и разведывательно-аналитической работы ФБР и обеспечение ее тесного сопряжения с деятельностью Управления директора национальной разведки и других компонентов разведывательного сообщества. «Отделение национальной безопасности представляет собой еще один шаг вперед в развитии разведывательного потенциала ФБР», - заявил директор ФБР Р. Мюллер [2].

В июне 2006 г. конгресс официально одобрил создание Отделения национальной безопасности как часть более широкой реорганизации ФБР. В июле 2006 г. в ОНБ создано еще одно, четвертое, подразделение - директорат по вопросам оружия массового уничтожения (WMD Directorate). Он должен объединить ресурсы и возможности ФБР для выявления угроз, связанных с ОМУ, и предотвращения терактов с использованием этого вида оружия.

Для совершенствования своей разведывательной функции ФБР не только трансформирует свою структуру, но и изменяет

процедуры работы с развединформацией, официально приняв за основу традиционную шестиступенчатую схему разведывательного цикла, которой следуют другие части разведывательного сообщества США [1. Р. 27]. Пересмотрены учебные программы, инструкции и критерии для усиления агентурной работы и ее сопряжения с деятельностью других разведслужб. Усилена подготовка аналитиков и их концентрация там, где находится развединформация.

ФБР прилагает усилия и к расширению обмена информацией. В рамках разведывательного сообщества оно использует двухуровневый подход. Для агентств, работающих на «совершенно секретном» уровне (Top Secret/Sensitive Compartmented Information - TS/SCI), ФБР расширяет свои защищенные возможности доступа к сети ФБР, которая подключена к сети, используемой ЦРУ, АНБ и другими национальными агентствами (Joint Worldwide Intelligence Communications System - JWICS). Для тех служб, которые используют уровень «секретно», ФБР подключило свою внутреннюю систему электронных коммуникаций к другой сети (Secret Internet Protocol Router Network - SIPRNET), которая обслуживает пользователей из военных, разведывательных, дипломатических и правоохранительных структур. «В результате агенты или аналитики ФБР, которым необходимо общаться на уровне «секретно» с другими ведомствами, могут делать это со своих рабочих компьютеров», - утверждается в официальном документе ФБР [1. Р. 27].

Однако перестройка ФБР идет непросто. Попытки усилить разведывательно-аналитическую функцию ведомства, которое всегда было ориентировано на правоохранительную и следственную работу, встречают немало препятствий. Об этом свидетельствуют доклады официальных лиц и заявления бывших сотрудников ФБР.

В целом же, по мнению американских экспертов, ФБР продвинулось вперед на некоторых направлениях реформы, таких как, например, распространение первичной развединформации, но прогресс в других областях, в частности, в плане создания интегрированной и активной разведывательной программы, остается незначительным. В этой связи среди специалистов не прекращаются споры о перспективах реформирования ФБР. Существуют два противоположных подхода к оценке реформаторских усилий ФБР в области разведки. Оптимисты полагают, что сочетание правоохранительной и разведывательной деятельности может дать синергетический эффект и что подход ФБР к реформе верен, а успех - лишь дело времени. Скептики же считают, что правоохранительная работа и разведка - разные виды деятельности, требующие разных навыков для достижения разных целей. Соответственно,

утверждают они, подход ФБР к реформе ошибочен и бесперспективен.

Библиографический список

1. Cumming A., Masse T. Intelligence Reform Implementation at the Federal Bureau of Investigation: Issues and Options for Congress. CRS Report for Congress. – August 16. – 2005. – P. 2 // <http://www.fas.org/sgp/crs/intel/RL33033.pdf> (дата обращения 10.03.2007).

2. FBI Announces Leadership of National Security Branch. August 12, 2005. – FBI National Press Office // <http://www.iwar.org.uk/news-archive/2005/08-15-2.htm> (дата обращения 15.05 2008).

3. Mueller R.S., III. Director, Federal Bureau of Investigation, Preparedness Group Conference, Washington, D.C., October 06, 2010 // <http://www.fbi.gov/news/speeches/countering-the-terrorism-threat> (дата обращения 18.10.2010).

В. В. Добродеев

Духовно-нравственные причины депопуляции России

Проблемы нашего общества, так волнующие каждого из нас, можно понять только в контексте проблем всеобщего бытия. С одной стороны, причины их кроются в истории нашей многострадальной Родины. Действительно, если внимательным взглядом окинуть историю России, то можно увидеть в ней много странного. Богатейшая страна с умнейшим и трудолюбивым народом, уникальными природными ресурсами живет в нищете и теряет в год около миллиона своих работоспособных граждан, как во время интенсивных военных действий. Она постоянно участвует в утопических или авантюрных экспериментах, создавая парадоксальную экономику, предпринимая какие-то странные политические и экономические действия, которые вызывают только глубокое разочарование у большинства населения страны. Иные страны, и близко не имеющие наших возможностей, процветают. С другой стороны, любой думающий человек прекрасно видит, что все эти невзгоды кроются в нас самих, в коренном изменении нашего сознания в начале XX в., в потере того уникального духовного опыта, который имел русский человек до этих страшных и судьбоносных вех истории. Попробуем проанализировать некоторые причины нашего неблагополучия.

Проблема соотношения тела, души и духа очень актуальна особенно в наше время. Что включает в себя телесная жизнь? Едим, пьем, улажаем и жалеем себя... Жизнь душевная - это наша интеллектуальная деятельность, чувства, эмоции, кино, искусство и т.д. Жизнь душевная - Бог, святые, усопшие... Так и весь наш окружающий мир можно условно разделить на мир материальный (стол, дом, море, то есть все, что можно потрогать), временный; мир душевный (культура, искусство, музыка, - все, что имеет знаки материального проявления (ноты, картины...) тоже почти весь временный и мир духовный, вечный. А что для нас важно?

Господь наш Иисус Христос сказал, что блаженны (счастливы) нищие духом, плачущие, чистые сердцем, миротворцы... (Мф. 5, 3-10), сказал то, что наши благочестивые предки знали и применяли в своей жизни. Сейчас люди тоже стараются устроить свое счастье. Иные считают, что счастье приносят деньги, матери-

альная обеспеченность, власть над людьми, разнообразные чувственные наслаждения, забота о здоровье, то есть усилия в мире материальном и душевном. Говорят: будут деньги, а остальное приложится. Посмотрим, так ли все просто. Можно ли решить большинство проблем поднятием заработной платы?

Возьмем только одну из актуальнейших проблем — проблему депопуляции нашей страны. Но сначала данные по народонаселению, рождаемости и смертности на планете.

1000 г. н.э. - около 300 млн. человек

1650 г.- 550 млн. чел.

1800 г.- 900 млн. чел.

1900 г.-1600 млн. чел.

1950 г.-2500 млн. чел.

2000 г.-6000 млн. чел.

2010 г.- почти 7000 млн. чел.

Это называется демографический взрыв.

В свое время Д.И. Менделеев определял численность населения нашей страны на рубеже XXI в. в 500 млн. чел. (нас сейчас чуть больше 142 млн. чел.), при императоре Петре Великом русские дети в возрасте до 15 лет составляли более 40% населения страны, в XX столетии - 27%, в 90-х г. - менее 14%. Накануне Второй мировой войны (Великой Отечественной войны) в России было 42 млн. детей, в 90-х гг. - 28 млн.

В 1989 г. население России приросло на 0,7 млн. чел., в 1990 г. — на 0,5 млн. чел., в 1991 г. — на 0,2 млн. чел., в 1992 г. — на 0,1 млн. чел. После 1992 г. прирост населения — отрицательный.

Если проследить изменение средней продолжительности жизни населения, то в России 1969 г. она составляла 75,5 лет, в 1992 г. - 69,2 г., а сейчас средний мужчина не доживает и до 60 лет. Кстати, в США 1900 г. средняя продолжительность жизни составляла 42 года, а в 1990 г. она составила 75 лет. В Исландии и Японии люди в среднем живут 78 лет, а в Азии и Африке - 47.

Только 4% детей у нас рождаются здоровыми. Растут алкоголизм, наркомания, количество самоубийств. Заболеваемость сифилисом за последние 10 лет увеличилось в 100 раз. Уровень рождаемости дебилов в 1992 г. достиг 17%, а это страшный удар по генотипу нации, так как известно, что если это число превысит 18%, то процесс деградации нации будет необратимым. Динамика преступности и смертности выросла с 1971 г. на 300-400%. В 1960-е г. в СССР умирали 6 на 1 000 человек, сейчас - около 20. В России самая низкая продолжительность жизни среди развитых стран. И, как следствие всего этого, через 100 лет нас будет менее 25 млн. чел. [1, с. 13-23]. Кстати, в США запланировали к 2050 г. достиг-

нуть прирост населения в 75 млн. чел., и численность населения штатов должна превысить 350 млн. чел. В Турции ожидается к этому времени столько же населения, как и у нас, но большинство жителей Турции будут молодыми. Что же с нами случилось?

У депопуляции две составляющих: спад рождаемости и рост смертности. Эти две кривые пересеклись в 1992 г. и продолжают расходиться дальше, образуя на нации крест. По утверждению демографов, разрыв между смертностью и рождаемостью обусловлен низкой рождаемостью, и это часто связывают с низкими доходами населения. Но это миф. Рождаемость не связана с низкими доходами, наоборот, связь обратная. Статистика показывает, что в семьях с низкими доходами детьми больше, в богатых странах детей на одну семью меньше, чем в бедных. Та же ситуация и в России. Никогда, ни в Великую Отечественную войну, ни даже в период татаро-монгольского нашествия, не была так низка рождаемость. Семьи верующих более многодетны независимо от доходов. Регионы России с традиционными религиозными, национальными и семейными устоями (Дагестан, Тува...) даже при более низких экономических показателях имеют высокую рождаемость. Сильнее всего на снижении рождаемости сказываются разводы, хотя они, как известно, не зависят от материального благосостояния. На снижение рождаемости влияют утрата традиционных устоев крепкой семьи, отторжение женщины от семьи, потеря мужской роли главы семьи, кормильца, отторжение народа от религии, нравственности, морали, весь комплекс мер, предложенных МФПС и РАПС, сексуальная революция, рост сектанства в стране, насаждение массовой «культуры» - простор эгоизма в противовес интересом семьи, общества, государства, пропаганда секса, разврата, насилия, сатанизма, проституция (особенно детская, по которой мы впереди планеты всей), наркомания и алкоголизм. Особое отрицательное влияние оказывает на человека перегруженность негативной информацией, вызывающая гнетущую, тревожную атмосферу в обществе, стресс. Здесь и продуманные методы (НЛП) доведения молодежи до самоубийства, государственная поддержка РАПС, внедрение программ планирования семьи, оплата стерилизаций, аборт, их реклама, налоговые льготы для тех, кто осуществляет эту деятельность, пропаганда богатства, малодетности, жилищные проблемы, рост преступности, малая фертильность спермы у мужчин вследствие их неправедной жизни и т.п. Статистика показывает, что только на 20% рождаемость зависит от экономики и на 80% имеет нравственно-эмоциональную природу (это подтверждают статистические данные по Германии 30-х годов, Америке 50-60 г., СССР в 20-х и 80-х г.) [2, с. 51-59; 7, с. 4].

В отношении смертности. По данным доктора медицинских наук И. Гундарева, только за 90-е г страна потеряла от преждевременной смертности более 7 млн. чел. [3]. Причины - сердечно-сосудистые заболевания (50%) и остальные 50% - травмы, отравления, болезни органов дыхания, рак, убийства и самоубийства. Причины ССЗ - холестерин, курение, алкоголь, стресс, низкая двигательная активность (и, как следствие, гипертония), плохие экологические условия жизни и питания. Однако за последние 15 лет потребление холестерина снизилось, курильщиков не стало больше, употребление алкоголя сейчас находится на уровне 80-х г. Кстати, французы пьют 11 литров на чел. в год, а наши - 6 литров. Данные по 13 странам мира показывают: связи между употреблением алкоголя и смертностью нет. Сидячий образ жизни нам не грозит. Экологические условия не ухудшились, а воздух даже стал чище (меньше работающих предприятий). То есть в целом ситуация сейчас не хуже, чем в 60-х г., но тогда умирали 6, а сейчас 20 на 1 000 чел. Почему? Немного приоткрывает глаза динамика преступности и смертности, которые повторяют друг друга с опережением преступности на 0,5 года. Дух определяет жизнь материи. По тем же данным, на 84% динамика смертности последних двух десятков лет обусловлена агрессией и депрессией (безысходность, потеря смысла жизни, самоубийства). Россия занимает третье место после Колумбии и ЮАР по количеству убийств и лидирует в сфере самоубийств [5, с. 34]. Таким образом, как и рождаемость, смертность зависит не от материально-экономических, а от духовно-нравственных причин. Черное объявляется белым, плохое - хорошим и наоборот, преступники становятся управителями, а честность и совесть презираются. Совершается насилие над нашей духовностью, ментальностью, все стало с ног на голову. На человека оказывается психофизическое воздействие, вызывающее внутри организма отрицательный дисбаланс, а в результате тоска, уныние, депрессия, безысходность, страсть к наживе, гордыня, гнев, злоба, агрессия, блуд, прелюбодеяние и т.п. И как следствие всех этих смертных грехов - плохая работа ССЗ, рост давления, понижение иммунитета, снижение у женщин способности к зачатию, а у мужчин - способности к оплодотворению, вымирание нации. Вот лишь некоторые следствия потери русским человеком Бога и того уникального духовного опыта, без признания и использования которого в повседневной жизни нас скоро просто не будет [4, с. 6].

Святейший Патриарх Алексий на форуме «Духовно-нравственные основы демографического развития России» отметил, что «только через создание новой, обновленной в соответ-

ствии с заповедями Христовыми жизни, на основе милосердия, справедливости, уважения и бережного отношения к институту семьи и брака возможно возрождение России. Обратившись к истокам нашей веры и культуры, исконным православным традициям, объединив усилия всех здоровых сил нашего народа, мы сможем преодолеть угрозу демографической катастрофы в России» [8, с. 4].

Библиографический список

1. Бойко, Н.Н. Заговор против жизни. Современные средства контрацепции [Текст] / Н.Н. Бойко. - М.: ПМПЦ «Жизнь», 2005. - 32 с.
2. Бойко, Н.Н. Каирское иго [Текст]: к 10 - летию международной конференции ООН по народонаселению и развитию / Н.Н. Бойко. - М., 2005. - 32 с.
3. Духовная безопасность нас и наших детей [Текст]: материалы научно-практической конференции «Основы духовной безопасности общества: псевдорелигиозные идеи в искусстве, науке, СМИ». - СПб.: Сатис, 2006. - 140 с.
4. Лободин, В. Россия воскреснет [Текст] / В. Лободин. - СПб.: Сатис, Держава, 2003.
5. Медведева, И., Шишова, Т. Приказано не рожать. Демографическая война против России [Текст] / И. Медведева, Т. Шишова. - Саратов, 2005.
6. Почему Россия вымирает. Причины демографического кризиса [Текст]. - М., 2004. - 147 с.
7. Рябкова, С. Народонаселение России у опасной черты [Текст] / С. Рябкова // Церковный вестник. - 2004. - Ноябрь, №21 (298).
8. Слово Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия на форуме «Духовно-нравственные основы демографического развития России» [Текст] // Церковный вестник. - 2004. - Ноябрь, №21 (298).

М. Е. Ильина

**Качество человека
как единство потребителя, руководителя и исполнителя
(организационный и богословский аспекты)**

Качество человека проявляется через его потребности, возможности и требования разума и может быть определено как степень их соответствия друг другу. При этом потребности связаны со стремлением к цели, определяются естественной необходимостью во всем требуемом для жизни и выражаются глаголом «хочу». Возможности характеризуют способности самого человека, а также приобретенные им дополнительные ресурсы и имеющиеся условия и выражаются глаголом «могу». Требования формулируются разумом, который определяет, как использовать возможности, чтобы удовлетворить потребности, или что человек «должен» для этого делать. В выработке требований участвует как сам человек, так и внешние заинтересованные стороны. Потребности заставляют человека быть *потребителем*, возможности – *исполнителем*, а разум позволяет управлять, т. е. быть *руководителем*. Поэтому *качество человека – это степень единства в нем потребителя, исполнителя и руководителя, его целостность*.

Понятие целостности неразрывно связано с целями. Качество человека можно рассматривать как направленность его потребностей, возможностей и деятельности разума к единой цели. Такой всеобъемлющей, всегда актуальной и конечной целью человека является сама Жизнь. Разумное поведение предполагает определение таких целей, которые не противоречат жизни самого человека и других людей, и должно рассматриваться, исходя из категории добра. Не случайно в русском языке слова «качественный» и «добрый» являются синонимами: добрая земля, добрый хлеб и т. д.

В христианском богословии человек рассматривается как образ Бога, который представляет собой Троиединство Мысли (Бог Отец), Слова (Бог Сын) и Действия (Бог Дух Святой). С точки зрения управления процессами мысль, как и потребность, должна быть связана с целью и принадлежит потребителю, а слово, выражающее требование, определяет путь достижения цели и формулируется руководителем, действие же представляет собой реализацию возможностей исполнителя. Анализ основных положений христианского богословия позволяет сделать вывод о том, что Библия содержит описание системы управления качеством жизни.

В этой системе Бог является Потребителем, Руководителем и Исполнителем, с Которым должен соединиться человек. Цель жизни человека заключается в достижении богоподобия или совершенного единства перечисленных трех составляющих. В связи с этим важнейшим качеством, характеризующим достоинство человека, признается соответствие его мыслей, слов и поступков, т. е. честность, стремление к истине.

Таким образом, представленная модель качества человека полностью соответствует христианскому мировоззрению.

Важнейшей характеристикой человека, отличающей его как от животных, так и от техники, конкурирующей с ним в процессе производства, является *осознание* себя целостной личностью, которое в наибольшей степени выражается в *творчестве*. Это также соответствует христианскому богословию, утверждающему, что Бог – Творец. Следовательно, человек, являясь Его образом, также призван к творчеству.

Именно в творчестве человек проявляет свою *сущность*, свое качество, одновременно выполняя все три основные функции. Осуществляя творческий процесс, как правило, самостоятельно (как исполнитель), он максимально свободен в принятии решений, направленных на достижение цели (как руководитель), и получает наибольшую удовлетворенность (как потребитель). В истории человечества такие процессы всегда были характерны для людей самых разных сословий и практически не зависели от степени внешней свободы человека. Более того, именно творчество позволяло людям в самых нечеловеческих условиях существования сохранить человеческий облик.

Таким образом, можно сделать вывод, что способность к творчеству является прямым следствием целостности или триединства потребителя, исполнителя и руководителя.

Нарушение этого триединства связано с грехом. Всякий грех представляет собой действие, разрушающее целостность личности, ее внутреннюю гармонию, мирное устройство души. Грех можно рассматривать как несоответствие в человеке его потребностей, возможностей и требований разума или как противоречие между потребителем, руководителем и исполнителем. Это несоответствие может быть качественное и количественное. Качественное несоответствие заключается в противоположной направленности потребностей, требований и возможностей или противоположном содержании мыслей, слов и действий, что представляет собой ложь. Количественное несоответствие заключается в неполном удовлетворении потребностей, неполном использовании возможностей или неполном выполнении требований.

С помощью модели человека как образа и подобия Бога и, соответственно, единства трех лиц подтверждается справедливость мнения преп. Симеона Нового Богослова о том, что *«всякий человек, рождающийся в мир сей, трем бывает раб страстям: сребролюбию, славолюбию и сластолюбию»* [1]. Страсти ведут к разрушению человека. А перечисленные три создают основу для всех других грехов. Причем преп. Симеон замечает: *«...и никого нельзя найти, кто бы один имел все эти страсти в превосходной степени, но обыкновенно всякий обладаем бывает преимущественно одной из них, имея в то же время по частичке и от других двух»*. Источником же их он называет *«силу некую дьявольскую, скрытую, незаметно действующую»*.

Перечисленные три основные страсти могут быть проанализированы с помощью приведенной модели качества человека.

Сребролюбие ставит целью приобретение как можно большего количества ресурсов без учета реальных потребностей и здравого смысла. Ресурсы представляют собой возможности исполнителя, которые должны быть разумно приведены в соответствие потребностям. Сребролюбие можно представить как любовь человеком в себе самом только исполнителя, которому будет легче трудиться, если у него будет много ресурсов. При этом под воздействием злых сил полностью или частично игнорируются некоторые потребности. В этом случае человек как бы не замечает в себе потребителя и руководителя, поэтому триединство в нем нарушается, искажается, и он перестает быть образом и подобием Троицного Бога.

Сластолюбие, любовь к получению удовольствия, наслаждения может быть присуща потребителю. При этом человек угождает потребностям в ущерб возможностям (например, здоровью) и вопреки разуму, лишая себя ресурсов в будущем. Сластолюбие свидетельствует о том, что человек любит в себе потребителя больше, чем исполнителя и руководителя. Их соответствие снова нарушается.

Наконец, славолюбие может быть характерно для третьей составляющей человека – для руководителя. Тогда он, забывая о реальности, принимает решения, направленные на достижение успеха в глазах других людей, вместо того, чтобы правильно определять свои потребности и разумно использовать свои возможности для их удовлетворения. Славолюбие может выражаться в беспощадной эксплуатации своих возможностей и/или пренебрежении своими потребностями. Это любовь в себе руководителя и принижение потребителя и исполнителя, ведущие к разрушению внутренней гармонии.

С учетом вышесказанного можно определить критерии оценки качества творчества. Целью творчества не может быть получение прибыли, наслаждение процессом или желание славы, так как в этих случаях оно изначально направлено на искажение внутренней пропорциональности. Напротив, цель творчества должна быть связана с восстановлением триединства в человеке, что и является стремлением к принятию в себя Бога, служением Ему. Сложность заключается в том, что, стремясь к этой цели, человек может все же стать жертвой вышеназванных страстей вследствие реакции на его творчество со стороны других людей, которые могут высоко оценить полученные результаты как в материальном, так и моральном смысле. Поэтому материальное творчество связано со значительно большим риском для качества человека, чем внутреннее духовное творчество (преобразование своей души), которое менее заметно для окружающих.

В то же время в жизни человека нередко наблюдается неравенство потребностей и возможностей по различным не зависящим от него причинам. В этом случае разумное поведение, имеющее целью сохранение целостности человека, должно предполагать их уравновешивание. Например, при превосходстве возможностей (ресурсов) над потребностями это может выражаться в нахождении дополнительных потребностей в окружающем мире, на удовлетворение которых можно направить излишние возможности. При этом потребности других людей следует рассматривать как свои собственные.

Жизнь человека можно представить как систему взаимосвязанных процессов, при реализации которых он вынужден взаимодействовать с большим количеством различных социальных групп и организаций. Число их постоянно растет в связи с увеличением видов производимой продукции и услуг, а также специализацией предприятий. При этом в одних организациях человек играет роль исполнителя, в других является потребителем, а в третьих становится руководителем. Каждая организация или группа рассматривает его с точки зрения той функции, которую он в ней выполняет. При этом в большинстве случаев в человеке хотят видеть исполнителя или потребителя и гораздо реже – руководителя, что ведет к невостребованности способностей его разума. Это приводит к отсутствию целостного его восприятия внешними заинтересованными сторонами, а поскольку вопрос о соотношении возможностей и потребностей за человека решает сложившаяся экономическая система, то и он сам перестает управлять собственной жизнью и осознавать себя целостной личностью. Таким образом, углубление разделения труда с целью

повышения производительности и качества выпускаемой продукции и достижения максимального экономического эффекта приводит к потере целостности человека и ухудшению качества его жизни. Это еще раз подтверждает истинность евангельских слов Христа: «Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16, 13).

Именно поэтому служение Богу многих святых подвижников начиналось со стремления к уединенному образу жизни в пустынях, которое можно рассматривать как необходимое условие самопознания, точного определения своих реальных потребностей и возможностей без влияния общества, а также способности разума к управлению.

Другим способом самопознания и самосохранения личности может стать творчество при условии правильной постановки целей.

Понимание человеком себя как единства потребителя, руководителя и исполнителя можно назвать *целомудрием*. А *любовь* следует определить как понимание и сохранение целостности человека. Такое восприятие человека в наибольшей степени реализуется в семье. Однако состояние института семьи в настоящее время свидетельствует о потере многими людьми этой возможности. Кроме того, восстановление и сохранение качества человека является задачей Церкви, в которой понимание и возможность творческой самореализации определяются любовью к ближнему даже при необходимом разделении труда.

Таким образом, вопреки распространенному мнению о том, что христианство является самой нерациональной и несовместимой с земными условиями религией, с позиции теории управления оно предстает перед нами как учение о разумном поведении человека, целью которого является Жизнь. Огромное значение при этом имеет творческая самореализация личности, которая может рассматриваться как один из путей улучшения качества человека.

Библиографический список

1. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. Слово 23. Трем страстям бывают порабощаемы люди: сребролюбию, славолюбию и сластолюбю [электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.roca-sobor.org/ru/library/saintsymeon/words16.02>. 2011.

А. Н. Филькин, С. А. Кудрина

Церковь и ценности глобального мира

Процесс вхождения России в глобальный мир неизбежно сопряжен с изменением ценностных ориентаций людей, ее населяющих. Поскольку глобализация предполагает распространение системы ценностей, основанной на процессе потребления, постольку ценность человека в этой системе измеряется, если обратиться к известной дихотомии Э. Фромма «иметь или быть?», именно по шкале потребления, то есть не тем, кто он действительно есть, а тем, что он имеет, какими потребительскими символами владеет. Оказавшись вершиной ценностной иерархии, уровень потребления становится основным показателем, определяющим место человека в социальной структуре, и неминуемо превращается в индикатор его самооценки. Отличительной чертой нового стиля жизни является то, что многие потребности определяются вовсе не необходимостью, а диктатом манипулирующего сознанием «знака», «кода сигнификации». Человек отныне приобретает не вещь, он приобретает символ приобщения к некоей общности, будь то «деловые люди», «элита» или «крутые» (изображаемые в рекламе счастливыми обладателями навязываемых потребителю знаков). Личность, ориентированная таким образом, теряет потребность и способность к анализу и познанию предмета, сосредотачивая свои усилия исключительно на возможности его приобретения и использования. Гиперреальность как симуляция приходит на смену реальности. Товары лишаются материальной ценности и обретают символическую. Человек начинает воспринимать и мыслить мир как пространство гигантского супермаркета, существующее только для того, чтобы обслуживать клиентов – физических и юридических лиц, готовых в любой момент за определенную плату поддерживать процесс потребления.

В глобальном мире провозглашается плюрализм мнений, однако на деле глобальное сообщество требует единомыслия. Как это ни парадоксально, но по вопросу о плюрализме двух мнений быть не может: ни в коем случае нельзя спорить с тем, что истина относительна. Плюрализм вовсе не нейтрален: относительность ценностей здесь расценивается как заведомо верное утверждение, их вечность и непреложность – как заведомо ложное. Иначе говоря, принимается только либеральная идея, в рамках которой под поверхностной маской плюрализма скрывается технология приве-

дения умов в состояние отсутствия ценностей и убеждений; а любое проявление религиозной веры, твердых убеждений – напротив, здесь не приемлемо, поскольку противоречит принципу толерантности. Поскольку игра и туризм становятся преобладающими формами существования человека, проявления религиозности принимаются только в качестве сувениров для играющего и путешествующего общества – сувениров, которые во всемирном супермаркете разложены на одной полке с товарами быта и различными предметами, предназначенными для релаксации. Расслабленными умами легко манипулировать. При активном использовании СМИ становится возможным активное навязывание потребностей при почти полном отключении самостоятельного критического мышления.

Таким образом, глобальный мир живет в системе «опрокинутых ценностей», где вертикаль истины и смысла становится горизонталью бессмысленности и вседозволенности. Единственной разделяемой всеми «истиной» остается потребление. Теперь люди ориентируются на те ценности, которые, так или иначе, способствуют повышению уровня их благосостояния. Интересно, что миссией замедленного действия здесь оказалась протестантская этика, которая, несмотря на видимое утверждение самого процесса (а не результата) труда в качестве самостоятельной ценности (о чем писал М. Вебер), рассматривает земной успех как показатель избранности и духовного благополучия.

На фоне пространства всемирного супермаркета Церковь видится потребителю как часть глобального рынка, как предприятие сферы духовных и ритуальных услуг. В перечень этих «услуг» входят, например, «духовное оформление» рождения и смерти, очищение души на исповеди (для потребителя – своего рода релаксация, психотерапия), различные требы, которые должны непременно повысить благосостояние (заплатил, вложил средства, следовательно, это должно «сработать»). В работниках храма и священнослужителях потребитель видит менеджеров, продавцов, которые обязаны оказать такого рода «услуги».

Храм – это модель инобытия, место встречи человеческой души с Богом. Но для потребителя эта встреча может и не состояться, поскольку, увидев ценники, которые являются необходимой стороной экономики храма, он сразу решает, что попал на знакомую ему территорию, где все продается и покупается и где нет места для жертвы. Такой человек приходит в храм за духовной «технологией» продвижения к успеху и ростом благосостояния. Ему не нужна мучительная борьба со страстями, ему нужно знать, сколько необходимо заплатить и что конкретно сделать, чтобы получить

желаемое. Когда священник пытается объяснить такому человеку, что у Церкви иные законы бытия, тот искренне не понимает, поскольку он уверен, что везде действуют одни и те же законы потребления (к сожалению, в земной церкви он часто находит этому подтверждение). Потребителю нужны быстрые, технологичные способы решения его духовных и материальных проблем, а храм, по его убеждению, – это одна из организаций, которая весь спектр необходимых услуг предоставляет. По сути дела, в храм приходят христиане, но с языческим сознанием, люди, которые мыслят свою жизнь исключительно в рамках ценностей, ограниченных миром тварным, и не желают за эти рамки выходить. Они пытаются привнести свои законы в храм, а в храме, к сожалению, им не всегда говорят «нет»... Потребитель не видит в храме Бога, ему нужны боги, которые будут помогать ему успешно продвигаться по жизни. С наступлением глобального мира важной задачей для всех, кому дорога Истина, становится сохранение экологии храма – места, где происходит важнейшее событие – встреча человеческой души с Богом.

УДК 27-5

В. Т. Юсупов

**Русский высокий иконостас
(история возникновения и богословский смысл)**

В русском православном храме иконостас – одна из неотъемлемых его принадлежностей, выполняющая целый ряд важнейших функций. В архитектурном плане иконостас представляет собой сплошную стену из икон, отделяющую алтарь храма от его «корабля». Иконостас формировался постепенно и исторически представляет собой довольно позднее явление. Поэтому в древнейших храмах и на Западе и на Востоке его не было [1, с. 228]. В храме первых веков христианства, имеющих строение по типу базилик, т.е. общественных зданий, алтарь отделялся от корабля преградой и завесой (а иногда и без нее). Форма и высота преград была различной, как и используемые материалы: дерево, металл, камень. В Византии преграды обычно состояли из мраморных барьеров и колонн, которые несли архитравы (декоративные балки) [2, с. 61]. Со стороны алтаря над ними обычно располагалась подвижная завеса, которая была либо закрыта, либо открыта в зависимости от момента богослужения. Соответственно, сама преграда в широком понимании формировалась из трех составных элементов: подвиж-

ной завесы; барьера, заимствованного из светской базилики, где она отделяла государственных чиновников от народа; и колоннады, которая в античной архитектуре выражала идею открытости (как, напротив, стена - идею закрытости) [1, с. 234].

Формирование алтарной преграды связывают с преемственностью между христианским культом и традициями ветхозаветного иудаизма. В этом смысле христианский храм продолжает синагогу как молитвенное собрание верующих и в то же время он продолжает и ветхозаветный храм как место сакральное, место жертвоприношения [1, с. 232]. Так, пространство христианского храма, также как место жертвоприношения ветхозаветного храма и место чтения Священного Писания в синагоге, рассматриваются в контексте тех функций, которые в нем осуществляются. Отсюда, с учетом структуры христианской общины и ее разделения на совершителей Таинств и участников Литургии, произошло пространственное деление храма на «корабль» и алтарь – его духовный смысловой центр. Внешним признаком иерархической части храма и стала в христианских церквях завеса или преграда, а обычно и то и другое вместе.

Развитие иконографической тематики алтарной преграды, ее превращение в иконостас, началось очень рано. Обычно на архитраве высекали или на него ставили Крест. Но уже Юстиниан Великий (VI в.), поставив в Константинопольской Софии, по примеру Константина Великого, двенадцать мраморных колонн (по числу св. апостолов), поместил на архитраве рельефные изображения Спасителя, Богородицы, ангелов, апостолов и пророков. Однако в эпоху иконоборчества содержание алтарной преграды было уничтожено, и, по мнению А. Грабаря: «В византийских церквях с XI по XIV в. иконостас представляет собой портик с колоннами и свободным между ними пространством» [1, с. 235].

Постепенно в последующий период времени происходит восстановление иконостаса. Сначала иконы Спасителя, Богородицы и святых храма размещают на архитравах. Выше начинают располагать праздники и менологии, и, наконец, на архитраве над Царскими вратами появляется основная трехчастная икона – Деисис, в переводе с греческого – моление: ходатайство новозаветной Церкви в Лице молитвенно обращенной ко Христу Богородицы по правую от Него сторону, и ветхозаветной Церкви в лице Иоанна Предтечи, по левую. Деисис и стал тем ядром, из которого развилась вся тематика иконостаса.

Как свидетельствуют исторические исследования, византийские преграды не превышали, во всяком случае, двух – трех рядов икон. При этом алтарная преграда имела символические

толкования и смысловые разъяснения, которые объясняют ее не как разделение, а скорее как соединение двух частей храма. В таком виде и в том же символическом значении преграда перешла на Русь. Однако на Руси в ней был произведен ряд существенных по своему смыслу изменений как в увеличении числа ярусов, так и в их расположении и распределении.

В домонгольский период в русских православных храмах были распространены одноярусные алтарные преграды по типу византийских темплов. Однако к рубежу XIV–XV в. иконостас имел уже три ряда. В XVI в. добавляется четвертый, в XVII в. – пятый. В конце XVII в. были предприняты попытки увеличить число ярусов до 6–7, но это были единичные случаи, не приведшие к системе [3, с. 40]. Например, иконостас Большого Собора Донского монастыря насчитывает семь ярусов, включающих помимо основных – ряды Страстей Христовых и Страстей Апостольских. С появлением новых ярусов произошло нагромождение рядов и смысловая перегруженность иконостаса, что привело к потере догматической ясности и полноты, монументальности и образности, растворяющихся в повествовательности [1, с. 237]. В результате сформировался так называемый русский классический пятиярусный иконостас. Сроки его окончательного оформления относят к промежутку между XV в. [4, с. 279] и XVII в. [3, с. 40].

Верхний ряд, или чин, праотеческий, представляет первоначальную ветхозаветную Церковь от Адама до закона Моисеева, период дозаконный, в лице ветхозаветных праотцев с соответствующими ветхозаветными текстами на развернутых свитках. В середине этого яруса помещается образ Пресвятой Троицы – как Завет человека с Богом и как Откровение Единого Бога. Ниже – ряд пророческий, представляющий ветхозаветную Церковь от Моисея до Иисуса Христа, период подзаконный. Он состоит из изображений пророков, также с развернутыми свитками в руках, на которых написаны тексты из их пророчеств о Боговоплощении. В центре этого ряда размещается образ Знамение Богоматери. В основу создания этой иконы положены пророчество Исаии (Ис. 7:14) и слова Архангела Гавриила в Благовещении (Лк. 1:35).

Следующий ярус иконостаса – праздничный; он представляет собой период новозаветный, благодатный, выражая исполнение того, что провозвещено в первых двух рядах. Здесь изображены те события Нового Завета, которые составляют годовой Литургический круг и особенно торжественно празднуются Церковью, как своего рода главные промыслительные действия Божии в мире и постепенное осуществление спасения.

Затем, ниже, располагается ряд иконостаса, называемый деисисным. Здесь Ангелы, святые Апостолы и их преемники – святители, преподобные, мученики и т.д. в определенном порядке присоединяются к центральной теме деисиса – трехчастной иконе, где по сторонам Спасителя стоят в молитвенной позе Богоматерь и Иоанн Предтеча. Интересно, что на Руси само слово «Деисис» применялось как к самой трехчастной иконе, основному духовному ядру алтарной преграды, так и в более широком смысле (в русифицированном варианте – «Деисус») – ко всему чину и вообще собранию икон. Как многие полагают, греческое слово «деисис» было воспринято на Руси как составное из двух русских и в более общем смысле, не только как моление, но и как дело Иисусово, как домостроительство Христово, как результат Боговоплощения и Пятидесятницы [1, с. 243]. Поэтому при развитии иконостаса на Руси пошли по пути основного смысла центрального образа Христа в соответствии с чинопоследованием Литургии, выделяя деисисный чин как основной, центральный, даже размерами икон. При этом чин не замкнут, он продолжается в храме, потому что Церковь есть продолжающаяся Пятидесятница и силою Духа Святого верующие включаются в Тело, возглавляемое Христом, Который присутствует здесь и телесно в Дарах и ипостасно в Его Образе.

Нижний ярус иконостаса – местный; по обеим сторонам от Царских (еще называемых Святыми или Райскими) врат помещаются две большие иконы, обычно Спасителя и Богоматери с Младенцем, затем слева от Спасителя храмовая икона и другие местнотчимые иконы.

На северных и южных вратах изображаются Архангелы или святые диаконы (Стефан и Лаврентий), как сослужители при совершении Таинств. На южной двери иногда помещают изображение благоразумного разбойника Раха, чем подчеркивается понимание этих дверей как входа в Небесный Рай. При наличии свободного места по сторонам дверей оно заполняется другими иконами в зависимости от местных особенностей и посвящения приделов данного храма.

Средние (или Царские врата) существуют со времени первоначального устройства алтарной преграды. Украшаться иконами они также стали с древних времен [4, с. 321]. Обычно здесь помещается Благовещение и под ним четыре евангелиста. Иногда изображаются свтг. Василий Великий и Иоанн Златоуст с Евангелиями в руках или свитками с литургическими текстами. На более перед Царскими вратами совершается причащение верующих, поэтому над вратами помещается изображение Евхаристии. Обязанность

причащения под двумя видами выражается двойным изображением: с одной стороны Спаситель преподает шести Апостолам Хлеб, с другой стороны – шести другим Чашу. Тема причащения Апостолов подчеркивает и выделяет первосвященническое служение Христа, выраженное в Его прямых действиях как Первосвященника. Менее часто в этом месте располагается изображение Тайной Вечери, видимо, заимствованное с западных образцов.

Весь иконостас увенчивается Голгофским Крестом с распятым на Нем Спасителем. Распятие – вершина, завершение земной жизни Иисуса Христа, момент свершения спасения рода человеческого и мира. Это Завершение иконостаса Крестом тем более важно, что соединяет «и всех и вся» и сплавляет все образы иконостаса в единую икону Церкви Торжествующей [3, с. 45].

Иконографическое строение иконостаса составлено таким образом, что непосредственно перед взором верующих, на одной плоскости, легко обозреваемой с любого расстояния, показываются пути домостроительства Божия: история человека, созданного по образу Троицкого Бога, и путь домостроительства Бога. Сверху вниз представлено все более полное развертывание Божественного Откровения и осуществления спасения. Начиная с образа Святой Троицы, Предвечного Совета и Источника бытия мира и Промышления о нем, идут ряды предуготовлений Ветхого Завета и пророческих предвозвещений к ряду праздников – исполнению предуготовленного и к грядущему завершению домостроительства Божия, деисисному чину. Все стягивается к центральному Образу, к Личности Иисуса Христа, Единого от Святыя Троицы. Это Центральный Образ Господа – ключ ко всему иконостасу. Деисис показывает, что «конечной целью Боговоплощения и было... то, чтобы у Воплощенного было тело, которым и является Церковь, новое человечество, искупленное и вновь рожденное в своей Главе» [4, с. 325]. Этот ярус иконостаса есть завершение исторического процесса и образ Церкви в ее эсхатологическом аспекте. Вся жизнь Церкви здесь как бы резюмируется в ее высшем и постоянном назначении – предстательстве новозаветных и ветхозаветных святых и Ангелов за мир. Это сочетание Христа с Его Церковью осуществляется и создается в Таинстве Евхаристии.

В ответ на Божественное Откровение снизу вверх идут пути восхождения человека: через принятие евангельского благовестия (евангелисты на Царских вратах), сочетание воли человеческой с волей Божией (образ Благовещения), через молитву и, наконец, через Таинство Евхаристии осуществляет человек восхождение к тому, что изображает деисисный чин, к единству Церкви. Если Литургия реализует и создает Тело Христово, то иконостас

Его показывает: это многоединство лиц по образу Божественного Троиинства. «Перед взором (верующего) открывается иное откровение, а именно, Небесная Литургия, вечная евхаристическая жертва, начавшаяся в недрах Святой Троицы от вечности и продолжающаяся всегда, ныне и присно и во веки веков» [5, с. 316].

Показывая последовательное исполнение Церкви от Адама до Страшного Суда, иконостас раскрывает осмысление временного процесса через приобщение к вневременному акту – Евхаристии, показывает значение грани между алтарем и кораблем храма, между вечным и временным, в их единении. В новозаветное Святая Святых, Царствие Божие человеку открыт вход через завесу «сиречь плоть Христову» (Евр. 10: 20), заменившую собой разодранную завесу ветхозаветного храма [4, с. 327].

Высокий иконостас рассматривается во всем мире как чисто русское православное явление. Вместе с христианством Русь получила от Византии уже установившийся церковный образ в его классической форме, сформулированное догматическое учение о его содержании и зрелую, выработанную веками технику церковного искусства [4, с. 290]. Но, принимая новую веру и ее образный язык, русский народ творчески претворил их сообразно со своим восприятием христианства. И сама духовная жизнь русского народа, его святость и церковное искусство получили национальный отпечаток как результат постоянно нового и своеобразного его переживания. Именно в иконе Руси было дано явить миру глубину ее содержания, высшую степень ее духоносности. Можно, вслед за о. Павлом Флоренским, только повторить, что если Византия богословствовала по преимуществу словом, то Русь богословствовала образом [4, с. 317].

На своем историческом пути алтарная преграда должна была раскрыться, т.е. раскрыть в образе смысл Литургии и превратиться в иконостас, что и произошло в так называемом «восточном» чине Литургии, или потерять смысл и раствориться, как это осуществилось на Западе. Иконостас в своей классической форме имеет для Православной Церкви много смысловых значений в догматическом, литургическом, вероучительном, назидательном и историческом планах, представляя образ Церкви и образ Тайнства Царства, представляя собой «богословие или созерцание в красках». Именно поэтому иконостас не случайное и бессмысленное нагромождение икон; он – плод многовекового, целеустремленного развития, получивший на Руси характер законченной, образно-богословской системы. Раскрытие иконостаса завершилось на Руси под огромным влиянием исихазма и распространения монашества,

в эпоху наибольшего расцвета ее святости, иконопочитания, иконописания и литургического творчества [1, с. 253].

Библиографический список

1. Керн, К. Евхаристия [Текст] / Архимандрит Киприан (Керн). – М.: Храм свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 2001. - 512 с.
2. Уайбру, Х. Православная Литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда [Текст] / Хью Уайбру. – М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2000. - 124 с.
3. Успенский, Л.А. Богословие иконы Православной Церкви [Текст] / Л.А. Успенский. – Переславль: изд-во. Братства во имя св. князя Александра Невского, 1997. - 342 с.
4. Успенский, Л.А. Вопрос иконостаса [Текст] / Л.А. Успенский // Православная икона. Канон и стиль. К Богословскому рассмотрению образа. - М.: Православный паломник, 1998.- 214 с.
5. Языкова, И.К. Богословие иконы [Текст] / И.К. Языкова. – М.: изд-во. Общедоступного Православного Университета, 1995. - 127 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 37.091.3

К. А. Котусенко

Истоки и эволюция концепции развивающего обучения

После длительных дискуссий развивающая парадигма в обучении истории, предполагающая смещение акцента с усвоения фактов на формирование гражданских качеств личности, навыков социального поведения, умений критического мышления, необходимых гражданину в демократическом обществе, стала ведущей в школах многих европейских стран [1, с. 28]. Рассмотрению истории формирования и современного состояния развивающего обучения как целостной педагогической системы посвящена данная статья.

Развивающее обучение – это направление в теории и практике образования, ориентирующееся на развитие физических, познавательных и нравственных способностей учащихся путем использования их потенциальных возможностей [11, с. 242].

Данное понятие выработалось в XX в., однако истоки идей развивающего обучения можно найти в идеях Я.А. Коменского [7], Ж-Ж. Руссо [13], Ф.А. Дистервега [4], К.Д. Ушинского [17] и других исследователей, которые выступали за самостоятельное получение знаний учащимися. Чешский педагог Я.А. Коменский считается одним из первых сторонников развития у учащихся жажды к знаниям и активности в учении [7, с. 193]. Ж-Ж. Руссо выступал за исследовательский подход в развитии умственных способностей школьников и самостоятельную деятельность в усвоении знаний, отмечая, что «непривычка думать в детстве отнимает у ребенка способность думать и на всю жизнь» [13, с. 127]. Ф.А. Дистервег подчеркивал развивающую роль собственной деятельности учеников, отмечая, что «жизненно и истинно только то понятие, суждение и заключение, которое мы достигли самостоятельно» [4, с. 279]. Он заметил, что для каждой возрастной группы учащихся характерны свои задатки и способности и развитие следующего периода подготовлено опытом предыдущего. При этом он подчеркивал, что «уже с ранних пор должно начинаться методическое развитие сознательного восприятия и усвоения окружающих вещей» [4, с. 139-140]. Так, несмотря на то, что он считал, что абстрактное мышление у ребенка появляется к десятому году жизни, учить детей выводить элементарные закономерности, правила и

применять их к соответствующему материалу нужно начинать на более ранних стадиях.

В отличие от идей, проявившихся в творчестве педагогов XVII-XIX в., в XX в. происходит глубокое осмысление вопросов о соотношении обучения и развития, и к началу 30-х г. XX в. в исследованиях появляется три основных подхода к решению этого вопроса.

Первый провозглашает независимость психологического развития человека от любых форм обучения и воспитания. Наиболее ярко представил такое понимание психолог Ж. Пиаже [10]. В своих работах он показал, что развитие ребенка осуществляется по собственным, внутренним законам и протекает по типу созревания [10, с. 179]. Циклы развития предшествуют циклам обучения. Обучение может оказывать влияние на особенности развития, несколько ускоряя или задерживая сроки появления его закономерных стадий, но не нарушая их последовательности. Обучение не определяет и структуру, а также время появления основных форм умственной деятельности человека. Таким образом, Пиаже отмечал, что ребенок не может воспринять того, по отношению к чему у него еще нет необходимых схем действия [8, с. 153]. Такое понимание соотношения обучения и развития определяет существование принципа доступности, в соответствии с которым ребенку следует передавать такие знания, для овладения которыми у него сложились определенные формы мышления и понимания. Принцип доступности реализуется на основе обучения от простого к сложному.

Необходимо отметить, что подавляющая часть психологов во всем мире стоит на позиции теории, признающей независимость развития от обучения и воспитания [12, с. 2], однако у этой теории есть свои оппоненты.

В рамках второго подхода (У. Джемс, Э. Торндайк и др.) обучение отождествлялось с развитием, которое истолковывалось как накопление человеком разного рода привычек в процессе обучения. Развитие и обучение в рамках данной теории совпадают друг с другом во всех своих точках [3, с. 439]. В рамках данной теории любое обучение становится развивающим.

В третьей теории (К. Коффка и др.) сделана попытка преодолеть крайности двух первых подходов. Развитие мыслится как процесс от обучения не зависимый, а само обучение, в ходе которого ребенок приобретает новые формы поведения, мыслится тождественным с развитием. С одной стороны, развитие подготавливает и делает возможным процесс обучения, с другой стороны, обучение стимулирует процесс развития. Данная теория разводит

процессы обучения и развития и вместе с тем устанавливает их взаимосвязь при расширении роли обучения в процессе детского развития.

Л.С. Выготский был не согласен ни с одной из данных теорий по вопросу о соотношении обучения и развития и в конце 30-х гг. XX в. сформулировал собственную. Он подчеркивал, что обучение ведет за собой детское умственное развитие и вызывает к жизни ряд таких процессов, которые вне обучения были бы невозможны. Ученый ввел в педагогику понятие о зоне ближайшего развития, в основе которой лежат действия, выполняемые при помощи взрослых. Он подчеркивал, что только то обучение является хорошим, которое забегает вперед развития, создавая зону ближайшего развития [3, с. 438-452]. Таким образом, Л.С. Выготский обосновал обучение, которое в настоящее время рассматривают как развивающее.

Стержневым положением культурно-исторической теории Л.С. Выготского является понимание развития как соотношения реальной и идеальной форм. Под реальной формой понимается ребенок, делающий первые шаги на пути развития, а под идеальной – взрослый человек. В детском развитии идеальная форма, по мысли Выготского, уже существует и взаимодействует с реальной [19, с. 13]. Это положение разделяли все представители школы Л.С. Выготского, но на вопрос о том, как существует и как взаимодействует, они давали разные ответы.

В традиционном толковании развивающее обучение направлено на формирование гностических, когнитивных сторон личности. В исследованиях Д.Н. Богоявленской, И. Ломпшера, З.И. Калмыковой развивающее обучение рассматривается как средство формирования мыслительных операций. Авторы рассматривают приемы формирования у учащихся операций анализа, синтеза, сравнения, обобщения, классификации, связывая их с развитием их творческого мышления. Необходимыми условиями развивающего обучения, формирования творческого мышления учащихся в этих исследованиях выступают развитие абстрактно - теоретического и конкретного компонентов мышления, индивидуализация и дифференциация, проблемность обучения. З.И. Калмыкова к приемам формирования продуктивного мышления относит эвристические приемы, направленные на развитие у детей умений конкретизации, абстрагирования, варьирования, аналогии. Среди психологических принципов развивающего обучения она выделяет проблемность, оптимальное развитие различных видов мыслительной деятельности, индивидуализацию и дифференциацию обучения, специальное формирование как алгоритмических, так и

эвристических приемов умственной деятельности и специальную организацию мнемической деятельности [6].

Деятельностный подход в развивающем обучении, опирающийся на положения Л.С. Выготского, Л.В. Занкова, Х.И. Лийметс, развивали в своих исследованиях Л.М. Фридман и А.Н. Леонтьев. Фридманом были сформированы принципы, особенно значимые для личности - развивающего образования. Среди них принцип самостоятельности как свободное и творческое достижение принятых целей обучения; принцип самоорганизации как высший уровень самостоятельной деятельности, поиск учащимися новых знаний, способов решения; принцип развития, при котором в организации учебного процесса учитель ориентируется на индивидуальные особенности, «зону ближайшего развития» детей. Особое внимание в своей концепции Л.М. Фридман отводит диагностическому контролю формирования у учащихся учебных умений и психических процессов, способностей, интересов и склонностей, личностных качеств.

Одним из первых идеи Л.С. Выготского реализовал на практике Л.В. Занков [5]. Приоритетным в методической системе Л.В. Занкова является развитие психических функций личности в начальной школе. Реализация принципа целенаправленной и систематической работы над развитием всех учащихся младших классов, включая и наиболее слабых, имеет выход на индивидуализацию обучения школьников. Важным положением для личноно - развивающего образования является диагностика развития у учащихся наблюдения, мыслительной и практической деятельности. Л.В. Занков указывает на гуманистический характер обучения, необходимость перевода отрицательных эмоций (недовольства, разочарования, сомнения) в положительные (радость, удивление, удовлетворение) [5, с. 182-183].

Важный этап разработки теории развивающего обучения и внедрения ее на уроках связан с исследованиями Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова. Их система развивающего обучения разрабатывалась с конца 50-х г. прошлого столетия. Применение ее в общеобразовательных школах нашей страны началось в 60-е г. XX в.

В.В. Давыдов выделяет следующие принципы построения учебных предметов. Он подчеркивает, что понятия, формируемые в данном предмете, не должны даваться как готовое знание. Они должны быть осознаны учениками путем восхождения от абстрактного к конкретному знанию. Ученик также должен осознавать взаимосвязь понятий, относящихся к данному предмету, и воспроизводить ее в моделях. Он подчеркивает, что у школьников

нужно специально сформировать такие предметные действия, посредством которых они могут в учебном материале выявить и в моделях воспроизвести существенные черты объекта и его свойства [18, с. 395-398].

Система Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова апробировалась в начальном звене школ. Основой данной технологии развивающего обучения является теория учебной деятельности. Она базируется на положении о том, что между обучением и развитием человека всегда находится его деятельность. Среди основных компонентов учебной деятельности выделяют дедуктивный подход, содержательный анализ и обобщение, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному, рефлексии. Такая деятельность ориентирована на формирование теоретического мышления школьников. Оно выражается в осознании субъектом происхождения объекта познания, в умении выявить условия такого происхождения, в способности воспроизвести процессы развития данной вещи, явления или понятия. В основе технологии развивающего обучения заложена идея об опережающем развитии мышления, которое способствует ускорению развития ребенка в целом. Важной задачей становится формирование у учащихся продуктивных способов мышления. На их основе становится возможным самостоятельное пополнение знаний, а также применение их при решении практических задач.

Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов рассматривали учащегося как субъект учебной деятельности, а задачу учителя сводили к организации собственной самостоятельной деятельности школьников, которая развертывалась как совместная с деятельностью учителя в рамках диалогового общения.

В современном российском образовании существует еще несколько теорий развивающего обучения. Г.К. Селевко [14] предложил технологию саморазвивающего обучения, которая базируется на мотивах самосовершенствования личности. По мнению автора, эта технология восходит на более высокий уровень РО. Она выступает логичным продолжением технологий начального звена, в которых доминируют познавательные мотивы. Эта технология базируется на использовании высших духовных потребностей человека, которые выражаются в стремлении к самосовершенствованию и саморазвитию. Данные потребности могут быть использованы для усиления мотивации к учению и повышения качества образования. Системообразующей и интегрирующей базой указанного обучения выступает курс «Самосовершенствование личности», который дает школьникам базовую психолого-педагогическую подготовку и позволяет управлять своим развитием [14, с. 9].

В.С. Библером [2] разработана развивающая система «Школа диалога культур». В ней раскрывается диалог античной, средневековой и современной культуры. Принцип единства исторического и логического является основой учебной деятельности и развития школьников [2, с. 208]. Развивая концепцию В.С. Библиера, Ю.Л. Троицкий создал оригинальную концепцию исторического образования. Ее ключевой идеей является построение на уроках истории урока-диалога, который может возникнуть, когда в центре обсуждения оказывается документальный пакет материалов, напоминающий произведение или выступающий в функции произведения. В результате диалога формируется культура исторического мышления, означающая освоение школьниками авторской позиции относительно тех событий, явлений и героев, которые они изучают. Корневой метафорой здесь является утверждение «Дети пишут историю» [15, с. 24-30]. Показателем культуры исторического мышления является способность школьника описывать одно и то же событие с разных точек зрения. Ю.Л. Троицкий предложил идею эгоистории, утверждая, что каждый человек способен создать свою интерпретацию исторического события [16].

Отметим также технологию коллективного способа обучения, автором которой является А.Г. Ривин. Под коллективным способом обучения понимается такая его организация, когда обучение осуществляется путем общения в парах, при этом каждый ученик учит другого. Работа в парах позволяет учащимся меняться ролями «учитель-ученик». Данная технология развивает у учеников самостоятельность, навыки умственной деятельности, формирует самооценку собственной деятельности на уроке, обеспечивает прочное усвоение учебного материала.

Перспективно-опережающее обучение С.Н. Лысенковой базируется на трех основных составляющих: перспективной подготовке, комментируемом управлении и опорных схемах [8, с. 8-19].

Анализ истории становления и современного уровня развивающего обучения убеждают в том, что это обучение на данный момент выступает как целостная педагогическая система. Ядром ее является теория Д.Б. Эльконина – Давыдова. Развивающее обучение включает несколько подсистем, разрабатываемых различными авторами и авторскими коллективами. Они опираются на различные разрозненные компоненты развивающего обучения (Г.К. Селевко, В.С. Библер и др.) К развивающему обучению примыкают и дидактические системы учителей-новаторов и авторские школы.

Разработка развивающего обучения еще далека от завершения. Можно выделить наиболее целостные системы Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова и Л.В. Занкова, ориентированные на дошкольников и младших школьников. Перенос в среднюю школу системы Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова без существенного дополнения невозможен. Если в начальной школе программы ориентированы преимущественно на усвоение элементарных практических умений и навыков, то в средней школе – на усвоение основ наук, представляемых учащимся как комплекс учебных предметов. В среднем и старшем звене школы изменяется соотношение предметной и умственной деятельности ученика. На первый план выступает умственная деятельность.

Таким образом, в истории развивающего обучения прослеживается постепенное зарождение его в классическом традиционном образовании. Процесс становления этого обучения закрепился в работах Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина и других исследователей. Формирование развивающего обучения как целостной педагогической системы стало возможным благодаря деятельности учителей-новаторов. На современном этапе развития системы развивающего обучения можно выделить следующие принципы построения школьных учебных предметов: принцип самодетальности как свободное и творческое достижение принятых целей обучения; принцип самоорганизации как высший уровень самостоятельной деятельности, поиск учащимися новых знаний, способов решения; принцип развития; принцип проблемного обучения. На уроках истории данные принципы могут быть реализованы на основе использования различных видов исторических источников, установления межпредметных связей, деятельностного и лично-ориентированного подходов.

Библиографический список

1. Байбородова, Л.В. Изучение истории в средней школе [Текст] / Л.В. Байбородова, А.Б. Соколов, М.С. Корнеева. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – 400 с.
2. Библер, В.С. На грани логики культуры. Книга избранных очерков [Текст] / В.С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
3. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: АПН РСФСР, 1956.
4. Дистервег, А. Избранные педагогические сочинения [Текст] / А. Дистервег; сост. В.А.Ротенберг; общая ред. Е.Н.Медынского. – М.: Учпедгиз, 1956. – 374 с.

5. Занков, Л.В. Избранные педагогические труды [Текст] / Л. В. Занков. – М.: Педагогика, 1990. – 424 с.
6. Калмыкова, З.И. Психологические принципы развивающего обучения [Текст] / З.И. Калмыкова. – М.: Знание, 1979. – 48 с.
7. Коменский, Я.А. Великая дидактика. Избранные педагогические сочинения. [Текст] / Я.А. Коменский; под. ред. А. А. Красновского. – М.: Учпедгиз, 1939.
8. Лысенкова, С.Н. Методом опережающего обучения [Текст] / С.Н. Лысенкова. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
9. Обухова, Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против [Текст] / Л.Ф.Обухова. – М., МГУ, 1981. – 191 с.
10. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды [Текст] / Ж. Пиаже. – М.: Просвещение, 1969 – 660 с.
11. Российская педагогическая энциклопедия в 2-х т. Т. 2 - М - Я [Текст] / под ред. В.В. Давыдова. - М.: БРЭ, 1999. - 672 с.
12. Русаков, А. Что такое развивающее обучение [Текст] А. Русаков //Первое сентября. – 1994. – 20 сентября. - № 91. – С. 2.
13. Руссо, Ж.-Ж. Педагогические сочинения. [Текст]: в 2 т. Т.1 Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо / под. ред. Г. Н. Джигладзе; сост. А.Н. Джуринский. – М., 1981. – 656 с.
14. Селевко, Г.Н., Закатова, И.Н. Что такое технология саморазвития личности учащихся [Текст] / Г.Н. Селевко, И.Н. Закатова. – Ярославль. – 2001. – 15 с.
15. Троицкий, Ю.Л. Дети пишут историю [Текст] / Ю.Л. Троицкий // Преподавание истории в школе. – 1999. - № 1. – С. 24-30.
16. Троицкий, Ю.Л. Эгоистория / [Текст] Ю.Л. Троицкий // Дискурс. – 1996. – № 1. – С. 85-89.
17. Ушинский, К.Д. Вопросы воспитания [Текст]: избранные педагогические сочинения в 2-х томах / под ред. В.Я.Струминского. – М.: Просвещение, 1953. – 635 с.
18. Хрестоматия по психологии / под. ред. А. В. Петровского [Текст] / В.В. Давыдов. Виды обобщения в обучении. – М.: Просвещение, 1987. – 447 с.
19. Эльконин, Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского) [Текст] / Б.Д. Эльконин. – М.: Тривола, 1994. – 168 с.

Л. М. Архипова

**Социокультурные условия включения элементов
модульно-рейтинговой и дистанционной систем обучения
в практику преподавания истории России
на историческом факультете**

Ни талант профессоров, ни их усердие, ни их умение сближаться со студентами, ничто не может возбудить в молодом человеке ту энергию и самодеятельность, которую возбуждает и поддерживает в нем чувство собственной самостоятельности.

(Д.И.Писарев [1, с. 96-97])

Любая система, предлагаемая современной дидактикой в качестве универсальной, безусловно, претерпевает изменения в соответствии с конкретными особенностями обоих субъектов образовательного процесса – преподавателя и обучающихся. Знание мотивации и условий учебной деятельности студентов, их ожиданий от встречи с университетской системой и самооценка, их отношения к самостоятельной работе и определения роли университетского преподавателя обеспечивает дифференцированный, индивидуальный подход при общении с большой группой студентов.

На историческом факультете источником информации по этим вопросам послужила анкета «на входе», которая предлагалась студентам на первой в VI семестре вводной лекции по курсу истории России в течение 2005-2011 г. Первичная обработка ответов позволила выявить некоторые устойчивые черты в характеристике студенческой аудитории

Так, за исключением 2011 г., предпочтение отдавалось лекциям как наиболее эффективной форме организации учебной деятельности, что в единстве с редким выбором самостоятельной контролируемой работы свидетельствует о склонности студентов к пассивному восприятию университетских курсов.

Возможно, в этом отразилась их неуверенность в своих силах, в познавательных возможностях самообразования или сложившаяся годами и не разрушенная университетской практикой

привычка части студентов к получению готовых знаний непосредственно от преподавателя, который в этой ситуации остается главным источником знаний. Не случайно в приобретении навыков самостоятельной, проектно-исследовательской деятельности обнаружилась слабая заинтересованность (за исключением 42% в 2005 г. показатель колеблется от 6 до 18% ответов).

Другой причиной могла быть нацеленность студентов на сдачу экзамена как существенный результат обучения (от 16 до 58% ответов), что в исторических курсах традиционно связано с умением воспроизводить тот материал, который был в лекциях преподавателя. От нового курса ожидали прежде всего интересных фактов (47, 68, 74%) и в меньшей степени концептуального осмысления исторических явлений, процессов (за исключением 75% высказываний в 2010 и 39% в 2011 г. показатели составили от 0 до 12%).

Предпочтение семинарским занятиям по сравнению с практическими, казалось бы, все же указывает на интерес студентов к теоретическим знаниям, но это предположение разбивается о показатели их невнимания к историографическим сюжетам, дискуссионным проблемам отечественной истории. Доля пожелавших научиться анализу историографических источников оказалась невелика – от 0 в 2007 и 2009 г. до 14% в 2010 г. и 33 % в 2005 г.

Лучше дело обстоит со стремлением студентов к приобретению навыков работы с конкретно-историческими источниками: с соответствующим видом деятельности были связаны в разные годы 52, 53, 82% респондентов. Правда, практическим формам работы они при этом не уделяли должного внимания (всего от 0 до 19% ответов, за исключением 26% в 2011 г.). По-видимому, даже к 3 курсу у студентов осталось несформированным представление об отличительных чертах семинарских и практических занятий.

Однако еще более важным для решения задачи оптимизации преподавания стало обнаружение слабой ориентированности студентов на прикладное значение исторического курса. Только в 2005 г. сложился необычно высокий показатель ответов, в которых студенты высказывали уверенность в практической, социальной или профессиональной полезности приобретаемых знаний и умений (80%), а в подавляющем большинстве случаев (6, 10, 15% ответов) они не включали эту вполне естественную цель образования в мотивацию своей учебной деятельности. Вероятно, в этом отразились современные довольно неопределенные условия трудоустройства выпускников, состояние рынка труда.

Безрадостное удивление вызывает тот факт, что студенты - историки недооценивают социально-воспитательное значение ис-

тории, ее роль в формировании мировоззрения, в поиске духовного смысла человеческого бытия.

По-видимому, даже к третьему курсу им так и не открылось сущностное свойство исторического познания - его предметом «всегда является социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [2, с.30]. Выраженное таким косвенным образом отсутствие личностного, особенно значимого и эмоционально окрашенного восприятия отечественной истории подтверждается и прямой информацией об отсутствии интереса к предмету. По мнению студентов, не менее пятой доли всех трудностей, с которыми они сталкиваются в процессе обучения, занимает отсутствие интереса. За исключением всего 3% ответов в 2011 г. в предыдущие годы – от 21 до 51% утвердительных ответов поступило по этому вопросу.

Становится очевидным, что задачи социализации студентов в образовательно-предметных циклах не решаются, а, возможно, изначально и не предполагаются.

Включение таких мотивов, как знание фактов и успешная сдача экзаменов в учебные цели деятельности, а умений источниковедческого и историографического анализа в развивающие позволило скорректировать представления об ожиданиях студентов при знакомстве с новым курсом истории. Стало очевидным, что потенциальные возможности для организации самостоятельной, практической работы в целом выглядят удовлетворительно, поскольку развивающие цели обучения вышли на первое место, за их приоритетность высказалось большее количество студентов. В этом отношении особенно благоприятные условия сложились в 2010 г. (в общей сложности 53% высказываний).

Хорошая мотивация на знание фактов и успешную сдачу экзамена подтвердилась и послужила в 2010 г. надежной опорой для внедрения модульно-рейтинговой системы, которая переносит центр тяжести в оценке знаний студентов с экзамена на семестр. Уровень достигнутых знаний, умений и навыков складывается и постоянно отслеживается в процессе индивидуального выполнения студентами заданий в соответствии с общим рабочим графиком прохождения блоков и модулей.

По окончании семестра подводятся общие итоги индивидуальной работы студентов в форме предварительной экзаменационной оценки на основе рассчитанного индекса – рейтинга (N_p). Он складывается за счет освоения всех 6 блоков, а также с учетом оценки за проект. Минимальное количество определяется суммой 1400 баллов ($6 \times 100 + 6 \times 100 + 200$), что и составляет норму рейтинга. Индекс рейтинга получается из сопоставления индивидуальной

суммы каждого студента с нормой рейтинга и выражается в процентах, которые затем переводятся в оценку по следующей шкале: $N_p = 100\%$ и более – оценка 5; $N_p = 81-99\%$ – оценка 4; $N_p = 61-80\%$ – оценка 3. Студенты, набравшие менее 60%, получают неудовлетворительную оценку как не усвоившие содержание курса.

Модульно-рейтинговая система предусматривает интенсивное обучение в течение семестра и освобождение от экзамена по результатам текущей успеваемости. Однако ее условия совершенно не приемлемы для той большой части студентов – от одной трети до половины (см. табл.1), которые испытывают постоянные затруднения в обучении из-за болезни или работы и не всегда могут посещать аудиторские занятия. Для них, а также для тех, кто не успевает своевременно подготовиться к семинарским занятиям или продемонстрировать свои знания в аудитории, предлагались элементы дистанционного обучения: размещение студентами индивидуальных заданий на страницах WIKI ЯГПУ (интерактивная страница «Студенческое самоуправление») с последующей проверкой и обсуждением результатов.

Каждое выполненное задание требует более или менее развернутой оценки: указываются достоинства и недочеты, а иногда и ошибки в источниковедческом или историографическом анализе. Оценка обязательно должна иметь обоснованный характер, ее воспитательные и формирующие функции тем самым укрепляются, а индивидуальный подход к работе конкретного студента при всей формализации балловой системы усиливается.

Как известно, деятельность в образовательной среде по сравнению с традиционной аудиторной работой в большей степени помогает раскрытию и удовлетворению интеллектуальных потребностей студентов, смягчает или устраняет статусные барьеры общения, обеспечивает свободу выбора при самостоятельном решении различных образовательных задач.

Представление о том, как новую систему восприняли студенты, можно составить по их ответам на вопросы анкеты «на выходе». Целью анкеты было не только выявить информацию дидактического характера, но и позволить каждому студенту взглянуть на образовательный процесс со стороны, по возможности несколько дистанцироваться от привычной роли обучаемого. Корректность ее заполнения достигалась также тем, что они могли на выбор либо поставить свою фамилию, либо только указать свой результат (N_p). Открытость, расположенность, заинтересованность самих участников опыта в анализе положительных и отрицательных сторон освоенной в течение семестра новой модели образова-

ния выразилась в том, что подавляющая часть ответов была имен-ная.

Судя по ответам, в модульно-рейтинговой системе студентов привлекло очень многое: она «стимулирует постоянство работы», «соотношение ответов и баллов обеспечивает более точную оценку, чем на экзамене», «дисциплинирует», «позволяет управлять своим обучением, организует работу», «помогает распределить нагрузку», «наглядность своих результатов», «самостоятельное распоряжение своим временем», «разнообразие форм контроля», «ранжирует учеников по занятости и заинтересованности», «отсутствие психологического дискомфорта, так как есть баллы и нет двоек», «показывает успеваемость каждого ученика», «легкость в подсчете результатов», «соревновательный момент подстегивает», «твоя оценка – только от тебя».

Эти хорошие стороны системы назывались наиболее часто и во многом совпали с образовательными целями курса, что можно признать свидетельством успеха модульно-рейтинговой системы.

Но на призыв указать ее минусы недостатка в ответах также не было: «набрал баллы – перестаешь работать», «баллы – все», «накопление, а не качество», «количество, а не качество» «важен оценочный результат, баллы, и к этому сводится работа», «нет покоя», «соперничество в группе», «не все способны к соревнованию», «дух соревнования», «ограниченность времени», «много работы – мало свободного времени» «нет консультирования», «нет примеров, образцов для выполнения заданий», «должна быть четкость в оценке», «нет целостности процесса (как перед экзаменом повторения всего)», «трудоемкость подсчетов», «большая нагрузка на преподавателя», «непривычность».

Соотношение «+» и «-» рейтинговой системы сложилось в ее пользу (65%), причем больше положительных сторон по сравнению с издержками в ней усмотрели те, кто преуспел на «4» (69%) и на «3» (66%). Очевидно, что средний студент и колеблющийся между экзаменационной тройкой и четверкой выиграли от введения новой системы благодаря ее психологическим и организационным преимуществам. Меньше ее сторонников оказалось среди отличников (59%), что объясняется, как ни парадоксально, их повышенной ответственностью.

Именно отличники отметили «подавляющий» (слово из анкеты) характер системы, чувствуя при этом подсознательно, что одна из причин неудовлетворенности заключена в их ошибках: «Слишком увлеклись рейтингом и поэтому быстро «выдохлись», но по-другому было невозможно, поскольку материал необходимо было проработать весь. В большом объеме вся проблема, но весь

материал необходим. Поскольку в целом сделать было ничего нельзя, поэтому работали на максимуме». Именно поэтому, хочется продолжить тему, у отличников №р «зашкаливал», превысив норму в полтора, почти в 2 раза. Очевидно, что вопреки представлению студента, проблема заключается не в предложенном объеме заданий и источников информации, а в отсутствии умения выбрать, разработать лично для себя стратегию отбора и распределения собственных усилий в течение всего семестра. Задача преподавателя заключается в предоставлении студентам критериев отбора, которые смогут послужить им ориентирами в море новой информации.

Схожая по результатам картина сложилась по оценке элементов дистанционного образования: при отмеченных недостатках новый подход признали в целом более эффективным - положительные оценки преобладают над негативными (61%). Причем, как и в случае с рейтинговой системой, этот показатель выше у менее успешных и в группе с хорошим №р (соответственно 73 и 58%). Они отметили такие преимущества дистанционного общения, как «освоение новых технологий», «необычность обучения», «широкое поле для деятельности», «ясно отражает подготовленность студента к семинару», «больше свободы, возможность самому планировать», «легкость, быстрота», «круглосуточная работа», «возможность не отстать от обучения», «удобно для застенчивых».

Отличники выделили другие преимущества: «дает возможность студенту сдать больше работ, чем он смог бы ответить на семинаре», «развивает в студенте привычку к самоорганизации своей деятельности». Кроме того, во многих ответах повторялись следующие достоинства рассматриваемой образовательной модели: «развитие письменной речи», «раскованность, свобода в своих высказываниях», «один на один в письмах», «облегчает общение учащихся и учителя», «можно оценить ошибки и удачи группы в целом и каждого», «домашняя обстановка», «психологически легче».

Серьезными были замечания по поводу принципиальных ошибок в организации образовательного процесса: «нет интереса работать на семинаре после дистанционного зачета баллов», «не стыкуется с семинарами в аудитории», «в обсуждении материал прорабатывать легче, более просто и доступно», «отсутствие обмена идеями с друзьями снижает активность на семинаре».

Из этого следует, что, безусловно, семинар должен служить «форумом», площадкой для обсуждения проблем, а не рассмотрения результатов самостоятельной обработки источников в соответствии с очень подробно расписанным сценарием. Только в этом

случае не будет дублирования ответов (дистанционных и аудиторных), выстроится двухуровневая система подготовки и проведения семинарских занятий, сложатся условия для теоретического осмысления конкретно-исторического содержания курса.

Наши добрые студенты отметили среди серьезных недостатков дистанционного общения «трудоемкость для преподавателя», «возрастает информационная нагрузка на преподавателя», «большая нагрузка на преподавателя» и негативные последствия для всех: «много времени за ПК», «портят зрение, сидя за ПК». К сожалению, это справедливые замечания. Разумеется, что высокая степень интенсификации труда как вполне естественное следствие внедрения инновационных технологий в высшее образование должна повлечь за собой пересмотр принципов планирования учебной нагрузки преподавателя в сторону стимулирования таких опытов.

Воспитательное значение предпринятой в данном случае системы трудно переоценить. Об этом свидетельствует «работа над ошибками», проведенная студентами: «не сразу включился – трудно было догонять», «пропускал занятия», «неравномерно распределил нагрузку», «ленился, мало работал с источниками», «не давала и не выяснила многих вопросов», «переоценка своих возможностей, способностей», «часто полагалась на мнение других и давала неправильный ответ, думая, что неверным является мой». Самым горьким было признание, сделанное анонимно: «Ошибка в том, что было слишком мало уделено внимания предмету, который мне давно наиболее интересен. В настоящее время я чувствую значительные упущения и разочарование в себе по поводу недополученных знаний».

Благодаря организованной самостоятельной работе студенты ощутили связь преподаваемого курса с жизнью, оценили его прикладное значение: «курс стал прологом советского государства и одновременно завершающим этапом царской России. Критическое отношение к нему предопределяет критическое восприятие и современной России»; «вообще у меня мало политических знаний»; «Я, может быть, не овладела всей теоретической информацией, но в чувственном отношении к России я изменилась»; «Самое главное – нужно обращать внимание на суть проблемы».

Таким образом, эффективность предлагаемых вузовской дидактикой новых форм работы заключается в большей интенсивности труда студентов и преподавателя по сравнению с традиционными методиками. В интеллектуальном, психологическом и социальном значении они адекватны современным социокультурным реалиям, которые воспитывают ответственность за самостоятель-

ный выбор собственной траектории движения в образовательно-информационной среде. Модульно-рейтинговая система в единстве с элементами дистанционного обучения обеспечивает активное формирование большей части всех общекультурных и профессиональных компетенций, которыми должен овладеть студент.

Вместе с тем, включение новых дидактических форм в практику преподавания требует глубокой предварительной подготовки: научного обоснования, создания сетевых учебно-методических и информационных комплексов, существенного пересмотра устаревших норм распределения учебной нагрузки, сложившихся в совершенно иных социокультурных условиях, связанных с преобладанием экстенсивного труда в деятельности преподавателя и студента.

Библиографический список

1. Писарев, Д.И. Полное собрание в шести томах. Т.3. [Текст]. – СПб. 3-е издание Ф. Павленкова, 1901. – 138 с.
2. Карсавин, Л.П. Философия истории [Текст]. – Спб., 1993. – 213 с.

УДК 37.091.4

В. В. Кумсков

История в педагогической концепции Джона Дьюи

Идеи американского философа и педагога Джона Дьюи оказали существенное влияние на развитие образования во всем мире. Являясь приверженцем идей «свободного воспитания», он был последовательным критиком традиционной педагогики, с ее классно-урочной системой обучения. Дьюи одним из первых обратил внимание педагогов на необходимость коренной перестройки образовательной системы. Ее суть заключалась не только в переориентации образования на ребенка, изменении форм и методов работы, он считал важным изменение роли и места различных предметов в образовательном процессе. Особое место в его философско-педагогической концепции отводилось такой дисциплине, как история.

Среди исследователей педагогического наследия Дьюи нет работ, посвященных изучению роли, места и содержанию предмета «история» в школе. Российские авторы В.В. Горшкова и Е.А. Митковец в своей работе «Педагогическая философия Джона Дьюи» [2], представляющей комплексное исследование философ-

ско-педагогической концепции американского педагога, частично затрагивали данный вопрос. В ходе исследования авторы подводят нас к пониманию того, что дисциплина «история» занимала одно из ключевых мест в образовательной системе Дьюи. Отдельного внимания заслуживает работа советского ученого Б. Б. Комаровского «Философия воспитания Д. Дьюи в связи с историей американской педагогики». [10] Автор, являвшийся одним из ведущих исследователей идей Дьюи в конце 1920-х гг., не только знакомил с наследием известного ученого, но и изучал влияние этих идей на американскую педагогику. Хотелось бы отметить работу зарубежного автора Р. Вестбука [1], исследовавшего основные положения прагматической концепции Д. Дьюи. Исследования отечественных авторов В.В. Макаева [11] и А.А. Карачева [12] представляют собой попытки использования идей Дьюи для реформирования образования в России на современном этапе.

Среди педагогических трудов Дьюи нет специальных трудов, посвященных данному вопросу, есть лишь работы, которые содержат отрывочные сведения о преподавании истории в школе. Этот вопрос автор освещает в нескольких работах с незначительными правками в более поздних трудах. В полном собрании сочинений Дьюи содержится статья под названием «History for the Educator» [13]. В этой статье большое внимание уделено содержанию предмета «история» в школе, скорее всего она и была включена в состав таких трудов, как «Введение в философию воспитания» [3], «Школа и общество» [6] и «Школа и ребенок» [7]. «Мое педагогическое кредо» [5] являлось своего рода программой действий. В этой работе Дьюи впервые освещал свои взгляды на развитие образования, затрагивая при этом и значение истории - как учебной дисциплины. В своей фундаментальной работе «Демократия и образование» [4] Дьюи излагает окончательно сформированное представление об «истории» как об одной из ключевых школьных дисциплин.

Ключевым понятием философии Дьюи является «опыт», он служит фундаментом, на котором выстраивается концепция американского ученого. Цель образования он видел в непрерывном получении и преобразовании личного опыта каждого ребенка. «Содержание образования воплощает опыт человечества, и именно поэтому к нему обращен незрелый опыт ребенка», - считает Дьюи [3, с. 17]. Это высказывание во многом определяет место и роль дисциплины история в образовательном процессе в концепции американского педагога. Дьюи являлся приверженцем идеи неразрывной связи школы и реальной жизни. «Отправной точкой для движения мысли может быть только настоящее, его проблемы, ак-

туальные для данной личности. Попытка решить эти проблемы обращает к опыту прошлого, чтобы найти в нем нечто помогающее ответить на сегодняшний вопрос», - считали В.В. Горшкова и Е.А. Митковец [2, с. 50]. Такое понимание взаимосвязи настоящего и прошлого делало историю ключевой дисциплиной в педагогической концепции Дьюи. Фактически он совершил переворот в образовании, история превратилась из прикладного предмета в традиционной образовательной системе в один из ключевых предметов школьной программы в концепции американского ученого.

Дьюи предложил пересмотреть содержание исторического образования в школе. В традиционной школе «история» представлялась как нагромождение выводов и действий, как отчет о том, что произошло. Изучение истории не есть накопление «груды сведений», но применение этих сведений для создания живой картины: как и почему люди поступали так или иначе; как они добивались успеха или терпели неудачу. Для Дьюи история - это процесс, полный сил и действий. Поэтому его, в первую очередь, интересует не политическая история, а история социальная. «История как учебный предмет это свод известных фактов о жизни и деятельности социальных групп, с которыми неразрывно связано наше собственное существование» [4, с. 196]. Эта идея приобретала особую актуальность в рамках его концепции школы как социального института. По мнению педагога, дети в процессе обучения должны были не просто познакомиться с периодами развития жизни общества, а пропустить их сквозь себя: «Я считаю, что единственный путь дать возможность ребенку осознать его социальное наследие - это позволить ему опробовать те виды деятельности, которые делают саму цивилизацию тем, что она есть» [5, с. 6]. Учиться истории, по Дьюи, значит увеличивать способность понимать связи между людьми. Главными в изучении истории становились не события или факты, а стремление понять мотивы, которыми руководствовались люди в различные эпохи.

Для достижения поставленной задачи Дьюи обращается, в первую очередь, к экономической и промышленной истории. Необходимость изучения в школе именно промышленной истории он связывал с тем, что она выделяет две важные стадии социальной жизни. Во-первых, предоставляет знания о последовательности причин социального прогресса, а во-вторых, предоставляет деятельность человека, связанную с обеспечением жизни [4, с. 201]. Стремление каждого человека к овладению господством над миром природы - вот главная причина прогресса. Поэтому промышленная история может показать проблемы общества, которые послужили толчком для новых открытий. Преимущество изучения

промышленной истории Дьюи видел в возможности знакомства учеников с прогрессом методов и результатов познания. В целом, развитие мышления и методов познания он ставил главной целью всей образовательной системы.

Та же самая цель стоит перед Дьюи, когда он включает в содержание курса истории изучение биографий деятелей прошлого. Он считает, что исторический материал сильнее всего и живее всего воспринимается ребенком, когда он преподносится ему в форме рассказов об отдельных личностях, когда он концентрируется в рассказ о жизни и деятельности героя. В то же самое время американский педагог говорил о сложности использования «биографического метода». Биография исторического деятеля, по мнению ученого, не просто рассказ о нем, а целостная картина социальной жизни общества, в котором живет этот человек. Дьюи считал: «Великие герои, влиявшие на судьбу человечества, - не политические деятели, генералы и дипломаты, а ученые, исследователи и изобретатели, вложившие в руки человека средства расширения опыта и управления им» [7, с. 46]. Поэтому особенно важным становится изучение причин и мотивов, толкавших этих людей на совершение действий, которые определили ход мировой истории. При таком подходе история становится орудием для изучения социальной жизни общества.

Много внимания в изучении истории в школе Дьюи отводил значению хронологического порядка. Дьюи одним из первых обратил внимание на психологические особенности преподавания истории в школе. Занимаясь исследованиями в области психологии, он пришел к выводу, что для детей младшего школьного возраста крайне сложно понять особенности хронологии и локализовать события во времени. Поэтому он предлагал использовать хронологический принцип лишь для учеников старшего возраста.

Каким же образом идеи Дьюи о преподавании истории в школе реализовывались на практике? Ответ на этот вопрос можно найти в произведениях ученого, в частности, в его работе «Школы будущего» [8]. Работа строилась в виде выполнения различных проектов, где активно использовались труд и игра. Примеры, которые приводит Дьюи, поражают воображение и сейчас. Например, строительство бунгало школьниками. В ходе выполнения работы они решали целый комплекс вопросов, который затрагивал историю, географию, математику, геометрию и прочие предметы [8, с. 49]. Интересным выглядит проект, выполнявшийся в одной из школ города Чикаго, когда дети для изучения истории строительства их города использовали мокрый песок [8, с. 51]. Подобных примеров множество. Все это говорит о том, что концепция препода-

давания истории, предложенная Дьюи, в короткие сроки получила самое широкое распространение.

Итак, несмотря на отсутствие специальных работ Джона Дьюи, посвященных проблемам места, роли и содержания исторического образования, можно с уверенностью сказать, что он серьезно и последовательно подходил к решению этого вопроса. Прежде всего, он опирается на основные положения философско-педагогической концепции, а именно: теорию «опыта», связь школы и реальной жизни, идею школы как социального института. Дьюи подходил к вопросу содержания дисциплины «история» со свойственным ему новаторством. Он специально выделил те аспекты изучения истории в школе, которые наиболее успешно можно было реализовать в рамках его педагогической концепции, где история являлась системообразующей.

Библиографический список

1. Вестбрук, Р. Джон Дьюи [Текст] /Р. Вестбрук//Мыслители образования. -1994.-№1-2. - С. 269-285.
2. Горшкова, В.В., Митковец, Е.А. Педагогическая философия Джона Дьюи [Текст] /В.В. Горшкова, Е.А. Митковец.- Спб.: Петрополис, 2008. – 168 с.
3. Дьюи, Д. Введение в философию воспитания [Текст]/ Д. Дьюи. - М.: Работник просвещения, 1921 - 63 с.
4. Дьюи, Д. Демократия и образование [Текст]/ Д. Дьюи. - М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
5. Дьюи, Д. Моя педагогическая вера [Текст]/ Д. Дьюи//Свободное воспитание. -1913. - № 1.- С. 3- 16.
6. Дьюи, Д. Школа и общество [Текст]/ Д. Дьюи. - М.: Работник просвещения, 1925. – 127 с.
7. Дьюи, Д. Школа и ребенок [Текст]/ Д. Дьюи. - М.: Работник просвещения, 1922. -61 с.
8. Дьюи, Д., Дьюи, Э. Школы будущего [Текст]/ Д. Дьюи, Э. Дьюи. - М.: Работник просвещения, 1922 – 152 с.
9. Карачев, А.А., Каплин Р.Е. Категория опыта в педагогической концепции Джона Дьюи и проектные метод обучения школьников [Текст] /А.А. Карачев, Р.Е.Каплин// Преподаватель XXI века. – 2007. – №1. – С.67-73.
10. Комаровский, Б.Б. Современные педагогические течения: Философия воспитания Дж. Дьюи в связи с историей американской педагогики [Текст] /Б.Б. Комаровский. – Баку, 1930. 271 с.
11. Макаев, В.В., Еловой, Ю.И. Прагматическая педагогика Джона Дьюи и современность [Текст] /В.В. Макаев, Ю.И. Еловой.

- Пятигорск, 1993. - 29 с.

12. Dewey, J. History for the Educator [Text]/J. Dewey// Middle works Vol.4. - London. -1977. P. 192-196.

УДК 373.5

Н. Ф. Труфанова

Воспитание гражданственности у школьников на уроках истории

Общество всегда было заинтересовано в том, чтобы воспитывать молодых людей, твердо верящих в свой нравственный идеал, для которых осмысленная любовь к Родине является важнейшей жизненной ориентацией.

Государственная образовательная политика нацеливает нас, учителей истории, на усиление воспитательной доминанты в преподавании предмета «История», определяя воспитание гражданственности у подрастающего поколения как приоритетное направление в развитии школьного исторического образования [6;7;9].

Термин «гражданственность» активно используется в педагогической практике преподавания истории, однако на сегодняшний день одни учителя отождествляют гражданское образование с патриотическим, иногда с военно-патриотическим воспитанием на основе предметного содержания истории, другие вкладывают в понимание гражданственности правовое содержание. Возникает вопрос: как же мы можем разрабатывать пути достижения цели, если сама цель видится нам достаточно неопределенно? Какие качества личности учеников мы должны воспитывать на уроках истории? Следовательно, разработка дидактического комплекса по реализации воспитания гражданственности требует насущной необходимости определиться в базовых представлениях о современной гражданственности.

Сложность, комплексность и недостаточная разработанность темы гражданского образования обусловлены наличием неоднозначных подходов в вопросах целеполагания и содержания гражданского образования. Сама идея гражданственности связана с природой гражданства и определяется им. Следовательно, несомненна прямая связь содержания понятия гражданственности с политико-правовой принадлежностью личности (гражданина) к определенному

государству. Словарь С.И.Ожегова дает следующее определение: «Гражданин – лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью политических и иных прав и обязанностей» [8, с. 132]. Исходя из этого определения, «гражданственность» следует рассматривать в нескольких аспектах: политическом, правовом, нравственном. Размышления над вышеперечисленными подходами к понятию «гражданин» приводят к выводу о том, что гражданственность определяется как интегративное качество личности, позволяющее человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным.

Опыт европейских систем образования свидетельствует о наличии политической или правовой доминанты в содержании гражданского образования, отечественное гражданское образование большей частью представляется как гражданско-правовое, гражданско-патриотическое образование. Интересно отметить тот факт, что изучение и анализ общих тенденций гражданского образования в России и Европе позволяет найти ответы на многие вопросы о причинах проблем в воспитании гражданственности современной молодежи в нашей стране. Обращает внимание следующая особенность российского гражданского образования. Прежде всего, речь идет о существовании и развитии гражданского общества на Западе на протяжении двух столетий, в то время как гражданское общество в России испытывает процесс становления. Представления о гражданском обществе и навыки деятельности граждан в условиях этого общества находятся в стадии формирования, что осложняется специфическими особенностями социально-экономической, политической и духовной сфер жизни современной России. В этой связи в нашем обществе и в отечественной науке продолжается дискуссия о воспитательно-образовательных и идеологических аспектах гражданско-патриотического воспитания в школьном курсе истории России. Возникло серьезное нарушение относительного равновесия между поколениями в гражданско-патриотическом воспитании. «Идет информационно-психологическая война: наши школьники перестают воспринимать то, чтобы быть гражданами своей страны, полноценными людьми», - отмечает Е.Е. Вяземский [5]. Избыточную остроту этой проблеме придает политическая борьба разных общественных сил и движений вокруг исторического наследия, особенно советского периода, и его ценностных оценок.

Анализ проблем гражданского образования на основе предметного содержания истории приводит к пониманию *причин*

существующего разночтения в содержании гражданского образования, понятийном аппарате, методике и, следовательно, подвергающимся критическим оценкам в обществе результатам воспитания гражданственности среди молодежи в мире в целом и в России, в частности. Во-первых, это различие в представлениях о мироустройстве, о влиянии глобализации на понимание гражданственности, интернационализацию общественной жизни, а также проблема преодоления противостояния между Западом и Востоком. Кроме того, существует еще одна общая для всех систем образования проблема взаимоотношения личности и государства, гражданского общества и государства. Суть проблемы представляется в следующем: какова степень возможного участия государства в организации политики гражданского образования и способно ли современное гражданское общество взять на себя инициативу в осуществлении задач гражданского образования?

Важным фактором в том, что существуют различные представления о целях и содержании гражданского образования на уроках истории, является дискуссия по поводу формационного и цивилизационного подхода в изучении истории. Эта дискуссия отражает и разные представления о России: с одной стороны, как о стране «догоняющего развития», а с другой стороны, как о самобытной в развитии общества и государственности. Следовательно, как отмечает профессор А.Б. Соколов, извлечение «урока» из истории в плане воспитания определенных качеств личности, создания «галереи героических образов» при разных методологических подходах могут «не сработать», так как в другом случае может быть множество «уроков» [12]. В данном контексте и отечественный автор В. О. Мушинский говорит о гражданственности как о внутреннем состоянии человека, настрое его души [10]. Такая позиция явно отражает цивилизационный подход в изучении истории [14]. Интересно отметить, что в условиях кризиса комплекса традиционных ценностей в нашей стране (как, впрочем, и за рубежом) подобные модели гуманитарного образования позволят построить новую стратегию социального поведения для современного человека. Центром такой модели выступает ценность человеческого существования и его гармония с миром природы и социума. В исследуемом контексте можно привести представление о назначении истории английского автора Р. Коллингвуда: «История есть самопознание духа» [13], то есть только изучение истории позволяет понять самого себя во времени и пространстве, почувствовать связь поколений, выработать моральные критерии, которыми придется руководствоваться в жизни. Следовательно, данный

методологический подход находит отражение и в области гражданского образования не только за рубежом, но и в российской школьной системе исторического образования, так как нацеливает образовательный процесс на изучение различных аспектов жизни локальной цивилизации, взаимодействий конкретных социальных групп и конкретных представителей социума [14].

Отечественный автор Л.Н. Алексахина, например, отмечает: «История представляет человека, события, ситуацию в их конкретности, целостности. Это многообразная картина социального, нравственного, коммуникативного и созидательного опыта людей» [1]. Следовательно, поддержать стремление подрастающего поколения к усовершенствованию в любой созидательной деятельности – разве не в этом смысл гражданского воспитания и гражданского образования? Таким образом, различия в методологических подходах в изучении истории и в отечественной и в зарубежной практике исторического образования оказывают влияние и на понимание прогнозирования результатов, на конструирование содержания и создание дидактического, методического комплекса гражданского образования. Определение базовых основ гражданского образования и целеполагающих ориентиров воспитания гражданственности поможет синтезировать различные подходы в изучении многообразного опыта взаимодействия людей для поддержания стремления подрастающего поколения к улучшению качества жизни.

Итак, основной вопрос дидактики гражданского образования, по-видимому, в первую очередь сводится к пониманию ценностных ориентаций гражданского общества. В условиях демократических преобразований, образовательных систем речь идет о таких ценностях, которые остаются постоянными на различных этапах развития человеческого общества, несут в себе гуманистическое начало. Утверждение общечеловеческих ценностей составляет содержание гуманизации. Личность не может развиваться вне выбора альтернатив и целеполагания. Соотношение свободы, выбора и меры ответственности является интегрирующей основой понимания прав гражданина [3]. Суть дела состоит в том, чтобы взглянуть на проблемы прав и свобод человека как на универсальные ценности – нормы цивилизованного общества, вне и помимо которых невозможны уже не только справедливость, но и выживание человека [2; 3]. Как отмечается в международном документе «Всеобщая декларация прав человека», уважение к правам

человека и человеческое достоинство является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Следовательно, мировоззрение гражданина любого государства - представителя мирового сообщества - должно формироваться на основе принципа гуманизма. Социально-гражданская компетентность предполагает наличие совокупности знаний в области права, социологии, экономики, политологии, позволяющих личности свободно ориентироваться в жизни гражданского общества, правильно определить линию своего поведения и строить жизненные планы. Ориентир на становление у школьников не только социально-гражданской компетентности, но и **гражданской позиции** требует такого отбора содержания обучения, при котором обеспечивалось бы единство когнитивного (знаниевого), аксиологического (ценностного), деятельностно-практического компонентов содержания [6;7;9]. Знания о человеке и обществе должны предстать перед учащимися не односторонне, а комплексно. Научная картина мира немыслима без целостного представления об обществе и современных проблемах человека. Такая новая содержательная доминанта гражданского образования все чаще высказывается в выступлениях представителей отечественной и зарубежной педагогики. В настоящее время выработаны компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе [11].

Формирование гражданского самосознания, также как и гражданственности, является целью гражданского образования [6;7;9]. Содержание понятия «гражданское самосознание» с политико-психологических позиций - это ряд представлений и самооценок относительно статуса и перспектив развития общества. Гражданское самосознание - базовая составляющая социального сознания, ориентир гражданского поведения [6]. Гарантией соблюдения истинных гражданских отношений в обществе является осознание гражданином своих прав и свобод, способность к самоотчету, высокие личные качества, понимание долга. Все это является гарантией гражданских достоинств самого общества и гражданских отношений в нем.

В области гражданского образования учащихся на основе изучения истории в современной отечественной школе действительно общее целеполагание образования - формирование у обучающихся гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, самостоятельности, инициативности, способности к успешной социализации в обществе [4]. Обучение направлено на осознание ребенком себя как гражданина России, представителя исторически сложившегося

гражданского, этнокультурного, конфессионального сообщества в пространстве мировой культуры [4; 7].

Исходя из анализа современных подходов к вопросам целеполагания и содержания гражданского образования школьников на основе изучения истории, можно сделать следующий вывод: сущностные и смысловые характеристики содержания гражданского образования зависят от представлений о доминирующих позициях политологических, правовых, нравственных аспектов гражданского образования, а также методологических подходов в изучении истории как науки. Следовательно, структурное и дидактическое содержание гражданского образования также имеет вариативный характер.

Анализ вышеперечисленных подходов к понятию «гражданственность» позволяет сделать вывод о некоторых гражданских компетентностях личности, благодаря которым человек ощущает себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным: умение самоидентификации себя как гражданина своего государства, представителя своего народа, культуры, цивилизации; умение использовать исторические знания для оценки текущих событий, понимания человеческих намерений с последствиями их осуществления. С этой точки зрения историческое образование служит развитию личности, формированию качеств и умений, необходимых для жизни в демократическом обществе. Таким образом, выявляется «аккумулятивная» цель гражданского образования, которую можно сформулировать следующим образом: формирование гражданской позиции личности на основе устойчивых представлений о перспективах жизни в гражданском обществе.

Исходя из исследования теоретических основ гражданского образования и воспитания гражданственности на базе социально – гуманитарных дисциплин, можно выделить ряд новых ориентиров современного воспитания гражданственности и гражданского образования на основе школьного исторического образования [11].

Исследование базовых основ воспитания гражданственности и гражданского образования в современном российском обществе и национальной системе образования приводит к выводу о том, что концептуальное и содержательное направление гражданского образования находится в режиме создания и апробации. Воспитание гражданственности, несомненно, является основой развития гражданского общества. История развития правового государства и гражданского общества в России и в других странах помогает глубже понять настоящее. Современное преподавание истории в школе ориентировано на

понимание молодым представителем гражданского сообщества исторического опыта как обобщенного опыта человечества, которым нужно научиться пользоваться.

Библиографический список

1. Алексашкина, Л.Н. Активизация познавательной деятельности учащихся при изучении истории [Текст] // Л. Алексашкина // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 6. – С.12–20.
2. Барабанов, В.В., Морозова, С.А. Некоторые аспекты гражданского образования в России [Текст]: проблемы и перспективы // Гражданское образование: материалы международного семинара. – СПб, 1997, – С.74–80.
3. Баранов, П.А. Современный гуманизм и гражданская позиция личности [Текст]: материалы Международного семинара. – СПб, 1997. – С.71–73.
4. Боголюбов, Л.Н. и др. Концепция гражданского образования в общеобразовательной школе [Текст] / Л. Боголюбов // Преподавание истории в школе – 2003. – №9. – С.18–23.
5. Вяземский Е.Е. Историческое образование в России: проблемы и тенденции [Текст] / Е. Вяземский // История. – 1999. – №6. – С.18 – 21.
6. О воспитании гражданского самосознания у учащихся общеобразовательных учреждений Ярославской области [Текст] / под ред. Л.А. Харитоновой. – Ярославль, 2003.
7. О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений РФ [Текст]: Письмо МО РФ от 15.01.2003г. – №13-51-08(13).
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., 1973. – 809 с.
9. О преподавании учебного предмета «История» в общеобразовательных учреждениях Ярославской области в 2010/2011 учебном году [Текст]: методическое письмо. – Ярославль, 2010.
10. Мушинский, В.О. Азбука гражданина [Текст] / В. Мушинский. – М., 1997. – 512 с.
11. Полторац, Д.И. Содержание исторического образования в зарубежной школе [Текст] / Д. Полторац // Преподавание истории в школе. – 2008. – №2. – С. 61–65.
12. Соколов, А.Б. Историческое образование в школе: современные вызовы и стратегия развития [Текст] / А. Соколов // Преподавание истории в школе. – 2010. – №2. – С. 61–67.

13. Соколов, А.Б. Методология истории и практика школьного обучения [Текст] / А. Соколов // Преподавание истории в школе. - 2008. - №5. - С. 43-51.

14. Троицкий Ю.Л. История в образах. [Текст] / Ю.Троицкий. – История. - 2001. - №3. - С. 12-19.

УДК 373.5

Н. А. Валеева, О. А. Гуськова

**Методические приемы развития личностных УУД
на уроках истории и обществознания
как средство профилактики абсентизма в подростковой среде**

Начиная с конца 1980-х г., постепенно нарастала неудовлетворенность общества результатами школьного образования, ориентацией на конкретные знания и умения по отдельным учебным предметам, поскольку «за этими предметными результатами терялась личность ребенка, развитие которой - смысл и цель образования» [4, с. 4]. Осознание этого привело к формированию его новых целей и ценностей, к новому пониманию образовательных результатов, определяющих качество образования в его современном звучании.

Приоритетным направлением новых образовательных стандартов является реализация *развивающего* потенциала образования [2, 3]. *Актуальной* задачей образования становится обеспечение развития универсальных учебных действий (УУД), под которыми понимают обобщенные способы действий, открывающие широкую ориентацию учащихся в различных предметных областях [7, с. 7]. В Федеральном государственном образовательном стандарте второго поколения в составе основных видов УУД выделено четыре блока: личностный; регулятивный; познавательный, коммуникативный. Владение универсальными учебными действиями оценивается в трех видах образовательных результатов: личностных, метапредметных и предметных.

Владение УУД позволяет человеку быть успешным в любой сфере профессиональной и общественной деятельности, в том числе и в личной жизни. Формирование личностных универсальных учебных действий (ЛУУД) обеспечивают ценностно-смысловую ориентацию учащихся (знание моральных норм, умение соотносить поступки и события с принятыми этическими принципами, умение выделить нравственный аспект поведения) и ориентацию в социальных ролях и межличностных отношениях.

Применительно к учебной деятельности следует выделить три вида личностных действий: самоопределение (личностное, профессиональное, жизненное), смыслообразование, нравственно-этическая ориентация.

В процессе формирования ЛУУД в подростковом возрасте в связи с систематическим изучением таких школьных предметов, как история, обществознание, право, в профильных классах специфической формой самоопределения является формирование основ гражданской идентичности личности. Подростковый возраст - важный этап формирования готовности к личностному самоопределению на основе развития самосознания и мировоззрения, выработки ценностных ориентаций и личностных смыслов, включая формирование гражданской идентичности, поскольку именно на подростковый возраст приходится развитие самосознания, становление морально-этических инстанций, опосредствующих поведение, деятельность и взаимоотношения (Л.И. Божович [1], Д.Б. Эльконин [9]).

Современная история России показывает, что только активная гражданская позиция является необходимым условием становления полноценного гражданского общества и демократического правового государства. Знания о власти, правовой основе организации общества, государственной символике, общественно-политических событиях, о выборах, политических лидерах, партиях и их программах, ориентация в их функциях и целях, участие в общественной жизни, желание и готовность участвовать в общественно-политической жизни страны; самостоятельность в выборе решений, способность противостоять асоциальным и противоправным поступкам и действиям; ответственность за принятые решения, действия и их последствия - все эти компоненты являются фундаментом ЛУУД.

Политический абсентеизм представляет собой отчуждение определенных социальных групп и индивидов от властных институтов и от власти как таковой, пассивный протест населения проявляется в безразличии к осуществлению человеком своих прав и обязанностей, а как итог - к собственному будущему и будущему своей страны.

Начало осмыслению феномена абсентеизма было положено еще в конце XIX - начале XX вв. Первыми исследователями абсентеизма были представители Чикагской школы политических наук Ч.-Э. Мерриам и Г.-Ф. Госснел. Свою вклад в исследование феномена абсентеизма внесли также такие известные мыслители, как Р. Дарендорф, П. Бурдьё, М. Дюверже, С. Липсет, Е. Вятр, Р. Джессоп, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Й. Шумпетер, Р. Даль,

которые сформулировали базовые теоретические положения, анализирующие феномен абсентеизма. Для преодоления абсентеизма необходима его профилактика, причем на ранних стадиях, в период подросткового возраста, когда формируются основные жизненные ориентиры.

Выделяются следующие причины политического абсентеизма:

- непонимание значимости собственной роли в политических процессах;
- отсутствие веры в возможность что-нибудь изменить;
- распад групповых ценностей, отсутствие собственной позиции [2, 8].

Для формирования ЛУУД нами были выбраны следующие методы.

Во-первых, анализ нормативных документов: Конституция РФ, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в действующей редакции), Федеральный закон от 01.04.2005 г. № 182-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» (в действующей редакции). Учащимся предлагаются следующие разноуровневые вопросы: С точки зрения Конституции, участие в политической жизни – право или обязанность граждан РФ? Как граждане РФ могут участвовать в управлении делами государства? Каковы формы участия граждан в политической жизни? Что такое политическое участие? Каким бывает политическое участие? Приведите примеры опосредованного и непосредственного политического участия.

Во-вторых, на следующем этапе ученикам дается задание составить глоссарий избирателя по принципу лингвистического конструктора. Школьники должны проанализировать определение конкретного понятия (абсентеизм, предвыборная агитация, избирательный бюллетень, доверенное лицо, избирательный блок, наблюдатель, паблисити) представленное в справочной литературе, в том числе в сети Интернет, на основании чего сформулировать собственное определение термина. Например: «Выборы – это форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с законодательством в целях формирования органа государственной власти, местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица».

В-третьих, проводится анализ медиаресурсов, который ведется в двух направлениях: анализ телерекламы и рекламных бук-

летов, в том числе анализ политической карикатуры. Примерами сайтов для анализа могут быть следующие ресурсы: альбом «Политическая карикатура» - <http://polikatura.ru/>, http://media-mera.ru/gallery/album_political_caricatures; карикатуры о выборах - <http://ikvo.ru/announce>, серия карикатур Х. Бидструпа - <http://www.bidstrup.ru/>, История политической рекламы - <http://www.33333.ru/public/history.php>.

В-четвертых, рекомендуется провести групповую работу со статистическими данными с целью выявления причин абсентеизма в молодежной среде. 1 группа: определить основные причины пассивности граждан РФ в политической жизни; 2 группа: обосновать причины необходимости участия граждан РФ в политической жизни; 3 группа: выработать пути решения проблемы политической пассивности граждан РФ.

В-пятых, довольно эффективным приемом является интервьюирование и проведение собственного социологического опроса учащимися.

Анкета для проведения социологического опроса содержит примерные вопросы и данные о респонденте (возраст, пол, образование): 1. Знаете ли вы что-нибудь о выборах? (когда будут следующие выборы мэра города Ярославля). 2. Ходите ли вы на выборы? 3. Если нет (да), то почему?

Учащимся рекомендуется опросить родственников, друзей, знакомых, соседей. Затем совместными усилиями данные опроса обработать, а основные выводы сделать на уроке. Итогом должно явиться выявление наиболее активной электоральной группы, классификация причин, по которым граждане принимают или отказываются от реализации своего активного избирательного права.

В-шестых, одним из методов является проведение сравнительного анализа предвыборных обещаний и реальных дел на выборной должности (на основе листовок, рекламных роликов и публикаций).

После чего возможно проведение внутриклассного или внутришкольного референдума. Вниманию учащихся предлагается вопрос, по которому они должны проголосовать «за» или «против»: В некоторых странах борются с абсентеизмом, вводя обязательное голосование и предусматривая различные санкции для тех, кто не принимает участия в голосовании, например, в Австрии, Бельгии, Голландии, государствах Латинской Америки. Стоит ли ввести законодательную ответственность за уклонение от участия выборной кампании?

Кроме того, наиболее эффективным для выявления личностной позиции учащихся выступает прием написания эссе. Тема

предлагается учителем, например, *«Плохие власти выбираются хорошими гражданами, которые не голосуют»* (Д. Нейтан).

Главным вопросом остаются способы контроля и оценки сформированности у детей ЛУУД. На сегодняшний день существует несколько способов проверки, однако, ни один из них нельзя назвать универсальным. Первый - с помощью модифицированных психологических тестов Э. Туэрелю «Конвенциональные и моральные нормы», Ж. Пиаже «Моральная децентрализация», М. Куна «Кто Я?», Г. Ю. Ксензовой «Смыслообразование» [3]. Второй способ – это наблюдение: активно ли участвуют дети в школьном самоуправлении и социальных проектах.

Тем не менее проверить окончательную сформированность ЛУУД предоставляется невозможным в рамках школьного образования. Выявить уровень абсентеизма среди подростков удастся только тогда, когда они получат право участвовать в избирательной кампании.

Библиографический список

1. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте [Текст] / Л. Божович. - М., 1968.
2. Доклад Председателя ЦИК России на торжественном собрании, посвященном 10-летию российской избирательной системы (29 сентября 2003 года, Москва) [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.gd2003.cikrf.ru/cik10rus/sx/art/76369222/cp/1/br/76795394>. Дата обращения - 20.03.2011.
3. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: [Текст] / пособие для учителей под ред. Г. В. Асмолова – М.: Просвещение, 2008. С. 56–76.
4. Кузнецов, А.А. Разработка Федеральных государственных стандартов общего образования [Текст] / А. Кузнецов // Педагогика. – 2009. - № 4. – С. 4.
5. Перминова, Л.М. Дидактические условия взаимосвязи школьных стандартов первого и второго поколений [Текст] / Л. Перминова // Школьные технологии. – 2010. - № 3. – С. 3-9.
6. Перминова, Л.М. Дидактическая взаимосвязь школьных образовательных стандартов первого и второго поколений [Текст] / Л. Перминова // Педагогика. – 2010. - № 4. – С. 26-34.
7. О стандарте второго поколения рассказывает Президент Российской Академии образования академик Александр

Андреевич Кузнецов [Текст] // Воспитание школьников. - 2009. - № 4. - С. 7.

8. Сергеева, Е.Я. Политическое участие и политическая ориентация российского населения: методология исследования и прогнозирования [Текст] / Е. Сергеева. - М., 1995.

9. Эльконин, Д.Б. Избр. психол. труды [Текст] / - М., 1989.

УДК 373.5

Я. С. Соловьев

Историко-обществоведческое образование в системе СПО: проблемы и перспективы

Основной целью СПО является подготовка выпускника, отвечающего квалификационной характеристике, заложенной в стандартах по специальности.

В настоящее время существуют квалификационные характеристики трех уровней:

- квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих;
- должностные инструкции руководителей, специалистов и других служащих;
- ГОС СПО по специальности.

Наиболее важные компоненты подготовки выпускников – содержание образования и содержание обучения.

По мнению Л.Н. Самолдиной, содержание образования – цель, и она отражает требования к знаниям, умениям, навыкам выпускников, к уровню их общей образованности. Содержание обучения – это средство достижения поставленной цели образования. Содержание обучения раскрывается в государственных образовательных стандартах по специальности, через примерный учебный план, наименование учебных дисциплин, дидактические единицы в них, а также через организацию учебного процесса.

Анализируя статьи авторов, обращаясь к вопросам среднего профессионального образования, мы выделили следующие проблемные характеристики историко-обществоведческого образования в системе СПО.

1. Концепция среднего профессионального образования базируется на ГОС СПО II поколения. Она реализуется через фундаментализацию и гуманизацию образования при активной познавательной деятельности обучаемых.

2. В то же время «сегодня наш абитуриент не имеет предварительных знаний по профессии, у него нет четких мотивационных потребностей в ее получении, он не знает особенностей обучения, не представляет себе производство, не настроен в будущем работать в его сфере, поэтому перед педагогическим коллективом должны стоять задачи по выработке у студента осознанности альтернативного выбора» [5, с. 2]. Н.Б. Орлова замечает, что одной из основных проблем исторического образования в рамках СПО является «низкий уровень правовой культуры студентов колледжей, незнание ими норм социального поведения» [3]. Студенты ссуза «не только не умеют работать с историческими источниками, с исторической картой, но и не знают фактический материал, не владеют понятийным аппаратом» [3]. В то же время, по замечанию А.А. Данилова, «особенностью изучения истории в средних специальных учебных заведениях является более широкое, чем на предыдущей ступени обучения, привлечение исторических источников и литературы» [2, с.7].

3. Система СПО имеет двухуровневую систему, две трети студентов которой составляют выпускники среднего (полного) общего образования и одну треть – выпускники основного общего образования [4]. Таким образом, педагоги ссуза сталкиваются с разным уровнем подготовленности студентов, с разными возрастными группами. Учащиеся приходят в техникум из разных школ, где они занимались по учебникам разных авторов и разных линий (А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной, А.Н. Сахарова, Н.В. Загладина и других), и осуществлять преемственность по отношению к этим линиям невозможно.

Кроме того, на сегодняшний день для системы СПО практически не разработано учебников и учебных пособий по истории (исключение составляют учебник В.В. Артемова и Ю.Н. Лубченковой «История отечества с древнейших времен до наших дней») [1]. Но в учебнике рассматривается только история России, а примерная программа предполагает изучение и Всеобщей истории.

4. В государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования общеобразовательная подготовка не входит, но учебные планы учреждений СПО включают цикл «Общеобразовательные дисциплины». Студенты не сдают государственные экзамены по общеобразовательным дисциплинам и не получают аттестат о среднем (полном) общем образовании. Курс общеобразовательных дисциплин в ссузе изучается в течение одного года и составляет 1404 учебных часа. В перспективе в реализации общеобразовательной подготовки, по мнению

Р.Л. Палтиеви́ча, в системе среднего профессионального образования наметились два пути:

- сохранить цикл «Общеобразовательные дисциплины» в строгом соответствии с нормативными документами общеобразовательной школы по структуре и содержанию;

- принципиально изменить структуру и содержание общеобразовательной подготовки, переструктурировать профильные общеобразовательные дисциплины, интегрировать их с общенаучными, общепрофессиональными, увеличив время на их изучение [4, с. 7].

По мнению Н.Б. Орловой, большой проблемой обучения истории в колледжах является то, что студенты изучают курс истории по ускоренной программе – в течение одного года, а не двух, как в школе, при этом они должны овладеть теми же знаниями [3]. Следствием этого является снижение мотивации студентов ссуза по сравнению с учащимися школ. Если для школьника все предметы важны, то студент системы СПО отдает предпочтение профессиональным дисциплинам, для него общеобразовательные и, в частности, обществоведческие предметы являются, как правило, второстепенными.

5. С 1 сентября 2011 г. в системе СПО начинают действовать ФГОС СПО III поколения. На всех специальностях без исключения обязательным предметом становится история. Но стандарт СПО предполагает не изучение исторических эпох или цивилизаций, как в общеобразовательной школе, а рассмотрение основных социально-политических проблем XX-XXI в. Этот курс – не исторический, а скорее обществоведческий, условно его можно было бы назвать «Современный мир». Подобная тенденция наблюдается и в школьном обществоведческом образовании: по последним данным, одним из четырех обязательных предметов должен стать предмет «Современный мир». Система СПО, по всей видимости, выступает «опытной площадкой» для апробации этого курса.

Таким образом, для современной системы СПО характерен ряд проблем, вытекающих из противоречий между высокими запросами общества к профессионалам разных областей и несовершенством этого образования в том или ином аспекте. В сфере исторического образования к студентам ссузов предъявляются более высокие требования, нежели к их сверстникам из школы, но в то же время условия изучения учебного предмета становятся более сложными. Одновременно происходит подмена курса истории обществоведческим курсом.

Библиографический список

1. Артемов, В.В., Лубченкова, Ю.Н. История отечества с древнейших времен до наших дней [Текст]: учебник для ссузов / В. Артемов. - М., 2009. - 360 с.
2. История. Примерная программа для средних специальных учебных заведений [Текст]. - М., 2003. - С.3-18.
3. Орлова, Н.Б. Об изучении истории в колледжах г. Москвы [Текст] / Н. Орлова // Преподавание истории и обществознания в школе. - 2007. - №1. - С. 19-20.
4. Палтиевич, Р.Л. Современное состояние и перспективы общеобразовательной подготовки в ССУЗАХ [Текст] / Р. Палтиевич // Среднее профессиональное образование. - 2006. - № 4. - С. 7-15.
5. Самолдина, Л.Н. Возможные изменения структуры ГОС СПО [Текст] / Л. Самолдина // Среднее профессиональное образование. - 2006. - №3. - С.2-16.

УДК 37.091.3

И. Н. Баранова

Проектная деятельность как фактор социально-личностного развития студентов

Новые реалии образования увеличивают сложность профессионально-педагогической деятельности, связанную с интеллектуальным и эмоциональным напряжением, преодолением социальных затруднений. Современный учитель – уже не просто транслятор определенного объема информации, предусмотренного государственным стандартом, но и консультант, наставник, проектировщик, исследователь [3, с. 4-5]. В этой связи повышается актуальность вопроса о пересмотре педагогического образования в плане его большего соответствия запросам времени. Значение коммуникативной компетенции в профессиональном портрете педагога общепризнано, однако до сих пор критерием оценивания студентов педагогического вуза выступают показатели качества знаний [4, с. 65]. Таким образом, не принимается для серьезного рассмотрения и оценивания такой показатель студенческой активности, как потребность и умение самостоятельно получать знания, активность жизненной позиции, способ выражения и отстаивания собственной точки зрения по проблемным вопросам.

В высшей школе на современном этапе все более широкое признание получает концепция, направленная на такое построение

учебно-воспитательного процесса, при котором обучение решает задачу вовлечения студентов в активную самостоятельную учебно-познавательную деятельность, моделирующую процесс их дальнейшего самообразования. Ориентация на перемены, на планирование будущего в исследовании позволяет В.С. Лазареву отвести ведущую роль в образовании «действиям прогнозирования, моделирования, логической оценки и рефлексии, а также проектирования будущего» [5, с. 12].

Вопросы развития и обучения личности в условиях проектного обучения традиционно привлекали внимание видных представителей самых различных отраслей психолого-педагогической науки. На основе теоретического анализа обнаруживается историческая связь современной теории проектного обучения с идеями педагогики начала двадцатого века (Дж. Дьюи) и методом проектов как одной из первых технологических форм их воплощения в педагогической практике (В.Х. Килпатрик, Е. Коллингс). Дальнейшее развитие данный педагогический феномен получил в трудах М. Кнолла, В. Шолера, Дж. К. Вайса и др.

Рассматривая проектирование как специфическую форму моделирования, направленного не столько на познание отображаемых в модели фрагментов действительности, сколько на создание новых элементов действительности, Н.Н. Нечаев подчеркнул, что проектное моделирование необходимо понимать как развитие самой действительности. Профессиональное творчество есть процесс сознательного определения своих способов деятельности, самоопределения [7, с.79].

Некоторые российские исследователи полагают, что отличительной чертой нашего времени является его «всепроницающая проектность»: проектное обучение, зародившееся в недрах естественно-научного цикла и перенесенное на область гуманитарных предметов, стало методологическим фактором, объединившим традиционно выделяемые сегменты научного знания в общее пространство. Как отмечает И.А. Зимняя, «проектная культура является как бы общей формой реализации искусства планирования, прогнозирования, созидания, исполнения и оформления. Проективность - образовательная тенденция будущего» [1, с. 13].

В современной дидактике проектное обучение рассматривается как основа авторизованного образования (Н.Н. Халаджан), контекстного обучения (А.А. Вербицкий), эвристики (А.В. Хуторской, В.Г. Табачковский). Отечественные исследователи В.В. Гузев, М.В. Кларин, Е.С. Полат, И.Д. Чечель

рассматривают проектное обучение как целостную технологию обучения, способствующую овладению учащимися методологическими знаниями, умениями и навыками самообразования; как средство развития способностей учащихся исследовательских умений, социальных навыков и т.д. В этом случае образование служит непосредственно созданию новых понятий, поиску иных смыслов, становится производительным видом социальной деятельности. Такое концептуальное определение дает Г.Л. Ильин, вводя категорию «проективное образование». Он справедливо утверждает, что образование человека возможно в том случае, если субъектом образования становится сам человек. Он (человек) не только «образовывается», т. е. получает образование, но и сам образует мир - создает свое понимание, свое видение мира и свое место [2, с. 43].

Изучив теоретико-методологические подходы к пониманию проектной деятельности в процессе обучения, мы считаем, что проектное обучение – это тип развивающего обучения в рамках диалогового подхода, предполагающий творческий поиск, обработку и усвоение знаний учащимися в процессе совместной учебной деятельности. Критерием сформированности проектной деятельности студентов мы видим развитие коммуникативных компетенций, адекватную рефлекссию по поводу процесса и результата проектирования, творческую активность. Материализованным продуктом проектирования является учебный проект – самостоятельно принимаемое учащимися развернутое решение по проблеме социального, этического, нравственного, научно-исследовательского характера. В этом случае проектная деятельность является связующим звеном между процессом обучения и социальной действительностью, способствует присвоению молодыми людьми новых понятий, концепций, знаний, а сам процесс обучения становится видом социальной деятельности.

Реализация проектного метода проходила на базе филиала ГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского» в г. Рыбинске. В исследовании приняли участие студенты факультетов физической культуры, иностранных языков, дошкольной педагогики и психологии. Выборка состояла из 73 студентов третьего, четвертого и пятого курсов.

В современных социально-экономических условиях студенты очного отделения филиала в большинстве случаев уже трудоустроены, работают по специальности (воспитатели, педагоги дополнительного образования, учителя в школе, тренеры и т.п.). Опыт наблюдения и анализ посещаемости студентов дневного от-

деления показал, что молодые люди, совмещающие работу и учебу, охотнее посещают те предметы, которые в информационном или методическом аспекте имеют положительное, практическое значение для их работы.

Эти факты определяют ряд особенностей студентов филиала:

- нерегулярное посещение лекционных занятий, в связи с чем увеличивается доля самостоятельной работы студентов по освоению учебных дисциплин;

- определение ценности учебных предметов с точки зрения их значимости для профессиональной деятельности;

- сочетание относительно неглубоких познаний в области теории общественных дисциплин (политология, социология) с обширным социальным опытом, многоплановой системой коммуникаций, информированностью и личным интересом в области общественных отношений;

- заинтересованность в перспективах практического применения теоретических знаний по предметам вузовского цикла.

Учитывая комплекс характерных особенностей современных студентов, мы полагаем, что наиболее адекватным подходом в обучении является диалоговый, позволяющий моделировать соответствующий современным условиям процесс обучения. Кроме того, кардинальное обновление подходов в организации учебного процесса в вузе продиктовано и переходом к кредитной технологии обучения. В этих условиях особое значение приобретает самостоятельная работа студентов, которая становится не просто важной формой образовательного процесса, а является ее основной составляющей. Диалоговый подход предусматривает возможность использования разнообразных методик: дебаты, диспуты, дискуссии, кейсы и пр. Однако, на наш взгляд, проектная методика в большей степени соответствует особенностям студентов филиала:

- позволяет планировать самостоятельную работу по освоению теоретических аспектов дисциплины;

- выявляет «точки интереса», имеющие практическую значимость; представляет собой ценный опыт социально-ориентированной деятельности;

- в случае выполнения проекта в индивидуальной форме – закрепляет чувство ответственности, собранность, волю;

- при групповой работе – развивает коммуникативные качества, аналитические способности.

Таким образом, проектный метод позволяет повышать результативность учебного процесса, заключенную в определенных целях. Как отмечает А. Мелецник, «в качестве цели мы понимаем

предусмотренные заранее результаты учебного курса» [6, с. 8]. Под результативностью в данном случае мы понимаем степень достижения учащимися этих целей, их присвоение как личностно-значимых и их трансформацию в систему профессиональных компетенций, характеризующих выпускника вуза. Помимо практической важности, проектная деятельность имеет большое воспитательное значение: она формирует самостоятельность не только как совокупность определенных умений и навыков, но как черту характера, играющую существенную роль в структуре личности современного специалиста.

В период с сентября 2009 г. по декабрь 2010 г. студентам дневного отделения 3, 4 и 5 курсов филиала ЯГПУ в г. Рыбинске было предложено выполнить самостоятельно или в группе какой-либо проект по предмету обществоведческого цикла: политология, социология, правоведение. Выдвижение замыслов проектов проводилось в форме «мозгового штурма» с последующим выделением «лидера проекта», т.е. человека, который считал предложенный проект не только интересным, но и личностно значимым, а также, при определенном характере и направлении усилий, реализуемым. Вокруг этого «лидера» определялась команда лиц, также заинтересованных в реализации именно этого проекта. Результаты проектов предлагалось оформить в виде отчета с обязательной подготовкой доклада с презентацией на итоговой конференции.

Студенты задумали 27 проектов. Из них на итоговой конференции было представлено 16, а реально реализовано 10, т.е. более трети из задуманного (некоторые не были представлены на конференции). При этом из бизнес-проектов, т.е. имевших в своей основе какой-либо коммерческий интерес, был реализован только 1 проект – «Здоровье нации – основа процветания России»; остальные 9 проектов носили социальный характер, т.е. не были рассчитаны на получение какой-либо прибыли. Среди них можно выделить проекты познавательного-развивающего типа (например, «День карьеры», «Город»), развивающее-развлекательного (например, конкурс «Выборы председателя студсовета»), социальной и благотворительной направленности («Сбор средств в пользу детского дома», «Концерт для ветеранов Афганистана и Чечни») и т.д.

Для более тщательного, детального анализа проектов студентам предлагается заполнить технологическую карту проекта, которая, наравне с конечным продуктом, является показателем успешности проделанной работы. Технологическая карта заполняется студентом в процессе подготовки и реализации проекта и представляет собой три модуля.

- Вводный модуль предполагает планирование деятельности по актуализации имеющихся знаний по теме проекта («мозговой штурм»), определение программы выполнения предложенного задания, определение степени участия каждого члена группы.

- Базовый модуль - подбор, структурирование и анализ новой информации по теме проекта, изучение статистики, проведение эмпирического исследования, подготовка презентации.

- Модуль творческой реализации - представление проекта в студенческой группе в рамках учебного процесса, участие в дискуссиях и обсуждениях защита проекта. В случае успешной реализации задания студентам может быть предложено выступить с презентацией проекта в различных социальных сферах, отличных от образовательной.

Использование технологической карты позволяет студенту более тщательно спланировать собственную деятельность, определить ее этапы и их содержание, собственный вклад в групповой деятельности. Преподаватель оценивает содержание технологической карты, выявляет ошибки и противоречия, допущенные при проективной деятельности, своевременно корректирует их, определяет степень участия каждого студента.

Для определения эффективности применяемой методики мы выделили контрольную и экспериментальную группы, в сентябре 2009 г. проведена диагностика уровня развития коммуникативной компетенции в двух группах. Вычисление достоверности различий между результатами контрольной и экспериментальной группой показало, что t -критерий меньше табличного, значит, различия между средним арифметическим двух групп недостоверны, и разница между \bar{X}_z и \bar{X}_x имеет случайный характер.

Таким образом, можно говорить об одинаковой подготовке контрольной и экспериментальной группы до проведения эксперимента.

Для более точного исследования мы также провели дополнительные измерения (тестирование) на начальном и заключительном этапах работы с проектами для анализа произошедших изменений в социально-личностной характеристике студентов.

- Измерение уровня развития эмоционально-волевого компонента коммуникативной компетенции и определения степени адекватности самооценки студентов своих коммуникативных навыков с помощью шкалы Н.Д. Творогова «Техника общения». В результате мы определили, что на начальном этапе лишь половина студентов, участвующих в выборке, могут адекватно оценить свои коммуникативные способности. В ходе проведения эксперимента

этот показатель увеличился, что говорит о более развитом уровне рефлексии в ходе диалогового обучения.

- Тест «Коммуникативные и организаторские склонности» - для определения выраженности коммуникативных и организаторских способностей как профессионально значимых качеств. На основе ответов на вопросы теста выделено четыре типа коммуникативной компетенции: проблемный (избегают общения, испытывают трудности в конгруэнтном самовыражении); неопытный (предпринимает попытки организовать общение, но испытывает значительные сложности, поэтому чаще прибегает к монологу, не вступая в диалог); ситуативный (не настроен на постоянный диалог, испытывает трудности в регулировании своего психоэмоционального состояния); мастер (грамотно, корректно реализует принцип диалогизма).

Замеры показали, что в условиях постоянной работы с проектами уровень коммуникативной компетенции студентов повышается, молодые люди понимают ценность приобретения навыков диалогизма для будущей профессиональной и социальной деятельности.

По итогам реализации проектов мы вновь провели замеры уровня развития коммуникативной компетенции в контрольной и экспериментальной группах по t-критерию.

Различия между результатами контрольной и экспериментальной группы достоверны, так как расчетный t-критерий больше табличного. Таким образом, можно говорить об эффективности использования проектного метода для реализации диалогового подхода в обучении, позволяющего развивать социально значимые качества будущих специалистов.

Наблюдение за студентами показало, что в подавляющем большинстве случаев они приняли проект как лично значимый, переживали за ход его проведения и полученные результаты, хотя следует отметить, что уровень переживания прямо коррелировал с глубинной личной потребностью тех или иных студентов реализовать его, что проявлялось в количестве потраченного на проект времени, самостоятельно привлеченных ресурсов, демонстрируемом заинтересованном отношении.

Использование диалогового подхода, реализуемого в проектной методике, создает условия для насыщения учебного процесса ситуациями будущей профессиональной и социальной деятельности. В этих условиях студент сознательно строит свое поведение, т.е. имеет место явление самоорганизации, происходит личностный рост, социальное развитие. Поскольку в ходе включения студентов в проектирование у них формируется определенный

стиль профессиональной деятельности, вырабатывается профессиональная компетентность и культура, использование данной методики позволит будущему специалисту повысить свою конкурентоспособность на рынке труда.

Библиографический список

1. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции - новая парадигма результата образования [Текст] / И.Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. - № 5. -С. 46-59.

2. Ильин, Г.Л. Изменения в отечественном образовании в свете Болонского процесса [Текст]: (субъективные заметки) / Г. Л. Ильин // Высш. образование в России. - 2009. - № 8. – С. 40–47.

3. Краля, Н.А. Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся [Текст]: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.П. Дубенского. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 59 с.

4. Крылова, Н. Проектная деятельность как принцип организации и реорганизации образования [Текст] / Н.Крылова // Народное образование. - 2005. – № 2.- С. 64–71.

5. Лазарев, В.С. Деятельностный подход к пониманию качества профессионального образования [Текст] /В. Лазарев. – М.: МИМ ЛИНК, 2000. - 130 с.

6. Мелецинек, А. Инженерная педагогика [Текст] / А.Мелецинек. – М.: МАДИ (ТУ), 1998. – 185 с.

7. Нечаев, Н.Н. Моделирование как творчество: методологические аспекты психологического исследования проектной деятельности [Текст] / Н. Нечаев // Математическая психология: школа В.Ю.Крылова. – М.: Изд-во ИП РАН, 2010. – С. 79-97.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81-11

А. В. Басова

К вопросу о вкладе немецких лингвистов в языкознание

Процесс познания языка имеет долгий и противоречивый путь развития. В античную эпоху проблемами языка занимались философы, в средние века шла титаническая работа по сбору и описанию языковых фактов. В Германии с конца XVII в. к теоретическим проблемам языка обращались ученые, не создавшие каких-либо строгих методов языкового описания и обычно не профессиональные лингвисты, среди них Г.В. Лейбниц (1646-1716) и И.Г. Гердер (1744-1803). В их сочинениях появляется ряд новых идей, главной из которых стала идея исторического развития языка, активно обсуждается также проблема происхождения языка.

С начала XIX в. ведущими проблемами в языкознании стали общетеоретические, которые сменились частными исследованиями отдельных явлений. Немецкие ученые создавали новые лингвистические школы, совершенствовали методику лингвистического анализа, способствовали выделению общего языкознания в самостоятельную дисциплину.

Идею о санскрите как о праязыке одним из первых высказал немецкий ученый Ф. Шлегель, он же ввел термин «индогерманские языки». Среди основоположников сравнительно-исторического языкознания первым всегда называют имя выдающегося лингвиста Германии Ф. Боппа. Знаток санскрита, персидского, арабского, древнееврейского языков, он тщательно исследует древние сказания индийцев, описывает системы спряжения греческого, латинского, персидского, германского языков и доказывает родство европейских языков с санскритом. Больших успехов в изучении германских языков достиг Я. Гримм, известный в литературе вместе со своим братом В. Гриммом как автор сказок и собиратель немецкого фольклора. Он провозгласил знаменитый девиз: «Наш язык – это также наша история», выступает с общелингвистическими работами, например «О происхождении языка», вместе с братом составляет словарь немецкого языка, где отражает словарный состав от Лютера до Гете (первый том вышел в 1838 г., а последний – в ГДР в 1960 г., спустя век после смерти авторов).

Исследования Ф. Боппа и Я. Гримма сделали Германию центром компаративистики. В течение всего XIX в. именно в Германии создаются самые значительные труды по сравнительно-историческому языкознанию. Основы общего языкознания, философия языка были заложены в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. Лингвистикой он занимался лишь в последние пятнадцать лет своей жизни, и многие из его работ увидели свет только после его смерти. В. фон Гумбольдт был разносторонне и блестяще образованным человеком: занимался философией, литературоведением, классической филологией, государственным правом; был выдающимся дипломатом и общественным деятелем, знал множество языков: индоевропейские, туземные языки Америки, малайско-полинезийские, китайско-тибетские и дравидские (индийские). Изучая языки параллельно с антропологией, этнографией, историей, эстетикой народов и племен, он создал оригинальную философию языка. В своем главном труде «О языке кави на острове Ява» (это произведение стало настольной книгой нескольких поколений лингвистов Европы) он стремится «отвлечься от языка - назывателя предметов, чтобы увидеть связь языка с внутренней духовностью народа» [4].

Гумбольдт связал язык с мышлением и нашел эту связь сложной и противоречивой, он считал, что слово не отпечаток предмета, а отпечаток порожденного (предметом) в душе образа. У каждого человека субъективное восприятие, он «не понимает слова точно так же, как и другие» [1]. Складываясь, родственные индивидуальности общего коллектива воздействуют на язык. «В каждом языке заключается своеобразный взгляд на мир, человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и переработать мир предметов, то есть восприятие окружающего мира зависит от особенностей языка» [2]. Был сделан вывод, что изучение чужого языка аналогично приобретению нового мировоззрения, правда, лишь отчасти, так как люди переносят на другой язык мировоззрение родного языка. В наше время концепция Гумбольдта трансформировалась в учение о языковой картине мира.

Большая заслуга Гумбольдта состоит в разработке проблемы формы языка. Он считал, что язык необходимо рассматривать как единое, живое неразрывное целое, находящееся в непрерывном движении. Нельзя форму сводить к склонению, спряжению и другим грамматическим формам, так как есть языки без спряжения и без склонения, но нет языков бесформенных. Язык не может изучаться, как «отмершее растение» [1]. В работе «О различии в строении человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» Гумбольдт выражает уверенность в том, что «ни один

беспристрастный наблюдатель не станет отрицать превосходства санскрита перед китайским, греческого перед арабским, так как в санскрите и греческом всего полнее проявляется синтез внешней и внутренней формы, в силу чего они действуют на дух наиболее всесторонне и гармонично» [1]. Логика его теории дает основание для сомнения в равноправии всех языков и народов, она открыто декларирует превосходство индоевропейских языков над всеми другими языками мира, но нельзя не согласиться с В.А. Звегинцевым, который пишет: «В. Гумбольдт и в настоящее время находятся в центре оживленных дискуссий, он, подобно непокоренной вершине, возвышается над теми высотами, которых удалось достичь другим исследователям» [3].

Немецкие ученые: Ф. Потт (1802-1887) - (основатель научной этимологии, в 1855 г. доказал индийское происхождение цыган, нашел бродячих певцов и музыкантов, кочевавших по северу Индии, из касты неприкасаемых «дом»), А. Кун (1812-1881), В. Шварц (1812-1881) – путешествовали по северу Германии в 1840-х гг., собирали и обрабатывали народные сказания и легенды, исследовали прагерманскую символику, впервые выдвинули гипотезу об индогерманском пранароде, Ф. Диц (1794-1876) – исследовал древнегерманские, религиозные памятники, один из основателей сравнительного изучения романских языков - располагали огромным количеством древнегерманских памятников разных эпох, достигли значительных успехов в языковом описании и сравнении.

Главой натуралистического направления в языкознании стал крупнейший компаративист XIX столетия А. Шлейхер (1821-1868), образованнейший человек своего времени, увлекавшийся философией, ботаникой, садоводством, историей, естествознанием и лингвистикой. Первым из западноевропейских ученых он исследовал данные о славянских и балтийских языках, особенно о литовском, и стал ведущим специалистом по славянским языкам. В 1852 г. вышла в свет его «Морфология старославянского языка». По своим философским взглядам он был стихийным материалистом, огромное влияние на него оказали труды Ч. Дарвина. Отсюда его любовь к естественно-научным терминам, перенесенным в языкознание: организм языка, языковые семьи, родословное древо и другие. Шлейхер считал, что языкознание - естественная наука, следовательно, ее объект (язык) ничем не отличается от объектов биологии и ботаники: языки тоже рождаются, растут, зреют, борются друг с другом за выживание, стареют и умирают.

В XIX в. в этой борьбе победили индогерманские языки. А. Шлейхер был убежден, что родственные языки возникли от одного предка - праязыка, что в глубокой древности праязыков было

множество, но многие исчезли в борьбе за существование, а индоевропейский праязык (калька с нем. Ursprache - древний, дописьменный язык [6]) распался на языки, от которых уже сохранились письменные памятники. Шлейхер занялся реконструкцией праязыка и даже сочинил басню «Овца и кони», чаще других используя санскрит, латинский, литовский, старославянский и немецкий. А. Шлейхер оставил после себя много учеников, среди них немецкий компаративист И. Шмидт, который в противовес теории родословного древа разработал теорию волн; согласно ей диалекты расходились из эпицентров во все стороны, подобно волнам от брошенного камня.

С XIX в. лингвисты, историки, археологи ищут прародину индоевропейцев. Ф. Шлегель считал прародиной Индию, А. Шлейхер – Среднюю Азию, О. Шредер – степи южной России, Г. Хирт – центральную Европу, Г. Вирт – арктический Север. Если предположить существование прародины, то нельзя отрицать и наличие прамирового языка - гипотетического предка всех существующих в мире языков, от которого произошли все современные живые языки и языковые семьи, а также известные мертвые языки. Исследователи предполагают, что далекие связи между языками могут быть выявлены методом массового сравнения лексики с использованием ограниченного списка слов (включая служебные слова и аффиксы) путем подсчета в них родственных, в результате подобных сопоставлений приходят к выводу, что все ныне существующие языки хотя бы отдаленно родственны друг другу, с помощью мощных компьютеров и совершенных программ расширяется доказательная база существования праязыка «хомо сапиенс сапиенс».

Активно включаются в обоснование возможностей единого исходного языка этногенетика и антропология, доказывающие возможности мозга и анатомических органов (мозговой асимметрии черепа, низкого расположения гортани) человека к членораздельной речи десятки и сотни тысяч лет назад. Восстановлением этой общей палеолексикой все более активно занимается «глобальная компаративистика» (а ее описанием – «всемирная этимология»).

Идеи о языке как естественном продукте развития человечества о законах, по которым язык развивается независимо от воли человека, были подхвачены М. Мюллером (1823-1900). В работе «Наука о языке» он сосредоточил свое внимание на общих закономерностях существования и эволюции языка, связывая исследование языков с исследованием культурных и мифологических воззрений народов.

В центре внимания К. Беккера, основоположника немецкой логико-грамматической школы, оказался синтаксис. Беккер выдвинул логико-семантический принцип как основной принцип распределения слов по частям речи и использовал его при анализе членов предложения. Основоположником психологического направления в языкознании стал немецкий ученый Г. Штейнталь (1823-1899) – основоположник лингвистического психологизма, автор работы «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения», благодаря ему появляется учение об особом «языковом мышлении», языковом сознании, при исследовании которого следует опираться на психологию, а не на логику.

Идеи Штейнталья развил В. Вундт (1832-1920), врач по образованию, знаменитый немецкий ученый, психолог, философ, автор работ по медицине, физиологии, логике, этике. В 1900-1920 г. в Лейпциге вышел его многотомный труд «Психология народов, исследование законов развития языка, мифов и обычаев». По мнению Вундта, все психические процессы связаны с физическими (физиологическими) движениями – выразителями первых. Так, волнение вызывает учащенное сердцебиение, расширение зрачков, дрожь в конечностях. Это свойственно и человеку, и животным: выражать движениями свое внутреннее состояние. Не случайно подлинным первобытным языком был язык жестов, более естественный, чем звуковой язык. Жесты, по мнению Вундта, бывают указательные и подражательные. В языке жестов возможны свои диалекты, свой синтаксис, своя этимология, свои предложения, порядок следования компонентов. Язык жестов, считает Вундт, универсален; жесты повлияли на первые формы письма: пиктографию и идеографию. Так, в одном из африканских племен палец, приложенный к губам, возник как символ, означающий *дитя, ребенок; не умеющий говорить, молчащий*.

В 70-е гг. XIX в. группа ученых Лейпцигского университета (Г. Остхоф (1847-1909), К. Бругман (1849-1919), А. Лескин (1840-1916), Б. Дельбрюк (1842-1922), Г. Пауль (1846-1921) и некоторые другие лингвисты) создают свою концепцию языка на стыке лингвистики и психологии. Из Лейпцигского университета они разъехались в научные центры Европы, где вырастили целое поколение своих последователей, которые до 1920-х гг. занимали ведущие позиции в европейском языкознании. Младограмматики исследовали живую неподдельную народную речь с множеством диалектов. В народных говорах, по их мнению, законы действуют более последовательно, и в диалектах лучше сохраняется языковое прошлое. Эти установки младограмматиков способствовали развитию диалектологии и лингвистической географии. Наблюдения над

живой речью послужили основой для вывода о том, что и индоевропейский праязык представлял собой диалектное единство. Наблюдение над живым языком важнее поиска индоевропейских праформ, они различали физиологические (фонетические) и психические процессы.

По мнению Г. Остхофа и К. Бругмана, звуковые законы носят материальный характер, действуют механически и не зависят от смысла слов; фонетические законы регулярны, единообразны; действуют почти с такой же последовательностью, как силы природы, и не знают исключений. Действительно, дети всего мира в возрасте трех-четырёх месяцев начинают лепетать - произносить самые различные звуки. Детский лепет у всех народов мира одинаков: это шипящие, щелкающие, гортанные, всхлипывающие и прочие звуки - их тысячи. Но проходит время, и дети, которые одинаково лепетали, как сквозь сито, просеивают звуки и начинают говорить на языке своих родителей, то есть из тысяч звуков отбирают от 12 до 80 (в среднем 30-40 фонем). Причины, по которым действуют фонетические законы, носят физиологический характер - стремление к удобству (т к s, а не наоборот) - такова точка зрения немецкого филолога-классика Г. Курциуса, автора труда «Основы греческой этимологии». В полемику с ними вступил австрийско-германский ученый Х. Шухардт. Вместе с Р. Мерингером он создал школу «слов и вещей», социологическую школу, где история отдельных слов изучалась в тесной связи с историей предметов, названных этими словами.

В начале 20 века параллельно с социологическим формируется эстетическое направление в языкознании. Его основателем стал немецкий лингвист и литературовед, специалист в области романской филологии К. Фосслер. Затем к нему присоединились немецкие лингвисты Э. Лерх и Л. Шпитцер. Фосслер критикует всех лингвистов, он считает, что над языком произвели анатомическую операцию, насильственное расчленение и выделили фонетику, морфологию и синтаксис. Фосслер делает попытку связать языкознание с эстетикой и литературоведением, проводит параллель между языком и духовной культурой. Структуру языка, по его мнению, определяют интуиция и эстетический вкус, сущность языка он считает поэтической, а поэзию - языком языков. Своеобразно трактует Фосслер сам язык: это, в обиходном понимании, осмысленный шорох, общительный шум, чередование знаков, которые люди производят преимущественно ртом и воспринимают посредством слуха, чтобы добиваться взаимного понимания. Языковое общение, по Фосслеру, не ограничивается рамками человеческого коллектива. Люди, персонифицируя весь мир, говорят с

животными, с предметами, космосом и Богом. Кроме того, язык охватывает все изящные искусства: танец как язык жестов, музыку как язык тонов, живопись как язык красок и линий, пластику и архитектуру как язык твердых тел и поэзию как язык языков. (В современном языкознании все эти сферы оцениваются как вторичные знаковые системы).

Школа эстетического идеализма почти полвека вызывала к себе интерес, воспринималась как альтернатива традиционному сравнительно-историческому языкознанию, занималась в том числе и изучением исторической стилистики и индивидуальных стилей писателей и поэтов. Виднейший ученый XIX в. Рудольф фон Рот углубленно изучает древнеиндийские письменные памятники и становится лучшим знатоком Вед, работает над словарем древнеиндийского языка.

Немецкий специалист Э. Бернекер (1874-1937) работает в области славянской этимологии и акцентологии. Ф. Боас (1865-1942), выдающийся антрополог, этнограф, лингвист, получивший университетское образование в Германии, интересовался языками малых народов Севера, в том числе эскимосским; он доказывал, что прогресс не исчерпывается техническим превосходством, отрицал наличие «отсталых» народов на основании того, что любое общество, существующее сейчас на Земле, является продуктом развития многих тысячелетий. Лингвистические взгляды Ф. Боаса послужили теоретической основой для возникновения этнолингвистики, основателем которой стал Э. Сепир (1884-1939), ученик Боаса, родившийся в Германии, но получивший образование в США.

Сепир признавал язык социальным явлением, основными задачами лингвистики считал установление изменений языка в пространстве и времени; выявление связей языка с мышлением, с явлениями расы, культуры, искусства. Л. Вайсгербер (1899-1986), Ф. Панцер (1870-1956), Б. фон Визе (1903-1987), Г. Вирт (1885-1974) и другие ученые XX в. фактом своего существования при четырех разнохарактерных режимах (кайзеровская Германия, Веймарская республика, национал-социалистическая Германия и ФРГ) подтвердили преемственность научного творчества в этих разных государственных образованиях, но критика упорно не замечала этого, фиксируя свое «идеологическое» внимание только на их поведении в 1933-1945 гг. Политика нацификации в области филологии была нередко достаточно парадоксальна. Например, Тюбингенский университет продолжал после прихода нацистов к власти свою деятельность почти без изменений, университеты в Гейдельберге и Франкфурте-на-Майне подверглись основательной

чистке и серьезной нацификации. К. Фосслера обычно причисляют к жертвам режима, поскольку он выступал против антисемитизма и был вынужден в 1937 г. официально уйти в отставку, но продолжал преподавать, а в 1940 г. получил назначение на должность президента Немецкого научного института в Мадриде. Л. Вайсгербер, Й. Грир, Х. Клосс оставили значительный след в истории языкознания XX в., в таких ее областях, как структурная семантика и этимология, общее языкознание и кельтология, социолингвистика. Научные интересы и культурная позиция открывали возможность для выхода в теорию и практику национал-социализма: как отмечает Хаттон, «стремление с помощью этимологии проникнуть в глубины прагерманской культуры смыкалось с тезисом о превосходстве нордической расы (Й. Грир); признание ценности языковой картины мира «малых» языков (Л. Вайсгербер), забота о соотечественниках за рубежом, находящихся на положении национальных и языковых меньшинств, оказываюсь частью нацистской «культурной политики» на международном уровне (Х. Клосс). Установление степени вовлеченности того или иного ученого является непростой задачей» [6].

В 70-х г. XX в. в Германии начался диалог двух научных сфер: правоведения и лингвистики (термин «правовая лингвистика» в 1976 г. ввел Адальберт Подлех), чему значительно способствовало требование общества создать понятный гражданам язык ведомственных учреждений; в 80-х и 90-х г. обсуждение новых формулировок законодательства, обеспечивающих равноправие мужчин и женщин, проходило при участии лингвистов. В последние годы одним из важнейших факторов в развитии этого диалога является процесс правовой гармонизации в ЕС, а также развитие торговли и новых средств коммуникации (Гейдельбергская и Берлинско-Бранденбургская научно-исследовательские группы).

И сегодня представители современных направлений мирового языкознания XXI в. заимствуют проверенные немецкими компаративистами и структуралистами процедурные приемы и методы языкового материала, комбинируют их с методиками анализа смежных наук, используют богатейшие знания, добытые немецкими лингвистами на предшествующих этапах развития науки о языке.

Библиографический список

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / [пер. с нем] / В. Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
2. Рамишвили, Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания [Текст] // Гумбольдт В. Из-

бранные труды по языкознанию / Г. В. Рамишвили. - М.: Прогресс, 1984. - С. 12.

3. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях [Текст] / В. А. Звегинцев. - М.: Просвещение, 1994. - 466 с.

4. Шулежкова, С. Г. История лингвистических учений [Текст] / С. Г. Шулежкова. - М.: Флинта, 2008. - 408 с.

5. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) [Текст] / сост. Панов. - М., 2004. - 355 с.

6. Hutton, Chr. M. Linguistics and the Third Reich: Mother-Tongue Fascism, Race and the Science of Language. - London & New York: Routledge, 1999. - 416 p.

УДК 37.091.3

Е. Е. Милосердова, И. Ю. Никитина

**Приемы работы
с оригинальным художественным видеофильмом
при обучении английскому языку в вузе**

В начале XXI в., когда многие страны мира, в том числе и Россия, вступают в Болонский процесс, особое внимание уделяется изучению иностранных языков. Английский язык как язык международного общения занимает ведущую позицию. Большинство художественных фильмов мировой киноиндустрии выпускаются на английском языке. Разнообразные видеоматериалы с фильмами целого спектра жанров стали общедоступными. Статистика последних лет показывает, что поток информации в современном обществе удваивается каждые три года. Перед преподавателем неизбежно встает вопрос грамотного отбора информации, ее сжатия (компрессии) и, в ряде случаев, адаптации.

Оригинальные художественные фильмы достаточно давно и успешно используются преподавателями вузов. Ряд ученых посвятили свои работы в этой области таким видам речевой деятельности, как аудирование (И.Я. Малютина), диалогическая и монологическая речь (А.В. Шадрин), формирование и совершенствование грамматических и произносительных навыков (Н.А. Шеллингер, В.И. Клемент). Однако дидактический потенциал художественных фильмов на иностранном языке, на наш взгляд, используется не в полной мере. Художественный фильм, по нашему мнению, в сочетании с тщательно разработанным методическим приложением является тем материалом, с помощью которого можно актуализи-

ровать лингвосоциокультурологический аспект в рамках формирования вторичной языковой личности. По мнению И.И. Халеевой, вторичная языковая личность является одной из итоговых целей обучения иностранным языкам [5, с. 24, 47]. Проводя параллель с данной целью, отметим, что при работе с художественным фильмом как раз и происходит формирование вторичной языковой личности. Студенты должны изучать культуру другой страны, чтобы лучше понять свою, и наоборот.

Для того, чтобы эффективно использовать аудиовизуальную информацию, мы предлагаем рассмотреть ряд приемов работы с оригинальным фильмом. Исходя из нашего опыта, данный вид учебной деятельности вызывает самый живой интерес студентов, способствует повышению мотивации к изучению иностранного языка. Студенты становятся более активными в процессе работы над новыми лексическими единицами. Отбор художественных фильмов, как и процесс разработки системы заданий к ним, очень трудоемок и занимает много времени. Но, отобрав материал один раз, им можно пользоваться неоднократно. Говоря о принципах отбора оригинальных художественных фильмов, важно учитывать их художественную ценность, популярность у зрительской аудитории, наличие или отсутствие субтитров и, что немаловажно, богатство лексики персонажей, стилистические фигуры, четкость произношения главных действующих лиц. Важно подчеркнуть, каким багажом новых незнакомых слов студентам потребуется овладеть для понимания содержания фильма.

На своих занятиях по английскому языку в течение ряда лет мы используем такие фильмы, как «*The Pirates of the Caribbean*», «*Titanic*», «*Sleepy Hollow*», «*A Knight's tale*». В этих фильмах, на наш взгляд, отражаются культура, дух, быт, нравы, социальные устои народа англоговорящих стран. Е.И. Пассов подразумевает понимание языка народа как уважение к его культуре [4, с. 25-26]. Художественный фильм становится личностно значимым для студентов. Появляется эмоциональный контакт, учащиеся сопереживают, оценивают события и поступки героев, а это, в свою очередь, повышает эффективность приемов работы с художественным фильмом. Задействованы все виды речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) с превалированием аудирования (рецептивного вида речевой деятельности). Аудирование оригинального художественного фильма оказывает непосредственное влияние на формирование и совершенствование продуктивного вида речевой деятельности (говорение).

Мы считаем, что при подготовке к показу художественного фильма или его фрагмента необходимо, во-первых, определить,

сколько времени мы можем уделить работе с ним. Продолжительность фильма может составлять от 90 до 180 минут, а продолжительность выбранных фрагментов в среднем - 3-5 минут. Целесообразно выделять отдельные фрагменты, имеющие логическую последовательность событий. Во-вторых, с учетом поставленных целей, языковых и социокультурологических особенностей фильма следует разработать упражнения и задания, которые будут направлены на снятие языковых трудностей, на полное понимание содержания фильма или его фрагмента, на обсуждение проблематики. Такие упражнения и задания возможно разделить на три вида: перед просмотром, во время просмотра и после него. Перед просмотром студентам можно дать дополнительную информацию о событиях, происходящих в фильме. Кроме того, можно записать вопросы, на которые студенты должны найти ответ, лишь просмотрев фильм (фрагмент). Если мы предлагаем студентам просмотреть отрывок из фильма, то считаем целесообразным для проверки этих заданий просмотреть отрывок на занятии, как минимум, дважды.

Для предотвращения пассивного просмотра фильма, а также облегчения его понимания считаем необходимым предварительно ознакомить студентов со значением некоторых лексических единиц. Студент первого курса (за исключением незначительного количества выпускников спецшкол) встречает существенные затруднения при восприятии речи «кинофонного собеседника» [5, с. 47]. В художественном фильме носитель языка предстает перед обучающимися в полноте и своеобразии своего коммуникативного поведения. Трудности восприятия новой лексики, практически не преодолимые для изучающих иностранный язык при аудировании, сравнительно легко преодолеваются студентами при просмотре фильма благодаря наглядной презентации конкретной речевой ситуации. Следовательно, динамичный видеоряд способствует формированию аудитивных умений, которые создаются на занятии с помощью художественного фильма.

После просмотра фильма (фрагмента) предлагаем студентам обсудить характеры и поведение героев, драматизировать просмотренный эпизод. Г.В. Елизарова называет драматизацию наиболее эффективным приемом формирования эмпатического отношения (т.е. сопереживания) к участникам межкультурного общения, которое является одним из принципов межкультурной коммуникации. По ее мнению, «участники должны не просто симитировать роль на лингвистическом уровне, но пережить ситуацию эмоционально, вжившись в роль своего героя...» [2, с. 31]. Кроме того, можно прибегнуть к таким методическим приемам,

как ролевая игра, предположение развития дальнейших событий фильма, составление и заполнение кроссвордов, разработка и выполнение проектов, рецензий на фильм.

Мы хотим показать методические приемы, используемые нами в работе, на примере художественного фильма «A Knight's tale» режиссера Б. Хелгеленда (студия-производитель - Коламбия Пикчерс, США, 2001 г.).

Специфика «A Knight's tale» заключается в том, что это вымышленная история, с блеском инсценированная режиссером. Дидактическая работа с этой исторической драмой, включающей элементы комедии, осложняется ее продолжительностью (127 минут). Однако временные рамки не должны препятствовать использованию на занятиях данного фильма, соединяющего средневековый антураж с эстетикой тяжелого рока. По мнению М.В. Аникиной и Т.В. Устиновой, различные художественные формы передают культурные, социальные и исторические особенности реальной действительности страны изучаемого языка. Отобранные события или явления реальной действительности подвергаются кинообработке, чтобы впоследствии быть субъективно воспринятыми зрителями [1, с. 22-23]. Представляется логичным говорить о субъективной действительности в случае со страноведчески ориентированным фильмом «История рыцаря», передающим сведения исторического и культурного характера.

Итак, мы выбираем несколько ключевых сцен, составляющих смысловое единство. В данных эпизодах представлена разнообразная лексика, характерная для средневековой эпохи, такая, как: lance, shield, tournament, liege, joust и т.д.

На материале данного фильма мы знакомим студентов и с рядом архаичных форм английского языка, например, местоимениями thee, thou. Это может послужить стимулом к будущей исследовательской деятельности обучающихся. К примеру, можно предложить студентам просмотреть и проанализировать такие эпизоды, как объяснение графом Адемаром знатной даме правил рыцарских турниров; представление поэтом Чосером сэра Ульриха фон Лихтенштейна перед началом поединка; поединок между Эдвардом Черным принцем и Вильямом (сэром Ульрихом); сцена в шатре и сцена посвящения Вильяма в рыцари. Мы считаем, что в этих сценах особенно ярко прослеживается историческая эпоха XIV в., нравы людей того времени. Сознательно используемый режиссером и сценаристом Б. Хелгелендом прием анахронизма (включение рок-музыки в средневековый фильм) вызывает живые эмоции у студентов.

Например, мы можем обратиться к одному из эпизодов фильма, который, по нашему мнению, является одним из ключевых. Это эпизод посвящения сына кровельщика Вильяма в рыцари. Взгляды того времени предусматривали участие в рыцарских турнирах только людей благородного происхождения. Общественные стереотипы средневековья предполагали четкое классовое деление. Простолюдин, к примеру, не мог стать рыцарем. Ломая все устоявшиеся стереотипы, Вильям становится полноправным рыцарем благодаря своей храбрости, верности долгу, благородству. Тем самым он доказывает утверждение своего отца-кровельщика, что человек может изменить свою судьбу. Идея возможности изменения судьбы, кармической программы является ключевой к пониманию всего фильма. С нашей точки зрения, в основе фильма «История рыцаря» заложен значительный воспитательный потенциал. Его дидактический потенциал позволяет проводить обсуждение на более высоком содержательном уровне.

До просмотра эпизода посвящения Вильяма в рыцари мы предлагаем студентам следующие задания:

а) догадаться о значении слов, связанных с исторической тематикой по синонимичному ряду;

б) самостоятельно найти значение этих лексических единиц в аутентичном или англо-русском словаре. Данный вид работы предусматривает просмотр эпизода на следующем занятии;

в) записать значение новых лексических единиц, с которыми преподаватель знакомит студентов;

г) понять значение нового слова по неподвижному кадру из фильма.

Перед просмотром фрагмента преподаватель предлагает также ряд вопросов, ответы на которые студенты дают, лишь посмотрев эпизод. В ряде случаев мы практикуем остановку фильма (паузу, стоп-кадр) для проверки понимания, уточнения значения слова, устойчивого словосочетания, фразеологизма и т.д.

Эпизоды, выполняющие ключевую функцию, можно посмотреть и без звука. Особенно выигрышным, на наш взгляд, как раз и является эпизод посвящения королем Эдвардом сэра Вильяма в рыцари. Данный эпизод в варианте без звука может служить базой для восстановления реплик персонажей, прогнозирования развития событий, объяснения жестов. Место действия, крупные планы главных действующих лиц дают студентам возможность лучше понять происходящие события.

После просмотра ключевого, в нашем понимании, эпизода мы можем предложить студентам ряд имитационных упражнений, поскольку имитация является одним из основных механизмов про-

цесса социализации [3, с. 188-189]. При данном виде работы представляется необходимым использование скриптов (записей текстов) монологов, диалогов и полилогов фильма: целью упражнений является не только развитие навыков и умений аудирования. Использование готовых скриптов (субтитров) позволяет в ряде случаев избежать многократных просмотров и сберечь время занятия. Выполнение имитационных упражнений начинается с постановки задания, просмотра фрагмента, краткого обсуждения и анализа фрагмента. Вторичный просмотр мы начинаем с проговаривания текста про себя или вполголоса по скрипту, затем роли заучиваются и проигрываются. Задача данного вида работы - использование фрагментов текста (выражений, отдельных лексических единиц) в подобных дискурсах.

На каком этапе работы над страноведческой тематикой применять видеофильм, зависит от целей обучения и функции использования видеоматериалов. В начале темы «Культура и традиции» фильм «История рыцаря» может облегчить понимание особенностей социокультурного контекста средневековья. В конце изучения темы фрагменты кинокартины помогают выявить суть явления, внести живость в занятия атмосферой аутентичного юмора и шуток, содействовать воспитанию студентов.

Важным, на наш взгляд, заданием является написание рецензии на просмотренный художественный фильм. Данный вид работы позволяет проверить глубину понимания студентами содержания фильма.

Таким образом, использование представленных приемов работы с оригинальным художественным видеофильмом при обучении английскому языку в вузе способствует пониманию культурологического контекста эпохи. В ходе выделения семантической и стилистической доминанты фильма развиваются умения монологической и диалогической речи студентов. Все это в совокупности делает занятие более информативным, познавательным и интересным.

Библиографический список

1. Аникина, М. В., Устимова, Т. В. Применение видео на уроках немецкого языка в старших классах [Текст] // Гуманитарные исследования: традиции и инновации / М. В. Аникина, Т. В. Устимова. — Саранск: Красный Октябрь, 2004. — С. 19-24.
2. Елизарова, Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению [Текст]: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. — СПб., 2001. — 38 с.

3. Малышева, Т. С. Обучение работе с видеоматериалами как виду речевой деятельности на занятиях по немецкому языку [Текст] / Т. С. Малышева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 10. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. — С. 185-190.

4. Пассов, Е. И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур [Текст]: / пособие для учителей Е. И. Пассов. — Минск: Лексис, 2003. — 184 с.

5. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) [Текст] / И. И. Халеева. — М.: Высшая школа, 1989. — 238 с.

6. Шадрин, А. В. Развитие иноязычной диалогической речи с помощью оригинальных телепередач [Текст]: автореф. дис... канд. пед. наук. - М., 1982. - 25 с.

УДК 930.85

И. Н. Мирославская

«Мы, немцы» - к проблеме национального самовосприятия

В эпоху глобализации все большее значение приобретают различные аспекты межкультурной коммуникации, подчеркивается значение изучения культуры народа при овладении иностранным языком [3, с. 25-32]. Все больше появляется популярных изданий, посвященных нравам, обычаям, национальному характеру различных народов [1, 4].

В то же время представление о другом народе очень часто основывается на расхожих стереотипах (трудолюбивый немец с кружкой пива в руке) [2] или личных впечатлениях, которых в условиях ограниченного общения с представителями другой культуры оказывается недостаточно. Но для успешной коммуникации необходимо достаточно точное и реальное представление о другом народе и его культуре. В данной статье мы предприняли попытку выяснить, о чем говорят немцы, когда они говорят о себе. Материалом исследования послужили немецкие блоги в сети Интернет. С помощью поисковой системы google в блогах были найдены высказывания, содержащие ключевую фразу «Wir Deutsche» (мы немцы), из которых было отобрано 400 высказываний, касающихся самовосприятия. На наш взгляд, преимуществом данного материала является то, что он позволяет охватить широкий спектр мнений, высказанных авторами блогов

«для себя» и не прошедших фильтр вежливости или политкорректности. Собранные высказывания были сгруппированы по следующим темам: немцы о своей истории, немцы о себе, немцы и другие народы.

Немцы о своей истории

Ни одна тема, касающаяся истории, не оказывается для немцев более значимой, чем эпоха национал-социализма и ответственность за преступления, совершенные в этот период. Этому непосредственно посвящено более 15% всех собранных высказываний или более 80 % всех высказываний, касающихся исторических событий. При этом неоднократно говорится об исторической ответственности немецкого народа за совершенные преступления, о жертвах холокоста, о чувстве вины, о необходимости извлечения уроков из истории и исправления совершенных ошибок. Приведем в качестве примера следующие высказывания: «искупление всех тех преступлений, на которые были способны мы, немцы», «мы, немцы, осознаем нашу особую историческую ответственность», «мы, немцы, несем неизгладимую вину», «в 1933-45 гг. мы, немцы не 'запятнали' себя славой». «Мы, немцы, не должны вытеснить нашу историю и нашу идентичность. Если были сделаны ошибки, то наша обязанность извлечь уроки из них» и т.д.

Однако заметно и стремление немцев избавиться от комплекса вины: «Заинтересованы ли мы, немцы, в том, чтобы снова говорить о войне?», «Мы, немцы, все еще должны платить за Гитлера», «Как можно так травить наших отцов, которые 6 лет провели на фронте, сражаясь за Германию?» Авторы блогов призывают не забывать и о жертвах, понесенных самими немцами: «как будто бы мы, немцы, не можем вспоминать также о миллионах наших жертв», «никогда не говорится о несправедливости, которую должны терпеть мы, немцы». Кроме того, нынешнее поколение не всегда считает, что должно отвечать за преступления, совершенные предками. «Я родился в 1948 г. и не имею ничего общего с коричневым террором того времени». «ОК, мы, немцы, много дерьма наделали в прошлом, но это были наши предки».

Чувство вины мешает немцам гордиться своей страной и своим народам. Отмечается, что в десятилетия после 1945 г. «нам, немцам, очень сложно было найти путь к нормальному патриотизму», что «мы, немцы, не должны ограничиваться двенадцатью годами преступного периода, нам должно быть разрешено гордиться культурными и историческими достижениями немцев». Как мы увидим в дальнейшем, именно комплекс вины во

многим определяет и отношение немцев к себе и к другим народам.

Такому относительно недавнему и значимому для страны историческому событию, как воссоединение Германии, посвящено всего 6 высказываний, или всего 8% высказываний, касающихся исторических событий. Но именно воссоединение страны наполняет немцев чувством национальной гордости: «бескровная немецкая революция - это то, чем можем гордиться мы, немцы», «требование национальной гордости за мирную революцию», «мы, немцы, снова можем встретиться как свободные люди, как один народ». Отмечается также, что разделение страны удалось преодолеть потому, что «мы, немцы, извлекли необходимые уроки из нашей истории».

В собранных высказываниях имеются лишь единичные упоминания других событий истории немецкого народа: изобретение книгопечатания, реформация Лютера, борьба против Наполеона, холодная война, 60-х г.

Немцы о себе

Анализ высказываний о себе показывает, какими болезненными для немцев оказываются вопросы национальной идентичности, национальной гордости, национальной чести. Если проблема национальной идентичности отчасти объясняется тем, что немцы «довольно плюралистический народ: баварцы, пруссаки, швабы, силезцы... саксонцы», то все остальное является следствием того чувства вины за свое прошлое, о котором мы уже писали. Вот что пишут авторы блогов по этому поводу: «в Германии отсутствует национальная честь», «мы должны обладать достаточной мерой мужества и воли для нашей идентичности», «разве мы, немцы, не имеем права сохранить свою идентичность?» «'Мы, немцы,' – разве это не звучит как-то фальшиво? Откуда вдруг это национальное чувство?» «То, что Германия испытывает голод по самой себе, можно было увидеть на чемпионате мира по футболу. Наконец-то мы хотели быть немцами, гордо размахивать своим флагом». В то же время один из авторов считает, что «в действительности мы, немцы,... не имеем проблем со здоровым самосознанием, а недостатки и ошибки мульти-культы-политики больше связаны с идеологическим упрямством многих наших политиков».

Говоря о своих положительных качествах, о том, чем они могут гордиться, немцы называют прежде всего свои технические достижения и интеллектуальные качества: «мы, немцы, можем предложить многое, нашу технологию и наши знания», «мы, немцы, – страна инженеров», «мы, немцы, строим прочные машины», «мы, немцы, можем гордиться собой. Что только не

изобрели в Германии», «единственное сырье, которое имеем мы, немцы, находится у нас между ушами». Отмечается приверженность немцев демократии: «мы, немцы, имеем уважение к находящимся на демократических постах представителям других партий», «Германия ценится в мире как свободомыслящая демократия», «мы, немцы, можем с гордостью сказать, что изобретатель прямой демократии, Мориц Риттингхаузен, был немецким социал-демократом». Авторы блогов называют такие положительные качества немцев, как пунктуальность и основательность, говорят о том, что немцы придерживаются достигнутых договоренностей, охотно жертвуют на благотворительность, не прячут голову в песок, когда дело принимает неблагоприятный оборот. Как указывается в одном из блогов, немцы являются самым любимым народом на земле.

Разумеется, немцы высказывают и критику в свой адрес. Интересно, что среди своих отрицательных качеств немцы называют прежде всего склонность брюзжать, жаловаться и высказывать недовольство. Это отрицательное качество называет более четверти тех авторов, в чьих высказываниях содержится критика в адрес немцев. «Мы, немцы, любим брюзжать и жаловаться». «Мы, немцы, - рекордсмены в брюзжании». «Мы, немцы, жалуемся на высоком уровне». «Мы, немцы, всегда думаем, что у нас все плохо». «У нас, немцев, пессимизм в генах». Заметим попутно, что в блогах употребляется целый ряд синонимов слова «жаловаться»: *jammern, meckern, lamentieren, klagen, motzen, sich beschweren*.

Авторы блогов недовольны тем, что немцы часто позволяют политикам делать с собой все, что угодно, склонны мириться с обстоятельствами и слишком послушны власти. «Мы, немцы, верим почти всему. Я думаю, что сегодняшнее поколение, вероятно, больше всего подвержено влиянию и промывке мозгов». «Мы, немцы, стали тряпками, послушными власти». «Мы, немцы, молча все сносим». «Мы, немцы, как стадо овец на лугу».

Еще одним часто называемым отрицательным качеством является отсутствие чувства юмора: «мы, немцы, испортим любую шутку», но в то же время немцы высказывают сомнение, действительно ли им присущ этот недостаток: «недавно я услышал, что за границей считают, что у нас, немцев, нет чувства юмора. Я не мог этого себе объяснить».

Были названы также такие отрицательные качества, как зависть, перфекционизм, отсутствие шарма, узколобость и провинциальность, склонность к крайностям и даже неспособность к математике и нелюбовь к технологиям за

пределами инженерного цеха. Немцы указывают также, что должны научиться у других гостеприимству.

В своих блогах немцы говорят о своих привычках в еде: «у нас есть своя культура, с жареными сосисками, жареной колбасой с соусом карри, пивом и вином». Говорится о любви немцев к пиву, свеже сваренному черному кофе, к пряникам и кислой капусте, но также и о связанных с этим предрассудках: «Так и бывает с предрассудками. Ведь мы, немцы, тоже едим только капусту и сосиски, носим кожаные штаны и баварские национальные платья».

Не остаются без внимания также вопросы немецкого языка. Авторы блогов высказывают озабоченность тем, насколько хорошо немцы владеют своим языком: «Все меньше немцев владеет нашим языком», «Мы, немцы, уже почти не используем наш огромный словарный запас». Говорится об избытке заимствований. «Для каждой новой (или старой) вещи, для каждого нового оттенка значения мы можем заимствовать новое слово из английского». «Мы, немцы, имеем слабость к псевдоанглицизмам (Handy, Beamer), которые кроме нас никто не использует и не понимает». «Разве мы, немцы, как сам народ не в состоянии использовать собственные слова в нашем собственном языке? По-видимому, не можем, мы крадем».

Немцы и другие народы

Германия является страной постоянной иммиграции. Согласно статистическим данным ЕС, процент иностранцев (8,8%) здесь выше, чем в других странах Европейского Союза. Кроме этого, в Германии проживает большое число иностранцев, имеющих немецкий паспорт и считающихся гражданами этой страны. Такое положение не может не беспокоить немцев. Теме мигрантов посвящено почти 40% всех высказываний о взаимоотношениях немцев и других народов. При этом мигранты часто воспринимаются прежде всего как представители иной, мусульманской веры: «Мы, немцы, никогда не перейдем ценности и нормы мусульман», «В Германии мечети растут как грибы после дождя», «Наши дети будут жить в мусульманском плену». У немцев вызывает опасение засилье чужой культуры: «Мы, немцы, скоро будем чужими в собственной стране», «нам, немцам, скоро придется учить турецкий язык». Недовольство вызывает, например, широкое распространение турецкого блюда денер-кебаб (шаурмы): «Каждый должен внести свой вклад в то, чтобы остановить 'шаурмизацию (Verdönerung)' нашей страны». Эти опасения еще усиливается из-за того, что уровень рождаемости у мигрантов гораздо выше, чем у немцев: «Арабы имеют по 6 детей только

потому, что мы, немцы, оплачиваем им квартиры», «Из-за засилья иностранцев и высокого уровня рождаемости можно статистически вычислить, через сколько лет мы, немцы, выйдем в собственной стране». Характерно и трудно переводимое высказывание «bis wir Deutsche und Europäer 'niedergekindert' sind», т.е. «пока мы, немцы, и европейцы не будем вытеснены их детьми». Авторы блогов пишут о необходимости интеграции иностранцев в немецкую культуру: «каждый человек должен интегрироваться», «они должны здесь приспособиться, приспособиться к нам, а не мы к ним», «иностранцы приезжают к нам, и мы, немцы приспособляемся к иностранцам!». В отдельных высказываниях говорится об опасности этнического криминала: о «криминальных иммигрантах», о «закабалении немецких школьников в школах».

В то же время раздаются голоса и в защиту иммигрантов. «Наша страна маленькая, но она вмещает многих. Не все должны быть немцами». «Мы, немцы, виноваты в том, что турки у нас живут в гетто! Мы, немцы, обособили их». «Каждый разумный человек воспринимает присутствие этих людей как обогащение и как укрепление немецкого общества, так как также мы, немцы, можем поучиться у наших новых сограждан, например у вьетнамцев». «Я считаю, что мы, немцы (нацистское прошлое и зависимость от экспорта),... должны показать терпимость, приветствовать мусульман в Германии». «Есть идиоты среди курдов, и у нас, немцев, достаточно идиотов». Наконец, сами иммигранты подчеркивают, что могут считать себя немцами: «Мы, немцы, имеющие иностранное происхождение, являемся частью этой республики».

Значительное место занимают высказывания, посвященные положению Германии в Европейском Союзе, и здесь также преобладают опасения, связанные с возможной утратой национальной идентичности. «В потоке сверхматери Европы мы, немцы, становимся бездушными существами, без истории, без будущего, без отечества». «Как тяжело мы, немцы, воспринимаем тему идентичности в Европе». «МЫ – это МЫ немцы, МЫ европейцы или Мы люди?» Немцам кажется, что их недостаточно любят в Европе: «говорят, что немцев не особенно любят в Европе», «мы, немцы, действительно как дурачок в школьном классе. Ребенок богатых родителей, но непопулярный и нелюбимый», «нас, немцев, любят только как платящих налоги жителей Европы, но не как граждан». Вызывает недовольство то, что Германия должна подчиняться решениям Европейского Союза: «Мы, немцы, иногда все еще имеем верноподданнический менталитет. Поэтому мы смотрим вверх на Брюссель», а также то,

что «другие страны Евразоны тянут нас вниз за собой».

Если судить по количеству высказываний, то наиболее значимой нацией для немцев являются американцы, или, как их часто называют немцы, «die Amis». При этом авторы блогов не дают однозначной оценки американцев, напротив, их мнения сильно расходятся. Встречаются положительные оценки: «мы многим обязаны нашим американским друзьям», «американцы не такие фанатики порядка и безопасности, как мы, немцы», «мы немцы, не являемся чемпионами мира в светской беседе (Small Talk). А в англо-американских странах это очень ценится». «Американцы принимают все легче, чем мы, немцы». Немцы завидуют американскому патриотизму: «Нам, немцам, по определенным причинам трудно мыслить патриотично. В Америке это по-другому. Там даже ведущий благодарит позвонившую женщину, муж которой на фронте, за его службу отечеству». Но одновременно указывается, что «американцы более поверхностные, чем мы, немцы», «11 сентября было счетом Америке за ее заносчивое надменное поведение», «Америка демонстрирует многое, а мы, немцы, подражаем», «мы осуждаем наступательные войны, которые ведут американские оккупанты с немецкой территории». Немцев беспокоит мнение американцев и стереотипы их представления о немецком народе: «почему нас, немцев, в США всегда изображают как баварских глупцов в национальной одежде?», «Мы, немцы, – любители пива с животом и кренделем в руке для американцев».

Отношение немцев к Израилю и евреям почти полностью определяется чувством вины за преступления, совершенные по отношению к этому народу. «У нас, немцев, сложные отношения с Израилем. На фоне нашей плохой истории мы стараемся завоевать доверие и даже дружбу». «Мы, немцы, несем историческую ответственность по отношению к Израилю и его праву на существование – вчера, сегодня и завтра». «Мы, немцы, ответственны за неправомерные деяния на Ближнем Востоке. Если бы не было двух Мировых войн, то не было бы Израиля, хотя это неправильно, что израильтяне убивают палестинцев». Но вместе с тем говорится, что «критика Израиля не является автоматически антисемитской» и даже что «мы позволяем евреям использовать себя».

Тема исторической ответственности звучит и в отношении немцев к полякам: «мы просили у сотен людей в Польше прощения за то, мы, немцы, причинили польскому народу во Второй мировой войне». Но не забыты и утраченные Германией территории: «Я лично не потерял надежды, что с русскими можно говорить о

северной Восточной Пруссии. Но поляки так быстро не вернут украденное».

Обо всех других народах в собранном материале имеются только единичные высказывания, которые сложно как-либо классифицировать. Здесь хотелось бы отметить только, какие качества, наблюдаемые у других народов, немцы хотели бы иметь у себя. «Общительность, непринужденность, любопытство ирландцев, а также отсутствие перфекционизма, с которых могли бы взять пример мы, немцы». «Французы все еще придают много значения жизни с наслаждением. Мы, немцы, могли бы взять с них пример». «Мы, немцы, в большинстве случаев имеем не такое излучение, как итальянцы. Нам все еще присуще уныние древнегерманских лесов». «Мы не можем быть такими, какими бы нам хотелось – а именно чуть 'более итальянскими'». «Южный шарм, которого нет у нас, немцев». «Мы, немцы, всегда завидовали швейцарскому нейтралитету».

И, наконец, еще одну достаточно широко обсуждаемую тему можно обозначить как «Немцы за границей». Здесь большинство авторов отмечает, что к немцам хорошо относятся за границей: «Наш официант нашел очень замечательным, что мы - немцы», «[в Албании] мы встретили людей, которые были очень дружелюбны и открыты (прежде всего когда они заметили, что мы - немцы)». Отрицательное отношение к немцам объясняется их прошлым: «Нас, немцев, за границей все еще считают злым народом, хотя прошло больше 60 лет». «Потом они [американцы] заметили, что мы - немцы, и снова началось: "Freakin Germans" "Fascists pigs" "Nazis"».

В заключение следует отметить, что вопросы отношения народа к себе и своей истории, к другим народам являются чрезвычайно сложными. Особенно это касается такой прошедшей сложный исторический путь страны, как Германия. Однако даже краткий анализ, проведенный на ограниченном и легко доступном материале, позволяет отойти от стереотипов и прийти к пониманию типичных проблем, осознанию существующих противоречий, что необходимо для успешной коммуникации.

Библиографический список

1. Зайдениц, Ш., Баркоу, Б. Эти странные немцы [Текст] / Ш. Зайдениц, Б. Баркоу. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.
2. Коптякова, Е. Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев [Текст] / Е. Е. Коптякова // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). - Екатеринбург, 2008. - С. 129-132.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация

[Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 2008. – 352 с.

4. Томчин, А. Б. Наблюдая за немцами [Текст] / А. Б. Томчин. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 528 с.

УДК 37.091.3

Н. С. Басалова

**Педагогическая технология
как способ изучения иностранного языка
в системе бакалавриата**

Иностранный язык относится к числу предметов, которые, наряду с философией, историей и др., включены в базовую часть «гуманитарного, социального и экономического цикла» всех основных образовательных программ бакалавриата. Согласно уже имеющимся стандартам, на изучение иностранного языка будет отведено 252 часа, что соответствует трем семестрам, вместо 340 часов и четырех семестров, как это было ранее. При этом основная задача изучения данного предмета остается прежней – освоение базовой грамматики, фонетики и лексики изучаемого языка и приобретение начальных навыков общения в сфере будущей профессиональной деятельности. Таким образом, перед преподавателями встает сложная задача: обучить студента базовому уровню владения иностранным языком в условиях сокращения часов, отводимых на достижение этой цели.

В таких условиях успех обучения иностранному языку зависит от взаимосочетаемости двух факторов: личной заинтересованности студента в изучении иностранного языка и профессионального уровня преподавателя. Последний фактор в меньшей мере связан с вопросом о том, сколько знает преподаватель, и в большей мере с тем, насколько интересно изучать этот предмет у данного преподавателя, как он преподает, позволяют ли его методы работы отойти от субъективности в преподавании.

Проблема состоит в том, что если первый фактор более или менее благополучно решаем – на современном рынке труда знание иностранного языка является одним из факторов, влияющих на решение работодателя принять соискателя на работу, то второй фактор может «погубить» это желание – однообразные, стандартные задания по переводу, пересказу и интерпретации прочитанного не мотивируют на дальнейшее самостоятельное изучение предмета. Избежать означенной проблемы позволяют современные педагогические технологии, которые предполагают внести изменения в

систему преподавания (как преподавать?), в организацию работы студента (как работать студенту?).

В противовес традиционной системе преподавания, основанной на принципе «учитель против ученика», современные педагогические технологии предлагают принцип «учитель = партнер», суть которого в том, чтобы только лишь направлять и координировать деятельность студентов, поощрять самостоятельный поиск информации и не ограничивать объем информации материалом практических занятий и учебников. Воплотить этот принцип в жизнь на занятии и позволяют педагогические технологии, которые и являются предметом рассмотрения в данной статье.

Педагогическая технология – совокупность действий, обеспечивающая достижение прогнозируемого результата в изменяющихся условиях образовательного процесса. Она представляет комплекс, который состоит из планируемых результатов обучения, средств диагностики текущей успеваемости учащихся, набора приемов и методов, используемых в конкретной технологии.

Педагогические технологии разнообразны, и их можно использовать как при изучении целой темы, так и при изучении различных аспектов темы. Рассмотрим, как можно применить некоторые из них (технологии модульного обучения, проблемного обучения, проектного обучения, технологию педагогической мастерской) к изучению темы «Система школьного образования в Великобритании».

Согласно технологии модульного обучения, изучение темы проходит по модульной программе. Освоение модуля студентами проходит в индивидуальном режиме, при этом основное содержание модуля определяет учитель. Например, тема «Школьное образование в Великобритании» будет рассматриваться как один из модулей темы «Система образования Великобритании».

Вариант действий преподавателя может быть следующим:

1. Краткий тест, проверяющий уровень готовности обучаемых к последующей самостоятельной работе (тест содержит основные аспекты темы, термины, характеристику уровней школьного образования и т.д.).

2. Выдача индивидуального задания, основанного на анализе написанного теста, в форме реферата, сообщения, презентации и т.д.

3. Проверка индивидуальных заданий, постановка новых вопросов и возвращение к предыдущему пункту. Этот этап может повторяться несколько раз, что зависит от объема не проработанных студентом вопросов.

4. Модуль заканчивается итоговой работой в виде теста, письменной работы, сочинения и т.д.

С одной стороны, технология модульного обучения повышает мотивацию студентов к освоению материала, поскольку позволяет им работать в индивидуальном темпе, но, с другой стороны, является трудоемкой для преподавателя, так как занимает много времени на проверку прделанной студентами работы.

В рамках технологии проблемного обучения эта же тема рассматривается как проблема (или ряд проблем), которую студенты решают самостоятельно.

При применении данной технологии можно предложить следующий вариант действий преподавателя:

1) Постановка проблемы – ряд вопросов, на которые нельзя дать однозначный ответ (например, «система школьного образования XX в. и XXI в.»; «сходства и различия американской и английской систем школьного образования»; «сходства и различия английской и русской систем школьного образования»). Студентам предлагается самим выделить эти вопросы на основе мини-лекции, прослушивания аудиотекста, просмотра видеофильма или прочтения текста по соответствующей тематике (например, рассказ А. Азимова *They had fun*).

2) Обсуждение проблем(ы). Студенты обсуждают проблему(ы) в микрогруппах или парах. Преподаватель может помогать, задавая наводящие или уточняющие вопросы. В данный этап можно включить и отработку изучаемых грамматических конструкций (структура вопроса, времена английского глагола и т.д.).

3) Выработка возможных вариантов решения проблемы либо определение путей поиска информации, позволяющей решить проблему (например, выделение сфер общего и различного в школьном образовании в XX в. и XXI в.).

4) Самостоятельная работа по сбору материала. Эта работа может быть как аудиторной (работа в компьютерном классе), так и внеаудиторной (работа в библиотеке).

5) Обобщение собранного материала и обсуждение в группах. Каждый член группы рассказывает о выполненной работе и собранной информации.

6) Систематизация знаний - представление информации в виде сообщений, рефератов и т.д.

Данная технология также мотивирует студентов на самостоятельный поиск информации и решений, но может вызвать дисбаланс в группе, поскольку работа проводится в мини-группах,

когда неизбежно выявление лидеров и подавление более слабых студентов.

В рамках технологии проектного обучения эта же тема рассматривается в форме проектов, создаваемых в микрогруппах. План действий преподавателя может быть следующий:

1. Организация вводного занятия, на котором определяются цели, задачи проектной деятельности, примерная тематика и жанры будущих проектов.

2. Выдача рекомендаций будущим авторам.

3. Проведение консультаций. Данный этап может стать как долговременным, в ходе которого студенты самостоятельно готовят проекты (презентации, газеты, статьи, буклеты и т.д.), так и краткосрочным, когда наработанный материал представляется на обсуждение группы на занятиях. Преподаватель при этом выступает в роли ведущего консультанта.

4. Публичная защита проектов на занятии.

Достоинством технологии проектного обучения является то, что изучение темы проходит в необычной форме - создание проекта; это мотивирует студентов на изучение данного материала. Более того, она позволяет достаточно глубоко изучить тему при использовании минимума времени аудиторной работы, что позволяет преподавателю затратить это время на отработку навыка использования грамматических конструкций в речи.

Технология педагогической мастерской предполагает изучение конкретного вопроса в ходе индивидуальной (или групповой) творческой работы. Например, при изучении темы «степени школьного образования в Великобритании» можно предложить следующую логику действий преподавателя:

1. В качестве домашнего задания студентам предлагается перевести список слов по теме.

2. В классе группа делится на мини-группы по 3-4 человека.

3. Мини-группам выдается одинаковый набор инструментов: лист А1, фломастеры, список слов по теме. Студентам нужно графически представить содержание темы, отразив ее разделы («параграфы»), уже имеющиеся знания по теме («что я знаю»), что требуется узнать («что хочу знать»), грамматика, нужная для раскрытия темы («моя грамматика»).

4. Студентам предлагается заполнить лист-план темы, на что отводится не менее 15-20 минут. Целью данного этапа является составление общего представления о содержании темы и выявление аспектов изучения вопроса, с одной стороны, и акцентирование внимания на требуемой грамматике, с другой

стороны. Так, при заполнении блока «параграфы» основной задачей студентов на данном этапе является составление тематических блоков. Например: 1) система школьного обучения; 2) дошкольное образование; 3) начальное образование; 4) среднее образование. В блок «что я знаю» включаются все возможные знания о школьном образовании. Например: 1) школьное образование в России; 2) известные школы в Англии. Блок «что хочу знать» ориентирован на выявление аспектов темы, узнать о которых хотел бы сам студент. Например: 1) учебный день; 2) предметы, которые изучают; 3) система оценок. Блок «грамматика» включает в себя области грамматики, знание которых может потребоваться студентам при описании реалий данной темы. Например: 1) группы времен (Indefinite, Progressive, Perfect); 2) условные предложения. По мере подготовки темы допускается дополнение блоков.

5. Представление творческой работы и обсуждение результатов. Данный этап предполагает: а) озвучивание группового варианта «параграфов». Другие группы – делают соответствующие дополнения в своих листах-планах; б) озвучивание блока «что я знаю». Другие группы – конспектируют или слушают; в) по блоку «грамматика» обсуждения нет – группа индивидуально вносит сюда свои коррективы по мере необходимости.

6. Работа с текстом по теме. Каждой подгруппе выдается текст (или предлагается послушать в записи) на тему школьного обучения в Англии. Целью является отметить в листе-плане новый материал, имеющийся в тексте, а также конкретизировать и детализировать уже имеющийся материал в листе-плане. Количество предлагаемых текстов не ограничено (их может быть 3-4, может быть поиск какой-либо информации в сети Интернет, прослушивание записей и др.), поэтому можно составить максимально подробный лист-план. Целью преподавателя является предложить как можно больше материала по теме, а задача студентов – систематизировать его.

7. Далее преподаватель может предложить задания на развитие монологической речи. Мини-группы могут подготовить рассказ о школьном образовании в Англии, используя ролевой принцип. Например, первый студент – представитель администрации, второй студент – директор школы; третий – ученик школы; четвертый – русский и т.д.. Заслушивание сопровождается дискуссией, позволяющей отработать навыки использования грамматических конструкций и лексики.

Преимуществом метода является то, что изучение темы проходит в творческой обстановке, мотивирующей студентов на поиск нового материала; он позволяет структурировать содержание темы и повторить грамматику одновременно; преподавателю достаточно легко управлять временем; метод позволяет задействовать всех студентов (активных, пассивных, с высоким, средним или низким уровнем владения иностранным языком). Однако есть и недостатки: преподаватель должен следить, чтобы в работе участвовали все студенты мини-группы, а не только ее лидер(ы). Кроме того, требуется использование большого количества дополнительных материалов (бумага, аудио-визуальные средства, тексты и др.).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод:

1. Современные педагогические технологии являются существенным фактором мотивации студентов на изучение иностранного языка, поскольку позволяют проводить занятия в более интересной и практико-ориентированной форме.

2. Современные педагогические технологии позволяют достигнуть максимально возможного результата в обучении иностранному языку в условиях бакалавриата, поскольку ориентированы на изучение базовой лексики и грамматики в практико-ориентированных темах.

Библиографический список

1. Воскресенская, Л.В. Проектные технологии в преподавании английского языка [Текст] / Любовь Воскресенская // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации / сост. Н.Л. Шамне, Е.А. Пелих. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. – С. 110 – 115.

2. Драйден, Г. Революция в обучении [Текст] / Гордон Драйден – М.: Изд-во «Феникс», 2003. – 672 с.

3. Webler W.-D. Problemstrukturierung mit der Metaplanmethode [Текст]: материалы обучающего семинара по методике В.-Д. Веблера (Междисциплинарный центр дидактики высшей школы, Билефельд) // Мотивирующее образование и обучение в вузе. – Ярославль, 2005. – 59 с.

А. В. Домогатская

**Педагогическая фасилитация
как способ повышения компетентности
преподавателей и студентов**

Как показывают последние научные работы, задачи современной профессиональной деятельности преподавателя университета заключаются в том, чтобы помочь каждому студенту осознать его собственные возможности и войти в мир культуры выбранной профессии. Поэтому можно сказать, что применение личностно-ориентированных технологий обучения в вузовском образовании делает востребованными педагогов-фасилитаторов и инноваторов.

Термин «фасилитация» происходит от английского глагола «facilitate» – облегчать, содействовать, способствовать, помогать, продвигать. В педагогике этот термин используется в значении помощи ученику самостоятельно находить ответы на вопросы и/или осваивать какие-либо навыки. Анализ трактовки различных вариантов термина «фасилитация» позволяет определить педагогическую фасилитацию как стимулирование, инициирование и поощрение саморазвития и самовоспитания учащихся в процессе учебной деятельности за счет особого стиля взаимодействия педагога и ученика и особенностей личности педагога [3].

Суть педагогической фасилитации в профессиональном образовании состоит в том, чтобы преодолеть традиционное закрепление за обучающимися исполнительской части совместной деятельности и тем самым перейти от формирования специалиста-функционера к подготовке активного, способного к самостоятельному анализу и принятию нестандартных решений выпускника. В связи с этим задача преподавателя – включить студентов в совместную деятельность, разделить с ними ряд управленческих функций в целях создания условий для пробуждения глубокого интереса к предмету и возникновения реальных содержательных мотивов учения.

Принцип фасилитации в формировании целостного педагогического знания будущих учителей определяет стратегию и тактику в управлении процессом обучения и означает стимуляцию и освобождение одновременно. Он реализуется через взаимодействие студентов и преподавателя в модели личностно-ориентированной педагогики и гуманистической психологии на основе соуправления, открытости, творчества, установления кон-

тактов для индивидуального совершенствования. Это дает возможность расширения границ свободы и ответственности участников образовательного процесса в практической деятельности [5]. Таким образом, при фасилитации обучения преподаватель получает возможность использовать методы и приемы, которые способствуют творческому усвоению необходимой информации, формируют умение рассуждать, искать новые грани проблем в уже известном материале. Она позволяет преподавателю занять позицию не «над», а «вместе» со студентами. Таким образом, он остается исследователем и не теряет своего лица как ученый, не надевает на себя маску педагога-догматика, дающего однозначные ответы на все без исключения вопросы учебной программы. Все это вместе взятое создает условия для повышения интереса и познавательной активности студентов, оптимизирует процесс развития их профессионального самосознания.

Преподаватель - фасилитатор оказывает педагогическую помощь и поддержку студентам, при этом поддержка должна быть мягкой, ненавязчивой, не императивной. Оказывая такую поддержку, он побуждает студента реализовать свои замыслы в конкретных деяниях как формах проявления активности субъекта, ответственность за которые несет сам субъект. Такого рода ненаправленные влияния преподавателя на студентов способствуют изменению мыслительной деятельности (повышают уровень креативности), перцепции, сдвигам в эмоциональных проявлениях. Преподаватель - фасилитатор ставит студентов в позицию помощников, попутчиков на пути поиска совместных решений, дает студентам полную свободу в этом поиске и право выбора своего решения.

Реализация концепции педагогической фасилитации предполагает выполнение следующих требований:

- учитывать естественные психологические свойства человека и его интеллекта;
- опираться на внутренние ресурсы личности, а не на принуждение;
- интенсифицировать побудительные мотивы творческого развития личности в ее стремлении к актуализации, которое К. Роджерс считает врожденным желанием «проявить себя, свои возможности с целью сохранить жизнь и сделать человека более счастливым, а его жизнь более разносторонней и удовлетворяющей его» [2].

Соблюдение данных условий способствует формированию и развитию таких качеств, как самостоятельность, познавательная

активность, направленность на овладение профессией. Они играют важную роль в становлении будущих специалистов.

Преподаватель-фасилитатор повышает эффективность обучения, прежде всего, за счет оптимизации процесса совместной работы в группах «преподаватель-студент» и «студент-студент». При этом важны формы и способы внутригруппового взаимодействия: как обучающиеся разговаривают друг с другом, как находят общее понимание проблем, как принимают решения и разрешают конфликты.

Анализ работы учителей-фасилитаторов показал, что чем выше их способность к фасилитации учения, тем более индивидуализированным и дифференцированным является их подход к учащимся. Такие преподаватели больше внимания уделяют переживаниям учащихся, чаще вступают с ними в диалоги, чаще сотрудничают с ними при планировании учебного процесса, чаще используют их мысли в своей работе, чаще улыбаются на уроках.

Анализ поведения учащихся на уроках учителей, обладающих способностью к фасилитации, показал, что по сравнению с поведением на традиционных уроках учащиеся больше говорят с учителем и между собой, более инициативны в речевом общении, задают больше вопросов, больше времени заняты решением учебных задач, обнаруживают более высокие уровни когнитивного функционирования (например, больше времени затрачивают на различные мыслительные действия и меньше на мнемические), чаще смотрят в глаза учителю. Они реже пропускают занятия, обладают более высокой самооценкой, демонстрируют более высокие академические достижения по всем учебным дисциплинам, стабильно повышают свой IQ и показатели креативности[4].

Компетентный преподаватель, обладая «фасилитативным» стилем общения, зачастую умышленно воздерживается от активного участия, но постоянно помогает участникам в процессе. Такой преподаватель нацелен на качество преподавания определенной дисциплины студентам, вовлекает каждого из них в образовательный процесс посредством возложения ответственности на самих студентов и «призывает» каждого отдельного студента подчинять свои личные умения и потребности групповым.

Для успешной реализации педагогической фасилитации на занятиях в высшем учебном заведении и повышения компетентности педагога необходимо овладеть следующими умениями:

- Задавать открытые вопросы.
- Позитивно реагировать на любой сигнал, идущий от группы, от ее участников.
- Поощрять индивидуальные высказывания участников.

- Обеспечивать ясность позиций участников в конфликтных и просто запутанных беседах.

- Стараться как можно реже говорить самому, еще реже — высказывать свое мнение или отвечать на содержательные (в отличие от организационных) вопросы. Поэтому большую часть адресуемых преподавателю реплик и суждений передавать для ответа и отреагирования студентам.

- Помогать группе делать выводы и принимать решение.

- Получать обратную связь от участников.

Данный стиль ведения занятий является важным показателем уровня компетентности преподавателя и его способности к повышению уровня компетентности студентов.

В силу последних изменений и реформ, затронувших высшее образование, педагогическая фасилитация может стать профессионально значимым качеством личности преподавателя, от которого зависит успешность овладения педагогической деятельностью, повышение продуктивности образования, развитие субъектов педагогического процесса и формирование особого стиля взаимодействия педагога с учащимися.

Библиографический список

1. <http://www.jeducation.ru/22010/31.html>.
2. Пундик, И. Я. Фасилитирующая функция педагогических технологий в деятельности преподавателя вуза [Текст] // Ярославский педагогический вестник. — 2009. — №2 (59). — С. 119 — 123.
3. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию Становление человека [Текст] / пер с англ. М. Исениной; общ. ред. И. Е. Исенина. — М.: Прогресс, 1994. — 479 с.
4. Рябков, А. М. Фасилитация в профессиональном образовании [Текст] // Педагогика. — 2008. — №1. — С. 78—82.

УДК 37.091.3

А. В. Домогатская, К. В. Михнюк

Применение современных технологий на уроках иностранного языка в высшем учебном заведении

Знание иностранного языка (а лучше нескольких) неоспоримо стало обязательным условием образованности в нашем современном информационном обществе. Неудивительно, что важнейшим требованием любого специалиста, влияющим на его

успешное профессиональное продвижение, является знание иностранных языков и информационных (компьютерных) технологий.

Мало кто станет оспаривать, что новые информационные технологии представляют собой движущую силу экономики будущего. Компьютерные системы и сети радикальным образом изменили способы доступа к информации и знаниям. Повышение уровня квалификации и компетентности в работе с передовыми технологиями необходимо не только работникам всей бизнес-сферы в целях поддержания конкурентоспособности, но и всем молодым специалистам, заинтересованным в развитии своих знаний и навыков с целью дальнейшего перспективного трудоустройства. В настоящее время информационно-коммуникационные технологии способны вносить значительный вклад в удовлетворение потребностей рынка образования [4].

Вместе с тем, основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие межкультурной компетенции студентов. Задачей преподавателей является обучение свободному ориентированию в иноязычной среде и умению адекватно реагировать в различных ситуациях. Использование информационных ресурсов Интернета на уроках иностранного языка полностью отвечает поставленным задачам.

- Электронная почта (e-mail),
- телеконференции (форумы и web-семинары),
- видеоконференции,
- возможность публикации собственной информации, создание собственной домашней странички (homepage) и размещение ее на web-сервере,

- доступ к информационным ресурсам,
- поисковые системы (Yahoo, Google, Yandex, Rambler),
- разговор в сети (Chat, ICQ)

чрезвычайно полезны для поиска нового аутентичного материала и разработки международных научных проектов. Существует мнение, что в ближайшие десять лет информационные технологии смогут заменить человека в роли преподавателя. Однако этот факт далеко не очевиден. Интернет-технологии расширяют доступность и возможности обучения, повышают интерактивность, но, несмотря на это, роль преподавателя остается приоритетной, так как для студентов учитель остается главным источником знаний. Более того, наиболее рациональное включение новых компьютерных технологий в учебно-практическую работу способствует повышению качества и совершенствованию техники преподавания.

Накопленный опыт показывает, что со стороны учащихся большинство обладает достаточными способностями использовать преимущества информационных технологий для реализации личных учебных целей. Как считает Е. С. Полат, используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс (при условии соответствующей дидактической интерпретации), более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке:

- формировать навыки и умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;
- совершенствовать умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения представленных учителем или кем-то из учащихся материалов сети;
- развивать навыки аудирования на основе аутентичных звуковых текстов Интернета;
- улучшать письменную речь, индивидуально составляя ответы иностранным друзьям и партнерам по переписке, а также участвуя в подготовке рефератов и сочинений;
- пополнять свой активный и пассивный словарный запас лексикой современного иностранного языка, отражающей определенный этап развития культуры народа, социального и политического устройства общества;
- знакомиться с культуроведческими знаниями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;
- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности учащихся на уроке на основе систематического использования "живых" материалов, обсуждения не только вопросов к текстам учебника, а "горячих" проблем, интересующих всех и каждого [1].

Использование новых информационных технологий в обучении иностранным языкам предполагает активную позицию самого обучаемого в процессе усвоения знаний. Работа студента осуществляется на основе мыслительного процесса, требующего сосредоточенности и максимального внимания, результатом которого является открытие новых знаний. В свою очередь, креативный характер учебно-познавательной деятельности способствует формированию умений самостоятельно пополнять знания, осуществлять поиск и ориентироваться в потоке информации [3]. Например, при обучении аудированию студентам можно предложить в свободное время слушать иноязычную речь на сайтах

www.live365.com или www.internet-radio.org.uk, где представлено около тысячи британских радиостанций, в эфире которых звучит не только музыка, но и новости, различные познавательные и обучающие программы.

Интернет – превосходное средство для получения информации о последних событиях в мире. Предложите студентам посетить официальный сайт BBC World Service www.bbc.co.uk – он предоставляет возможность не только прочитать, но и прослушать новости на многих языках. Сайты газет The New York Times (www.nytimes.com) или The Daily Telegraph (www.dailyle Telegraph.com.au) имеют вполне удобную для пользователя структуру ссылок. На первой же странице представлены названия наиболее важных статей на период выхода газеты в печать. Как и все издания периодической печати, web-газеты разделены на рубрики. Наиболее основные – это новости (news), стиль жизни (style), спорт (sport) и новости рынка (marketplace).

В плане овладения межкультурной компетенцией онлайн-газета является незаменимым помощником. Она позволит студентам окунуться в гущу мировых событий и увидеть происходящее практически в текущий момент с различных точек зрения. Предлагая подобные материалы учащимся в малых группах, учитель может поставить задачу отобрать подходящую для обсуждаемой проблемы информацию, согласиться с ней, принять к сведению в работе над проектом, либо, напротив, оспорить ее, либо попытаться дать нейтральное видение ситуации, основываясь на анализе информации различных новостных агентств.

World Wide Web с огромным количеством сайтов и домашних страничек, предоставляющих информацию на все вкусы, является бескрайним полем деятельности в плане использования на уроке английского языка для развития межкультурной компетенции.

www.esl.about.com – ежемесячный электронный научно-популярный журнал для учителей английского языка как иностранного. В журнале публикуются преимущественно учебно-методические материалы: планы уроков, раздаточный материал, описание интересных приемов работы, игры.

www.llt.msu.edu – электронный научный журнал, посвященный вопросам использования компьютерных технологий в преподавании иностранного языка. Журнал был создан в 1997 г., выходит три раза в год.

www.englishclub.com – сайт содержит большое количество практических материалов: упражнения по аспектам языка и видам речевой деятельности, тесты, игры, шутки, планы уроков. Здесь

представлены статьи по методике преподавания английского языка как иностранного. Некоторые материалы представлены в формате PDF, т.е. готовы к распечатке. На сайте также представлены ссылки на словари.

www.flo-joe.co.uk – сайт, посвященный подготовке к кембриджским экзаменам FCE (First Certificate in English), CAE (Certificate in Advanced English), CPE (Certificate of Proficiency in English). На данном сайте вы найдете большое разнообразие заданий, упражнений и тестов, которые можно выполнять online либо offline.

www.englishpage.com – сайт предлагает большое количество упражнений на пополнение словарного запаса, теоретический и практический материал по грамматике, игры, а также ссылки на бесплатные ресурсы: планы уроков, газеты, журналы, книги, справочные материалы, энциклопедии, библиотеки.

www.eslcafe.com – ежедневно обновляющийся сайт, отслеживающий последние события в мире английского языка. Сайт предлагает интересные и разнообразные материалы – например, рубрика «Сегодня в истории», цитаты известных людей, рубрика «Hint-of-the-Day» – каждый день новое грамматическое правило с примерами, идиомы, фразовые глаголы, а также рассказы о новых художественных и методических публикациях.

www.city.net – этот сайт делает возможным путешествие по разным странам, посещение парков, памятников и любых других достопримечательностей. Здесь можно найти все о выбранной стране – от фотографий памятников до полного отчета о природных ресурсах и искусстве на изучаемом языке.

www.britishcouncil.org, www.britishcouncil.ru – сайты Британского совета (на английском и на русском языках) предлагают новейшую информацию об изучении английского языка и возможностях обучения в Великобритании, сдаче экзаменов на получение международного сертификата.

Итак, Интернет представляет собой мощнейший источник аутентичных текстов и других материалов, дающих учащимся не только возможность улучшить свои языковые навыки и речевые умения, но и повысить их уверенность в использовании языка как средства получения и обработки информации и общения.

Но использование Интернет-ресурсов это – далеко не единственный способ повышения качества работы студентов в вузе на уроках иностранного языка. Среди новых образовательных средств, помогающих учащимся овладеть в полной мере навыками речевого и письменного общения, следует отметить использование мультимедийных технологий. Наличие на факультете компьютера

и мультимедийного проектора позволяет преподавателю и студентам подготовить и показать иллюстрированный материал в виде презентации с использованием цвета и звука, что способствует более глубокому усвоению языкового материала. Мультимедийные программы одновременно стимулируют у обучаемого сразу несколько каналов восприятия, лучше поддерживают его внимание, способствуют снижению утомляемости и обеспечивают необходимую релаксацию. В свою очередь, сочетание зрительного образа, текста и звукового ряда предоставляет большие возможности для комплексного развития навыков речевой деятельности учащегося на иностранном языке. Мультимедиа презентация – это наиболее популярный на сегодняшний день способ представления информации [2]. Используя такой проектор на своих занятиях, вы можете дать задание своим студентам подготовить презентацию по любой устной теме или на основе грамматического материала, например, подготовить и защитить групповой проект: «Сравнительная характеристика времен в английском языке: Past Simple, Past Continuous and Present Perfect». В презентации должны быть освещены следующие вопросы:

- Способ образования грамматической формы (формула) времен Past Simple, Past Continuous и Past Perfect. (вспомогательный глагол, утвердительная, отрицательная и вопросительная формы).
- Случаи употребления времен в тексте, в высказывании.
- Слова – временные указатели, которые могут помочь в определении Past Simple, Past Continuous и Past Perfect.
- Сравнительная характеристика времен Past Simple, Past Continuous и Past Perfect, отличие в изображении действия при употреблении этих времен.
- Примеры использования Past Simple, Past Continuous и Past Perfect.

Презентация может содержать текстовые материалы, фотографии, рисунки, слайд-шоу, звуковое сопровождение, видеофрагменты и анимацию, и даже трехмерную графику.

Применение этой техники работы на занятиях по английскому языку со студентами первого и второго курса исторического факультета неоднократно доказывало наличие у студентов огромного потенциала креативности и готовности их к улучшению своей межкультурной компетенции.

Библиографический список

1. Полат, Е. С. Интернет на уроках иностранного языка [Текст] // ИЯШ. – 2001. - №2. – С.14-19.

2. Сигов, А. С., Мордвинов, В. А. Мобильные информационные технологии в учебном процессе школы и вуза [Текст] // Магистр. – 2001. - №5-6.

3. Федорова, Л. М., Никитаев, С. Н. Исследовательская деятельность Совета Европы в сфере непрерывного образования [Текст] // Современные теории и методики обучения иностранным языкам / под общ. ред. Л.М. Федоровой, Т.И. Рязанцевой. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – С.97-110.

4. Федорова, О. Н. Компетентностно-деятельностный подход к обучению иностранным языкам в высшей профессиональной школе [Текст] // Языковое образование в вузе: методическое пособие для преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов. – СПб.: КАРО, 2005. – С.21-37.

Сведения об авторах

Аграфонов Петр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Архипова Любовь Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Бабуркин Сергей Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии ЯГПУ

Баранова Ирина Николаевна, ассистент филиала ЯГПУ им. К. Д. Ушинского в г. Рыбинске

Барлова Юлия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Басалова Наталья Станиславовна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Басков Виктор Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Басова Ангелина Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Бутин Алексей Андреевич, аспирант кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Валеева Наталия Ахатовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Вершинина Татьяна Сергеевна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Высочков Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета

Гуськова Ольга Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории ИВГУ

Гушель Ревекка Залмановна, старший преподаватель кафедры геометрии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Добродеев Валерий Вадимович, кандидат технических наук, доцент кафедры теологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Домогатская Анна Валентиновна, ассистент кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Дубичев Олег Валерьевич, учитель истории Иванищевской СОШ Ярославского района Ярославской области

Ермаков Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Ермолина Галина Михайловна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Зорина Елена Владимировна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Иванова Яна Геннадьевна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Ильина Мария Евгеньевна, кандидат технических наук, докторант кафедры организации производства и управления качеством РГАТА им. П. А. Соловьева

Калистратов Андрей Юрьевич, соискатель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Кищенко Михаил Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Кокурина Юлия Владимировна, - аспирантка кафедры отечественной истории

Котусенко Ксения Андреевна, аспирант кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Кочешков Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Кудрина София Альбертовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Кумсков Виктор Викторович, аспирант кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Литвинов Александр Вячеславович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Литвинова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Лихова Наталья Алексеевна, аспирантка кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Луговая Анна Владимировна, аспирантка кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Лымарев Алексей Валерьевич, аспирант кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Любарец Алексей Григорьевич, аспирант кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Лях Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Мамзелев Илья Александрович, кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Милосердова Елена Евгеньевна, ассистент кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Мирславская Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Михнюк Кира Валерьевна, ассистент кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Никитина Ирина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Никифоров Юрий Сергеевич, ассистент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Оксем Константин Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Осипова Маргарита Сергеевна, аспирантка кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Оторочкина Александра Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ЯВЗРУ ПВО (ВИ).

Пелевина Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Поликарпова Наталья Алексеевна, аспирантка кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Разумовская Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ковровской государственной технологической академии им. В. А. Дегтярева

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Соловьев Яков Сергеевич, кандидат педагогических наук, ассистент кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Таланов Сергей Львович, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Талашов Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Талызина Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Тихонов Александр Алексеевич, соискатель кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Труфанова Наталья Феликсовна, соискатель кафедры теории и методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Тумаков Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, преподаватель Ярославского автомеханического техникума

Филькин Андрей Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ЯГМА

Ходнев Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Юсупов Валентин Турсунович, ассистент кафедры теологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Лях Е. Е. Религия дописьменного человечества: проблема интерпретации.....	3
Поликарпова Н. А. Представления о смерти в эпоху ранней Римской империи: женский опыт.....	9
Бутин А. А. Сакральное время и сакральное пространство в коллективном сознании римлян эпохи ранней империи (по произведениям Корнелия Тацита).....	14
Барлова Ю. Е. Человеческое сочувствие в условиях свободного рынка? Адам Смит о бедности и социальной помощи.....	19
Иванова Я. Г. Посольство Джорджа Макартни в Китай в 1792-1794-х гг.	24
Осипова М. С. Образование детей низших классов в викторианской Англии.....	31
Калистратов А. Ю. Германские «аскари» как социальный феномен колониализма.....	36
Литвинов А. В. Национальный вопрос в императорской Эфиопии во второй половине XIX – середине XX в.	41
Ермаков А. М. Леволиберальная концепция социальной базы вульгарного нацистского антисемитизма (по материалам «Ежедневной парижской газеты»).....	47
Ермолина Г. М. Образ Германии в британской прессе 1933-1935 гг.	55
Зорина Е. В. Пропагандистское обеспечение благотворительной помощи в нацистской Германии.....	60
Вершинина Т. С. Школьное образование и конструирование образа мужчины в нацистской Германии.....	65
Тихонов А. А. «Новый лейборизм» Т. Блэра как центристский проект Лейбористской партии Великобритании.....	69
Ходнев А. С. История на рынке: российские популярные журналы по истории.....	75

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Талашов М. В. Об историческом значении миссии Адальберта в Киеве в начале 60-х гг. X в.	83
Разумовская О. В. Семейные ценности в старообрядческой морали.....	91
Высочков Л. В. «Царская педагогика» императора Николая I: воспитание и обучение детей в императорской семье.....	98
Отгорочкина А. Е. Начальное образование в сельской среде российской провинции первой половины XIX в. (на материалах губерний Верхней Волги).....	105
Сараева Е. Л. Цивилизационная ориентация России: взгляд П.Я. Чаадаева.....	115
Никифоров Ю. С. Коммуникативная культура российского историка на рубеже XIX-XX вв. (на примере представителей «русской исторической школы»).....	121
Лихова Н. А. Пища в семейной обрядности крестьян в конце XIX – начала XX в. (на примере Ярославской губернии).....	125
Архипова Л. М. «Вступительные беседы» в учебных курсах В. О. Ключевского как культурно-исторический феномен.....	128
Гушель Р. З. Ярославский педагог и общественный деятель П. Я. Морозов (1852-1911).....	134
Карандашев Г. В. Российские исследователи о проблемах преступности в России в конце XIX - начале XX в.	142
Любарец А. Г. Церковно-приходские общества трезвости в Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в.	147
Кищенко М. С. Немецкая диаспора в Ярославской губернии в начале XX в.	154
Дубичев О. В. К вопросу о составе и проблемах формирования агрономического персонала Ярославской губернии в начале XX в.	159
Кокурина Ю. В. Женский вопрос в России в середине XIX – начале XX в.: историографический аспект.....	165
Кочешков Г. Н. Н. А. Рожков и его «методика преподавания истории».....	172

Тумаков Д. В. Ярославская милиция накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	179
Литвинова О. Н. Взаимодействие партизан Брянщины и авиации в годы Великой Отечественной войны.....	187
Оксем К. В. Пропагандистский аппарат Ярославского обкома КПСС в 1946-1956 гг.	193
Аграфонов П. Г. Верхне-Волжская археологическая экспедиция и проблемы изучения древнейшего прошлого Ярославского края.....	198
Луговая А. В. Становление массовой культуры в России и за рубежом: культурологический и конкретно-исторический аспекты проблемы.....	204

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

Басков В. П. Этнический фактор в современном социально-политическом процессе.....	209
Мамзелев И. А. Региональные отделения политических партий в Ярославской области накануне выборов в Государственную Думу РФ 2011 г.	211
Лымарев А. В. Американская разведка о проблеме международного терроризма: вызовы и перспективы.....	217
Пелевина Е. А. Политическая оппозиция в России накануне выборов 2011-2012 гг.	222
Галызина Л. Н. Реформирование государственных институтов как необходимое условие модернизации страны.....	229
Таланов С. Л. Социологическое измерение делинквентного поведения несовершеннолетних в Ярославской области.....	233
Бабуркин С. А. «Война с терроризмом» и реформирование ФБР	237

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОЛОГИИ

Добродеев В. В. Духовно-нравственные причины депопуляции России.....	242
---	-----

Ильина М. Е. Качество человека как единство потребителя, руководителя и исполнителя (организационный и богословский аспекты).....	247
Филькин А. Н., Кудрина С. А. Церковь и ценности глобального мира.....	252
Юсупов В. Т. Русский высокий иконостас (история возникновения и богословский смысл).....	254

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Котусенко К. А. Истоки и эволюция концепции развивающего обучения.....	261
Архилова Л. М. Социокультурные условия включения элементов модульно-рейтинговой и дистанционной систем обучения в практику преподавания истории России на историческом факультете.....	269
Кумсков В. В. История в педагогической концепции Джона Дьюи.....	276
Труфанова Н. Ф. Воспитание гражданственности у школьников на уроках истории.....	281
Валеева Н. А., Гуськова О. А. Методические приемы развития личностных УУД на уроках истории и обществознания как средство профилактики абсентеизма в подростковой среде.....	288
Соловьев Я. С. Историко-обществоведческое образование в системе СПО: проблемы и перспективы.....	293
Баранова И. Н. Проектная деятельность как фактор социально-личностного развития студентов.....	296

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Басова А. В. К вопросу о вкладе немецких лингвистов в языкознание.....	304
Милосердова Е. Е., Никитина И. Ю. Приемы работы с оригинальным художественным видеофильмом при обучении английскому языку в вузе.....	312

Мирославская И. Н. «Мы, немцы» - к проблеме национального самовосприятия.....	318
Басалова Н. С. Педагогическая технология как способ изучения иностранного языка в системе бакалавриата.....	326
Домогатская А. В. Педагогическая фасилитация как способ повышения компетентности преподавателей и студентов.....	333
Домогатская А. В., Михнюк К. В. Применение современных технологий на уроках иностранного языка в высшем учебном заведении.....	335
Сведения об авторах.....	342

ЦЕНА

280 РУБ — КОП

Научное издание

Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии,
теологии, образования

Материалы конференции «Чтения Ушинского»
исторического факультета

Редактор Л. К. Шереметьева
Компьютерная верстка – А. М. Ермаков

Подписано в печать 20.05.11.
Формат 60х90/16
Объем 22,0 п.л. 20,4 уч.-изд.л. Тираж 100 экз. Заказ № 106

Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44